

**ВЕСТНИК
ЕВРОПЫ**

Т О М Л I I 2 0 1 9 / 2 0 2 0

**ГРЕЦИЯ
ЕЛЛАДА**

Афинские встречи. Политика. Экономика.
История. Кино. Театр. Проза и поэзия. Фотопроект:
Никос Экономопулос член Magnum Photos.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

Х Х I В Е К

Журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой, В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛИ

Виктор Ярошенко, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Владимир Мау,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Лорд Джордж Робертсон,
Сергей Синельников-Мурылев, Михаил Федотов, Евгений Ясин

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИЯ

Татьяна Щербина (редактор номера),
Станислав Артёмов (ответственный секретарь номера),
Андрей Колесников (раздел «Социум»),
Димитрис Триантафиллидис (составитель раздела «Греция — саморефлексия»),
Григорий Ярошенко (фотография и специальные проекты),
Людмила Захарова (главный бухгалтер),
Юлия Баклакова (корректор)

ФОТОПРОЕКТ НОМЕРА: Никос Экономопулос

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Андрей Медушевский, Сергей Приходько, Евгения Росинская, Яков Уринсон,
Мариэтта Чудакова, Владимир Зелинский

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Ольга Старовойтова (Санкт-Петербург),
Наталья Исаева (Париж), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим),
Димитрис Триантафиллидис (Афины)

ПАРТНЕРЫ

Журнал издается при финансовой поддержке и в сотрудничестве
с Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству
«Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».
Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.).
Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций. Регистрационный номер серия ПИ № ФС77-76068 от 19 июля 2019 г.

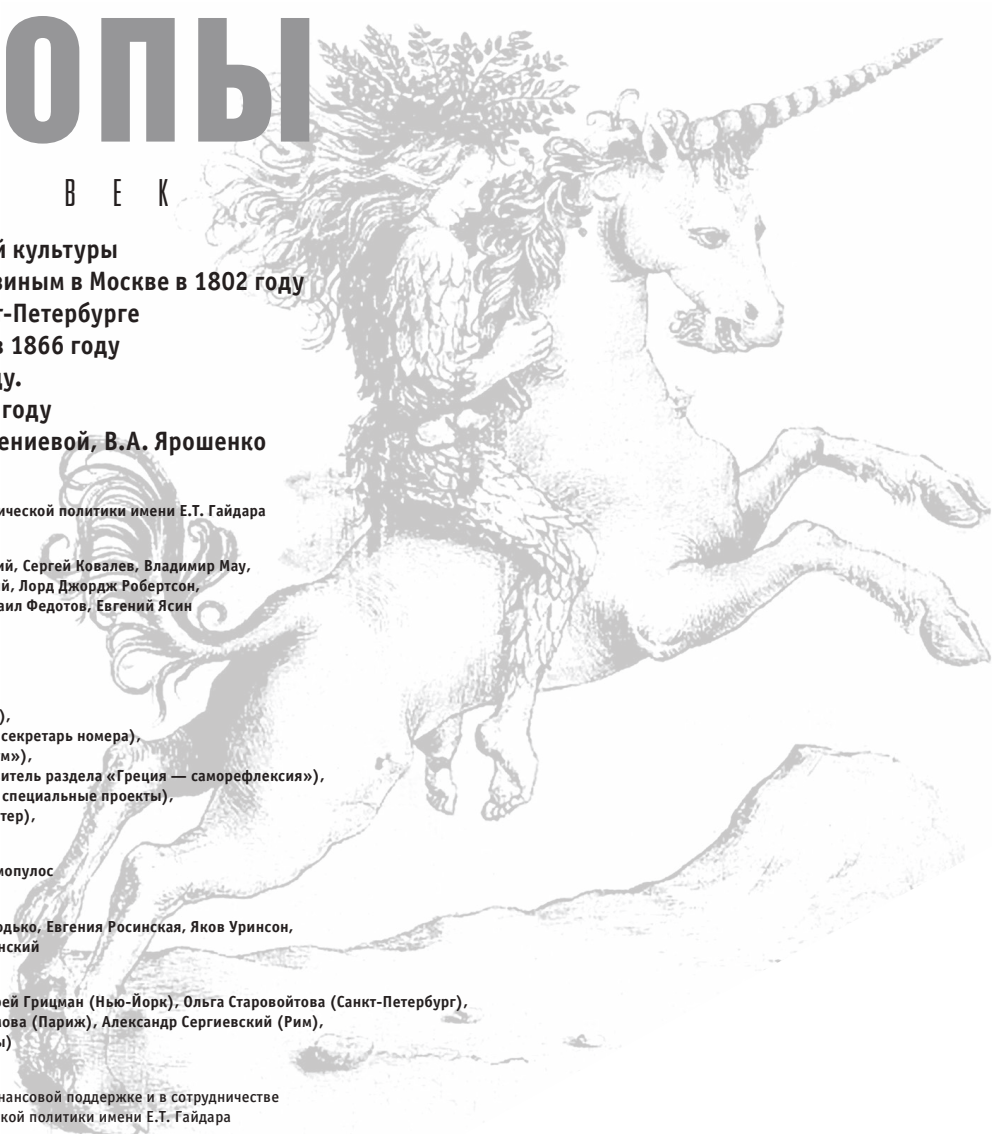
Адрес редакции: 125993 Москва, Газетный пер, д.3-5
E-mail: info@vestnik-evropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnik-evropy.ru
В «Журнальном зале» <http://magazines.gorky.media>

© «Вестник Европы XXI век»

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».
Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются
копирайтом автора. Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно
только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой
гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка
на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Том LII год 2019/2020

ГРЕЦИЯ

Специальный номер

© Фото: Лев Мелихов

4 **Татьяна Щербина.** От редактора номера

ЖИЗНЬ (ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ГАЙДАРА)

- 7 **Виктор Ярошенко.** Человек надежды
- 18 **Андрей Колесников.** «Правда» Егора Гайдара
- 25 **Василий Жарков.** Россия и новый «континентальный блок» в Евразии
- 30 **Аркадий Дубнов.** Кто движется быстрее, крот истории или якутский шаман
- 36 **Поиски и результаты.** Наследие Егора Тимуровича Гайдара. О Собрании сочинений Е.Т. Гайдара
- 44 **Егор Гайдар.** Феномен античности

artes

- 52 **Фотопроект: Никос Экономопулос**

ГРЕЦИЯ — РУССКИЙ ВЗГЛЯД

- 79 **Андрей Кузнецов-Вечеслов.** Моя страна
- 94 **Марина Вишнякова.** Параллельный мир
- 102 **Гасан Гусейнов.** Мои биографии греческих слов
- 116 **Виктор Ярошенко.** Апология Паламеда
- 124 **Татьяна Щербина.** Триптих о бесконечном прошлом и конечном будущем

ГРЕЦИЯ: САМОРЕФЛЕКСИЯ

- 129 *Афинские встречи:* предисловие В.Ярошенко
- 130 *Афинские встречи:* **Дора Бакоянни**
- 133 **Димитрис Триантафиллидис.** Потерянное десятилетие и будущее греческого общества
- 135 *Афинские встречи:* **Гиоргос Прокопакос**
- 140 **Мария Хукли.** Уходи из этого сна.
- 143 **Василис Вамвакас, Панагис Панагиотопулос.** Греция в 1980-х годах и кризис будущего
- 145 **Васо Кинди.** Высшее образование в Греции в период кризиса
- 150 *Афинские встречи:* **Нелли Папахела**
- 154 **Триантафиллос Каратрантос.** Насилие и радикализация в Греции
- 162 **Петрос Папасарантопулос.** Культурный корень греческого кризиса
- 165 *Афинские встречи:* **Танасис Валтинос**
- 169 **Константинос К. Папулидис.** Россия и Греция: непростое братство

ИСТОРИЯ

- 175 *Из истории:*
Л. Рикорд. Буря над Грецией
- 178 **Граф Иоанн Каподистрия** и историограф Николай Карамзин

греческий театр

264 **Наталья Исаева.** Тело как скульптурный объект, движущийся в пространстве

молодая русская проза

270 **Евгения Некрасова.** Сила мечты. *Рассказ*

277 **Евгений Бабушкин.** *Рассказы*

285 **Марк Марченко.** Праздник. *Рассказ*

нобелевский лауреат 2019 года

291 **Владимир Колязин.** Петер Хандке: «Не судите меня строго, я человек драмы»

живая классика

299 **Александр Гельман.** Стихи

ad memoriam

301 Памяти Вячеслава Пьецуха

ЛИТЕРАТУРА

- 183 Саффо и Алкей. *Переводы и комментарии Сергея Завьялова*
- 194 **Костас Тахцис.** Рассказы.
- 215 **Димитрис Мамалукас.** Сновидение. *Рассказ*
- 217 Современные греческие поэты. *Перевод Ольги Зондберг*
- 222 **Николас Севастакис.** Женщина на велосипеде (Дора). *Рассказ*
- 227 **Гиоргос Ксенариос.** Железо. *Рассказ*
- 229 **Ольга Медведкова.** Афины. *Рассказ*
- 233 Стихи о Греции современных русских поэтов
- 250 **Владимир Зелинский.** Я.Э. Голосовкер. Лирика Эллады

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

греческий кинематограф

- 255 **Андрей Плахов.** Между архаикой и авангардом

От редактора номера

Хочется сказать «За мной, читатель», но нет, конечно, не за мной, а за нашими прекрасными авторами, которые написали или перевели для журнала множество текстов.

Перевели — потому что номер, в большей своей части, посвящен Греции. Античной, вчерашней, сегодняшней. Помимо статей о состоянии страны, здесь есть рассказы одного из двух всемирно известных новогреческих прозаиков — Костаса Тахциса (в переводах Анны Ковалевой). Со вторым — Танасисом Валтиносом — интервью главного редактора «Вестника Европы» Виктора Ярошенко. Его же — воспоминания о своем близком друге (и соучредителе журнала) Егоре Гайдаре, которого он сравнивает с гомеровским Паламедом. Теме «10 лет без Гайдара» посвящен первый раздел этого номера. Тут же, вспоминая книгу Гайдара «Гибель Империи», — статьи Аркадия Дубнова об азиатских осколках бывшей советской империи и Василия Жаркова — об опасностях «азиатского маршрута» в уходящем от «ялтинского мира» мировом порядке. Статья Андрея Колесникова о Егоре Гайдаре как журналисте и текст самого Гайдара о древнегреческой экономике.

О греческом кино написал Андрей Плахов, о театре — Наталья Исаева, о словах — Гасан Гусейнов. Сергей Завьялов сделал новые переводы Сапфо и Алкея, объяснив, что же его на это подвигло. Французская писательница и искусствовед Ольга Медведкова перевела свой рассказ «Афины» на русский язык. Автор бизнес-бестселлеров Марина Вишнякова рассказала, почему остров Корфу, где она проводит много времени, — это «параллельный мир», а балетмейстер Андрей Кузнецов-Вечеслов проникновенно признается в своей любви к Греции.

Современные русские поэты и романисты прислали свои стихи о Греции (их оказалось так много, что в пору издать отдельной книгой, публикуем лишь небольшую часть), а Ольга Зондберг представила образцы малоизвестного в России, но внесенного в реестр «нематериального наследия» ЮНЕСКО уникального греческого жанра рембетико. Из истории приплыло к нам эссе Людмилы Рикорд, супруги адмирала Рикорда, о ее путешествии в Грецию в XIX веке.

Димитрис Триантифиллидис, журналист, переводчик и издатель журнала русской культуры на греческом «Степь», подготовил статьи и рассказы греческих авторов, а также организовал интервью с ключевыми фигурами современной Эллады.

Литература занимает в номере значительное место, и мы представляем трех молодых писателей, двое из которых — Евгения Некрасова и Евгений Бабушкин — уже «маститые», их переводят на разные языки; третий же, Марк Марченко, — совсем молодой, его рассказ — грустная фантазмагория о сегодняшней России. Еще вашему вниманию мы предлагаем мудрые стихи нашего патриарха, драматурга, а в последние десять лет — поэта, Александра Гельмана, а также большую статью Владимира Колязина о новом нобелевском лауреате по литературе Петере Хандке. Ну и в.п.с. представляет свой триптих о бесконечном прошлом и конечном будущем.

«Вестник Европы» выходит теперь с новым издателем, Институтом Гайдара, и с обновленной редакцией. Мы предполагаем выпускать четыре номера в год, где будет политика, экономика, культура и литература. Этот номер — уже 52-й.

Татьяна Щербина

ЧЕЛОВЕК НАДЕЖДЫ

Виктор ЯРОШЕНКО

*Гайдар для меня — больше чем Гайдар.
Это мечта о том, что могло бы быть,
но не случилось.*

(Возглас из Интернета 16 декабря 2009 г.)

Десять лет — большой срок. За десять лет вырастают дети, меняются лица — и это становится очевидно, когда рассматриваешь старые фотографии. Егор умер в пятьдесят три. Последние годы проживал стремительно: год — за пять. И это видно на снимках, которые тогда еще были реальными *отпечатками*, а не свечением на экранах смартфонов.

Из неотправленного письма. 2019 г.

Ты любил «Письма римскому другу» Иосифа Бродского, подхватывал с любой строки, вставлял в интервью: «ворюги мне милей чем кровопийцы». Сколько накопилось вопросов: «Что в столице? Мягко ль стелют? Спать не жестко? Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги? Как там в Ливии, мой Постум, или где там? Неужели до сих пор еще воюем?»

Столько «событий чуждых» (и ужасных) произошло за эти годы Егор. Я попытался собрать для тебя в краткую справку самые важные события из Интернета: набралось страниц десять (страница — на год): выборы, отставки, протесты, процессы, посадки, референдумы, казни, катастрофы, войны, теракты, триумфы технологий (впрочем, ничего особенного, бессмертия и телепортации еще не изобрели). Из значимого — только 2014 год: все, что связано с Украиной и что неизбежно по-

следовало потом. Ты предполагал, что такое может случиться, вот оно и случилось. Помню, ты как-то сказал, еще в девяностые, после очередной встречи с экономистами Украины: как повезло, что проблемы Крыма и Донбасса достались не нам.

А так у нас тут все по-прежнему, никаких больших новостей.

* * *

Мы дружили с июня 1987 года, когда Отто Рудольфович Лацис, а следом и Егор предложили мне работу спецкора экономического отдела журнала «Коммунист», в котором незадолго до того Гайдар стал заведомом.

Перестройку «Коммуниста» затеял, получив мандат от Горбачева и став главным редактором, Иван Тимофеевич Фролов. Своим заместителем Фролов назначил опального экономического журналиста Отто Лациса. Затем Горбачев вскоре забрал Фролова в ЦК своим помощником; на его место из ЦК в журнал «Коммунист» был откомандирован Наиль Бариевич Биккенин, опытный «идеологический работник».

Об этом Лацис написал в своей книге «Тщательно спланированное самоубийство»:

«Мне досталось курировать экономический отдел. <...>довольно долго я не мог найти человека

на отдел. Поскольку журнал считался не только политическим, но и теоретическим, требовался человек со специальным образованием и по возможности — с научными регалиями, хотя бы кандидат экономических наук<...> и в то же время требовался журналист, редактор, ведь работа в журнале — прежде всего литературная. Человека с такой квалификацией найти нелегко.

Как-то я пожаловался на свою кадровую задачу университетскому товарищу...

— А ты возьми Гайдара, — сказал он.

— Какого Гайдара?

— Егора. Он работает в отделе у Стаса Шаталина.

Тут вспомнил я нашу с Леном [Карпинским] и Тимуром конспиративную встречу на даче Гайдара в Дунине и улыбчивого мальчика, с которым меня познакомил Тимур. Девятнадцать лет прошло. Мальчик окончил школу и экономический факультет университета и уже девять лет работает в науке. Кандидат экономических наук, готовится защищать докторскую. Работает у академика Шаталина. Лучшей рекомендации мне и не требовалось. Можно не сомневаться, что он хороший экономист. А журналист? Неизвестно; журналистом он никогда не был, но замечательные писатели: два деда и, как позже я узнал, тесть [Аркадий Стругацкий], журналист — отец. Не может быть, чтобы от литературной атмосферы семьи Егор ничего не получил. Я решил понадеяться на семью — и не ошибся. Егор сразу стал выступать в «Коммунисте» как зрелый журналист. Для журнала, однако, важнее было, что он быстро собрал сильную команду молодых сотрудников и авторов. Никто не знал тогда, что по коридорам редакции ходит добрая половина будущей «команды Гайдара» в правительстве России. Стас Шаталин при встрече сказал мне:

— Бандит, ты лучшего сотрудника у меня забрал. Но я решил тебя простить, потому что развернуть «Коммунист» в мирных целях — дело святое» (с. 190).

* * *

Я проработал в «гайдаровском отделе» недолго, чуть больше года. Отдел сдружился, я бы работал там и дальше, но меня сманил С. П. Залыгин,

предложивший самостоятельный и очень важный «фронт работы» — заведовать отделом публицистики самого авторитетного тогда в стране журнала — «Новый мир». Эта работа казалась пределом моих мечтаний. Тираж его приближался к трем миллионам, «Новый мир» делал имена каждым своим номером. Отдел публицистики был стратегически важной позицией. Друзья поняли меня и отпустили без обид. За недолгое время работы в «Коммунисте» я напечатал несколько материалов, в том числе статью «Нулевой цикл», написанную вместе с Гайдаром. Писали мы ее у меня дома, сочинили в основном за два дня. Название «Нулевой цикл» — из профессионального языка строителей, по смыслу переключавшееся незадолго до того опубликованной повести Андрея Платонова «Котлован». Забавно, что так она всем и запомнилась. Даже профи Отто Лацис написал: «В своих собственных статьях в журнале Гайдар прекрасно показал состояние советской экономики. Заголовок одной из его статей был намеренным повтором названия романа Андрея Платонова «Котлован». То, что в общепринятой к тому времени пропагандистской формуле обозначалось как затратная экономика, становилось особенно наглядным в образе котлована, безвозвратно поглощавшего несметные богатства страны и труд миллионов людей».

На время мы разошлись по разным изданиям: я — в «Новый мир», а Егора очень скоро уговорили возглавить экономический отдел газеты «Правда», где много лет военным корреспондентом был его отец — Тимур Аркадьевич, человек отчаянной смелости. И Егор был такой. Однако победить «правдивых» старой закалки ему оказалось не по зубам. Они и сейчас, через столько лет, имени его слышать не могут.

Отцу, Тимур Аркадьевичу, он представил нас, своих новых сотрудников (Николая Дмитриевича Головнина и меня), поздней осенью 1987 года. Ходили мы в кафе НИЛ («Наука и литература») на ул. Чайнова (тогда еще 5-я Тверская-Ямская). Я живу теперь поблизости и каждый день, проходя мимо «Кофе Хаус» (теперь уже «Шоколадница»), вспоминаю этот клуб писателей и ученых, который там недолго, но ярко просуществовал. Ти-

мур Аркадьевич отнёсся к нам благосклонно, а потом и дружески. Он очень беспокоился за будущее страны и за будущее Егора, политическое и научное. Отец много значил для Егора. Они были внутренне очень близки.

В марте 1993 года мы были как-то на квартире Тимура Аркадьевича и Ариадны Павловны (еще в их просторной квартире с кабинетом, пока они не сменили квартиру на меньшую, в пользу внуков). Ариадна Павловна угощала уральскими пельменями; потом мы все пошли на многолюдный митинг на Васильевском спуске, где перед референдумом «да-да-нет-да» выступал Егор. После митинга шли втроем (и один охранник за нами) по Никольской. Навстречу, запрудив всю улицу, — черная толпа. В тот день одновременно митинговали сторонники и противники реформ, напряжение накапливалось месяц за месяцем, чтобы разразиться насилием на майские праздники и страшными событиями октября. Я сжался — чья толпа? Если враждебная, а в те дни перпендикулярные политические силы митинговали по соседству, могли и растоптать. Тимур в черной адмиральской шинели невозмутимо шагал рядом с сыном. Егор внешне тоже был спокоен, только губы сжал. Приободрились и мы. Толпа оказалась дружественная, многие просили автографы у Егора.

Когда в декабре 1999 года Тимур Аркадьевич умер, мы прощались с ним в ритуальном зале ЦКБ (а через десять лет там же прощались уже с Егором). Тогда, в 99-м, Егор попросил меня вести эту печальную церемонию. Над телом Егора через десять лет ее вели Владимир Мау и Николай Сванидзе. У меня сохранилась аудиозапись того прощания. Плохая, но разобрать слова можно.

ПРОЩАНИЕ С ЕГОРОМ ГАЙДАРОМ

День морозный и солнечный. Тысячи людей стоят длинной вереницей на морозе. В 12 часов начался допуск народа к прощанию. Среди приехавших раньше — родные, друзья семьи, сотрудники Института и Академии. Полно репортеров. Я прошел вдоль очереди, она уходила далеко на Рублев-

ку. Траурную церемонию вели Владимир Мау и Николай Сванидзе.

— Егор до самого последнего дня оставался абсолютным моральным авторитетом... никто не знает, сколько разумных решений было принято благодаря Егору, и сколько неразумных было не принято, — говорил *Анатолий Чубайс*. — И продолжал: «Я подумал о том, что вообще все это наше странное безымянное поколение “семидесятников–восьмидесятников», даже названия у него нет, но оно благодаря Егору уже оправдало себя... Историки будут оценивать, что было сделано нашим поколением, по тому, что было сделано им... Я подумал о том, что наша интеллигенция, которая вынесла на своих плечах так много, которая, по сути дела, стала мотором всей антикоммунистической мирной «революции» восьмидесятых и потом потерялась в девяностые, сейчас — именно в Егоре — получила смысл, получила свое оправдание...»

Евгений Григорьевич Ясин:

— Так случилось, что я наблюдал последние годы этой системы вблизи к источникам власти, и было явное ощущение: они не знают, что делать, и решаются не делать ничего. Но потом... нашелся Гайдар — человек, который взял на себя колоссальный груз ответственности... Неоценима роль людей, которые берут на себя ответственность в самые решительные моменты... — ответственность перед страной, и не только перед страной — перед всем миром... Мир с той Россией и со «страной Гайдара» — это разные миры... Для меня Гайдар воплощает лучшие качества, которые называются «Великий Человек».

Наина Иосифовна Ельцина (говорит очень тихо):

— Он был необыкновенный человек... Таких просто не бывает... Борис Николаевич гордился, что на пост премьер-министра он выбрал Егора Тимуровича... Они абсолютно разные по темпераменту... и по возрасту... Но, наверное, Егор Тимурович заразил Бориса Николаевича своим удивительным спокойствием в решении вопросов, своей четкой позицией в решении проблем парализованной экономики. Начал он все эти свои пре-

образования в самое тяжелейшее время... Народ очень болезненно все это воспринимал, и Егор Тимурович знал, что ему вряд ли скажут «спасибо» большинство людей, но он твердо и уверенно проводил все это в жизнь... Обидно, что в эти тяжелые минуты ему не воздается должное за то, что он сделал для страны и для всех нас...

Алексей Кудрин вспоминал:

— Еще до нашего личного знакомства, когда уже бушевала «перестройка», вдруг в журнале «Коммунист» появляется несколько статей Егора. Они были глубокими по системному осмыслению, какому-то новому взгляду. Это был период революции, которая уже началась в умах, в экономической мысли... Мы не были в том момент знакомы... но с тех первых статей в «Коммунисте» Егор Тимурович стал для меня человеком номер один, будь то в экономической мысли, будь то в новом демократическом движении... Последние годы он деликатно стоял в тени, в то время как многие из наших друзей в правительстве общались с ним и пользовались тем, что он готов был приносить свой профессионализм и ставить его на службу и этому правительству... Наверное, надо отметить еще одно его качество, необычное для ученого, человека таких смелых демократических взглядов... — Егор Гайдар был уникальный прагматик. Все... что он делал, он просчитывал до мелочей и понимал. Знание истории, профессионализм и чутье — поэтому это работало.

Ярослав Кузьминов:

— ...Все собравшиеся здесь понимают, что историческая память о человеке, которого мы сегодня провожаем, переживет всех нас... Память о человеке, совершенно сознательно принявший на себя тяжелое бремя выбора, на который не могли пойти многие талантливые его современники. Егор — это человек, совершивший выбор на «переломе». Мы сегодня пользуемся плодами этого выбора, а он все те годы, которые жил после этого, нес на себе недовольство народа. Народ, как и царь, не любит вестников, глашатаев, которые уверяют, что дело плохо... Егор считал, что народ должен управлять сам собой, и что народу надо говорить правду...

* * *

В октябре 1992 года Егор Гайдар пригласил меня полететь с ним в Бишкек на саммит. В октябре 1992 года Егор пригласил меня полететь с ним в Бишкек на саммит СНГ. Был там и Президент Ельцин, который после заседаний саммита неожиданно отправил Гайдара в Душанбе, где шла гражданская война. Чтобы борт мог сесть в Душанбе, Президент отдал свой самолет. Никогда не забуду, как с ельцинского самолета бежали чиновники. Нас в президентском самолете осталось всего семь человек: Гайдар, начальник гайдаровского секретариата Николай Головин, руководитель «Росхлебпродукта» Леонид Чешинский, министр по делам СНГ Владимир Машиц, два офицера службы охраны президента и я.

Столица Таджикистана находилась в руках разных сил, которые нас встречали. Каждая делегация — со своими пулеметами. Отвезли нас на правительственную дачу, которую я помнил еще по советским временам. Под всеми окнами поставили автоматчиков. Наутро начались переговоры с участием таджикских враждующих сторон и России.

А потом мы с Гайдаром летали на военном вертолете над горящим Кулябом, над истекающей кровью прекрасной страной — Таджикистаном. Я знал ее мирной, изъездил ее вдоль и поперек, работая над фотокнигой «Памир» со своим коллегой — фотожурналистом Александром Гаврилюком (ныне покойным). Приземлились мы в зоне Московского погранотряда. Наши пограничники находились в осаде, со всех сторон у них были враги. Все коммуникации были прерваны.

Потом я писал, что так и не понял, зачем Ельцин послал Гайдара в воюющий Душанбе, зачем было так рисковать жизнью премьера. Какое-то время спустя Егор Гайдар, прочитав мой текст, сказал мне: «Ты не мог знать, что это я сам просил Ельцина послать меня туда, чтоб разобраться на месте. Я тогда принял довольно трудное решение. Мы тогда выбрали сторону. Возможно, это было неправильное решение, но гражданская война там быстро закончилась».

* * *

Вместе с Гайдаром в 1994 году мы основали журнал «Открытая политика» (статье его учредителями мы пригласили еще Сергея Адамовича Ковалева и Алексея Улюкаева, близкого нашего товарища). В те годы я был членом исполкома (затем — политсовета) партии «Демократический выбор России» (ДВР) и даже секретарем по информационной политике (в прежние времена это называлось бы «по агитации и пропаганде»). Отвечал за избирательную кампанию ДВР 1995 года. Тогда партия, выступавшая на митингах против чеченской войны, раскололась изнутри, и в политсовете тоже (Благоволин, Бойко, Игнатьев и многие другие нас не поддержали). С Егором тогда мы встречались чуть ли не каждый день. В Госдуме партия «ДВР — объединенные демократы» на тех выборах не прошла. Утром позвонил Егор, сказал, что его уже поздравил Черномырдин, но потом голоса пересчитали снова, и либеральная антивоенная партия оказалась за бортом.

* * *

На протяжении многих дней после кончины Егора Гайдара я записывал в тетрадь воспоминания, которые постоянно возникали в моей памяти, старался зафиксировать их...

24 декабря. 2009 г. Девятый день после смерти Егора

Мне выпала честь издавать многие его книги. В издательстве «Евразия» впервые опубликовали «Государство и эволюцию», поставив на обложку так нравившуюся ему картину Казимира Малевича; затем была издана книга «Аномалии экономического роста» (очень любимая его женой Машей, которой он посвятил свою работу). Этот двухтомник, в строгом академическом оформлении Сергея Стулова, представили в Доме журналистов. Иногда случалось так, что одна книга еще не закончена, но уже зарождалась другая, выталкивая предыдущую на край стола, но никогда не вытесняя полностью. Книга «Долгое время», как он написал в предисловии, должно было составить два (как минимум, а то и все три) тома. Не составила. Не знаю,

но думаю, что в его кабинете и у сотрудников должно быть много наработок для второго тома. По-настоящему и широко Егор Гайдар так и не прочитан. На Западе вообще мало кто его читал¹. Там публикуют мемуары зарубежных советников: мол, это исключительно по их подсказкам Гайдар старательно все исполнял. Укоряли: *недопонял, недооценил, поторопился...* А то Егор не знал. Советы давать и решения принимать со всей страшной силой исторической ответственности — разная работа.

Он ушел внезапно, не попрощавшись. Теперь книги его надо перечитывать и искать в них то, что адресовано в будущее. Егор писал свои книги для тех, кто когда-нибудь все-таки попытается его понять. Зачем-то же он торопился писать их? Одну за другой...

28 декабря. 13-й день.

Говорим про Егора. Про то, что надо собрать и перечитать его книги внимательно и вдумчиво, как письма, чтобы вычленил самое главное сообщение оставшимся. И про то, что вокруг его наследия обязательно будет борьба интерпретаций. И что нужно задать правильный тон этим интерпретациям и что должны сделать мы. Постоянно — о чем бы ни заговорили, — разговор непременно соскальзывает на Егора и абсолютную невосполнимость потери, огромность которой только нарастает с каждым днем.

После отравления в колледже под Дублином 30 ноября 2006 года, необратимо сломавшего его здоровье, он много думал о смерти и даже говорил о ней иногда со мной. Да, наверное, и не только со мной. Например, когда речь заходила о пятилетнем сроке до чего-нибудь (Олимпиады, скажем), он мечтательно тянул: «Пять лет — это о-о-очень... о-о-очень много...» Ему не оставалось и года. Он чувствовал, что времени мало, и спешил. Спешил работать, ездить, пытаться объяснить другим (людям, решающим судьбы человечества) что-то очень важное про этот мир, про который он уже многое понимал. В одном из последних наших разговоров в октябре 2009 года в китайском ресторане на Кутузовском, Егор сказал: «Хо-

чу похвастаться, мне, кажется, удалось остановить американское размещение в Европе». Больше года он потратил на это, с кем только не встречался в американских и европейских верхах, кого только не убеждал! Он занимался судьбами мира в крупном масштабе. Непрерывно мотался по всему свету, выслушивая, убеждая, согласовывая множество интересов. Он был классный оператор. Читал вороха всяких секретных бумаг про весьма деликатные операции и обстоятельства и набирал себе врагов по всему миру. Как-то я спросил Егора, а согласовывает ли он с нашим правительством свои действия? «Разумеется, — улыбнулся он, — иначе это выглядело бы довольно странно...»

30 декабря. Пятнадцатый день

«Долгое время» Гайдар писал кусками, долго, много лет, а материал набирал еще дольше. Эта книга — из тех «долгоиграющих», которые пишутся всю жизнь. Он и собирался возвращаться к ней, продолжить. Идеи, структуру и название обсуждал с некоторыми людьми (они названы в предисловии; со мной — в том числе), поскольку, пока книга писалась, многие ее главы мы публиковали отдельными статьями в «Вестнике Европы» — нашем с ним детище. Но про творческую лабораторию Егора по-настоящему знает только жена Маша. Ей он читал, ей посвящал все свои работы, с ней обсуждал главы, куда они дальше его должны привести. «Сила и плотность текста» у него были необычайные: это сразу было замечено, когда он стал давать в «Коммунисте» свои годовые обзорные статьи. К «Государству и эволюции» он пришел, уже расписавшись. Неповторимое своеобразие, скорее, устной речи, и подспудная эмоциональная окрашенность, казалось бы, сухого профессионального языка обратили внимание на его журналистику уже в период «Коммуниста». Гайдар написал «Государство и эволюция» (Евразия, 1995 г.) в сентябре 94-го, написал быстро, как бы «в один присест». Быстро — потому что наработки у него были, а еще была настоятельная внутренняя необходимость объяснить самому себе — и обществу, что же произошло.

2 января 2010г. Восемнадцатый день

Вчера было первое января, день моего рождения. Прежние годы Егор с Машей приезжали к нам — в Тушино или «в маленькую квартирку на метро «Аэропорт» (например, 1-го января 1992-го — накануне отпуска цен, о чем он вспоминал в «Днях поражений и побед»).

В свое время (через ныне покойную Ирину Алексеевну Иловойскую, главного редактора почтенной тогда парижской газеты «Русская мысль», дружившую с папой Иоанном Павлом II) я помогал устраивать встречу Егора с понтификом. (Прежде чем умерла Ирина Алексеевна, а следом — Иоанн Павел II, этот канал был использован дважды). Егор приехал тогда ко мне прямо из аэропорта «Шереметьево», рассказывал о беседах с папой, о надежде римского папы на европейский выбор пути России. Мы тогда еще последний номер «Открытой политики» (1999 г.) выпустили с этими словами на обложке: «Европейский выбор России». Второй раз они встречались с римским первосвященником, когда делегация русских демократов (Гайдар, Борис Федоров и Борис Немцов) из Белграда отправились в Рим, и нужно было как-то политически обосновать эту их не самую удачную поездку, направленную против бомбардировок Югославии. Тогда Егор позвонил мне из Белграда с вопросом: могу ли я назавтра устроить встречу с Иоанном Павлом II? Я внутренне засмеялся, но ответил, что попробую. Иловойская за день сумела договориться об этой встрече.

7 января 2010 г. Двадцать третий день

Рождество. Наш холм засыпан снегом, в садике, весь в снегу, стоит снеговик (я слепил, а Таня принесла большие маслины — глаза, морковку красную — нос и алую ленточку — рот). Конечно, как всякий день, говорили о Егоре. С вечера читал «Вторую книгу» Н.Я. Мандельштам. Наткнулся у нее на рассуждение про понятие «Мы»: «Настоящее «Мы» незыблемо, непререкаемо и постоянно. Его нельзя разбить, растащить на части, уничтожить. Оно остается неприкосновенным и целостным, даже когда люди, называвшие себя этим словом, лежат в могилах».

12 января. Двадцать седьмой день

Во время полета читаю «Лекции» Йохана Хёйзинга. Актуально о чувстве истории; о разнице между историей и исторической беллетристикой, о патриотизме и национализме. (Лекция в Лейдене, в 1940 г.) Вот пассаж из Хёйзинга: «... знать историю не означает (разве что крайне редко) уметь вскрывать причинно-следственные связи. Знать историю — значит понимать взаимосвязанное целое. Это взаимосвязанное целое никогда не бывает замкнутым, т.е. его следует представлять не в образе «цепи», состоящей из звеньев, а в образе вязанки хвороста, перехваченной веревкой, в которую, насколько позволяет веревка, можно добавлять новые прутья». Егору бы понравилось.

15 января. 30-й день

Вчера было 14-е — похороны Егора (погребение урны с прахом). Зеленый такой сосуд. Новодевичье кладбище. Семья, друзья, соратники, секретариат, помощники. Выстроили нас в процессию, побрели. Вечером собрались снова. Говорили про Егора. Про его особый статус в политике и экспертной среде. Особый моральный статус, который все ощущали, который создавал высокий уровень доверия и потому позволил ему стать одним из уникальных переговорщиков-посредников. Он мог встретиться с любым человеком в мире и передать доверительно, с разумным и аналитичным комментарием то, что можно сказать только с глаза на глаз. И потом — в обратную сторону. И не раз. И не в одну сторону. Это, конечно, была его роль. Он сам себе нашел ее. Или она его нашла. Он не только генерировал важные идеи, но имел возможность доносить их до тех, кто *решает*. Егора любили югославские демократы, но ему доверяли и югославские коммунисты. И кубинские коммунисты, и кубинские эмигранты. Много раз он бывал в Китае, с огромным интересом изучал эту великую страну, ее культуру, историю, литературу, внимательно следил за статистикой (весьма сомнительной), экономическими данными. Впрочем, имея советский опыт, он вводил свои коэффициенты; всякий раз, приезжая оттуда, увлеченно рассказывал об успехах китайцев. Но он совершенно не видел

для России китайского пути: не та уже социальная структура страны, нет резерва в деревне; опоздали на пятьдесят лет. И потом, как он спросил однажды публично, когда его очередной раз призывали использовать китайский опыт: «А где вы возьмете столько китайцев?»

Рассказывал, что, уезжая из Китая, всякий раз думал: надо же как-то поделиться впечатлениями, а как дать совет, если его не просят? Улыбаясь, рассказывал, что полночи накануне отъезда громко и отчетливо, как диктовал, рассказывал жене, что он считает необходимым сделать в Китае в первую, вторую и третью очередь. Маша внимательно слушала, она всегда была его главный слушатель. Ей он посвятил свою блестящую работу «Аномалии экономического роста», помню, мы обмывали эту книгу еще на Осенней, и он зачитывал из нее кусочки. А Машины глаза сияли.

Через несколько лет Егора приглашали опять. Он восхищался древностью и непрерывностью китайской цивилизации. Поэтому его советы, его мнение, его личная дипломатия в Китае воспринимались весьма уважительно. Тут надо принять к сведению его личность: человек совершенно бесхитростный, Егор мог не говорить ВСЮ ПРАВДУ, но неправды он не говорил никогда. Он был дружелюбен, довольно конструктивен, всегда способен понять и принять позицию и аргументы партнера, он искал решения, не давил на свою правоту и всегда был готов оставить другим лавры миротворца. Идеальная кандидатура. В силу специфики такой деятельности, полагаю, она не может быть публичной и никогда не станет полностью нам известна.

20 января. 35-й день

Читал вчера на ночь его «Долгое время». Про разное время разных цивилизаций и стран; про отставание от стран-лидеров на поколение, на два, три, пять, на столетие. Про особые условия, которые только и создают предпосылки устойчивого роста, но об этом с годами Егор говорил все осторожнее. Весьма трезвое, строго профессиональное, но безоценочное описание роста тоталитарных режимов Германии, сталинского СССР.

Как из далекого будущего на недавнюю, неостывшую еще, горячую историю смотрит он.

22 января. 38-й день

...Продолжал думать про эту книгу, над которой он работал столь увлеченно, как ни над какой другой. Мы публиковали в журнале одну за другой выходившие из-под его пера статьи, ставшие главами книги. Егор не собирался осуждать тоталитаризм. Напротив, он (через цитирование) говорит, что, вероятно, изоляционизм и импортозамещающие стратегии были не просто волюнтаристски выбраны авторитарными и тоталитарными режимами, но, возможно, к этому выбору их подтолкнули реалии мирового окружения, волна протекционизма, захлестнувшая мир. Разумеется, все это имеет прямое отношение к современности, книга-то у него остроактуальная, настоящий учебник для управления Россией. И все больше и больше Егор приходил к печальному выводу стоика, что многое, если не всё, определяется культурой, сложившимися институтами, особым путем каждой страны, ее детством.

Чем больше Гайдар внедрялся в тонкости международной исторической статистики (которая, конечно же, условна и произвольна, основана на предубеждениях, построена на оценках, скреплена методологическими скрепами), тем больше и больше признавал неэкономическую, а может, и иррациональную первопричину экономических процессов — взлётов, падений, кризисов, катастроф стран, империй, цивилизаций. Все больше видел оснований в экономике в социологии, культуре и демографических процессах. В поисках аргументов он обращался — и не боялся заблудиться — к истокам, к неолитической революции, спускаясь во мрак предыстории, в пещеры раннего детства человечества, к Древнему Египту, Между-речью, Греции, Риму, Китаю, к зарождению первых аграрных цивилизаций. Именно в них ищет Гайдар универсальную ФОРМУЛУ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА. Его исторический стоицизм, несмотря на всемирный контекст, которым полна эта книга, по своей ментальной сути — очень русский. Очень напряженный по поиску ответа, который, возмож-

но, вовсе и не присутствует в этом наборе фактов, тезисов и обобщений. Егор собирался написать об этих поисках несколько томов, может быть, в них мельком появился бы Бог (или тени богов)... Во всяком случае, самые разные книги о праистории, о структурной и исторической лингвистике, исторической антропологии он поглощал с жадностью. Думал я про все это на улице, с сумками в руках.

24 января. 40-й день

В девятый и в сороковой день православные христиане поминают своих близких, идут на свежее могилы, чтобы проститься с ними. Егор Гайдар не верил в вечную жизнь и не чаял воскресения мертвых, хотя панихиду по нему о. Александр отслужил, признав его, безусловно, человеком праведным.

Мы редко говорили про его философию. Однажды в Якутии в районном клубе на вопрос «Верите ли вы в Бога?» Егор, чуть запнувшись, сказал: «я — агностик». В клуб мы попали после долгого пути через стойбища оленеводов, после закусывания спирта строганиной, сырыми оленьими кишками; мы с моим другом Николаем Дмитриевичем Головинным, начальником его секретариата, короче, не были совершенно трезвыми. Сидели в первом ряду, и Коля довольно громко спросил у своего босса из нашего первого ряда: «А что, это секта такая?» Егор посмотрел на нас недовольно и ответил через паузу: философское учение. Зал уважительно зашумел. Недавно я даже нашел аудиокассету с этой записью — всё документально подтверждается. Потом мы долго шутили по этому поводу. И даже от кого-то сочинитель скетчей Михаил Задорнов услышал об этом и стал рассказывать. Однажды Егор спросил меня, зачем я поведал эту историю Задорнову, жившему с ним тогда в одном доме на Осенней улице. Я удивился, сказал, что с Задорновым даже незнаком, а просто байка пошла гулять по свету, стала жить своей жизнью.

В Интернете есть статья Бертрانا Рассела «Кто такой агностик?» Там его телеинтервью 1953 года (интернет-журнал «Скепсис» www.sceptis.ru)

Не знаю, читал ли его Егор. А вот книгу Б. Рассела «История западной философии» он, конечно же, читал.

Вопрос: Кто такой агностик?

Ответ: Агностик считает невозможным познать истину в вопросах существования Бога или вечной жизни, с которыми связано христианство и прочие религии. Или, если это и не невозможно вообще, то, по крайней мере, не представляется возможным в настоящее время.

А вот и еще вопрос Расселу: «Верит ли агностик в жизнь после смерти? В рай и ад?»

(Егор в это тоже не верил, веры не просил, и совершенно однозначно предпочитал кремацию погребению. Прах отца своего он развеял с вертолета, повинувшись его воле. И его мама, Ариадна Павловна, для своего сына хотела поступить так, но друзья и соратники настояли на Новодевичьем, за которое им пришлось побороться с Лужковым, а в хлопотах за место на кладбище дойти аж до Путина).

А вот ответ Рассела на вопрос: «В чем для агностика смысл жизни?»: «Я полагаю, что подразумевается некая общая цель. Мне не кажется, что жизнь, в общем, имеет какую-то цель. Она просто *происходит*. Но у каждого конкретного человека есть своя цель, и в агностицизме нет ничего такого, что заставило бы людей от этих целей отказаться... Человек, нуждающийся в религии для поддержания собственных стремлений — это человек робкий, и я не могу поставить его на одну ступень с человеком, который решается на что-то, хотя и допускает при этом возможность поражения» (перевод Марии Десятовой).

Очень похоже на кредо Егора, как я его понимаю. Возможность поражения он вполне допускал. Но никак не считал, что это *оправдывает бездействие*. Один раз, в 96-м или 97-м году, был загородный выезд политсовета ДВР в пансионат «Голицыно»; там мы заполняли всякие вопросники, Егор на вопрос о своей мотивации написал: *«работают, чтобы мои дети и внуки жили в нормальной стране, за которую им не было бы стыдно»*.

А в самом деле: что он вкладывал в слова «я — агностик»? Можно ли это реконструировать из его текстов или интервью? Он был экономист,

прошедший серьезную марксистскую муштру, университетскую шлифовку; преодолевающий свои марксистские основания. «Философски вышколенный ум» — это сказано не про него. Разумеется, ум у него был *вышколенный*, экономически. И он уж никак не постмодернист: верил в прогресс, даже не верил, а считал доказанным наличие прогресса (растущая продолжительность человеческой жизни, ее насыщенность, гуманизация, уменьшение насилия, комфортность, плотность и надежность коммуникаций, увеличение счастья — вполне экономическое понятие). Многое из его действий, думаю, объясняется романтическим, а в поздние годы трагически окрашенным творчеством братьев Стругацких, влиянием его тестя Аркадия Натановича Стругацкого. Такой дон Румата. Прогрессор, во что бы то ни стало.

* * *

Егор Гайдар, в жизни человек очень строгой морали, до щепетильности честный в человеческих отношениях и своих высказываниях, в своей научной деятельности этику как важный фактор в рассмотрении не включал. Даже приступив к монументальному описанию мировой экономической и политико-социальной истории, «всеобщей истории всего», как в шутку называли «Долгое время» его близкие друзья, он избегал использования нравственных категорий и моральных оценок. Кровавые пертурбации революций — английской, французской, русской — он описывает с холодком летописца, «без гнева и пристрастия», только приводя факты, аргументы и свидетельства. Однако, подразумевая, что кровь, голод, диктатура, террор, расправы без суда и следствия, казни — это однозначно плохо, это абсолютное зло. Система его ценностей выстраивается сама собою, как писал А. Швейцер, из «мистики этического слияния с бытием».

* * *

Предпринимая реформы, которые вели к огромным и необратимым социальным потрясениям, Егор Тимурович Гайдар, конечно, взвешивал их этический компонент. Это не было экспериментом «над живым телом народа», как писали его недру-

ги. Он проводил необходимые действия в стремлении не допустить социальной и государственной катастрофы. Спасти страну. Его оппоненты и сейчас бьют именно на это, доказывая, что ничего катастрофического не произошло бы, если бы... Но это неправда, многократно опровергнутая, я на этом останавливаться не буду. Гайдар сознательно, с самого начала принял на себя ответственность за все последствия реформ, понимая, что человек, объявивший о пустой казне, о неоплатной утрате жизненных сбережений, запустивший механизмы создания легальной частной собственности и рынка в России, не будет прощен, что бы он ни говорил. Это глубинное. Экзистенциальная философия подразумевает стоическое выполнение своего долга, понимаемого как императив; но Гайдар не исповедовал экзистенциализм; он для него был слишком романтичен. Императивом для него, я думаю, был волевой (и нравственный) акт принятия решения, за которое должна последовать ответственность — даже в правовом смысле как возможное наказание. В противном случае обесценивается и сам волевой акт, и его результат. Гайдар-политик понимал, что политика — это как раз искусство компромисса между различными интересами, умение понять другую сторону. Не случайны слова Алексея Кудрина на прощании с Гайдаром: «Уникальный прагматик». Поэтому-то Егор и был великолепным переговорщиком, (как вспоминают многие).

* * *

До сих пор Егора Гайдара обвиняют в разовом и обвальном отпуске цен. Но ведь это решение принимал не Гайдар! Это было решение Ельцина и Государственного Совета, одобренное президиумом Верховного Совета РФ. Кабинет министров выполнял вполне конкретный и прописанный наказ. Отпустить цены — таково было решение Ельцина и Госсовета.

Вот стенограмма заседания Государственного Совета РСФСР от 25 октября 1991 года. Председательствует Б.Н. Ельцин. Никакого Гайдара еще нет!

«Вчера мы собрали первый после выборов президента Консультативный совет... В принципе

все поддерживают, что выхода другого у нас нет, что мы уже дошли почти до крайней черты...

Речь идет, конечно, ...о самом главном — это о либерализации цен, разовой и полной... Кроме того, у нас есть опыт Польши, других государств, и он подтвердил, что они тоже мучились и потом все пришли к выводу, что это надо делать разом... Четыре месяца шло стократное повышение цен, потом они сразу снизились и практически сейчас стабилизировались... Прилавки, полные товаров и продуктов.

...Да. кстати, со сроком: вообще, члены совета сошлись: с 1-го января, с начала года. И все-таки подготовиться надо, четко расписать все последствия...

...Если вы вместе со мной, то давайте сегодня скажем об этом, что все члены Госсовета в этот тяжелый в жизни нашей, в судьбе, решительный шаг, который неизбежен, но который все равно потом приведет к положительным результатам... Вот поэтому я ставлю вопрос первый и принципиальный: Все «за»?

Так? Нет против? Меня как-то радует, что мнения наши в этом отношении совпадают!»

* * *

Егора укоряют, что он «мало объяснял свои действия».

Объяснял он много, но — не в коня корм. Не было общего языка для понимания, общество было не готово понимать, и даже сейчас еще не готово согласиться с тем, что предлагал Гайдар, а особенно с тем, что получилось в результате. Это уж совсем не его вина.

За время работы в правительстве и после отставки Гайдар дал сотни интервью газетам, журналам, радио- и телеканалам в России и по всему миру. Значительная их часть собрана в четырех толстых томах (т. 8-12 собрания сочинений). Это уникальный комплекс живой речи, зафиксировавший, как изменялись его оценки, настроения, приоритеты; как от почти эйфорического исторического оптимизма ранних девяностых Гайдар ухаживал ко все более сдержанной и закрытой позиции стойка, все чаще повторяя фразу: «жизнь такова,

какова она есть, и больше никакова». Это строка из полюбившегося ему стихотворения поэта Владимира Кострова, которое я как-то однажды процитировал Егору. Он, может, и не запомнил имени автора (с которым я работал в «Новом мире»), но слова эти повторял часто. Напомню первую строфу: «Один графоман в солидный журнал / Прислал корявый стишок. / Совсем таланта не было в нём, / И стиль был весьма смешон. / Но чтобы вывод под стих подвести, / В нём были такие слова: / «Жизнь такова, какова она есть, / И больше — никакова!» Ну и дальше стих ходит по редакционным кабинетам и все соглашаются:

*«Жизнь такова, какова она есть,
И больше — никакова!»*

Уже в 1994-м Егор Гайдар чутко заметил: «Нет, не социализм, не империя, не военная мощь их волнуют, это все слова. А на деле им нужно упрочение такой прозаической вещи, как бюрократический рынок, сохранение лжегосударственной экономики, где их фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных. Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории не было».

В политической истории, как в спорте, личность оценивается результатом, но, в отличие от спорта, эта оценка постоянно меняется. И все то, что случилось со страной потом, уже без Егора Гайдара, все равно входит в эту оценку — накапливающимся итогом. И вопиющее неравенство, и падение доходов населения, окостенение и расчеловечивание бюрократического государства, политическая стагнация. Оттого и растет, старательно поддерживаемая, неприязнь сограждан к Ельцину и Гайдару, создателям Новой России, изъяны которой видны

всем, и растет симпатия к той, никогда не бывшей «светлой и радостной Советской стране», о которой грезил наяву детский писатель Аркадий Гайдар.

Егору много раз приходилось делать выбор из альтернатив, среди которых хороших — нет. В такой ситуации мало обладать опытом и нравственным чувством; необходимо иметь очень определенную систему ценностей, чтобы ориентироваться в мире с уничтоженными координатами. На первое место он ставил, как я полагаю, долг, понимаемый как служение, внутреннюю честность перед собою (карамзинское «не унижая своей личности») — не из гордыни, а из чувства, что внутренние веса правды самые точные.

Мне кажется, что судьба нашего современника, Егора Гайдара, рифмуется с судьбою мифологического мудреца Паламеда. (См. статью «Апология Паламеда» на стр. 133). Гайдара, к счастью, не побивали физически, слава Богу, не сложились для этого обстоятельства, но были люди, которые мечтали сделать это. А сколько негодяев при жизни и до сих пор бросают в него тяжеленные камни лжи и клеветы, которые бьют теперь его близких. Постыднее всего, что есть среди этих людей и бывшие соратники. Не потому ли, что, стараясь сделать хорошее и следуя совести и здравому смыслу, Егор Гайдар, ушедший от власти добровольно и с облегчением, презирал тех, у кого, как он говорил, «слишком гибкий позвоночник». Это и не прощают.

2009–2019

Примечание

- 1 Стараниями Фонда Егора Гайдара и зарубежных издателей за последние годы его книги изданы в США, Китае, Словении, Финляндии, Германии, Польше, Болгарии, Италии, Армении, Монголии, Греции и др. Институт экономической политики выпустил пятнадцатитомное собрание сочинений Е.Т. Гайдара.

© Текст: Виктор Ярошенко

«Правда» Егора Гайдара

Андрей КОЛЕСНИКОВ

Прежде чем возглавить Институт экономической политики, Егор Гайдар короткое время — меньше года, с марта по декабрь 1990-го, — работал редактором в «Правде» по отделу экономической политики. Это был высокий и влиятельный пост — по сути, Гайдар, выражая свои собственные взгляды на экономику, формулировал за власть, что она думает об экономическом развитии. В действительности это было, деликатно говоря, не совсем так — член редколлегии «Правды» говорил сам за себя, а не за власть. И тем не менее, именно потому и работал Егор Тимурович в журнале «Коммунист» и газете «Правда»: это была уникальная возможность влиять на экономическую политику государства или хотя бы обращать внимание властей на провалы и проблемы. Когда же стало очевидным, что главная газета страны перестала быть таким каналом, Егору Гайдару представилась новая возможность воздействовать на экономические процессы из абсолютно нового Института, не связанного никакими обязательствами перед партией, Гайдар ушел из «Правды». <...>

Мы публикуем фрагмент готовящейся к печати биографии Егора Гайдара, об этом периоде жизни главного реформатора России, над которой работают писатели и журналисты Андрей Колесников и Борис Минаев.

Для понимания контекста:

Иван Фролов — известный философ, главный редактор журнала «Коммунист», затем — газеты «Правда», секретарь ЦК КПСС, позже — член Политбюро; Отто Лацис — известный журналист, чье имя прежде всего связано с газетой «Известия» (в период описываемых событий — первый замглавного журнала «Коммунист»).

Иван Фролов покинул «Коммунист» в 1987-м, успев поменять команду, а значит, и сам журнал. Он работал помощником Михаила Горбачева. В 1989-м лидер «перестройки» поздноват, но все-таки обратил внимание на главную газету страны: в сфере медиа все бурлило и кипело, а она стояла как скала, на которой были высечены знакомые бородатые профили основоположников марксизма-ленинизма. Фролов был назначен главным редактором «Правды» и одновременно — секретарем ЦК КПСС. Нетривиальное сочетание: Горбачев хотел добавить Ивану Тимофеевичу аппаратного веса. Позже Фролов станет членом Политбюро.

Кадровое усиление — один из способов реформирования издания. Но одно дело — менять содержание и состав журнала, и совсем другое — огромной ежедневной газеты, в которой работают сотни человек. Фролов имел богатый опыт управления теоретическими журналами («Вопросы философии», «Проблемы мира и со-

циализма», «Коммунист»), умел лавировать между необходимостью расширять аудиторию, оставаться приличным человеком и в то же время идти на компромиссы с властью. Однако в «Правде» это было гораздо сложнее. Фролов пытался искать надежные кадры, журнал «Коммунист» старался не трогать. Но — пришлось. Другого «кадрового резервуара» он не видел.

Каким-то образом Иван Тимофеевич уломал Егора Тимуровича перейти в «Правду». Впрочем, понятно — каким: образно говоря, это был шанс, уже с высшего партийного «амвона», практически в директивном порядке влиять на события, аргументированно доносить свою точку зрения до миллионов людей. Хотя Гайдар не прекращал писать и для «Коммуниста», в частности — свои ежегодные обзоры. Один из них вышел в самом начале 1990 года, когда Егор уже почти перешел в газету, во всяком случае он уже значился «просто» доктором экономических наук, а не заведомом журнала, но еще и не редактором «Правды» по отделу экономической политики — так официально будет называться его новая должность.

В этой статье под вполне партийным названием «Трудный выбор» Гайдар уже открыто писал об инфляционных процессах, о пугливом отказе от реформ и констатировал: «Традиционная административная система управления уже не способна нормально обслуживать воспроизводственный процесс, а условия для эффективного действия рыночных механизмов созданы не были. Возникает своеобразная ситуация хозяйственного безвластия». Гайдар рисовал реалистическую картину развала социалистического хозяйства: «Рост политической активности в условиях ухудшающегося экономического положения, нарастающего неверия в способность центральных органов решить давно назревшие проблемы неизбежно выплескивается в эскалацию требований, перераспределительный азарт. Доминирующий мотив в выступлениях на экономические темы: снизить налоги и выделить больше средств из бюджета, повысить оптовые цены и не трогать розничные, расширить права предприятий и освободить их от ответственности, предоставить новые кредиты и списать ста-

рые... Пока, говоря о пустых прилавках магазинов, мы употребляем образное выражение. Ведь кое-что на них все же осталось. По-настоящему опустеют они, если начнется массовое бегство от денег. Желая понять, как это происходит, стоит почитать польские газеты начала восьмидесятых годов».

Спустя некоторое время всё пойдет по пути, который и предсказал Егор Гайдар в той статье: «Проще всего в ближайшее время не принимать дополнительных серьезных мер по стабилизации финансового положения и денежного обращения и продолжать линию на расширение самостоятельности предприятий, ее закрепление в новых законах. Беда в том, что при всей кажущейся политической привлекательности экономически такой курс наиболее опасен. Если следовать ему, хозяйственное развитие вскоре полностью выйдет из-под контроля государства, подавленная инфляция перейдет в открытую, а ответственность за это ляжет на правительство и правящую партию».

Только на другое правительство, причем — в отсутствие правящей партии...

А пока Гайдар обнаруживает себя в муравейнике на улице Правды, 24. Это анклав, состоящий из множества редакционных зданий. В старом здании «Правды» — «Комсомолка». В так называемом новом — сама «Правда». Напротив — дом культуры, дом быта, бассейн. Типографские помещения. В нескольких сотнях метров, в Бумажном проезде, — еще одно здание, кто там только не сидит: «Огонек», «Работница», «Крестьянка», «Крокодил»!..

Сама «Правда» — огромный «завод» по производству информации, дезинформации, руководящих мнений и указаний. Передовицы «Правды» — особое искусство, которым владеют только настоящие мастера, способные интерпретировать по специальным правилам партийные идеологемы. СССР: логократия, страна, управляемая словами. Самые главные слова публикуются именно здесь.

Ведущие перья и редакторы сидят на тех же пайках, что и чиновники центрального аппарата КПСС, за ними приезжают черные «Волги» — столь важна идеологическая функция. Буфет «Правды», конечно, не буфет ЦК, но тоже хорош. Кабинеты

обиты темными панелями, не то что в «Известиях» — светло-коричневыми. В каждом кабинете — один сотрудник, не больше. Распашонки (кабинет направо, кабинет налево) с приемной — для ответственного редакторского начальства.

Казалось бы, Гайдар — отпрыск советской «аристократии»: сын корреспондента, собкора, завотделом «Правды», внук знаменитого детского писателя, в этой же газете печатавшегося, — самым естественным образом должен стать потомственным «правдистом». Но в этом огромном здании с длиннющими коридорами он ощущает два настроения по отношению к себе: либо равнодушие, либо глухое неприятие. Эпоха ломается пополам, по позвоночнику, прямо на глазах, темно-коричневые панели, конечно, незыблемы, но что несут новые времена? Уж не вселятся ли сюда варвары? И что означает появление этого нового любимчика главного редактора, умника и интроверта, либерала и радикала? Не скрывается ли под его формальной вежливостью и интеллигентскими манерами глубокое презрение к партийной журналистике? Не есть ли это еще один знак ускорения распада — страны, газеты, привычного уклада? Как-то не вовремя Гайдар там появился. И не очень-то ко двору.

Да и ему самому Егору там неуютно. Одно дело — братская атмосфера журнала, жестко ориентированного на реформы. Все — свои. Большинство — единомышленники. Здесь же, в большой официозной газете, даже нерядовой сотрудник сильно отчужден от конечного продукта. Она, газета, в отличие от журнала, для Гайдара — чужая. На улице Маркса-Энгельса остались свои ребята. Алексей Улюкаев возглавил отдел, он талантлив, хорошо пишет, пытается со страниц партийной прессы переключать в прессу демократическую, показывает свои заготовки литературоведу Игорю Дедкову, ища его одобрения, публикуется в популярнейших «Московских новостях» — там жизнь, а не в «Правде», где по-прежнему, согласно старой советской поговорке, нет правды, как ни пытается ее реформировать Иван Фролов.

Времена новые, а воздух в гигантском кабинете главного редактора, где вполне можно было бы устраивать турнир по мини-футболу, словно за-

стыл. Не говоря уже о зале заседаний редколлегии, где прямо над головой председательствующего — беломраморный Ленин с обрубленными руками, как у Венеры Милосской.

И вот — «в московские особняки врывается весна нахрапом»: Гайдар отвечает за экономику в «Правде». В апреле появляется статья под дерзким заголовком «Прыжок к рынку» — с использованием выражения «мужество отчаяния»: именно это качество, как считает Гайдар, очень скоро понадобится реформаторам. Шоковая терапия, пояснял автор, — это не только и не столько отпуск цен на волю: «Размораживать цены при нынешних темпах роста денежной массы страшно. Но это можно сделать разовым решением. Надо лишь крепко зажмуриться к прыгнуть в неизвестность. А вот то, что сократить дефицит государственного бюджета, затормозить работу печатного станка в условиях растущих притязаний социальных групп, отраслей, регионов отнюдь не просто, что здесь необходимы политическая воля и широкая общественная поддержка, уже становится понятным».

Избежать радикализации реформы невозможно, время для этого упущено: «В экономике за все надо платить. И на сегодняшний день плата за колебания, нерешительность, финансовую безответственность набегала немалая. Время, когда экономисту можно было стабилизировать без тяжелых, непопулярных мер, ушло».

Гайдар нарисовал и впечатляющую картину — результат непоследовательности в проведении реформ. Для тех, кто будет жить в стране в 1992–1994 годах, она окажется знакомой: «Свободные рыночные цены, балансирующие спрос и предложение, — прекрасный регулятор хозяйственных процессов. Лишь используя их, можно сократить ряды армии управленцев, занятых по всей стране распределением дефицитных ресурсов, сделать рубль — полновесным, а прилавки — полными. Но достоинство таких цен проявляется при одном неременном условии — финансовой стабильности. Когда же в стране бушует инфляция, общий уровень цен быстро растет, резко и непредсказуемо изменяется соотношение цен различных товаров, вся система рыночного экономического регулиро-

вания приходит в расстройство. Доходы каждой социальной группы оказываются в прямой зависимости от того, насколько действенно она может нажать на правительство, банки, в какой мере способна подкрепить свои требования реальными угрозами. Тот, кто отстает в этой гонке, проигрывает. Попытки затормозить рост цен административными методами приводят к крайне неблагоприятному сочетанию высокой открытой инфляции и дефицита. Возникает ситуация экономической нестабильности. Энергия предпринимателей переключается на спекулятивные операции».

В сущности, эта статья, опубликованная в апреле 1990-го, стала частью поддержки программного документа, подготовленного сотрудниками академика Леонида Абалкина, назначенного зампредом Совмина Союза: Евгением Ясиным и Григорием Явлинским. Каждый из них возглавлял отдел в правительственной Комиссии по экономической реформе — Комиссии Абалкина. И здесь необходимо отойти на шаг назад и рассказать о предыстории и истории периода «гонки программ».

В сентябре 1989-го Евгений Григорьевич Ясин принял приглашение поступить на работу в аппарат правительства — ему хотелось не просто советовать (он входил в группу Леонида Абалкина от Центрального экономико-математического института), а формулировать содержание преобразований экономики из штаба реформ. За два года до того, как команда Гайдара разработала в «Архангельском» принципиальные документы реформы, Ясин и Явлинский меньше чем за месяц написали в «Соснах» концепцию перехода к рынку. Интересный это был альянс двух экономистов: один из старшего поколения, невысокий и рано облысевший одессит с ироническим прищуром мудрых глаз; другой — родом из Львова, совсем молодой, с буйной шевелюрой, совсем непохожий на человека, ранее занимавшегося боксом, кроме уверенности в своей правоте.

Евгений Григорьевич вспоминал: «В октябре состоялась конференция в Колонном зале Дома союзов, по улице ходили демонстранты с плакатами “Долой абалканизацию всей страны!” Абалкин не докладывал нашу концепцию, она была распро-

странена среди участников совещания. Многие высказывались против. Это было потрясение основ... Мы были неизвестны, потому что наши фамилии нигде в документах не значились. Все дерьмо выливалось на Абалкина».

Как водится, радикальную (хотя не столь уж радикальной она была) бумагу отложили на два года (как в воду глядели — как раз через два года и началась настоящая реформа) и решили жить по-старому, готовясь к тринадцатой пятилетке. Проще было думать, что все пойдет, как и прежде.

Это был какой-то заколдованный круг, бесконечное дежавю: ровно за год до этого, в 1988-м, в тех же «Соснах», готовился доклад Рыжкова о долгосрочных перспективах развития экономики. Именно тогда, работая над этим документом, познакомились Гайдар и Явлинский. Как и в 1989-м, в 1988-м руководил группой помощник премьера Владимир Саваков, всякий раз возвращавшийся из Совмина разочарованным: начальство не воспринимало никаких новых идей. Как с сочувствием писал Гайдар, «от Явлинского требовали четких и точных расчетов бурного повышения уровня жизни советского народа на ближайшее десятилетие, сведений о том, сколько яиц придется на каждую советскую душу в двухтысячном году. Он отбивался, как мог, пытаясь донести до начальства комизм яичных обещаний, впрочем, безуспешно. Шутки воспринимались плохо».

В феврале-марте 1990-го Ясин и Явлинский сделали еще одну попытку. Хотя любые радикальные предложения по-прежнему вызывали очевидное неприятие, и прежде всего самого председателя правительства.

Рыжков, улетая с визитом в Малайзию, поручил Маслюкову готовить вариант полного отказа от радикализации реформ. Однако кризис, в том числе кризис идей, никто не отменял, и уже сам Маслюков обратился к Абалкину за помощью. У академика была бумага, которую он собирался передать Горбачеву — еще одна концепция, но она-то как раз предполагала радикализацию реформ. 13 страниц, написанных теми же Евгением Григорьевичем и Григорием Алексеевичем в развитие короткой записки Абалкина, содержали предложе-

ния о либерализации цен и о резком ужесточении финансовой политики.

На III Съезде народных депутатов в марте 1990-го Горбачев должен был быть избран президентом СССР, о чем Ясин с Явлинским не знали, а для Абалкина это был шанс продвинуть более осмысленный вариант возможных преобразований, надавив не на постоянно фрустрированного Рыжкова, а на Горби, который постепенно концентрировал в своих руках «непартийную» власть на новом посту. Когда Рыжков вернулся из Малайзии, уже у трапа самолета ему были поданы две бумаги на выбор: вариант «отката» и 13 страниц «программы» Ясина и Явлинского. Предваряла эти бумаги совместная докладная записка Абалкина и Маслюкова, где описывалась нереализуемость «административно-командного варианта» и предлагались аргументы в пользу концепции «одного удара» — внедрения рынка с 1 июля 1990 года или с 1 января 1991-го. Социальные риски большие, но другого выхода нет: «Предлагаемое решение представляет собой весьма дорогую цену за реформу, но она будет стремительно возрастать, если сама реформа будет откладываться на неопределенный срок».

Повторим еще раз: в сущности, тот вариант, который с удешевленными издержками из-за потери времени — почти через два года — реализует Егор Гайдар, предлагался как не имеющий альтернативы первым зампредом Совета министров СССР Ю.Д. Маслюковым и зампредом Совета Министров СССР Л.И. Абалкиным.

Была дана официальная команда на подготовку радикального программного документа. В конце марта, уже после избрания Михаила Сергеевича на пост президента СССР, новая программа была готова. Ее стержень — либерализация цен (а не их постепенное административное повышение, порождающее дикие диспропорции) и ужесточение финансовой политики. Именно тогда Яков Уринсон, Евгений Гавриленков и Иван Матеров на базе Главного вычислительного центра (ГВЦ) Госплана рассчитывали по своей модели возможные последствия реформ. Премьеру о результатах работы докладывал Яков Моисеевич Уринсон, в недалеком будущем соратник Гайдара-реформатора, а за-

тем министр экономики России. В тот момент, когда были названы цифры возможной безработицы, обычно корректный и сдержанный Николай Иванович впал в ярость. Тогда ГВЦ чуть не разогнали...

В то же самое время на Горбачева поддавливали с другой стороны: была придумана модель «100 первых дней президента». В «Волынском», по воспоминаниям пресс-секретаря Горби Андрея Грачева, засели «сразу три бригады “писарей”, имевшие каждая свои поручения и своего творческого руководителя. Усаживаясь в обеденное время за длинными, уже уставленными закусками столами, члены групп ревниво поглядывали на партнеров». На подготовку экономической составляющей столь эффективной программы были брошены помощник генсека, становящегося президентом, Николай Петраков, два замзава экономического отдела ЦК КПСС Владимир Можин и Анатолий Милюков, а также мозг и основное перо этого документа, тогдашний молодой консультант ЦК Борис Федоров, которому в скором времени предстояла большая и многообразная реформаторская карьера. Он писал в своих мемуарах: «В результате получился, на мой взгляд, весьма солидный — для того времени — программный документ, который Н. Петраков передал первому и последнему Президенту СССР М. Горбачеву. Мы все были очень взволнованы — хотелось верить, что нам удалось, наконец, повлиять на ход событий в экономике. Н. Петраков рассказал, что М. Горбачев с большим вниманием ознакомился с проектом и долго повсюду ходил с папкой, в которой находился этот документ... Однако вскоре наш энтузиазм спал — за первые 100 дней своего президентства М.С. Горбачев не принял ни одного указа из нашего пакета». Чуть позже под эгидой того же Петракова другая группа, в которую входили и Федоров, и работавший с Явлинским Владимир Машиц, и участвовавшие тогда последовательно во всех реформаторских командах Андрей Вавилов и Леонид Григорьев, подготовили пакет проектов указов по акционированию предприятий. Однако и этот труд остался невостребованным.

Рыжков прекрасно понимал, что политически радикальная программа неприемлема и для Горбачева.

Иллюзии были у Ясина и Явлинского. На что-то надеялись Петраков и Федоров. У председателя правительства их не было. На заседании Президентского совета программа Ясина-Явлинского, политически прикрытая тандемом Маслюкова-Абалкина, была отвергнута. Правительство возвращалось к идее административного пересмотра прейскурантных цен. О чем и было объявлено Рыжковым 24 мая 1990 года. Через несколько часов после выступления премьера продукты были сметены с прилавков.

Ради появления реформаторски ориентированных статей, которые — теоретически — могли бы повлиять на течение событий, Фролов и тянул Гайдара за собой. Публикация такого текста, как «Прыжок к рынку» в «Правде», действительно могла создать впечатление не просто неизбежности реформ, но и их директивной необходимости. Статья — открытая полемика с Николаем Рыжковым, еще одна попытка достучаться и быть услышанным. Но это была и скрытая полемика с неназванным в статье Горбачевым, апелляция к его политической воле, призыв к «мужеству отчаяния».

Конечно, эту статью в «верхах» читали все. Одни просто ничего не поняли из того, что там было написано. Кто-то (вероятно большинство) были не согласны. Иные — согласны. Но что могла сделать прогрессивная бюрократия? Только, как всегда, ждать решений сверху. И наблюдать за процессом, который потом назовут «войной программ» — битвой радикальных дорожных карт экономических реформ с глубоко компромиссными и пугливыми.

27 мая в «Правде» вышла еще одна важная статья Гайдара с оценкой исправленного варианта официальной правительственной программы реформ. Называлась она скучновато — «Цены и рынок».

Правительство, отвергнувшее очередной вариант радикализации реформ, в том числе либерализацию цен, пошло по самому плохому пути: выразило намерение в своей программе административным образом повышать цены. Гайдар говорит о неэффективности такого рода мер, поскольку никакой Госкомцен не может измерить платежеспособный спрос населения и оказаться умнее рынка. Вместо административного регулирования нужны свободные

цены с параллельным упорядочением государственных расходов. И все это можно было бы сделать уже в 1990 году. (По такому пути, кстати говоря, и пошло последнее коммунистическое правительство Польши, что потом сильно облегчило решение задач финансовой стабилизации для посткоммунистических польских кабинетов министров.) Программа Совмина Союза содержала в себе рассуждения о преимуществах разнообразия форм собственности, при том что либерализация цен предполагала параллельную, а то и превентивную приватизацию: тогда подобный вариант еще был возможен — сначала разгосударствление собственности, «создание» собственника, демонополизация экономики, а затем — освобождение цен. Программа пыталась остановить время и, в сущности, была ностальгическим документом: как хорошо было в то время, когда имелась возможность обойтись умеренными и постепенными преобразованиями. Она выглядела как подготовка к той войне, которая не то что была вчерашней — уже закончилась. И началась совершенно иная война и другая эпоха. Это была программа регулирования прошлого.

«Если предшествующий (более радикальная версия Ясина и Явлинского. — *Авт.*) вариант правительственной программы, — писал Гайдар в своей статье в «Правде», — нередко сопоставляли с «планом Балцеровича» (тогда еще фамилию архитектора польских реформ писали без мягкого знака. — *Авт.*), то нынешний заставляет вспомнить Польшу начала восьмидесятых годов. Сочетание быстро растущих цен и сохраняющегося товарного дефицита — одна из самых неприятных форм развертывания инфляционных процессов. И уж никак не лучшая ситуация для становления рынка».

Через день после публикации статьи Гайдара, 29 мая 1990 года, Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР. Евгений Ясин вспоминал: «В Кремлевском дворце заседал Верховный Совет РСФСР. На второй или на третий день Ельцин, которого избрали председателем, выступил с речью и сказал: нам с Рыжковым не по пути, мы знаем, как пройти без потерь. Хотя, конечно, никакого плана у него не было. Но после этого мне позвонил

из Верховного Совета РСФСР мой соученик Сергей Красавченко и спросил, что за программа такая — «400 дней».

Программа называлась «400 дней доверия». Готовил ее Явлинский не с Ясиным, а с бывшими однокурсниками по Плехановскому институту Михаилом Задорновым и Алексеем Михайловым, двумя сотрудниками Григория Алексеевича в Комиссии по экономической реформе. О чем Евгений Григорьевич и сообщил Красавченко, порекомендовав обратиться к Явлинскому. Вполне очевидно, что Борису Ельцину, взявшему курс на сольную политическую карьеру, очень нужна была позитивная программа: тогда политическая система еще была устроена таким образом, что политик был вынужден торговать не только лицом и популистскими заявлениями. Тем более политик, который из оппозиционера превращался в главную фигуру самостоятельной российской власти, причем власти нового типа.

Явлинского, уставшего от маневров в окружении Рыжкова и Абалкина, привлекала самостоятельная работа. Он получил должность заместителя председателя правительства РСФСР с перспективой продвинуть именно ту программу, которую считал правильной.

Набросок «400 дней» Григорий Алексеевич показывал Егору Тимуровичу приблизительно в марте. Тогда же появилась даже английская версия программы. «Содержательно в ней не было ничего особенно нового, — писал Гайдар, — Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию... Но в политическом плане рассчитанная на короткий срок и расписанная по дням программа построения в Советском Союзе развитой рыночной экономики — это именно то, что было необходимо Ельцину и той части элиты, которая пошла за ним».

Гайдар держался несколько в стороне от усилий Ясина и Явлинского. Вероятно, чувствовал, что

они либо напрасны, либо это не конец, а начало какой-то долгой истории. О том, какой может оказаться роль Ельцина, он тогда, скорее всего, не задумывался. Метания Рыжкова уничтожали остатки его репутации не только как реформатора, но и просто как хозяйственника, которому нужно хотя бы как-то управлять ситуацией. Горбачев не обнаруживал решимости начать настоящие реформы. Евгений Григорьевич вспоминал, что они с Явлинским звали Егора Тимуровича помогать писать «мартовский» концептуальный документ по радикализации реформ. Гайдар отказался. Вероятно, не верил в успех, считая радикальный вариант политически неприемлемым для Рыжкова и Горбачева. И оказался прав.

Впрочем, не верил Егор и в российское республиканское правительство Ивана Силаева, понимая, что все его усилия будут уходить на борьбу с союзным центром, а у министров, которые отнюдь не составляли слаженную реформаторскую команду, обнаружатся совсем уж разнонаправленные, в том числе личные, интересы. Не говоря уже о том, что верхушка правительства была явно выражено «краснодиректорской». Для Егора это было бы нерациональной тратой времени и энергии.

Борис Федоров, впрочем, стал министром финансов в этом кабинете министров. Явлинский предложил Гайдару занять пост министра труда РСФСР, но оно было вежливо отклонено под предлогом обязательств перед «Правдой» и Иваном Фроловым. Спустя год на эту должность согласится Александр Шохин, который впоследствии войдет в команду, готовившую гайдаровскую реформу. Как заметил в своих мемуарах Борис Федоров, «от правительства Силаева остались лишь скандалы и анекдоты».

Однако именно летом 1990-го произошли принципиально важные события: попытка примирить усилия экономистов из правительства Союза и кабинета министров РСФСР и семинар в венгерском городе Шопроне, куда съехались многие из тех, кому потом предстояло реализовывать реформы.

© Текст: Андрей Колесников

Россия и новый «континентальный блок» в Евразии

Василий ЖАРКОВ

Отношения России и Запада все последние пять лет, прошедшие с присоединения Крыма, находятся в глубоком тупике. Это фактически признают даже лояльные Кремлю российские аналитики. Так, программный директор Российского совета по международным делам Иван Тимофеев еще два года назад предлагал российскому руководству «исчезнуть с радаров»¹, т.е. попробовать перестать считываться в качестве угрозы, поскольку обратное лишь способствует сплочению евроатлантических союзников против России. При этом эксперт советует продолжать накопление ресурсов, развивать отношения в Евразии и участвовать в интернациональных структурах, там, где это возможно. С похожей идеей в этом году выступила группа российских и немецких экспертов в докладе «Слепые пятна в отношениях России и Запада», подготовленном при поддержке МИД Германии². Можно было бы всячески приветствовать подобные предложения, содержащие элементы либерального подхода к международной политике. Однако, как показывает практика последних лет, вряд ли эти предложения окажутся полностью реализуемыми, по крайней мере, на текущем этапе.

Скорее можно согласиться с точкой зрения, которую высказала Мария Доманска, эксперт по России из варшавского Центра восточных исследова-

ний: нынешняя конфронтация Москвы с Западом не носит сиюминутного характера, но представляет собой постоянный стратегический лейтмотив внешней политики Кремля. Будучи обусловленной внутренними структурными причинами, этот конфликт служит средством легитимации существующего политического режима за счет поиска внешнего врага и угрозы войны³.

Независимо от того, кто формально будет стоять во главе государства, при сохранении существующей политической системы в отношениях с Западом Российская Федерация обречена на продолжение ситуации противостояния, которую Самюэль Хантингтон в своем старом прогнозе описывал как варьирующуюся «от холодности до применения насилия»⁴ и балансирующую между двумя этими крайностями.

Нельзя при этом согласиться, что «новая холодная война», как ее именуют в СМИ, не содержит явной идеологической конфронтации. Действительно, одна из сторон вряд ли способна предложить универсальную идеологическую рамку, какой ранее служил советский коммунизм. Однако идеология, хотя и весьма специфическая, у российской стороны все же есть, и ее роль постоянно усиливается. Это — возрожденное имперское «охранительство», строящееся на государственном

официозе, религиозных догмах и, что особенно важно, на категорическом отрицании западной либеральной демократии, ее ценностей, норм и самого свободного образа жизни.

Внутренний российский политический и культурный контекст толкает Россию на конфликт со свободным миром. И это противостояние, как справедливо замечено многими, Россия вынуждена вести «на собственном поле», защищая свой домашний авторитаризм от глобального демократического движения. Казалось бы, это обреченная позиция. Однако опасные тенденции в мировой политике последних лет, странным образом могут оказать неоценимую услугу Кремлю и другим авторитарным режимам за пределами первого мира, не просто сохранить внутривнутриполитический статус-кво, но даже усилить собственные позиции.

Условно это можно было бы назвать «роковым жребием» Дональда Трампа, хотя дело, конечно, не сводится к одной его персоне. Кризис западных либеральных демократий, увы, налицо, и это — базовая предпосылка плохих новостей для тех, кто хотел бы продолжения демократизации в остальном мире. Президент Трамп на самом деле может оказать неоценимую услугу авторитарным режимам в Евразии. Поскольку некомпетентность человека, обосновавшегося в Белом доме, более всего, пожалуй, проявляется именно в вопросах международных отношений, что может привести к самым печальным последствиям, кардинально изменив глобальную геополитическую ситуацию.

Сегодня администрация Трампа нарушает базовые, вполне практические принципы, которыми должна была бы руководствоваться американская администрация в собственных интересах и в интересах мировой безопасности. Речь, в частности, о важном предостережении Збигнева Бжезинского, считавшего недопустимым одновременное давление на три соседствующие друг с другом страны в Евразии — Россию, Китай и Иран. Подобное давление, как писал Бжезинский, опасно тем, что может привести к новому «континентальному союзу» автократий, поскольку, даже несмотря на противоречия и недоверие, сохраняющиеся между этими странами, внешняя угроза может их объединить⁵.

Что же делает Трамп? Он снова ужесточает режим санкций и чуть ли не готовит военную операцию против Ирана, с которым — при прежнем хозяине Белого дома — наметилась нормализация отношений. Более того, Трамп втянул США в торговую войну с Китаем, для которого Америка — главный внешнеторговый партнер. При этом президентство Трампа стало триггером мощнейшей антироссийской кампании, когда на фоне скандалов о кибератаках Москву открыто обвиняли в агрессии против Соединенных Штатов и их союзников. Поскольку подобная политика продолжалась все последние годы, американское руководство своими руками, кажется, сделало **все невозможное**, чтобы спровоцировать объединение этих стран, различных по своей культуре и экономическому весу, но одержимых одной общей целью — сохранением своих внутренних режимов несвободы.

Наиболее дальновидные либерально настроенные европейские политики, судя по всему, уже увидели и осознали перспективу данной угрозы, которая особенно больно может ударить по Европе и ее ценностям. В августе этого года много шума наделал «пост» французского президента Эммануэля Макрона, сделанный по-русски на его страничке в Фейсбуке. «Россия — очень глубоко европейская страна. Мы верим в Европу, простирающуюся от Лиссабона до Владивостока» и главное — «нам надлежит разработать архитектуру безопасности и доверия между Европейским Союзом и Россией». Двумя месяцами раньше были полностью восстановлены полномочия российской делегации в ПАСЕ. Это вызвало бурю негодования у части российских оппозиционеров, хотя логика такого поведения совершенно прозрачна: диалог — гораздо лучше, нежели его отсутствие, ибо он создает предпосылки для большего доверия и сближения сторон. В такой ситуации у свободного мира, обладающего колоссальным ресурсом «мягкой силы», возникают дополнительные возможности влиять на своего сложного партнера, способного содействовать эволюционным переменам внутри его довольно архаичной внутренней структуры. И напротив — давление и язык конфронтации ведут к еще большему отчуждению, внутренней консолидации

и мобилизации противоположной стороны, вплоть до угрозы нового «железного занавеса», за которым можно провести еще несколько десятилетий в состоянии «холодной войны».

События последнего года пока что очень ясно свидетельствуют о начале складывания нового «тройственного союза». Во-первых, с 16 по 21 сентября в акватории Каспийского моря на территории четырех государств — России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана — прошли совместные российско-китайские военные учения «Центр-2019», в ходе которых приняли участие 128 тысяч военнослужащих, в том числе мотострелковая бригада Народно-освободительной армии Китая, обозначавшая действия китайских вооруженных сил. По словам Ивана Коновалова из Центра стратегической конъюнктуры, эти учения продемонстрировали дальнейшее сближение в военной области России и Китая⁶.

Во-вторых, 21 сентября со слов представителя иранского руководства стало известно, что три страны — Иран, Россия и Китай — не позднее марта 2020 года «впервые после исламской революции» планируют провести совместные учения в Оманском заливе. Чуть позднее ТАСС передало слова министра иностранных дел России Сергея Лаврова, согласно которому предстоящие учения военных моряков России, Китая и Ирана в Индийском океане призваны отработать борьбу с террористами и пиратами⁷. Однако одновременно латвийская служба радио «Спутник», известного рупора кремлевской пропаганды, опубликовала мнение своего колумниста, согласно которому «сегодня в Оманском заливе и Ормузском проливе реальной угрозой судоходству и региональной экономике являются не пираты, а корабли ВМС США», при этом «развязыванию боевых действий и хаосу в регионе в значительной степени препятствуют политическая воля и военно-морские силы России и Китая в Индийском океане»⁸. Получается, что совместные учения направлены отнюдь не только против пиратов.

Таким образом, налицо тенденция к сближению и все более тесному военно-политическому сотрудничеству трех важнейших авторитарных

режимов на Евразийском континенте, что, несомненно, может иметь глобальные последствия. Первые уверенные шаги уже сделаны, цели ясны — и общий враг известен. Остается делать ставки, как быстро будет складываться новая континентальная «ось» и насколько прочной она окажется.

Новый «священный союз», формирующийся теперь в Евразии, если он только сложится в силу недалёковидности американской стороны, не просто изменит баланс сил в мире, многократно повысив угрозу новой мировой войны и термоядерной катастрофы. Подобный поворот станет подлинной трагедией для «ростков» гражданского общества везде — восточнее Нарвы и Мариуполя. Особенно для России, которая, при подобном ходе событий, в опоре на новых союзников, рискует не только окончательно аннулировать результаты собственных либеральных преобразований, проводившихся после краха коммунизма, но и надолго отказаться от развития по европейскому пути, уничтожив остатки европейского Просвещения и с большой долей вероятности погрузившись во тьму азиатчины.

Вряд ли подобный союз, даже если он станет действительно возможен, сложится навсегда. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов неизбежные противоречия и трения между авторитарными режимами, толкаемыми сегодня к объединению **во имя собственного выживания — и ничего более**. Отсутствие общих ценностей, как и явный дисбаланс сил в пользу Китая, сделают новый «континентальный альянс» автократов не слишком прочным и долговечным. Неслучайно один из ведущих экспертов Валдайского клуба недавно предположил, что «в недалёком будущем Китаю и России, видимо, придётся гораздо более активно думать не над тем, какие черты их потенциальный военно-политический альянс может приобрести, а над тем, как этого альянса избежать в принципе»⁹. Однако автор не дает объяснения, каким образом и почему это наметившееся сближение может быть остановлено.

Меж тем очевидно, что подобного объединения, даже относительно некрепкого и кратко-

временного, может хватить на то, чтобы нанести непоправимый урон либеральной цивилизации как на Евразийском континенте, так и в мире в целом. В этом случае самым меньшим из возможных зол станет замедление (на десятилетия) процесса демократизации в значительной части мира, включая и Россию. «Осень патриарха» может оказаться долгой.

Примечания

1 Тимофеев И. Остаться в деле, исчезнуть с радаров: стелс-альтернатива для российской внешней политики. // Российский совет по международным делам. Аналитические статьи. 27 ноября 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ostatsya-v-dele-ischeznut-s-radarov-stels-alternativa-dlya-rossiyskoy-vneshney-politiki/> Дата последнего обращения: 11.10.2019.

2 Среди сохраняющихся «островов сотрудничества» перечислены продолжение диалога по облегчению и отмене визового режима между странами Шенгенского соглашения и Россией, продолжение партнерства по линии ЕС и ЕАЭС, сокращение рисков возникновения военных инцидентов в приграничных районах, расширение диалога по спорным

нарративам. См. Russian-Western Blind Spots: From Dialogue on Contested Narratives to Improved Understanding. Berlin: Inmedio peace consult ggmbh, 2019. P. 41-44.

3 Domanska M. Conflict-dependent Russia: The Domestic Determinants of the Kremlin's Anti-Western Policy // Point of View. No 67. Warsaw, Centre for Eastern Studies, 2017. P. 54-56.

4 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 351.

5 Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 141.

6 Ведомости. 4 сентября 2019 г.

7 ТАСС. 2 октября 2019 г.

8 Хроленко А. Как Россия и Китай препятствуют американской «Буре в Иране». // Sputnik — Латвия. 5 октября 2019 г. URL: <https://lv.sputniknews.ru/columnists/20191005/12556808/Kak-Rossiya-i-Kitay-prepyatstvuyut-amerikanskoj-Bure-v-Irane.html> Дата последнего обращения: 12.10.2019.

9 Бордачев Т. Подъем Востока и новая российская внешняя политика. // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Аналитика. Мнения экспертов. 2 октября 2019 г. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/podyem-vostoka-i-novaya-rossiyskaya-vneshnyaya-politika/> Дата последнего обращения: 12.10.2019.

© Текст: Василий Жарков

ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ, историк и политолог, декан факультета политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»), сфера интересов — политическая история России и теория международных отношений. Сотрудничает с изданиями «Новая газета», «Газета.ру», РБК, «The New Times» и другими.

КТО ДВИЖЕТСЯ
БЫСТРЕЕ,
КРОТ ИСТОРИИ
ИЛИ ЯКУТСКИЙ
ШАМАН

Аркадий ДУБНОВ

АРКАДИЙ ДУБНОВ — политический аналитик, эксперт по странам СНГ. В 1991 г. — зам. главного редактора газеты «Демократическая Россия». Затем — политический обозреватель журнала «Новое время», Радио «Свобода», газет «Время новостей», «Московские новости». Публиковался и выступал во многих российских («Коммерсант», «Ведомости», «Новая газета», «РБК», «Независимая газета», «Forbes», «Инсайдер») и зарубежных СМИ, на радио и ТВ. Эксперт Московского центра «Карнеги». Автор книг «Танки в Праге, Джоконда в Москве», «Почему распался СССР».

Много лет назад мой друг, бывший министр иностранных дел Киргизии Муратбек Иманалиев, как-то в сердцах заявил мне: вы же бросили нас на камни, когда разваливали Союз, сказали — теперь, мол, выплывайте сами!..

История постсоветского пространства в значительной степени — сага о масштабном континентальном выплывании тонущих «кораблей» из-под обломков советской империи. Спаслись далеко не все, некоторые еще пытаются плыть... Ибо распад СССР, формально берущий свое начало из Беловежья декабря 1991 года, все еще продолжается.

Когда Владимир Путин говорил об этом распаде как о «величайшей геополитической катастрофе XX-го века», приходится отдать должное его спичрайтерам, которые обнажили тончайший нерв случившегося, ставшего трагедией для миллионов людей огромной страны.

Отвлечемся от идеологии, от морока коммунизма, цинизма и двоемыслия партноменклатуры, от Сталина в башке, от мяса, которого не было в магазине «Мясо», а рыбы — в магазине «Рыба». О той стране, где все это было, а другого не было, мало кто жалеет и скорбит, хотя есть и такие.

Речь — о других. О тех, про кого было не раз произнесено столь же буднично, сколь и драматически: однажды утром эти люди проснулись и обнаружили себя за границей. Стоит только постараться реально представить себе их ощущение, чтобы понять тот уровень ужаса и фрустрации, охвативший их, с которым им предстояло жить и преодолевать много лет.

Речь идет не только о тех 25 миллионах русских и русскоязычных, для которых Россия оставалась *native land*, среди обиженных и ущемленных оказалось и титульное население национальных республик.

Я видел этих людей в Центральной Азии и на Южном Кавказе, не в столицах, а как правило, в провинции. Эти люди — работающие, простые и малообразованные — знали, что живут в Большой стране, в той стране, где есть Москва и Большие начальники, которые сидят в Кремле, и они-то, если нужно, защитят их от «своих» местных начальников — от баев, раисов и прочих богдыханов.

Эти мифы были источником любви к своей стране, гордости за принадлежность к ней. Их грела мечта, что однажды они соберут денег и всей семьей поедут в Москву, чтобы погулять по Красной площади, увидеть Кремль и Ленина в мавзолее. А если повезет, кто-нибудь из их детей, да пусть даже внуков сумеет набраться смелости и поедет в Москву, чтоб поступить там куда-нибудь учиться.

Как раз большинство тех, кто в советские годы добрался до Москвы или других российских городов, получив там образование и вернувшись затем домой, в первые постсоветские годы составляли ядро национальной интеллигенции в ставших независимыми республиках. Другие же учились

в своих национальных столицах, но не раньше, чем выучили достаточно для этого русский язык в средних школах.

Не будет большим преувеличением сказать, что именно таким образом были созданы национальные элиты в республиках Центральной Азии, отчасти — Южного Кавказа, Белоруссии. Украина и Молдавия несколько из другого ряда, там национальные элиты формировались не только в поле тяготения Москвы. (Республики Балтии можно с уверенностью исключить из нашего анализа по причинам, не требующим отдельного объяснения.)

Именно этот процесс — формирование национальной интеллигенции, национальных элит, начавшийся в Азии и на Кавказе еще в царской России, принято называть имперским цивилизационным проектом, продолжавшимся и в советский период. Так или иначе, но именно при большевиках впервые произошло национально-административное оформление территорий, население которых ранее не знало, пусть и условных, но тем не менее о государственных границах.

Распад СССР застал врасплох подавляющую часть этого населения. В конце 1980-х, когда горбачевская «перестройка» сильно подорвала авторитет правящей партноменклатуры, антикоммунистические движения в отдельных республиках привели к власти людей, либо не имевших отношения к кадровой обойме Кремля, либо просто антикоммунистов (Аскар Акаев в Киргизии, Звиад Гамсахурдия в Грузии). Но тогда только Грузия решилась объявить о государственной независимости и выйти из состава СССР.

Ни в одной другой республике правящие элиты не помышляли об этом вплоть до 19 августа 1991 года, когда случился путч ГКЧП. Даже украинское руководство еще за несколько дней до путча готово было подписать новый Союзный договор, а уже 24 августа в Киеве был принят Акт о государственной независимости Украины, содержащий поразительную формулировку: «В связи со смертельной опасностью, нависшей над Украиной в результате государственного переворота...»

Обрушившаяся на советские республики независимость, которую большинство из них принимали как бы нехотя (Казахстан сделал это последним, в декабре 1991-го, уже после Беловежья), не была ими выстрадана, не была желанной, как бывает нежеланным ребенком, которого все-таки приходится рожать... Именно это имел в виду Муратбек Иманалиев, говоря о «брошенных на камни». Это касалось главным образом центральноазиатских республик.

Армянские национальные лидеры, ставшие во главе постсоветской Армении, не помышляли о выходе из СССР до тех пор, пока не убедились в том, что их главная цель — объединение с Нагорным Карабахом — невозможна в составе Союза, как бы они ни стремились к этому. И лишь после этого армяне провели общенациональный референдум, на котором, единственном среди советских республик, честно поставили вопрос о выходе из состава СССР. Об этом подробно рассказывал автору в рамках совместного с Фондом Гайдара проекта «Почему распался СССР» один из идеологов армянской государственности, экс-премьер Армении Вазген Манукян.

Не было как такового стремления построить свою независимость именно на основе выхода из Советского Союза ни у молдавских, ни у азербайджанских националистов. Это рассказывали в том же проекте первый президент постсоветской Молдавии Мирча Снегур и недолго исполнявший обязанности президента Азербайджана в 1992 году Иса Гамбар. И там, и там национальные движения, так или иначе, приведшие к расставанию с Советским Союзом, начинались с беспрецедентной эйфории братания: соответственно — с румынами после падения режима Чаушеску; с азербайджанцами — на севере Ирана в 1989 году, когда там оказались открыты или прорваны границы.

Осознание необратимости факта распавшейся империи Советов пришло к основной части населения отринутых от Москвы «национальных окраин» гораздо позже, а кое-где до сих пор это не воспринимается всерьез и кажется блажью перемудривших и рассорившихся друг

с другом российских вождей. Мне не раз приходилось встречать в дальних углах новых независимых государств искреннее недоумение (мол, как такое могло случиться?) и столь же твердое убеждение, что все это временно.

Когда много лет назад, по дороге от афганской границы к таджикской столице меня остановил местный гаишник и, узнав, что я из Москвы, потребовал ответа, правду ли говорят, что скоро будут восстанавливать Советский Союз, — я вынужден был разочаровать его: это была шутка президента Казахстана Назарбаева.

— А ты бы этого хотел? — спросил уже я его.

— Конечно, у меня жена русская в Питере с квартирой осталась.

— И ты до сих пор с ней из-за этого не разводишься?

— Ну да...

Пришлось его разочаровать.

— Ты хоть представляешь, что твой земляк Рахмонов (дело происходило в Дангаре, откуда родом президент Таджикистана. — *Авт.*) готов будет отказаться от своего поста, президентского дворца в Душанбе и вернется в свой совхоз председателем?

— Нет, не представляю, — ответил слегка озадаченный старлей, снимая фуражку и вытирая пот со лба.

— Вот и ни один президент, хоть в Узбекистане или в том же Казахстане, не захочет снова вернуться в кресло партийного секретаря, который должен подчиняться Москве.

Кстати, когда партийному лидеру еще советской Туркмении Сапармурату Ниязову сообщили новость про упраздненные СССР Беловежские соглашения, он возрадовался и сказал, что вот теперь его наконец-то будут уважать в Москве не меньше, чем Каримова и Назарбаева, потому что он — хозяин четвертой страны в мире по запасам газа. Об этом в рамках упомянутого выше проекта рассказывал бывший вице-премьер Туркмении Назар Суюнов.

Проходит четверть века, и в 2018 году подписывается Конвенция о правовом статусе Каспия, среди прочего утверждающем международ-

ные морские границы пяти прикаспийских стран, среди которых три постсоветские республики — Азербайджан, Казахстан и Туркмения (а также Россия и Иран). Таким образом, укрепляется их международная правосубъектность, что дополнительно фиксирует необратимость появления в 1991 году, в частности, трех независимых государств на пространстве бывшего СССР. Причем эти итоги закрепляются подписью президента России Владимира Путина, говорившего о «катастрофе распада СССР» (который, как мы видим, все еще продолжается).

Несмотря на это, Каспийская конвенция, призванная поделить Каспий между пятью прибрежными государствами, эту задачу так до конца и не выполнила, что оказалось значительной победой российской дипломатии. Не углубляясь в детали, можно утверждать, что необходимый раздел северной акватории моря в целях недропользования и в интересах России был уже произведен в конце 1990-х годов. А остальные вопросы, включая свободу военной деятельности по всему «зеркалу» Каспия, Конвенция оставила открытыми. Таким образом, Москва дезавуировала требования демилитаризации моря, с которыми в начале нулевых годов выступали некоторые ее каспийские соседи, и Каспийская военная флотилия России оставила за собой право оперировать по всему Каспию. Преимущества этого были продемонстрированы в конце 2015 года, когда по целям Сирии был нанесен удар крылатыми ракетами «Калибр» с кораблей КВФ, дислоцированных вблизи азербайджанского сектора Каспия...

Кроме того, Каспийская конвенция запретила дислокацию в каспийском регионе военных баз и других военных инфраструктур «третьих стран», под которыми в первую очередь подразумевались США и страны НАТО. Таким образом, Москва сумела очертить «красные линии» в проведении многовекторной политики бывшими советскими сателлитами, ориентирующимися на сотрудничество с Западом. Здесь важно отметить, что Москве удалось утвердить свое влияние и даже отчасти контроль над тремя наиболее богатыми сырьевыми государствами СНГ — Азер-

байджаном, Туркменией и Казахстаном, несмотря на то что первые два из них не входят в состав патронируемых Россией ОДКБ и ЕАЭС. Вступление Азербайджана в эти структуры исключено, пока он находится в состоянии войны с Арменией, союзницей России. Туркмения же изначально, еще в середине 1990-х провозгласила свой нейтральный статус.

Что же касается Узбекистана, то в октябре 2019 года стало известно, что узбекское руководство рассматривает вопрос о присоединении к ЕАЭС, что еще несколько лет назад, при первом президенте страны Исламе Каримове, казалось немислимым. Внешняя политика Ташкента при втором президенте Шавкате Мирзиёеве была изменена кардинально, и российский вектор в ней стал преобладающим — при сохранении лояльных и доверительных отношений с Западом.

Но важно отметить следующее. Начавшаяся смена поколений лидеров в Центральной Азии (вслед за Узбекистаном транзит власти произошел в Казахстане) обозначила более прагматический и менее обремененный ностальгией по опыту прошлой жизни в «общей семье братских народов» подход к взаимосвязям с Россией. Строительство национальных государств, происходящее в этих странах, не предполагает сохранение отношений типа «вассал–патрон», которые были характерны для отношений между союзными республиками и Москвой. Переход Ташкента и Нур-Султана с кириллицы на латиницу — один из маркеров нового стиля постимперского мира на постсоветском пространстве.

Прагматизм внешней политики центрально-азиатских государств СНГ, стремящихся, с одной стороны, укреплять свою неожиданно обретенную суверенность, а с другой — не терять «твердое российское плечо», обусловлен нарастающей мощью соседнего Китая. Историческая синофобия, характерная для народов Центральной Азии, *volens nolens*, подталкивает их искать союзнических отношений с Россией.

Ориентация на США и Евросоюз, все менее значимая в геополитическом аспекте и приобретающая в основном инвестиционную и отчасти

ценностную составляющие, мало меняет картину внешнего мира, где эти страны хотели бы чувствовать себя комфортно.

Интереснее и противоречивее выглядит смена поколений в западной части СНГ. Приход к власти в Украине Владимира Зеленского, а в Армении — Никола Пашиняна выглядит вполне революционным не только в силу их возраста и основной профессии. Да, актеры и журналисты, которых трудно назвать политическими практиками, в наших «палестинах» еще никогда не становились национальными лидерами. В данном случае я не имею в виду то, что один из них совершил пусть «бархатную» и бескровную, но — революцию, порушившую авторитарный клановый режим, вполне родственному кремлевскому. Не менее уничижительным для циничного кремлевского представления о «правильном электоральном процессе» стала и победа пятого президента Украины: успех Зеленского оказался результатом лишнего предвыборных манипуляций и выборных фальсификаций свободного волеизъявления.

Дело в другом. Оба лидера, придя к власти, обнаружили, что, искренне считая себя сторонниками либеральных свобод и демократических институтов и даже успевая сие доказать, вынуждены были признать доминирующую роль России в окружающем их мире. Той самой страны, где властвует режим во главе с убежденным противником этих свобод и институтов. Страны, совершившей аннексию одной части Украины и поддерживающей сепаратизм в другой ее части. Той самой страны, лидер которой откровенно поддерживает подследственного экс-президента, одного из вождей свергнутого революцией армянского клана...

Причина такой, казалось бы, противоречивой политической слабости нового поколения постсоветских политиков проста и очевидна: Россия, унаследовав от СССР великодержавные амбиции, но не восстановив еще в полной мере свойственные им инструменты давления, уже умеет пользоваться теми, что есть. К примеру, газовой геополитикой (одинаково хорошо действует по отношению как к Украине, так и к Армении), а также вновь созданными инструментами, таки-

ми как ресурсы «русского мира». Действенность последних ресурсов хорошо понимают не только в Украине, но и в Казахстане, Белоруссии...

Другими инструментами, позволяющими Кремлю наращивать свое влияние на постсоветском пространстве, обещают стать новые правила предоставления российского гражданства, которые предполагаются вводить в 2020–2022 годы. Согласно им, иностранцам, желающим получить российский паспорт, будет разрешено не отказываться и от их первого гражданства.

Поэтому, какими бы экстравагантными ни выглядели сказанные в сентябре этого года слова экс-президента Грузии Михаила Саакашвили о «планах Путина к 2024 году воссоздать СССР, присоединив к России Грузию, Армению, Белоруссию, Молдавию и основную часть Украины», сама по себе подобная тенденция кажется довольно правдоподобной. При этом Саакашвили добавил, что «частью этого плана является попытка вынудить эти страны (очевидно, некоторые из них. — А.Д.) объявить о нейтралитете, чтобы ослабить их лидеров». Кроме того, по его словам, «Россия и Грузия ведут переговоры относительно нейтрального статуса Грузии, что способствовало бы *невхождению* Грузии в НАТО и ЕС».

Разумеется, пресс-секретарь российского президента на все эти высказывания ответил коротким «нет»: мол, это не соответствует действительности.

Однако в этой связи симптоматично прозвучало недавно предложение бывшего генсека НАТО Андерса Фог Расмуссена, обращенное через соц-

сети к грузинам: «Предлагаю, давайте выйдем из тупика по вопросу о членстве в НАТО, раз ваша главная цель — вступление в Североатлантический блок, вы можете вступать в него... без Абхазии и Цхинвальского региона».

Здесь важен не столько вопрос о вступлении в НАТО, сколько перспектива готовности Запада отказаться от поддержки требований Тбилиси вернуть непризнанные республики в состав Грузии. Другими словами, признать их в качестве фактических российских протекторатов.

При желании можно спроецировать эту политическую логику и на схему решения крымского вопроса. Если, конечно, иметь в виду стремление Украины также вступить в будущем в НАТО. Но что-то подсказывает, что это случится не раньше, чем, скажем, до Москвы пешком из Якутии дойдет шаман, грозящий «свергнуть Путина». Возможность того, что Украина сочтет за благо обрести нейтральный статус в обозримом будущем, кажется все же более вероятной.

С другой стороны, кто знает? Может быть, крот истории роет в наших краях быстрее, чем позволено шаману ходить вдоль бывшей Российской империи, и перемены произойдут гораздо раньше его появления в «первопрестольной»...

Но до тех пор практически вся постсоветская «ойкумена» будет обречена неспешно, но упорно возвращаться в лоно бывшей метрополии. Конечно, не без обременений всякого рода, — культурных, социальных и, разумеется, экономических.

Америка и Европа будут не против. Разве только Китай...

© Текст: Аркадий Дубнов

Вскоре после кончины Е.Т. Гайдара в созданном им Институте экономической политики начали думать об издании его трудов. Весной 2011 года на Учёном совете утвердили состав редколлегии Собрания сочинений.

В редколлегию вошли:

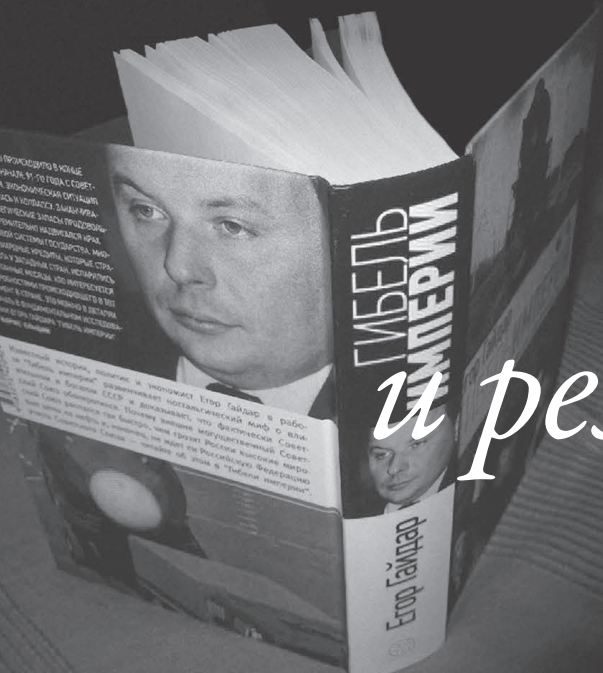
Аганбегян А.Г., Гайдар П.Е., Генциева Е.Ю., Греф Г.О., Гуриев С.М., Домбровский Марек, Колесников А.В., Кудрин А.Л., Кузьминов Я.И., Лопатников Л.И., Мау В.А., Радыгин А.Д., Rogov К.Ю., Сванидзе Н.К., Синельников С.Г., Стародубровский В.Г., Уринсон Я.М., Улюкаев А.В., Чубайс А.Б., Энтов Р.М., Ярошенко В.А., Ясин Е.Г.

Бессменным Ответственным секретарем редколлегии стала Е.М. Мозговая. Колоссальную работу проделал Леонид Исидорович Лопатников. Он отобрал тексты для включения в Собрание сочинений, вычитывал, и не раз, весь собранный материал, удалял повторы и сделал разбивку Собрания сочинений по томам.

Первый том Собрания сочинений вышел в 2012 году, пятнадцатый — в 2017-м в Издательском доме «Дело».

Собрание сочинений подготовлено к изданию Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара и осуществлено Издательским домом «Дело» РАНХиГС при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и господина Сеппо Ремеса.

Теперь, когда многогранное творчество Е.Т. Гайдара собрано и доступно, пришло время переосмысления и анализа сделанного им, созданы основания для объективной исторической оценки его наследия.

ПОИСКИ

и результаты

Наследие Егора Тимуровича Гайдара¹
О Собрании сочинений Е.Т. Гайдара

Лейтмотивом всего научного творчества Егора Тимуровича было будущее России.

Как обеспечить цивилизационный прорыв, необходимый для того, чтобы страна заняла достойное место в мире, а ее народ был бы обеспечен не хуже, чем в передовых странах <...> Именно стремление обосновать условия, необходимые для успешного будущего, побуждало Гайдара при анализе практически любого вопроса обращаться к истории, к прошлому. К тому, что может дать уже накопленный позитивный и негативный опыт разных стран. В этом — одна из принципиальных особенностей его методологического подхода практически ко всем работам.

Можно выделить два направления Егора Тимуровича в привлечении им исторического материала. Одно строится на обобщении исторического опыта разных стран, связанного с анализируемой конкретной проблемой, и на обосновании выводов, которые из него вытекают. Второе представлено редким для изучения экономических процессов в наши дни подходом, который можно было бы назвать цивилизационным, и посвящено исследованию истории не просто отдельных стран, а исторических эпох, определяющих экономическое раз-

витие. И можно понять потребность в углублении в далекую от наших дней историю ради обоснования животрепещущих современных проблем. Если стране нужен цивилизационный прорыв в постиндустриальное общество, то необходим и цивилизационный подход, раскрывающий уже встречавшиеся в разные времена факты и условия таких прорывов, а также факторы, определявшие длительные периоды экономического зстоя.

Такой подход заложен уже в монографии «Государство и эволюция» (1995 год), но особенно полное воплощение получил он в изданном в 2005 году масштабном труде (объемом более 53 печатных листов) «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории». Публикация этого исследования стала выдающимся научным событием. В нем особенно наглядно проявился уровень Е.Т. Гайдара как уникального ученого-энциклопедиста в социально-экономической области.

Ему не найти аналогов ни в российской, ни в мировой литературе по широте и глубине обобщения экономической истории всей планеты, выявлению специфики траектории развития России и анализу на этой основе задач, решение которых особенно принципиально для перспективы нашей страны.

В этом труде и в других работах выделяются масштабы привлечения исторического опыта и уровень его анализа и обобщения, помогающие выявлять логику изучаемых процессов, оценивать возможности проявления и использования ее в российских условиях, существенно повышать обоснованность получаемых выводов.

Этому служит и обилие тщательно анализируемых статистических данных при реалистичной оценке достоверности статистики, а также использование огромного количества документов и научной литературы. Гайдар был и считал себя практикующим экономистом, но его труды лишены экономической одномерности, они междисциплинары, полны социологических, исторических, демографических, даже психологических и литературоведческих аргументов.

В итоге творческое наследие Гайдара позволяет вывести на новый, не встречавшийся ранее уровень научного обоснования узловых проблем экономики и экономической политики России в современных условиях и на стратегическую перспективу, способной поднять страну на новую ступень развития. <...>

Методологический подход

Гайдар видел своей главной целью превращение России в нормальную для современного этапа истории страну, в органичную часть мировой западной цивилизации. Чем определяется выбор пути, ведущей к этой цели? В основе его экономической методологии было вполне марксистское понимание развития, когда более развитые страны показывают менее развитым образ их далекого или не столь далекого будущего.

Гайдар был далек от механического восприятия марксизма, он использовал его творчески. Принципиальную роль играл для него экономический детерминизм, методологическое значение которого нельзя недооценивать.

Особенно важно положение о том, что политическое устройство общества в значительной мере связано с уровнем экономического развития страны. Действительно, страны сопоставимого уровня среднедушевого ВВП имеют схожие политические

проблемы и исторические вызовы, и это подтверждается многократно, в том числе, например, и тем фактом, что все великие революции нового времени происходили в странах близкого уровня экономического развития. Гайдар всегда обращал на это внимание при анализе как исторической динамики стран, так и различных политических событий. Вот почему, доказывая, он, разные страны целесообразно сравнивать не только в один и тот же исторический период, но и с учетом сопоставимых уровней экономического развития. И такой подход постоянно прослеживается в его исследованиях.

Связывая состояние общественных институтов с экономическими и тенденциями технологического развития Гайдар показывал, что современные производительные силы требуют для своего развития либерализма и демократии. На наиболее передовой уровень вышли в подавляющей части успешные примеры развития в последней трети XX века демонстрировали демократические страны, которым удалось ограничить бремя государства в экономике.

Та же тенденция, можно сказать, характерна и для стран, успешно решающих задачи догоняющего развития в постиндустриальном мире. Даже в тех случаях, когда политическое устройство развивающихся стран далеко от демократии, основой их позитивной экономической динамики являются те же либеральные ценности. Так, Китаю, где форма правления далека от демократизма, стали посильными высокие достижения во многом благодаря одной из самых низких в мире финансовых нагрузок государства на экономику и способности государства опереться в экономической политике на развитие свободного рынка. Практические выводы из некоторых теоретических постулатов марксистской философии истории оказались далекими от прогноза неизбежной победы коммунизма, но применимыми для анализа и выработки экономической политики многих современных стран, в том числе и России.

<...> При этом обоснование Гайдаром либерального мировоззрения лишено пафосности и идеологизированности, так свойственных представителям противоположных взглядов. Он просто

показывает в своих работах на опыте самых разных стран, по каким причинам отклонения от принципов либеральной политики, которые иногда могли продолжаться многие годы, подчас и десятилетия, приводили в итоге к тяжелым для народов последствиям, в том числе и к катастрофам.

Современный экономический рост

На его основе произошел крупнейший цивилизационный прорыв в мировой истории, переход к новой эпохе, небывало ускорившей технологическое, экономическое и социальное развитие, сделавшей возможными передовые достижения современной цивилизации.

Современный экономический рост существует и прогрессирует примерно последние триста лет и, как любил подчеркивать Гайдар, мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, почему он начался (при его очевидной связи с научно-технической революцией) и будет ли продолжаться вечно. Проблемы этой фазы экономического развития особенно глубоко анализируются в книгах «Аномалии экономического роста» (1997 год) и «Долгое время».

Является ли современный экономический рост, однажды возникший, феноменом неуничтожимым? Попытки положить ему конец были еще в 1970-е годы, когда ряд экономистов (прежде всего в рамках «Римского клуба») пытались обосновывать неизбежность низких или вообще нулевых темпов роста. Однако пока такие попытки не срабатывают и достижение современного экономического роста остается стратегической задачей России.

Основы этого уникального цивилизационного рывка, осуществленного именно западным миром, Гайдар, как всегда, внимательнейшим образом исследует на богатом историческом материале, охватывающем разные исторические эпохи, начиная с аномального для традиционного аграрного общества явления античности, истории Греции и Рима.

В Греции, а позднее и в Риме наряду с демократией свободных крестьян и воинов стали зарождаться зачатки реальной частной собственности, в первую очередь на землю. На следующем этапе формирование в Европе в Средние века городов-

государств приводило, благодаря их активной торговле, к развитию рыночных отношений, к дальнейшему укреплению частной собственности, превращало эти города в центры коммерческого права и правосудия, что постепенно закладывало основу для перехода к современному экономическому росту. Именно обеспечение твердых гарантий частной собственности, начиная с земельной, появление (в отличие от восточных деспотий) при становлении свободного рынка собственности, независимой от государства, стало важнейшей предпосылкой, открывшей возможность западным странам совершить исторический рывок и показать остальному миру истинные возможности и пути достижения принципиально более высокого уровня развития. На этом фундаменте частной собственности складывалась на протяжении длительного периода вся система отношений, определившая достижения передовых стран современного мира. Разделение власти и собственности, свобода рынка влекли за собой процессы становления и усиления политических свобод, перехода к демократическим формам правления, растущего уважения и гарантий прав человека, консолидации и повышения роли гражданского общества.

Важный методологический вывод, связанный с современным экономическим ростом, предполагает опять-таки необходимость сопоставления стран, схожих по уровню среднедушевого ВВП. Именно поэтому, скажем, рецепты современного Китая были бы уместны для России 1920–1930-х годов, когда на той стадии развития имелся резерв перетока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, но никак не годятся для этапа посткоммунистической трансформации.

Интересный вывод из этой области связан с положением России в гонке растущих стран мира. Как показывают историко-экономические исследования, Россия на протяжении последних примерно двухсот лет сохраняет стабильную меру отставания от таких более развитых в экономическом отношении стран, как Франция и Германия. Данный интервал составляет 40–60 лет, и хотя он то несколько увеличивался, то сокращался, но в целом величина отставания колеблется в указанных пределах.

Подтверждение этого феномена было раскрыто Е. Гайдаром на основе обобщения обширных статистических данных, характеризующих развитие разных стран. Но, если выше отмечалась методологическая важность исторического пути более развитых стран, то современный экономический рост Гайдар анализирует во многом под углом зрения того, какие практические выводы вытекают для России из опыта стран-лидеров. Его особенно интересуют пути преодоления отставания, к которым мы еще вернемся. Но важно видеть и препятствия, и угрозы. Обильный поток незаработанных рентных ресурсов может привести к устойчивой институциональной деградации страны.

В этом смысле важнейшим с середины 1970-х годов риском для России является горький опыт Испании XVI века, подробно рассмотренный Гайдаром в монографии «Гибель империи. Уроки для современной России» (2006 год). Гайдар пишет о том, как самая сильная держава мира за пятьдесят лет пришла к полной институциональной деградации — под влиянием потока золота и серебра, приведшего к удорожанию производства в стране. Фактически мы испытали подобный шок при падении цен на нефть, которое сыграло принципиальную роль в обрушении Советского Союза.

Особенно детально и тщательно в указанной монографии исследуя эту проблему, Егор Гайдар делает определенное научное открытие. Он впервые показывает и, как всегда, детальнейшим образом обосновывает, каким образом политика коллективизации, разорившая наше сельское хозяйство, в итоге через шестьдесят с небольшим лет предопределила ускоренный крах советского режима. После коллективизации вначале практиковался вывоз зерна, ради индустриализации, при голоде внутри страны и бегстве населения из села в город, затем в результате неспособности аграрного сектора прокормить города, перешли к продаже нефти ради покупки зерна. В этих условиях падение мировых нефтяных цен парализовало импорт и способность обеспечивать страну продовольствием, затем привело, так сказать, к «обезвоживанию» экономического организма стра-

ны и к гибели исчерпавшего себя общественного строя.

К сожалению, Россия и сегодня находится в очень похожей ситуации, поскольку природная, особенно углеводородная рента вот уже почти полвека продолжает определять социально-экономическое развитие страны. Наличие же дешевых денег снижает спрос на любые модернизационные продукты — купить оказывается дешевле, чем произвести.

Подобный механизм крайне опасен: он ведет к деградации институтов, а институты после исчерпания доходов от дешевых ресурсов не восстанавливаются симметрично. Не говоря уж о том, что неизбежность периодического падения мировых цен на нефть постоянно висит «дамокловым мечом» над нашей экономикой.

Другая опасность, также раскрытая в работе «Государство и эволюция», носит институциональный характер и состоит в историческом наследстве, доставшемся нам от восточных деспотий, от азиатского способа производства, который при всех попытках использовать европейские достижения в течение долгих веков оказывал преобладающее влияние на развитие страны. Следствием становились закрепленные в сознании и подсознании поколений гипертрофированный культ государства, отсутствие традиций легитимной частной собственности, законопослушности, при укорененном засилии бюрократизма. <...> Неудивительно, что особую угрозу для России Гайдар видел в перспективе на продолжительное время скатиться на уровень государств «третьего мира».

Его творчество раскрывает и обосновывает пути, позволяющие избежать такой перспективы.

Преимущества отсталости.

Достаточно известны работы А. Гершенкрона², посвященные этой проблеме, но здесь важно увидеть, что — опять же в логике современного экономического роста — необходимо различать стадии индустриального и постиндустриального развития. Идея преимущества отсталости основывается, в частности, на том, что отсталая страна имеет воз-

возможность при благоприятных условиях использовать развитые технологии, минуя промежуточные стадии, но опираясь на определенные институциональные решения. При обсуждении этих вопросов, применительно к «догоняющему» развитию современной России, Егор Гайдар обратил внимание на особую роль, которую прежде всего может сыграть заимствование институтов. Это может оказаться даже важнее заимствования технологий.

Другая принципиальная сторона использования преимуществ отсталости, способная облегчить дальнейшее развитие России и подробно исследованная Гайдари, состояла в том, что государство не успело набрать такой масштаб социальных обязательств, как развитые страны в благоприятные периоды своего развития и в предшествующих социально-демографических условиях.

Егор Тимурович предполагал усугубление экономических, политических и социальных трудностей этих стран. Это усугубление мы наблюдаем и сейчас, в период для многих из них сложного, а иногда и трагичного выхода из экономического кризиса. К сожалению, в последнее время, в условиях беспрецедентной активизации популистской политики и роста расходов бюджета, это наше преимущество тает на глазах, если вообще осталось.

В этой связи не только сохраняется, но и нарастает актуальность одной из сквозных тем научных работ Гайдара — темы ответственной бюджетной политики. Важно помнить и о его роли в обеспечении такого подхода к политике на практике. Ему принадлежит идея создания Стабилизационного фонда как способа противодействия «голландской болезни» в период высоких цен на нефть и инструмента смягчения социальных потрясений при возможных кризисах. Даже самые рьяные критики вряд ли смогут отрицать, что именно этот фонд стал ключевым фактором, в условиях недавнего глобального кризиса 2008-2009 годов позволившим удержать ситуацию в России под контролем. Обоснование необходимости такого фонда, как всегда, Гайдар строил не только на логических доводах, но на привлечении аналогичного опыта других стран и анализе его последствий, а также опыта активнейшего противодействия в этих странах со стороны разных

социальных сил, поддаться которому ответственные политики не могли позволить себе — ввиду возникновения катастрофических угроз.

<...>Возвращаясь к отмеченному выше высказыванию Гайдара о том, что заимствования институтов важнее заимствования технологий, можно выделить характерный пример с тем же самым технологическим развитием, определением его приоритетов. В начале XX века, на индустриальной фазе, были понятны долгосрочные (охватывающие десятилетия) приоритеты развития техники. Для этого этапа в разных странах характерно масштабное вмешательство государства в процесс аккумуляции и перераспределения капитала. Напротив, экономический либерализм оказывается эффективным тогда, когда усиливается неопределенность путей дальнейшего развития, когда происходит резкое ускорение технологических изменений. Так было на рубеже XVIII–XIX веков. Аналогичная ситуация характерна и для нашего времени, когда ускорение технологического прогресса вновь делает развитие крайне неустойчивым и очень плохо прогнозируемым, а потому либеральные рецепты оказываются более адекватными. <...>

Поэтому в современных условиях важнейшей функцией государства является не концентрация ресурсов, а обеспечение институциональных условий, для того чтобы экономические субъекты могли максимально точно улавливать тенденции технологического прогресса.

Адаптивность хозяйственной системы становится наиболее важным условием успеха, чего государственный патернализм как раз дать не может (ему ближе мобилизация материальных и людских ресурсов). А приоритетами являются инвестиции в человеческий капитал.

Эти выводы из работ Гайдара чрезвычайно актуальны для достижения результатов политики модернизации и инновационного развития.

При исследовании институциональных проблем Егор Тимурович, как и во многих других случаях, уделяет большое внимание опасностям, с которыми может столкнуться общество, особенно в периоды революций и смут. Наиболее разрушительна

опасность ускоренного слома старых, пусть плохих, но работавших институтов, при отсутствии более-менее сложившихся новых. В итоге граждане оказываются беззащитными перед разгулом беззакония и мародерства. Такие ситуации возникают не только, когда происходят революции, которые Гайдар называл смутами, но и при кажущихся поначалу успешными операциях (типа свержения режима Саддама Хусейна в Ираке).

Особенно подробно такие ситуации исследованы в последнем, изданном при его жизни труде «Смуты и институты» (2009 год, в книге «Власть и собственность»), который включает напряженные размышления о прошлом, прежде всего российском, о катастрофическом и трагическом опыте России на протяжении XX века. С тяжелейшей ситуацией пришлось иметь дело и его правительству, когда в одночасье рухнул советский режим и рассыпались институты, на которых он держался. Необходимость избежать смут и создать условия для этого Гайдар относит к первейшим приоритетам политики. Он не только был категорическим противником революций и катаклизмов, но потратил много интеллектуальных сил и таланта, чтобы досконально проанализировать их механизмы, цепь вызовов и системных решений, которые к ним ведут. Он показывал, как ошибки именно в институциональном строительстве, запаздывание реформ закладывают основы революций и превращают их в неизбежность.

При внимательном взгляде на то, что писал, делал и говорил Гайдар, становится очевидным, что по своим политическим воззрениям он был последовательным государственным деятелем. Но государственным деятелем без обожествления государства, без придания ему сакральной силы и ожидания от него чудодейственных прорывов, без доминирования государственной власти над человеком. Таким образом, Егор Гайдар являл собою довольно редкий в России тип либерального государственника. <...>

При обосновании необходимости и направлений долгосрочных реформ на первый план им выдвигаются повышение уровня человеческого капитала, а также приоритет политических и правовых институтов над экономическими.<...>

Вопрос об особой роли развития человеческого капитала в наши дни стал очевидным и даже приевшимся. Тем более важно подчеркнуть, что мы обсуждаем его в значительной мере с подачи Егора Гайдара. В своих статьях 2001–2002 годов он выдвинул и обосновал положение, что в постиндустриальном обществе, к которому идет Россия, инвестиции в человеческий капитал — образование, здравоохранение, жилье, пенсионную систему — становятся ведущими приоритетами. Именно здесь находят точки прорыва: инвестиции в названные секторы обеспечат сравнительные конкурентные преимущества страны. Более подробно, в широком историческом контексте, эти идеи были разработаны в его книге «Долгое время».

Здесь есть несколько развилок, несколько точек, на которых важно не допускать ошибок. Одна из них состоит в том, что проблема человеческого капитала связана не просто с деньгами, не с тем, что при советской власти давали много денег, а после падения Советов — мало. Проблема заключается в необходимости проведения принципиальных институциональных реформ в секторах, связанных с развитием человеческого капитала, и эти реформы не сводятся исключительно к финансированию, при всей его важности. <...>

Егор Гайдар говорил, что страна, которая найдет правильную модель для институтов здравоохранения, пенсионной системы и системы образования, модель, адекватную вызову постиндустриального времени, будет иметь огромное преимущество перед другими государствами в возможностях дальнейшего развития.

Обоснование узловых проблем, определяющих потребность в системе реформ на перспективу, отражает убежденность Гайдара в способности народа нашей страны обеспечить прорыв на новую цивилизационную ступень. При том, что это требует напряженной, целенаправленной, организованной, будничной и подчас неблагодарной работы. Он говорил, что история длинная, и ей все равно, сколько времени каждая страна будет усваивать уроки. <...>

Исключительно актуально звучит вывод, которым он заканчивает свою главную работу «Долгое время»: «История учит: ни одной стране мира не га-

рантировано сохранение вечного лидерства, тем более роли гегемона в мире. И теперь государства, начавшие экономический рост на поколение позже лидеров, способны преодолеть отделяющую их дистанцию, стать лидерами его следующих этапов. Но смогут ли национальная элита, общество в целом использовать этот шанс? Вот главный вопрос. Его решение зависит от всех нас».

Для того чтобы решение зависело от всех нас, нужны политические предпосылки.

<...>В первую очередь это относится к раскрытию особенностей, так называемых «закрытых» или «управляемых» демократий, где формально действуют многие демократические институты, но политическая элита договорилась о механизмах передачи власти, исход выборов predetermined, а от избирателей на деле ничего не зависит.

Опыт разных стран выявил типичные особенности таких «демократий». Прежде всего — распространённость коррупции в несравнимо более значительных масштабах, чем в подлинно демократических обществах, склеротичность, негибкость таких политических режимов, неспособность активно реагировать на вызовы времени, тем более что в их рамках выстраиваются хорошо организованные группы, способные защищать свои частные интересы, останавливать невыгодные им реформы, как бы они ни были необходимы для страны в целом. А это уже серьёзная угроза устойчивому экономическому росту, не говоря уж о конкурентоспособности.

<...>Отсюда и принципиальный вывод: если «реформы идут на фоне упрочения и развития демократических институтов, обретения ими исторической легитимации, это даёт странам догоняющего развития возможности преодолеть дистанцию, отделяющую их от лидеров, сохранив шансы на долгосрочно устойчивые темпы экономического роста.

Построить в России действующую демократию, разумеется, сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу придется решать. Не надо иллюзий. Мы живем в мире XXI века, а не XVIII века. Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные со-

циально-экономические изменения, современный характер общества не дают шансов на сохранение устойчивых недемократических режимов».

<...> Нельзя забывать и о том, что Гайдар был основателем и бессменным руководителем уникального исследовательского института. Институт был организован незадолго до развала Советского Союза; на его базе сложилась команда реформаторов, на плечи которой легла наиболее тяжелая и неблагодарная работа по осуществлению в сложнейших условиях самого ответственного — начального этапа перехода к рыночной экономике. Такой пример включения недавно сформированного научного коллектива в руководство страной вряд ли знает история. И это наглядно иллюстрирует организационный талант Гайдара, его способность собирать вокруг себя молодых, творческих, инициативных высокопрофессиональных специалистов. Затем институт переключился на анализ и обобщение опыта экономического развития страны, подготовку следующих этапов реформ, разработку предложений по повышению результативности экономической политики. <...>

Сочинения Егора Гайдара, собранные воедино, более, чем любые разговоры о нем, наглядно раскрывают читателю уровень и цельность его личности, целостность его мировоззрения, масштабы научного и публицистического дара <...>

Он предстает перед читателем как ученый, как страстный пропагандист и трибун, как государственный деятель... Как человек, благодаря которому мы живем в новой эпохе и историческая роль которого кратко определяется понятием «гайдаровские реформы», надолго, если не навсегда, вошедшим в русский язык.

Примечания

- ¹ *Гайдар Е.Т.* Собрание сочинений в пятнадцати томах. Предисловие редакционной коллегии. Том 1. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012 г. Публикуется с сокращениями.
- ² *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в сравнительной перспективе. М.: Изд. дом Дело, 2015 — 535 с.

© Фото: Виктор Ярошенко

Ф

еномен античности завораживает.

Именно его история рассматривается как центральная в изучении докапиталистического развития. Из нее черпают представления об аграрных цивилизациях, поворотных точках в их становлении и эволюции. Ей посвящены горы и горы книг. Тысячи и тысячи сосредоточенных жизней. Между тем, мир античного Средиземноморья — масштабная аномалия аграрного мира, изученная и документированная лучше, чем история горцев и степных кочевников.

* * *

Я думаю, сердцевина античного феномена заключена в уникальной способности (и не на год, не на поколение — на века!) преодолеть одну из ключевых проблем аграрного мира — **несовместимость крестьянского труда и военного дела.**

Чтобы оградить себя от специализирующейся на насилии элиты, крестьянскому сообществу необходимо обладать способностью к самоорганизации, умением своими силами обеспечить порядок и самооборону. Только тогда средства, которые необходимо тратить на эти функции, может определять само сообщество, исходя из своих потребностей.

Эти средства будут заведомо меньше податей в аграрных монархиях, взимаемых в пользу правящего класса, или, тем более, дани, которую приходится платить сменяющим друг друга разбойникам. Однако для того, чтобы подобная

феномен античности

Егор ГАЙДАР

социальная организация стала возможной, крестьянской общине необходимо выработать механизм совместного принятия и исполнения решений, который не даст скатиться к анархии, открывающей дорогу «мобильному бандитизму». Учитывая слабость коммуникаций в аграрном обществе, надо понимать, что люди, принимающие решения, должны уместиться на центральной площади поселения.

Небольшому самоорганизующемуся сообществу, которое обязано защищать себя, это легче сделать в защищенной горами долине у морской бухты, чем на континентальной равнине. И шансы на устойчивость такой организации выше, когда в общине доля **не занятых в сельском хозяйстве и обладающих полезными для военного дела** навыками больше обычной для аграрного общества.

Если горные районы и великие степи создали базу для специфических форм организации общества, характерных для горцев и скотоводов-кочевников, то античный феномен неразрывно связан с морем. С теплым морем.

Морей много, но лишь в Средиземноморье возникла особая, оказавшая серьезное влияние на развитие человечества форма общественной организации — полисная демократия.

МОРЕ

Акватория Средиземного моря уникальна: изрезанная береговая линия, множество островов, удобные бухты и гавани, откуда можно совершать неблизкие плавания, не теряя из вида сушу, почти нет приливов и отливов. Мореходство на Средиземном море начинается уже в четвертом тысячелетии до нашей эры, когда появляются неолитические поселения на Крите и на Кипре. (Культ Афродиты возник, вероятно, у приморских обитателей, знакомых уже с мореплаванием.)

<...>

Морской транспорт при технологиях аграрной эпохи много выгоднее и удобнее сухопутного. В античные времена стоимость перевозки груза через все Средиземное море с востока на запад была примерно такой же, как перевозка товара по хорошим римским дорогам на 75 миль. Благодаря низким транспортным расходам в Средиземноморье в торговый оборот были вовлечены значительные объемы товаров массового потребления, в отличие от сухопутных караванных путей, где в первую очередь шла торговля предметами роскоши. Такая торговля мало влияла на жизнь подавляющей части крестьянского населения.

Рыболовство, дополняющее ресурсы продуктов питания, поставляемых земледелием и скотоводством, получает в Средиземноморье широкое распространение, способствует развитию мореходства.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ТРИАДА

Здесь довольно рано возникает знаменитая средиземноморская триада: производство зерна соседствует с возделыванием на больших площадях оливок и винограда. Как показывают археологические раскопки, специализация возникает уже в крито-микенский период, хотя ее полное развитие приходится на более позднее время. Урожай оливок и винограда можно выращивать на склонах холмов, на террасированных склонах гор — земле, мало пригодной для зерновых культур. Замечено, что северная граница проникновения греческой колонизации в Средиземноморье и районы Черного моря совпадает с северной границей распространения оливкового дерева. Разные требования к земле для разных культур (под пшеничные поля, оливковые рощи и виноградники) стимулируют межрегиональную специализацию и развитие торговли.

Однако расширение торговли — не только благо. Ведь торговый корабль середины второго тысячелетия до н.э. ничем не отличается от пиратского. Пиратство везде, особенно в Средиземноморье, идет рука об руку с торговлей.

ПИРАТЫ

Народам моря, в силу их малочисленности, труднее, чем степнякам, завоевывать крупные земельные государства. Трудно, опасно и дорого перевозить по морю необходимые для масштабных военных действий крупные контингенты пеших воинов и тем более конницы. К тому же центры аграрных цивилизаций умышленно отодвигались от побережья. Поэтому морские кочевники скорее использовали свою мобильность для на-

бегов и грабежей, чем для захвата других народов и их территорий. Другое дело — пиратство, морской разбой. Упоминания о нападениях пиратов как массовом явлении встречаются в самых ранних источниках по истории Средиземноморья.

<...>

Характерная черта пиратства — *децентрализация насилия*. То, что не сумел отнять один, отнимет другой, следующий. Устойчивое сельское хозяйство при непрерывных пиратских набегах невозможно. Иллюстрация тому — Египет во времена нашествий «народов моря». Подвергавшиеся постоянным пиратским набегам оседлые народы платили морским кочевникам регулярную дань, чтобы предотвратить их нападения.

И все-таки, независимо от того, удавалось или нет пиратам обирать прибрежные аграрные государства, они всё больше и больше склонялись к морской торговле, к увеличению ее доли в балансе с морским разбоем, ибо торговля и выгоднее, и *безопаснее*. Даже регулярно получая дань, разбойники охотно дополняли ее своими коммерческими доходами. Они начинали понимать, что торговля с соседними аграрными государствами не подрывает их ресурсы и, следовательно, они сохраняют «курицу, которая несет золотые яйца», сохраняют базу для потенциальных грабежей.

Централизованная аграрная империя слабо контролирует свои приморские территории.

Как тонко заметил Иосиф Бродский совсем по другому поводу:

*Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции, у моря.*

Когда государь и его армия не способны защитить жителей побережья, обеспечить им хотя бы минимальный уровень безопасности, последние вынуждены обеспечивать оборону своими силами. А гористый рельеф многих районов Средиземноморья как нельзя лучше способствует организации оборонительных рубежей.

Как пишет Фукидид: «Города, основанные в последнее время, когда мореплавание сдела-

лось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами или занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города, как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее побережное население). Поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны».

Все эти факторы способствовали формированию общества, где роли крестьянина и воина не разделены, а слиты воедино. Торговля и пиратство требовали скоординированных действий всей общины, навыков взаимодействия и взаимозаменяемости.

У героев Гомера пиратство — почтенное, благородное дело, само подозрение в неспособности заниматься которым оскорбительно.

Впрочем, совмещение в этих краях торговли с пиратством вовсе не греческое изобретение. До греков этими промыслами активно занимались финикийцы. Заимствование греками финикийского алфавитного письма служит ярким примером культурного взаимодействия народов, которые в полном объеме использовали возможности средиземноморской триады. <...>

ПОЛИС

Уже в том виде, в котором греческие поселения возникают после «темных» веков, в ранний архаический период они являются полисами — городами-государствами. Характерными чертами полиса были контроль над прилегающей территорией и наличие укрепленной крепости (само слово «полис» первоначально означало «крепость»).

Греческие полисы объединили людей, которые:

а) занимают территорию, имеющую своим центром город, в котором находятся органы власти, обычно концентрирующиеся вокруг укрепленной крепости (акрополя), б) свободны в ре-

шении принципиальных вопросов организации собственной жизни.

Поселения, как правило, небольшие. Полис, насчитывающий 5 тысяч жителей, считается в это время крупной общиной. В греческих поселениях существует стратификация, в том числе и определяемая организацией военного дела. Гомеровская Греция — период боевых колесниц.

Лучшие воины, владеющие этой военной техникой, составляют элиту полисов. Однако все доступные нам источники свидетельствуют: социальная дистанция, которая отделяет их от остальных членов общины, от пешеходов, очень невелика — куда меньше той, что лежит между привилегированным меньшинством и крестьянской массой в традиционных аграрных государствах.

Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет полисом. Для Гомера «поле» вместе с его обитателями — это синоним почти первобытной дикости, крайней социальной разобщенности. Правильная, цивилизованная жизнь, в его понимании, возможна только в полисе. В полисе суверенитет принадлежал народному собранию, т.е. общине полноправных граждан. Полис прежде всего коллектив граждан. В олигархических государствах важна роль совета, но и там народному собранию принадлежало окончательное решение при обсуждении самых основных проблем (таких, например, как война и мир).

ЭЛИНЫ И ВИКИНГИ

И сегодня хорошо известны морские полукочевники, в хозяйственной деятельности которых значительную роль играет рыболовство, иногда сочетающееся с торговлей и морским разбоем. Но очевидная параллель здесь — Скандинавия в VII–XI веках.

И в Греции гомеровского периода, и здесь население хорошо знакомо с производящим хозяйством, значительна роль скотоводства и ограничена роль земледелия, широко распространены мореходство и рыболовство.

Можно сравнивать и ландшафт: невысокие горы и изрезанное морское побережье, которые обеспечивают многочисленные места, удобные для пристани и защиты. В обычае морская торговля и разбой. Климат, правда, совсем иной, северный климат. И гораздо более трудные условия выживания, особенно зимовки.

Обращает на себя внимание сходство социальной структуры: отсутствие упорядоченного налогообложения и государственного аппарата, дары как способ обеспечения протогосударственных функций, значительная роль народного собрания (способных носить оружие воинов) в решении вопросов организации жизни общества (войны и мира, выбора предводителей, суда).

В мире викингов, как и в античной Греции, преобладающим сословием было сообщество свободных крестьян-воинов. <...>

При сходстве многих элементов организации хозяйственной жизни, социальной структуры греков гомеровского и архаического периодов и норманнских народов Северной Европы VII–X веков **различия мирового контекста** того времени, когда они появляются на исторической авансцене, оказывают определяющее влияние на траектории их последующей социальной эволюции.

В мире IX–VII веков до н.э., в районах, близких к местам расселения греков, доминируют крупные аграрные централизованные государства. Специфика формы расселения, хозяйственной деятельности затрудняет грекам копирование моделей организации общества, подталкивает к социальным инновациям.

Греческий полис возникает как отрицание того, что сами греки называют «восточным деспотизмом». <...>

Эволюция античных институтов показывает: существовал отнюдь не единственный путь от примитивных социальных структур раннего неолита к трансформации даров в налоги, к разделению на сельское хозяйство как занятие основной массы населения и на специализацию в государственном управлении, в насилии. Но в особых условиях оказывается возможным альтернативный путь — отказ от системы даров, восприятие

налогов как признака рабства, формирование общества крестьян-воинов, стабилизация полисной демократии.

Античный путь эволюции позволяет сочетать преимущества кочевых народов, где каждый мужчина — воин, с благами цивилизованного оседлого государства: большими экономическими ресурсами, развитой культурой, высоким уровнем организации, в том числе и военного дела. Греческая фаланга и римские легионы — лучшие для своего времени, по крайней мере в Средиземноморье, военные структуры.

Жители полиса в своем большинстве занимаются сельским хозяйством. Это характерно даже для Афин, одного из самых урбанизированных центров античности, где город — лишь центр полиса, в котором возможно организовать защиту от врага.

В античном мире торговые отношения, порожденные разделением труда внутри средиземноморской триады, необычайно глубоко для аграрного мира проникают в жизнь массы крестьянского населения. Отсюда роль городов как важнейших торговых центров и одновременно центров политической, культурной и духовной самоорганизации.

В аграрных цивилизациях города — аномалия, отклонение в организации общественной жизни. Это место дислокации правящей элиты, центр опутывающей государство налоговой паутины. Для крестьян город — нечто враждебное. В спящем торговлей античном мире город, напротив, органичная и неотъемлемая часть крестьянского общества.

Необычно высокий, непревзойденный вплоть до XVII–XVIII веков нашей эры уровень урбанизации античного мира — общеизвестный факт, равно как и существенно меньшая, чем в классических аграрных обществах (хотя и доминирующая), в экономической жизни роль сельского хозяйства. В античном мире выше значение торговли, грамотнее население. Алфавитный способ письма, позаимствованный у финикийцев, стал предпосылкой широкого распространения грамотности.

Важнейшее социальное разграничение в аграрном обществе — деление на полноправных

Фото: Александр Тягны-Рядно

граждан, в чью обязанность входит лишь служба, в первую очередь военная, и неполноправных, платящих прямые налоги государству или подати господину. В греческих общинах архаического периода твердо закрепляется иной принцип. Члены общины, они же воины, совместно участвуют в боевых действиях и не платят прямых налогов.

Для греческого мира вообще характерно отождествлять прямые налоги с рабством. Ввести их всегда стремились тираны, которым нужны были средства на наемную стражу, постройку флота, на раздачу денег плебсу для поддержания собственной популярности. Размышления о связи налогов и тирании мы находим и у Аристотеля.

...Трудно сказать, насколько характерные для кочевников представления о том, что свободные люди не платят прямые налоги, повлияли на формирование греческих традиций, однако не только греки, но и многие другие индоевропейские народы тесно связывали налоговое бремя с рабством. Когда на закате Рима готов расселяли на территории империи, римляне вынуждены были освобождать варваров от налогов, поскольку те не допускали отношения к себе как к рабам.

Греки сумели так организовать военное дело, что крестьяне могли эффективно противостоять воинам-профессионалам аграрных империй. Геродот, как известно, в несколько раз преувеличил численность персидского войска, с которым греки столкнулись во время похода Ксеркса. Но это типичный для военной истории случай, когда при сравнительной оценке крестьянского ополчения и профессиональной армии качество переведено в количество. Каким бы ни было численное соотношение греков-ополченцев и профессионалов персов, результат известен: организованные крестьяне отбросили полчища Ксеркса. Организация военного дела у оседлых греков оказалась не менее эффективной, чем у горцев или степных кочевников.

Развитие военного дела оказывало непосредственное влияние на формы полисной демократии. Массовое применение оружия из железа, закат эпохи колесниц, появление тяжеловооруженной фаланги гоплитов — все это расширяет

участие воинов в делах полиса, ведет к ослаблению аристократии.

Программа строительства флота, требующая привлечения к морской службе малообеспеченных граждан, создает предпосылки для всеобщего избирательного права, которое распространяется, разумеется, лишь на свободных граждан — мужчин.

Финансовое благополучие классического античного города Афин зиждется на сборах за экспорт и импорт через порт Пиреи доходов от рудников. Во время войн как временная и чрезвычайная мера вводятся прямые сборы с граждан. Часть государственных функций выполняется не за деньги и не в виде обязательной трудовой повинности, а в качестве почетной обязанности — литургии.

Отсутствие прямых подушевых и поземельных налогов не только отличает античный мир от аграрных государств, но создает предпосылку для принципиально иной эволюции отношений собственности, в первую очередь важнейшего в аграрную эпоху вида собственности — земельной. Собственность крестьянина в аграрных государствах обременена обязательствами. В ней переплетаются права обрабатывать землю и кормиться с нее и обязанности содержать господствующую элиту. Если нет прямых налогов и других изъятий у крестьян, более того, они несовместимы с традициями, то формируются простые и понятные земельные отношения. Земля принадлежит тому, кто пользуется ее плодами; он может распоряжаться ею по своему усмотрению: складывать, продавать, обменивать. Это послужило базой для специфической модели нераздельной, не обремененной обязательствами, свободно обращающейся на рынке частной собственности. А в античном мире — породило острейшие проблемы, связанные с распределением земли.

В аграрных государствах нередко случаи, когда крестьян насильственно прикрепляли к земле, чтобы они гарантированно выполняли свои обязанности перед государством или правящей элитой. Если земля не обременена обязательствами, втянута в рыночный оборот, от обеспеченности ею

зависит благосостояние крестьянской семьи, возможность для землевладельца выполнять обязанности полноправного гражданина, в первую очередь воинские обязанности. Естественно, борьба за распределение земли не может не обостриться. И она становится важнейшей частью античной истории. Античная традиция устойчиво связывает все попытки земельного передела с угрозой тирании.

Концентрация земельной собственности при характерных для того времени представлениях об униженности наемного труда, его несовместимости со статусом полноправного члена общины крестьянина-воина подталкивала к различным социальным выплатам и раздачами. Это становилось немалым бременем для античных городов. В Афинах на деньги от взносов и пошлин содержались свыше 20 тысяч человек, в том числе более 6 тысяч судей.

В традиционных аграрных обществах возникновение административной лестницы — иерархии ролей в исполнении государственных функций, перераспределение ресурсов, формирование налоговой системы, разделение общества на тех, кто платит налоги, и тех, кто их не платит, — важнейшие элементы социальной дифференциации. Параллельно идет процесс имущественной дифференциации, который переплетается с распределением статусов в системе государственной власти, но значение его второстепенно.

В условиях античного общества, где государственная иерархия не выражена, но велика роль

торговли, важнейшей линией общественного расчленения становится имущественная дифференциация, в первую очередь определяемая собственностью на землю.

Развитие рынка, широкое вовлечение античного общества в торговлю позволяет гражданам дополнить свои скромные доходы от сельского хозяйства тем, что приносит разделение труда. Но чем больше развивается торговля, тем неравномернее распределяются полученные от торговли богатства. Чем больше концентрируется земельная собственность, чем меньше крестьян-воинов остается в общине, тем она слабее. Это одна из стержневых проблем в политической истории и античной Греции, и республиканского Рима.

Со становлением полиса связано укоренение представлений о правах человека (разумеется, как правах равноправных членов общины), о свободе, демократии, частной собственности. В полисе граждане и были государством.

Античный период — период необычайно расцвета культуры и экономики в истории аграрных обществ. Лишь к XII–XIII векам н.э. Западная Европа по душевому валовому внутреннему продукту достигает уровня античности.

Сами военные успехи греков в противостоянии с расположенной вблизи их территории могучей империей укоренили в средиземноморском мире убеждение в превосходстве демократических режимов, где властвует закон, должностные лица избираются, а народные собрания созываются регулярно.

© Текст: Егор Гайдар

Фрагмент статьи «Сотворение Европы» Статья в двух частях. Статья пятая. Историко-экономические очерки
Опубликовано в журнале *Вестник Европы*, номер 13, 2005 г.

Никос Экономопулос

Никос Экономопулос родился в сердце Греции, на полуострове Пелопоннес (рядом со Спартой, Нафплионом, развалинами Микен). Он изучал право в Парме (Италия), был журналистом. В 1988 году оставил журналистику, чтобы посвятить себя фотографии. Снимал в Греции и в Турции. Довольно скоро Никос обрел признание, его фотографии стали появляться в газетах и журналах по всему миру. После завершения Балканского проекта в 1994 году он стал полноправным членом компании **Magnum**. Его книга «На Балканах» была издана в 1995 году в Нью-Йорке (Абрамс) и Афинах (Либро).

В 1990-х годах Никос работал на границах, в так называемых конфликтных точках, снимая греков и турок на Кипре, нелегальных мигрантов на греко-албанской границе и массовую миграцию этнических албанцев, спасавшихся бегством из Косово.

В 2000 году по заказу Эгейского университета Никос завершил книжный проект, посвященный Эгейским островам. Ретроспектива его работ под названием «Экономопулос, фотограф» была опубликована в 2002 году, а затем выставлена в Музее Бенаки в Афинах. Много снимал в Турции, где был удостоен премии Абди Ипекци (2001 год) за работу по развитию понимания и дружбы между греческими и турецкими народами. Сравнительно недавно Экономопулос занялся цветной фотографией. Работает по всему миру, путешествуя, преподавая и фотографируя в рамках своего многолетнего проекта «На дороге».

Никос Экономопулос выработал собственный и сразу узнаваемый стиль в фотографии. «Во время съемок, каким-то образом, мышление приостанавливается. Это все равно, что играть в игру с реальностью».

Никос Экономопулос

Из интервью Никоса Экономопулоса

Вы начали свою профессиональную деятельность как журналист, а затем перешли на фотографию. Как это случилось?

Я всегда ощущал тяготение к фотографии. Но для меня было важно сохранить свободный любительский взгляд. Я не хотел, чтобы мое существование стало зависимым, потому что это нарушило бы мою свободу исследования.

Какие фотографии или художники вдохновляли Вас в Вашей работе?

Картье-Брессон был моей первой точкой отсчета, моим окном в мир. А потом Серджио Ларен и Иосиф Куделка, затем и другие художники, в том числе черногорский писатель Бранимир Счепанович, греческий композитор Дионис Саввопулос, а также Эмир Кустурица. Балканская литература и кино глубоко повлияли на мое мировоззрение.

Вы создали ряд работ, можно сказать, документировали образ жизни на Балканах, в Восточной Европе и в Западной Азии. Что Вас особенно привлекает в этом регионе?

То, что разожгло мое воображение, я называю «балканский парадокс». Я не мог понять, как эти общества, имеющие огромную физическую и символическую близость, с близкими культурами и языками, с их общими проблемами и образом жизни, а также с их мировоззрением, могут порождать и подпитывать столько насилия. Как могут сосуществовать вместе сходство и напряженность? Как они могут испытывать такие сильные эмоции друг к другу? Кровь и мёд. Для меня это было чем-то близким, если говорить о следах, которые когда-то можно было распознать в событиях, жестах или отношениях людей.

Я помню в Приштине трех албанцев, которые однажды вечером выпивали вместе, затем яростно заспорили, каждый из спорщиков настаивал, что платить будет он. Но затем один из них не вытащил нож и стал угрожать другим, чтобы одержать победу. Это нелегко понять, не говоря уже о том, чтобы объяснить, но мне это показалось знакомым. Безумный и жестокий мир. И в то же время нежный и завораживающий...

Как Вы подходите к своим проектам? Собираетесь ли Вы Вашиими фотографиями рассказывать истории разных людей и культур?

Фотография для меня непреднамеренна, это — чистый инстинкт. Я не люблю готовиться к встрече с той или иной культурой, ибо для меня каждое новое место — это поистине «страна чудес».

Я часто думаю, что надо быть более организованным, готовиться и вести записи, но в конце концов это никогда не срабатывает. Я не могу подойти к этому как к рациональному процессу, просто полагаюсь на сохранение этого доступа к миру как к волшебному пейзажу. Боюсь, что в противном случае я растерял бы эмоции, их динамику, ведь все это глубоко внутри.

То, что я представляю в образе, не может быть сформулировано словами. И не потому, что это нечто новое или экзотическое — нет, это каскад эмоций. Я делаю свои лучшие фотографии в тех местах, где происходит активное взаимодействие людей, где преодолеваются барьеры, где жизнь напряжена и переполнена.

Для меня фотографирование — это спонтанный процесс, я не думаю о законах композиции, не пытаюсь создать эффект или навязать некую символику. Не этот язык меня интересует. У меня нет идеи, которую я пытаюсь превратить в образ, всё «с точностью наоборот». А сюрреализм в моих изображениях заключается вот в чем. Например, дети, играющие с мячом. Что бы я искал? Искал бы ходы вокруг мяча, но не сам мяч. Если мяч находится в кадре, то ответ есть там, и он не вызывает у вас любопытства. Но если мяча там нет, то остается динамика жестов и поток детских фигур вокруг мяча, радость на лицах детей от самой игры — но без объекта в поле зрения. И ты удивляешься. Вот то, что я ищу: элемент удивления.

Думаю, мои поиски — это не правда, в смысле уникальной и неоспоримой истины. Это все равно, что задать вопрос — но обойтись без ответа. Не раскрывая глубинной истины — но раскрывая слой за слоем череду других вопросов.

Черно-белая фотография много лет похожа на улицу с односторонним движением: она проще, она дедуктивна и допускает абстракцию. Потому что она удаляет значительную часть реальности и цвет. Она выходит за рамки реальности, таким образом делая результаты более сюрреалистичными. Вот эта-то способность выходить за рамки реальности и увлекала меня.

Я всегда снимал на черно-белую пленку (теперь это называют аналоговой фотографией), а цветной занялся только после перехода на цифровой формат. Стоимость печати была проблемой, вы не могли печатать цвет так же недорого, как это можно было бы сделать с черно-белой фотографией. Цвет более реалистичен. Получить те же самые контрасты и напряжения, то же чувство сюрреализма, тот же заряженный результат гораздо сложнее.

Я начал снимать на камеру "M3 Leica" с объективом 50 мм (явно повлияло то, что именно так снимал Картье-Брессон). И с тех пор не расстаюсь с "Лейкой", больше ничем не пользуюсь. Я не люблю менять технику, боюсь сложных модных камер. Простота "Лейки" очень творческая. В ней я вижу идеальный баланс, необходимый для творческого инструмента.

Предпочитаю путешествовать и свободно исследовать ситуацию, не навязывая задания и не ограничивая поиск. Направления меняются каждый год, хотя всегда есть места, куда я склонен возвращаться: например, в Стамбул или Гавану, там я чувствую себя как дома.

...Постарайтесь быть свободными и культивировать свободу, доверяйте своему инстинкту, воспитывайте его, идите за тем, что дарит вам радость. Вот ключ к ответам и новым вопросам.

Никос Экономопулос собственноручно отобрал работы для публикации в греческом номере «Вестника Европы»

© Текст: «Вестник Европы»

Greece, Karpathos island, Olymbos village. Story teller, Thetekoula Dargaki

© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Euobea island. A gipsy girl showing off her new dress at the feast of St. John

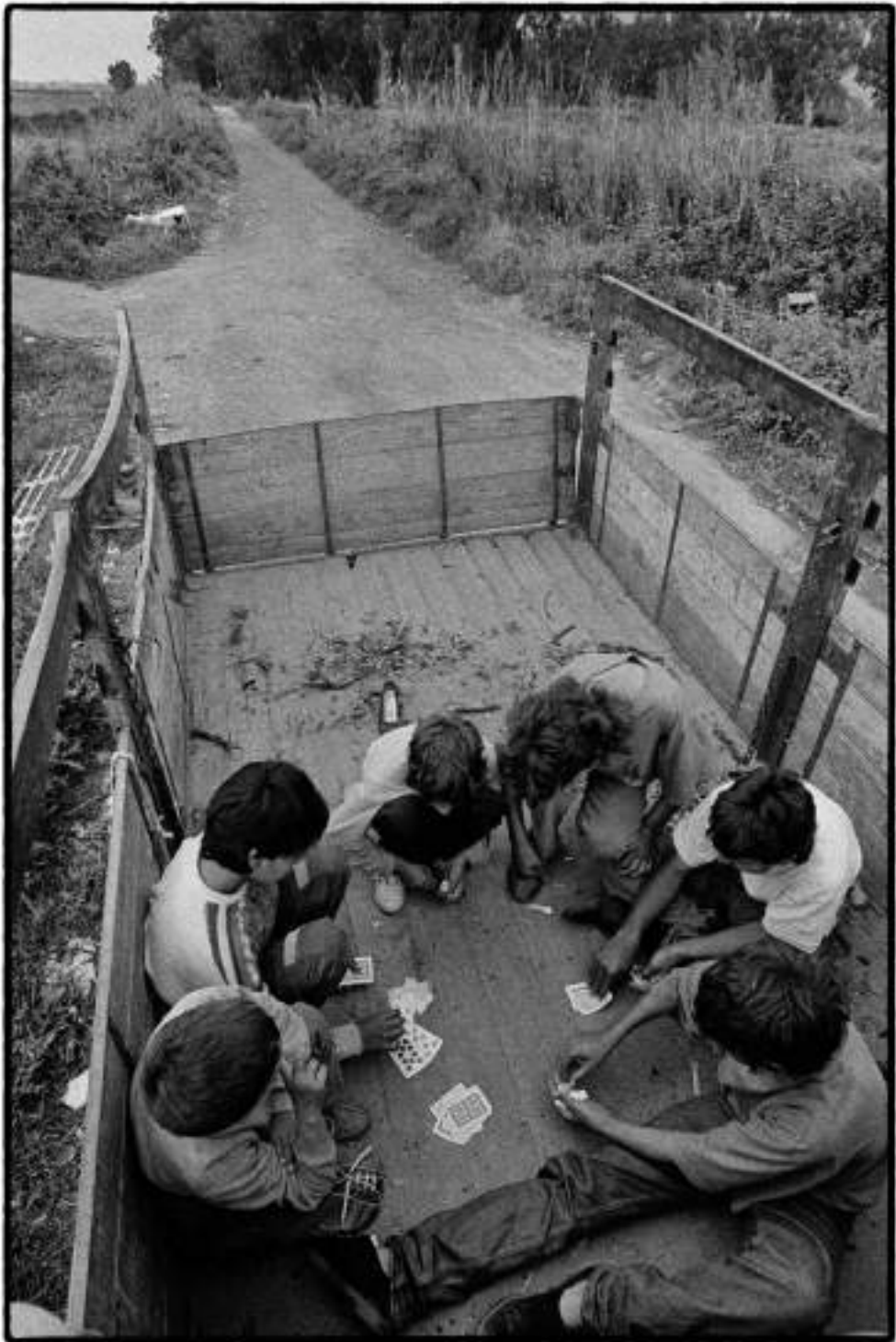
© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Macedonia, Ptolemaida. Coal miners in strike

© Фото: Никос Экономпулос

© Фото: Никос Экономулос

Greece, Peloponnese, Messini. A Gipsy camp

Greece, Peloponnese, Patras In Patras port, Afgan refugees trying to pass by boat illegally to Italy

© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Thrace, Alexandroupolis. A Muslim gipsy holds up a chair without losing balance to prove his sobriety

© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Macedonia, Agia Eleni village. A sudden rain

© Фото: Никос Экономпулос

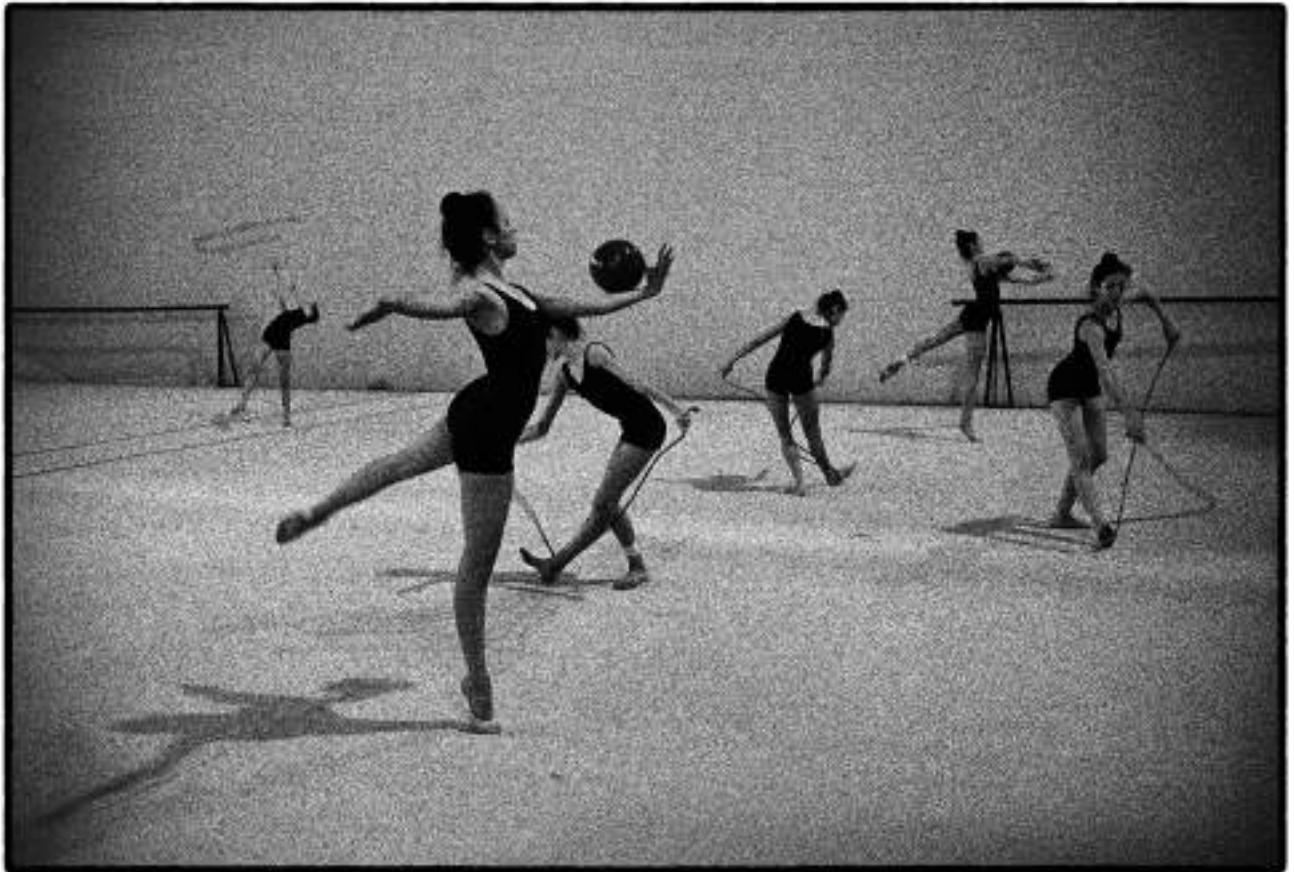

Greece, Macedonia. Turkeys farm

© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Athens. Greek National team of Gymnastic into training

© Фото: Никос Экономпулос

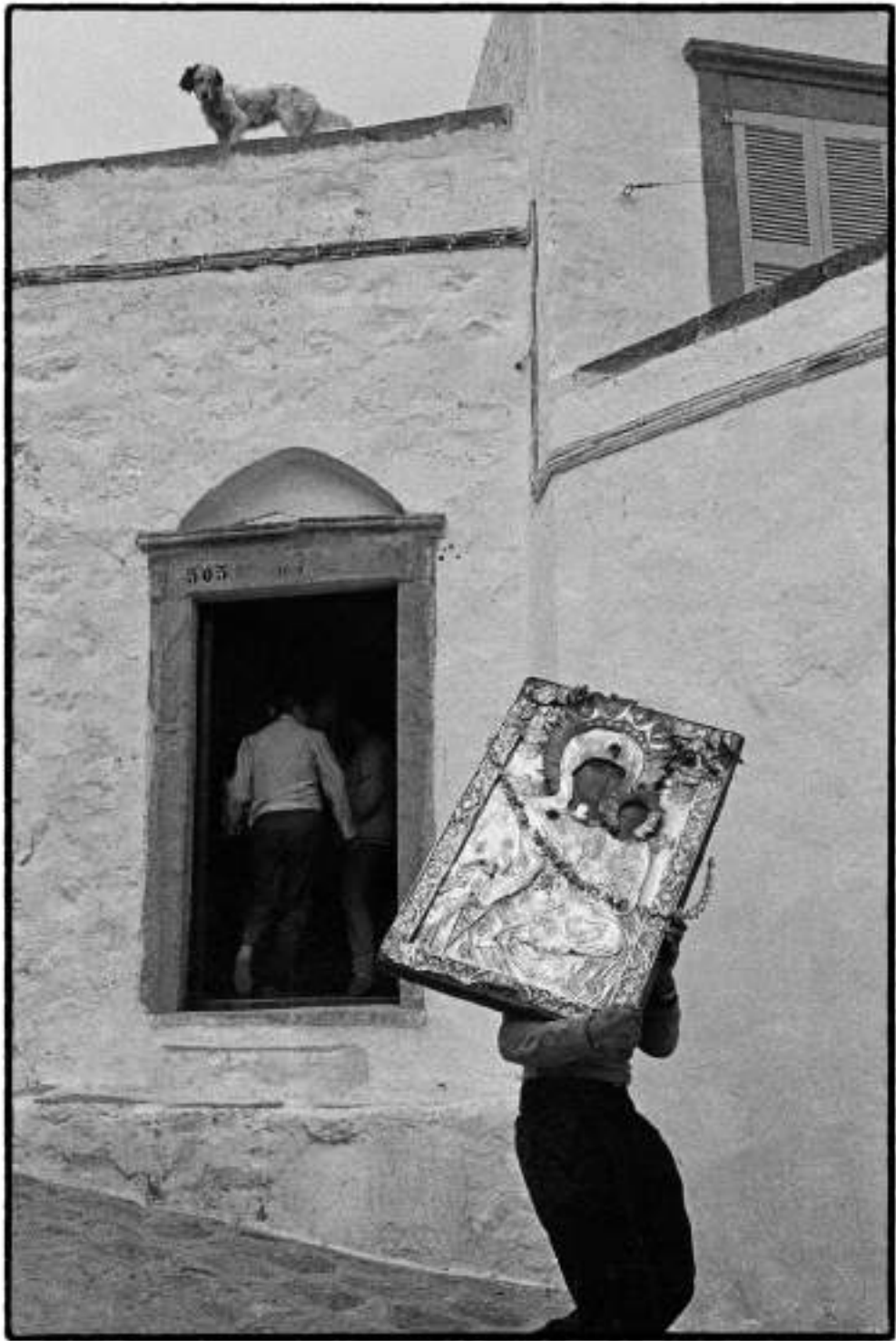

Greece, Karpathos island. Olympos village

© Фото: Никос Экономпулос

Greece, Athens. Orthodox priests on a strike

© Фото: Никос Экономпулос

Моя страна

Андрей КУЗНЕЦОВ-ВЕЧЕСЛОВ

Я попробую рассказать вам о моей стране. Не о России, упаси Боже. Россия — моя родина.

Характерно, что в словаре Даля слово *родина* вообще не рассказывается. Там так — «*родина* — родить, родня и пр. см. *рождать*». То есть в то время ни один грамотный, а уж тем паче неграмотный в расшифровке этого понятия не нуждался. Но пришли другие времена языкознания, и уже в словаре Ушакова нам объясняют, что она тебе тогда *родина*, когда ты гражданин, и пример замечательный: «Мы любим свой язык и свою родину. *В.И. Ленин*». Кто бы говорил!

В одной компании, далекой от театра, моя жена упомянула о том, что я пишу книгу. «О чем?» — спросили ее. «О любви к родине», — сказала она, на что спрашивающий отреагировал так: «Он чё, сидел?»

Так вот, рассказать я хочу не о родине, а о моей стране, о той территории на Земле, которую можно просто и только любить, совершенно безответственно (если такое возможно), получая наслаждение от общения. Это страна, о которой я с детства понял две вещи:

1. прекрасна!
2. моя!

Коричневый кожаный переплёт, золотые, тиснённые на нём буквы, и над ними рельефом, из глубины тома набухший абрис героя, о котором там, за переплётом, будет поведано. Ждётся этой встречи, этого предвкушённого свидания, ещё не умея различать по чёрным жучкам на белой странице уже слышанную, уже вслух прочитанную бабушкой историю, а фигура героя, а крупные золотые буквы переплёта не обманут, и медленно, по складам, с упорством, которого нет на что другое, «дельное», тыходишь в мир, который называется «Легенды и Мифы Древней Греции». О, Николай Альбертович Кун, Лучший Друг детей (некоторых), поклон вашей памяти!

Через годы, бродя по Эрмитажным залам со всяческой античностью, прекрасно понимал — никогда. Я, как полноправный в общем бесправии гражданин, не увижу землю, которая родила всё это, никогда. Я стоял перед краснофигурной вазой «Пелика с ласточкой». Её создал художник, о котором известно только его имя — Евфроний. И несколько ваз, им подписанных, в разных музеях хранящихся.

Живущие на этой вазе бородатый мужчина и юноша, беседея, удобно расположились на та-

буретах друг против друга, а за спиной мужчины мальчишка, который, видно, и прервал их беседу, вскинув руку вверх, кричит в восторге облачком букв:

— Смотрите, ласточка!

Ласточка вьётся над их головами, и мужчины с юношей в мальчишеском жесте, невольно потянувшись к ней руками, обмениваются:

— Клянусь Гераклом, правда!

— Скоро весна!

Этой весне две с половиной тысячи лет. Как-то несообразно тянуло в их компанию — посидеть, запивая вином лепёшки с козьим сыром, сплёвывать в кулак оливковые косточки, поговорить об ушедшей зиме с мужчиной, какая она у нас, и чтобы юноша внимательно слушал, а мальчишка, поводя длинным носом, перекидывал маслиновый глаз с воина на меня и обратно — верить ли этому чужедальному вруну? Но ведь никогда!..

... не говори никогда.

Если закрыть глаза, меня зримый образ мира на марево проникающего сквозь опущенные веки солнца, то к гулу расслабляемого организма присоединяется ощущение вращения с центром где-то около пупка, по часовой. Впрочем, можно и против, стоит лишь представить, и начинаешь вращаться в другую сторону. Всё это потому, что лежу на спине. В воде. И не просто в воде, а в морской воде. Минуту назад ещё стоял на песочке, и море песочек лизало не прерываясь, ласково, как спаниель.

Берег, набережная, пляж и их сочетания по-гречески — *паралиа*, потому что это — греческий берег с пляжем, на греческом острове, то есть — я здесь! Вопреки и назло... тьфу, то есть, конечно же, на добро — я в Гре... э, не-ет, я в Элладе. В возмещение всех лет невозможности я донёс и уложил себя на спину в объятия заждавшегося античного моря, и знаю, потому-то оно и ласковое такое, Пенелопа моё.

Кстати, ассоциация оправданная, и той Пенелопе ждать отсюда осталось недолго, по-

скольку это Корфу — гомеровский остров блаженных феаков¹, то есть последняя остановка Одиссея перед заждавшейся женой. Сейчас же, я, как тот феак, за отсутствием подлинных не менее блаженный, лежу на море, высовываясь из него только коленками, животом (худеть! худеть!) и носом, и чувствую — нет, не от обезьяны — от медузы. Медуза, между прочим, тоже греческое, но это я так...

Открываю глаза с усилием Вия, и в меня ударяет синее с золотом, и на рожу лезет мифическая феаковая улыбка, которой они встречали любого заблудшего с любой троянской войны изобретателя троянского вируса. Охота к перемене мест отнюдь не мучит, но хочется пить, и приходится добираться до берега. Впрочем, услужливое море ласкает аккуратно в пяти метрах от вполне сухого песочка. Здесь по пояс. Ну, что за прелесть! Желание творить добро, всё сущее почесать за ухом переполняет душу. И вот!

Студомотора, как: 1 — знаменитая, 2 — американская, 3 — без вести пропавшая лётчица Эмили Ирхарт, между мной и берегом в гладь моря врзается оса, но не тонет, а продолжает сражаться за жизнь, даже устроив своим сопротивлением мельчайшее дрожание морской поверхности. Какая молодец! Под небом своей родины, которое принадлежит ей по праву, она не сдаётся, борется за своё и, возможно, общее счастье улья, или гнезда, или что у них там, в общем, за счастье.

Но вот шанс — начни с малого! Я достаю со дна камешек и подхватываю им героическую милягу. Она, прекрасно ориентируясь, цепляется за свалившийся под неё с неба овальный базальт, и пока мы вдвоём идём к берегу, пусть мне кажется, но в части фасеток её взгляда я читаю благодарность. Ну и что тут удивительного? Она же понимает, что её спасли, ну не дура же? Вы когда-нибудь улей видели? Это же чёрт знает, какая сложная система. А уж в Элладе...

Осанька тем временем быстро приходит в себя, набирая боевую форму. Крылья, что во-

лочились по сторонам мокрыми тряпочками, вновь уходят назад, вернув свою жёсткость и эластичность. Она изящно подправляет их время от времени парой ловких задних ножек, а передними виртуозно делает себе массаж головы и лица (и это при том, что «Едва ль найдёте вы в России целой, / Две пары стройных женских ног», нда-а-а...), пока совершенно не освоится на камешке, оправившись от недавней досадной случайности.

Солнце, развернув свой полуденный веер, моментально высушивает и камень, и мою Осинушку на нём. Я подхожу к зарослям абсолютно греческой травы и, избрав самый высокий стебель, осторожно подношу к нему камешек. Умница всё понимает без слов и перебирается на удобно повернутый листок быстро и грациозно. Вокруг так хорошо. Всё хорошо. Солнце в такой синеве, что может показаться компьютерной, если бы я сидел в кино. Но я смотрю своими глазами на свою Элладу и понимаю, это не *3d*, а правда.

Она взлетает с баритональным гудением ясно поставленной цели, и зависает в воздухе справа от меня на уровне глаз. Позади море, перед ней отроги горы им. Вседержителя (Пантократор, по-гречески). По ним туда, вверх устремляются рощи кипарисов, оливковые рощи, деревушки с белоснежными домиками, опять какая-то зелень, и там, совсем наверху, простор и прохлада каменных россыпей, где в чашечках горных соцветий таится самый душистый и, может быть, самый национальный нектар. Для неё. На которую я и кошусь, гордый, будто сам участвовал в создании этого пейзажа; она сейчас промелькнёт его под собой, устремившись в открытую перспективу. Но пока — висит у моего уха, мелодично гудя, вся — знаемая цель, терпение и труд. Так хочется крикнуть: — Ну же! — Я жду её старта, её рывка — вот он!

Дождался: резко развернувшись, она рванула обратно и, зависнув на секунду в тех же

пяти метрах от берега, жужжа, как механическая бритва «Харьков», спикировала и плюхнулась ровно в то же место!

Дура.

* * *

Я вообще не люблю летать. Летишь уже уставший от московского начала греческого отдыха — вчерашнего позднего засыпа после сборов, изнервничавшись от утреннего ожидания заказанного с вечера такси, и выяснения, что такси, в силу нетвёрдого знания русского, уехал — слышай, савсэм дуругой улис, да? — «уллис» хренов! Прорываешься сквозь рапид сдачи багажа и паспортного контроля, смирившись со стоячкой набитого автобуса до трапа, мимо кусачей улыбки забившей на всех стюардессы, к посадке в кресло, удобно размещённое прямо на двигателе, что предохраняет тебя от мысли поспать. Естественно, после всего перечисленного слегка устаёшь. А сев, затормозив, вырвав и остановившись, топчешься с ноги на ногу в очереди к выходу из сразу ставшего душным и влажным салона, обременяясь какой-то не сданной кладью на колёсиках, ползёшь колечком этого туристического червя к трапу.

Вот такими, несколько ошарашенными, я, жена и багаж вывалились, наконец, из утробы отечественной авиации, создав на трапе пробку из остатней части тур-сырья. И тут я словно выпал из реальности от удара по самой неподготовленной составляющей организма. По носу. В смысле, по обонянию. Вот вы обращали внимание, что само это словечко у нас какое-то разжиженное, разнюниное — обоня-ня-няние сплошное. Неэстетично. Ну, разве скажешь любимой:

— О, я мечтаю тебя обонять!

Ещё краше это:

— Позволь же мне тебя нюхать!

То ли дело обонять у французов — «ольфактиф». А, каково? У них даже нюхать цветков, это — *респире де парфюм де незабудку*, допустим. Разве можно сравнить? Это потому,

что они с детства респире де парфюм. А у нас культура запахов совершенно не привита населению (я не про коноплю).

Да, готов признать, что я «увидел» Грецию носом. В меня вплыло такое сочетание ароматов, которых до этого дня я никогда не подозревал в существовании. Понятно, что цветы и плоды, но какие и с какими добавками? Я не знал, что есть такой воздух, и не из флакона, а на свободе. Но в то же время я, будто всю жизнь, как тот парфюмер, надеялся это вынюхать, и вот... дальний аромат — двоюродный брат глентвейна — живой виноград, где искры корицы так нежно перемешаны со шпажкой гвоздики, а на всё это накатывает выгнутая тугой подушкой волна неведомой рыхат-лукумной сласти, а в ней иголки расперенной хвои, и вся гамма уступает, вдруг, касанию, пришедшему с моря...

Дальнейшая процедура прибытия в том и растворилась, и на пасс-контроле, и на таможене мои глаза тоже ждали, хотели соответствия и цеплялись, кидались из окна, вёзшего нас в отель автобуса на хозяйственные постройки аэропорта, заросли какого-то кустарника, ещё на что-то, не слишком выразительное. Но никогда нельзя «поднадужившись, поднапружившись» уцапать божественное. Оно всегда неожиданно, как испуг.

Автобус прилачился вдоль берега, задёрнув обзор и свет высоченными тростниками, и погрузив нас в рябь их тени. А глаза всё высматривали какое-нибудь подтверждение обещанию, которое было дано носу. И тут автобус повернул на улочку, шедшую от залива, на углу которой я это и увидел. Сейчас-то этим набиты любые туррекламы, что в телевизоре, что в журналах — смотри не хоч. Без этого даже Турция не «олл-мамой-клянусь-инклюзив».

А увиделось оно так — автобус, вывернул от тростников, солнце всем фронтом прорвалось и упало на белоснежную стену небольшой двухэтажной виллы. Стена эта, с готовностью чистого листа, держала на себе разбросанный

по ней костёр, алое пламя которого, дрожа в мареве полдня и споря с его накалом, отливало сиреневым и фиолетовым, бросая на стену остро иззубренную резкую тень. Эта штука, как я узнал позже, называлась бугенвиллией и была делом красиво-обыденным, как у нас на дачах сирень или флоксы. Но тогда она, увиденная впервые, яркостью фотовспышки слилась со встретившим меня ароматом и решила вопрос.

В этот раз любовь попала в точку.

Наш отель располагался на длинном, выгнутом дугой каменном языке, высунутом в море, с двумя бухтами по сторонам. Вид с балкона открывался шикарный — на морской распах, в котором за горизонтом лежал каблук итальянского ботфорта. Растущие снизу пинии, сквозь открытые окна, просовывали ветви, усеянные здоровенными шишками, которые гремели под бризом, как кастаньеты. Под это фанданго на каждом повороте коридора нас встречали развешанные на стенах огнетушители, на которых было написано *πυροσβεστήρα* (пиросвети́ра) греческими, то есть сёстрами русских, буквами. И, как оказалось, именно что огнетушитель. Почему-то это очень веселило. И было в этом веселье нечто не совсем адекватное, словно авансом попали в рай два грешника.

Первая вылазка на своих двоих. Мы шли по вечернему, в круглых жёлтых пятнах асфальту, который обустроивался серпантином между подъёмом справа, усыпанным светом фонариков и окон, и спуском слева, тоже в заплатках света. Там внизу жила шуршащая мелкой галькой линия — начало острова или начало моря, смотря, откуда смотреть.

Серпантин, как извив крутых, неожиданных поворотов ощущался нами только, когда нас везли в отель. Теперь же, когда мы неторопливо шествовали по нему в обратном направлении, он предъявлял всю роскошь неторопливой сменя пейзажа в очередном услужливом развороте шоссе, как у Вима Вендерса в «Ложном движении». Нас «VELO» куда-нибудь.

Принцип «куда-нибудь» приводит на этом острове куда надо. К примеру, в таверну, где добрая сотня феаков разной степени родства празднуют, поют и танцуют на крестинах малышки.

И вот — в нас какая-то замечательно вкусная снедь, вокруг луна-фонари-платья, спорящие друг с другом в яркости, маленький оркестрик народных струнных, его внезапно и прекрасно меняющийся внутри одной музыкальной фразы ритм. И сама эта фраза, голосом местного аэда (феаки прирождённые музыканты) подвешенная над таверной, завершаясь вздохом, почти стоном, коготком цепляет что-то родственное, доставшееся, может от византийских распевов, полученных нами в наследство.

И танцы — танцевать вываливают все. Танцуют душой, обретая смысл и красоту в общности проживания своего мелоса. И очевидно, что мелодия всегда звучит в них, а в праздник они только дают ей выплеснуться. Один из танцоров, муж крепкий, орлиноокий, в чём-то даже слегка шлемоблещущий гривой смоляных волос, сдёрнув с ближнего столика скатерть, избирает его в виде партнёра и, танцуя, перехватывает одновременно обеими руками то за ножки, то за столешницу, жонглируя им, прогибаясь ловким телом, как бы уходя от атаки неуклюжего, но крепкого партнёра.

При этом он улыбается, но сияющая всеми тридцатью двумя улыбка оказывается только намёком. В очередной раз, извернувшись и схватив стол за ножки, он прикусывает этой рекламной улыбкой столешницу, запрокидывает голову так, что стол задирается к луне и, отпустив руки, начинает вращаться, ускоряя темп вращения. Зрители хохочут, хлопают, от танцора на нас накатывают волны радости. Он вращается, раскинув руки, стол летает над ним — «Смотрите — стол летит! Клянусь Гераклом, правда! Скоро зима!» — блаженные феаки, и весь сказ.

Через несколько дней мы застали в таверне этого «ахиллеса» сиртаки за мытьём посуды,

вероятно дающим ему отдых от основного занятия — от дионисий. Увидя нас, он широко улыбнулся, как старым знакомым, и я понял — ещё не одному столу летать в лунном свете, под рокот струн, в белоснежных тисках потомка античных героев.

А на отечественном грунте, в объятиях зимы будешь вспоминать весь этот дышаще-звнящий набор «настоящей» жизни, уныло терзая низкие небеса вопросом — ну, и где же это всё?

Я проснулся посреди ночи и сразу засунул в рот сигарету по дрянной привычке быстро забить чем-нибудь открывающееся время. Закурив, вышел на балкон и увидел над собой это. Они не были родственны редким проколам тонкой иглы в ночной простыне Питера или Москвы, не были пасынками ночного светила на памятных мне ещё советских югах. На чёрном бархате, на ощутимо различном от меня расстоянии, расположились те самые вершители судеб, распорядители циклов. Объёмные, лучистые, как серебряные каштаны, стоило лишь протянуть руку, и они ложились бы в ладонь, слегка покалывая её и тихо гудя, если поднести к уху.

Каждое созвездие было прорисовано видимыми лучами своих звёзд, объединяющими их в одно неразрывное, целокупное единство. Они словно говорили — Смотри-ка, мы — Цифей! А мы — Кассиопея! И северному невежде стало очевидно, что созвездия и впрямь живут на небе, а не в мозгах астрономов.

Вдруг, от недалёких кипарисов долетело глухое побряхтыванье какой-то ночной птицы, не уверен, что любимицы Афины. Сигарета закончилась. Над головой и в голове кружилось нечто о минойцах, дорийцах, о том, что ночь кончится, и «будет некогда день и погибнет великая Троя», и что-то беспомощно неизбежное о величии мироздания. Память завибрировала, заметалась, пытаясь найти, сосотнести, призвать помощника, старшего свидетеля, который успокоил бы знанием разделённого опыта. И затихла, прильнув к строчкам —

Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

Хотелось одновременно, и смотреть,
и спать, и где-то за задником сознания, плакать.
Уголком глаза приметилось, что одна звезда
мигает. Я поднял голову — это по ночному
эллинскому небу, меж звёзд, бежал... самолёт-
тик.

* * *

Сидя в своём московском убежище, отде-
лённый двойными рамами от сырого снега, ко-
торый, едва долетев до земли, становится гря-
зью, пестую любовь к острову феаков воспо-
минаниями, которые становятся тем острее,
чем весеннее ведут себя пернатые обитатели
увешенных сосульками карнизов. Время идёт,
лето в нетерпении топчется у порога, встреча
с феаками всё ближе. Но жена говорит:

— Что же всё феаки, да феаки, который
год всё феаки, а поехали-ка...

— К минойцам! — уже кричу я (вот она не-
верность-то, а минуту назад — люблю, люблю),
к минойцам! я читал! там самая, что ни на есть,
древность! откуда пошла вся Европа! там Ми-
нотавр с Лабиринтом! (как истерик невменя-
емый, ей богу) — и пошло, поехало, вернее,
полетело, и, полетев, долетело. А когда село,
то высадило нас и опять улетело, предоставив
пассажиров процессу с солидным иностран-
ным именем «трансферт», который и доставил
нас, наконец-то в отель, к долгожданному от-
дыху на Крите.

Гурния. Что слышится в этом слове, Гур-р-
ния? Мне — томное воркование голубей в по-
луденном зное.

Накалённая сковородка, в которую пре-
вратил июль маленькую площадь дольней дере-
вушки. Ту уютную площадёнку ограняют три
домишки максимум, и церквушка, колокол ко-
торой, меж завитых рожек барочной звонницы,
не в силах в такую жару благовестить что-либо
кроме сосредоточенного молчания.

Старый разлапистый платан в центре скowo-
родки спасает трёх общедеревенских патриар-
хов и двух общедеревенских псов за и под сто-
ликами платаном же укрытой таверны. То есть
пять существ, почти равных опытом, очевидно
имеющих каждый своё выношенное о жизни
суждение, укрываются в спасительной тени,
и, зная, в сущности, каждую щербинку поли-
рованных предками камней старой площади,
волшебно, не вставая, не моргая и не меняя
положения тел, перемещаются вместе с тенью
по этим камням, являя собой некие солнеч-
ные часы тени, оказываясь попеременно то на-
против треснутого стекла в окне первого до-
ма, то напротив выкрашенной в синий цвет
двери второго, то против угла третьего...

И всю эту сонную, магическую, непредста-
вимую северному городскому разуму механику
вечных часов деревушки сопровождает непре-
рывное — то крещендо, то диминуэндо стена-
ние сводного хора голубей — гур-р-ниягур-р-
ниягур-р...

Примерно такие ассоциации рождало
во мне звукосочетание Гурния, в которое я на-
правлялся, и прокатный фиатик весело чесал
по пустынному асфальту. Я ехал один, посколь-
ку моя жажда совать нос во все углы простран-
ства, избранного нами для отдыха, вконец уто-
мила мою жену.

Парабола шоссе неторопливо, через хол-
мы, огибала залив, и я, из кондиционной про-
хлады фиатика, наблюдал, как снаружи волны,
накатывая на раскалённые камни берега, испа-
ряются с громким шипением (гипербола). Же-
на и друзья остались в отеле, ненасильственно
чередую погружения из солнечных ванн в мор-
ские.

Конечно, не всякий раз от «наших лучших
друзей» — солнца, воздуха и воды — я уди-
рал в одиночку. Неделю назад, всей компани-
ей мы очутились в самом начале европейской
цивилизации. И тогда детский нестираемый
чёрно-белый кадр из толстой книги в тиснё-

ном переплётё — фотография останков рогатой стены, здесь он ожил в цвете.

Рогатые стены. Вот уж был тогда всем мегаполисам мегаполис. От восьмидесяти до ста тысяч население. Ещё моих греков любимых не существовало как нации, поскольку ахейцы с дорийцами шлялись где-то в диком состоянии, а эти уже владели, почитай, всем судоходством Средиземноморья, плюс колонии на материке.

Да бог с ними, с колониями, зато дельфины! Я имею в виду фреску из мегарона царицы. Там, знаменитые фрески — дамы, воолокие, в корсажах, открывающих грудь. Их осиные талии, кринолины, изысканная вязь локонов в причёсках — соперницы маркизы Помпадур, только иссиня брюнетки и постарше, лет тыщщи на три. Прекрасный принц, шествующий своим вдохновенно-невозмутимым профилем по торжественной, как почётный эскорт, траве, меж парадного караула лилий, на аудиенцию с богами. То есть боги приехали, вот он и идёт. Аудиенцию давать.

Положим, принц и есть принц, но эти дельфины! Смотришь на них и плывёшь, в смысле обалдеваешь. Чистая радость в сопряжении с ясностью мастерства. Они внутри мо-

ря и над ним, плывут и летят. Они веселятся, играют, и соблюдают ритуал. Они служат создавшей их силе и одновременно радуются ей.

*Вот море, без меры велико,
и в нём живности без числа,
малые твари при больших;
там плывут суда, и там же — змий,
Тобою сотворённый, чтоб играть с ним².*

Вот и дельфины играют. С тех пор как художник, создавший их, закончил работу, над ними не заходит солнце.

Я неторопливо ехал, тихо покачиваясь на впадинах разъезженного асфальта и выпуклостях полученных впечатлений, не подозревая, что в Москве зимой меня ждёт ночь, а в ней сон, в котором я и моя минувшая любовь (или не она, разве поймёшь во сне) окажемся в этом дворце, в мегароне царицы, среди дельфинов, и приснившийся сон будет так ярко и отчётливо, что я смогу записать его для себя, а — по размышлению — почему бы и не для вас, воспользовавшись для удобства размером стиха, который гораздо современнее и много, много младше рогатых стен и фресок с дельфинами, — гекзамером, типа.

.....
*Полдень снаружи, но ты меня ждёшь в затемнённых покоях.
Долог был путь мой к тебе, я добрался измученный жаждой.
Долго ли ты, моя радость, меня ожидаешь, недвижно
стоя у ложа? Глаза чуть прикрыв, улыбаясь и вскинув
руку за голову, узел под грудью другою рукою
освобождает. Хитон твой струится, по телу спадая.
В этом струении признание в твоей, моя милая, жажде,
как восклицательный знак, рассекла треугольник полоска.
Кругом одежды, и тело твоё мегароном царевны,
матовым мрамором, бледным сияньем сознание туманит.
Это сиянье мне застит глаза, и лица я не вижу.
И аромат от тебя, как от сада, нагретого солнцем,
мягко касаясь ноздрей, мне предчувствием голову кружит.
А по стенам вокруг ложа хвосты изогнули дельфины.*
.....

Сердце в груди застывает, двойным ожиданьем томимо
 Первое — встреча с тобой, потому что ни время, ни ветер,
 ни расстоянье тебя мне забыть не позволили. Вспомнить не дали.
 Ну, а второе — мой жребий, сулимый судьбою — я знаю,
 там в лабиринте, во глуби меня стережет Минотавр.
 Но, коль звала, а не кажешь лица, дай хоть время, царевна,
 милость пришельцу яви и позволь утолить мою жажду,
 видеть хочу твой дворец — твоё тело богатое негой,
 где я приникну к источнику силы и силой наполнюсь.

.....

Плечи твои обнимая, сажаю на алое ложе.
 Ноги сама же единым движеньем на ложе закинув,
 руку мою ты своею рукою берёшь и, прогнувшись,
 сильно её к животу прижимаешь, как будто бы хочешь
 вся поместиться в ладони, как змейка завиться меж пальцев,
 но и, напротив, всей плотью так жадно обвить мою руку.
 Вспыхнуло пламя на холмах — на грудях соски пробудились,
 нежно приникли к губам моим ягодой спелой, тугою.
 Я проложу языком осторожно тропинку в низину,
 там, где на шее пульсирует жилка так часто, так часто,
 вновь поднимусь, перейду через холм подбородка,
 и, наконец, предо мною источник — твои долгожданно
 сладкие губы, меж ними моей путеводною нитью
 быстро скользит твой язык, что с моим я солью неразрывно.

.....

Сад твой, дворец твой и твой лабиринт, как мечталось
 всё предо мной. Стражи пьяные спят (в нас уснули, царевна)!
 Стон пророню я невольный, и стон твой впитаю ответный.
 В ласковый бархат провал — это тьма твоих глаз, моя радость?
 Мальчишкой буду в руке у тебя, словно первая встреча
 женской руки и дрожащего страстью подростка вершится.
 Воином буду, доверившим меч нежной девичьей пясти,
 той, что щекочет и дразнит, вдруг сжавшись с не девичьей силой,
 стон пророню я невольный и стон твой впитаю ответный.
 Кружат дельфины по стенам, и тени бегут по дельфинам.
 Вот и лицо твоё будто скользит между светом и тенью,
 и разглядеть, опознать его в танце теней невозможно.

.....

Время настало печати сорвать с твоего лабиринта
 ярым клинком, направляемым точной рукою колдуньи,
 чтоб Минотавра нежданно я мог бы застигнуть в глубинах.
 О, как прекрасно ныряют дельфины во тьму, изогнувшись
 телом упругим, и снова себя вынимают из глуби для вздоха.
 Их хоровод вокруг нас по стенам мегарона рассыпан,
 их синусоида нас оплела неразрывною цепью.

Время течёт не для них, ведь на фресках вокруг нас они те же,
что и на фотке цветной, там, на стенке, в кафе общепитском
бредом дизайна совкового так веселившей — тебя ли?

Помню, в кафе я согреться дешёвою брагой пытался,
ты, иль не ты мои руки взяла и дыханием грела?
А за окном горожане из грязи и снега взбивали
питерскую бешамель. Ты со мною была там? Не помню.

.....

Чаще и чаще удары клинка по стенам лабиринта,
жарче и жарче в ответ лабиринта глубокие своды.
Пусть же мне выжгут тавро на груди раскалённые губы,
чтоб я у сердца носил о тебе вековую память,
память об имени той, чьего имени вспомнить не в силах.
Только бы не расплести наших тел путеводную связку.
Кажется жалким иначе мой жребий — пропасть в лабиринте,
Где суждено, как не кинь, налететь на рога Минотавра.

.....

Чем же пугает меня этот зверь лабиринта глубинный?
Чем двух рогов его крепких двойной мне удар так уж страшен?
Рог его первый — досада, что я, дорогая царица,
нужен тебе, как игрушка, на час развлечение, клоун.
Рог же второй — это страх (он гнездится глубоко в сознание),
страх, что мне нравится быть и остаться твоим развлечением.

.....

Ты подо мной ли, а может быть, я подлежу твоей страсти —
— оба мы близостью нашею чувствуем близость свершения,
стон я роняю, твой стон я вдыхаю ответный,
жарче и жарче сжимают меня глубины твоей своды.
Ну, так явись, Минотавр! Я залью тебя соком победы,
жертвой, царица, во имя твоё (всё же, как твоё имя)!
Вот он подходит, о да, то его приближение вживе!
Ты же, царица, почувствовав ток этой жертвы, мгновенно
выгнувшись луком тугим, и меня, охвативши двукратно,
вдруг мне являешь свой лик, и отчётливый рык Минотавра,
крик победившего зверя в лицо мне наотмашь кидаешь.
В эту секунду не женщина ты, но и я не мужчина —
оба лишь чувство, царица. Но как мне назвать это чувство?

.....

Знаешь, *post coitus animalis tristis est*, и парю я
сбросив на ложе то тело, в которое мне возвращаться,
слушая прошлое, то, что сейчас пребывало меж нами.
Грустны животные, после недолгого счастья животных.
Только испарину лба отереть, что остыла так быстро
Стон проронить и услышать, как он безответный зависнет.
Ну, а за стоном позволить себе не услышать мобильник.

.....
Странно, но, знаешь — желание вспомнить кто ты, не торопит...

*Годы сквозь нас протянулись, царица, со дня нашей встречи.
 Берег. И я. И песок. И за морем черта горизонта.
 И тишина потому, что прибой — это форма молчанья.
 Если когда-нибудь в дальнем краю у племён незнакомых
 Ты насыщать их глаза своим обликом станешь нескромно,
 если наскучит тебе одиночество холодной постели,
 если ответишь красавица фактурно-заманчивым чреслам,
 знай дорогая, твой крик Минотавра, как голос утраты,
 море минует и к берегу, где я с прибоем тоскую,
 ветром горячим дохнет, обожжёт и лицо мне, и сердце,
 чтобы я ясно увидел — в игре лабиринтов бездонных,
 в смене их частой, в желании дознаться их тайны,
 смог лишь песок обрести, но так много, так глупо рассыпал.
 И головою рогатой трясёт Минотавр Победитель.*

*Вот развязал я сегодня мой узел царица. Остался ль
 Твой так затянут? Не траться, не стоит, пошли смску.*

* * *

Итак, Гурния. Там ведь ходить надо. Значит, необходимо потихонечку адаптироваться к температуре «за бортом». Я опустил стекло.

Горячий воздух, хлынув в кабину и смежавшись со струёй кондиционера, защекотал нос, шею и залез под растёгнутую рубашку. Заправским водилой, выставив левый локоть наружу и двумя пальцами правой руки надавив на спицу послушного руля, я развернул фиатик спиной к заливу, на выводящее к южному берегу острова ответвление магистрали. К тому же, тут самое узкое «горлышко» острова, и, пересекая его, магистраль идёт, как коридор, меж двух плато, сопровождающих дорогу справа и слева. По этому направлению я и покатил, поскольку в считанных сотнях метров, на холме и лежал городок Гурния, о котором, собственно, и речь.

Я оставил машину у самого подножия холма, на паркинге и двинулся в лабиринт узких улочек, воздух над которыми мерещил

от жара раскалённого камня. Сам холм не высок, но широк, поднимаясь уступами. Улочки, на которых трудно разойтись двум грузёным осликам, пишут по склону зигзаги, определяемые лишь волею строителей. Мне не терпелось добраться до главной площади, и там отдышаться в тени традиционного дерева.

Наконец, преодолев последний поворот, я выбрался на площадь. На площадёнку на эту. По ней гулял ветер. Вернее, даже не гулял, а дул, как жаркий сквозняк.

Я огляделся. И точно — в центре дерево. Не платан. Олива. Она была мощная, но странно изогнутая. Солнце уже активно перевалило зенит, и тень от кроны сместилась, вытянулась в одну сторону, и в этой тени сидела проблема в виде некоего «гаргантюа», который упомянутую тень и занял.

От подлинного Гаргантюа этого отличали четыре фактора. Во-первых, он был совсем не высок, чуть выше меня. Он был лишь необъятно толст. Во-вторых, он был не француз,

а тевтонец, что бросается в глаза сразу, невесть откуда. В-третьих, он был она, то есть женщина. В-четвертых, она была бабой злой и на собственной злобе сосредоточенной. Это ясно читалось в её способе поедания гамбургера, а ей в этой чудной стране не нашлось чавкать ничего, кроме гамбургера, засёрбывая его кока-колой.

Она издавала все эти звуки, в то время как челюсти методично и быстро открывались, хватали, отрывали и пережёвывали. Какой порыв, какое искривление пространства, какой сбой в программе привёл сюда такое существо, оставалось загадкой, но и она осознала это, как ошибку, которую и заедала привычным лекарством, запивала привычным снадобьем, очевидно давая себе слово никогда ошибки не повторять.

Я стоял у оливы, опершись на неё. Не стал садиться, тем более что и садиться было особенно некуда. Голубей под ногами кидало от подбора крошек к желанию размножаться и обратно. Я стоял и смотрел на Гурнию — город, которого не было почти никогда, который был более трёх с половиной тысяч лет назад.

Разрушенный землетрясением, он не смог оправиться. Рогатостенная столица смогла, а он нет. Вот на этом холме никогда до начала города не жили люди, никакие неандертальцы, кроманьонцы не топтали его своими волосатыми ногами, не разделявали на нём подстреленных из своих «калашниковых» мамонтов. Никогда после катастрофы люди не селились на нём, не выращивался вокруг холма виноград, не крутились жомы оливковых давлений, не возлагались на алтари жертвы. Всё вокруг было засыпано, погребено. Но и теперь, когда по меркам истории только вчера откопали останки города, тут никого нет, кроме тевтонского артефакта да меня.

Вот здесь, вокруг, в этих домах, от которых лишь фундаменты, да в лучшем случае, стены по пояс, тут люди рожали, грешили, умирали, веселились — и ничего, кроме нескольких жерновов и битых кувшинов.

Что и кому могут поведать эти иссечённые землетрясением и временем камни, слагающие контур бывшего города? Мёртвые контуры, как барханы в пустыне — один стоит другого. Вроде они есть, но отдельно каждый лишён смысла. Следовательно, и нет ничего вокруг, кроме удушливой жары, толстой бабы на камне, да прожорливых летающих полукуриц. А камни гор вокруг, с которых снять бы свидетельские показания, только одеваются вечерами и по утрам в розовую, серо-голубую и фиолетовую дымку (гламурненько, пошло-вато), одеваются они, окутываются, значит, и молчат в тряпку проплывающих облаков. *«Иная, лучше нашей у камней жизнь, Силен, / Они живут глубоким созерцаньем.»* — это Вы, многоуважаемый Фамира Кифарэд, сильно преувеличили.

Существо, дожевав своё, поднялось, и посыпались крошки, упущенные торопливым ртом. Огляделось тем же взглядом, поворачивая голову на шарнире короткой шеи. Что-то оставалось не завершённым, чего-то не хватало. И незавершёнка эта, осознав себя, собралась всем необъятным жиром плоти и рыгнула раскатисто, как прорычал бы рог псов-рыцарей над побеждённым городом:

— Бойтесь! Мы вернёмся!

Она удалялась, посверкивая обтянутыми лимонным необъятными ляжками, бедная толстая девушка, которую никто не любит и которой от этого так же плохо, как любому из нас. Но воркующие то крещендо, то диминуэндо птицы примирения устремились со всей площади к крошкам, оставленным ушедшей, набросились на них, отталкивая друг друга, и стало ясно — приходила девушка покормить голубей, вот они едят, и равновесие в мире восстанавливается.

Голуби копошились под ногами. Ветер ровно и сильно, как пылесос «Керхер» дул со стороны залива; он дул как раз в тот «коридор» меж северным и южным берегами острова.

И тут я увидел, что олива, на которую опираюсь, вся изогнута «с милого севера в сторо-

ну южную», устремлена по ветру. В сравнении с возрастом развалин города олива, конечно, была девочкой. Но ведь по меркам человеческим два века — шутка ли? Сам город жил лишь двести лет. Она же, помавая густой зелёно-серебристой гривой, была, очевидно, полна сил.

Значит, — как организовалось: вот на вершине холма над погребённым городом выросла олива. Так. А ветер все эти годы дул над холмом. Так.

И так получилось, что человек, стоящий у оливы, заметил, как олива всем телом тянется за ветром, словно не может отпустить его ни одним листом, держа всеми ветвями.

А ветер, всё время улетаю на юг, всегда остаётся с оливой, перебирая каждую ветвь, не покидая ни одного листа, ни днём ни ночью. Ветру открыто, к кому устремляться с просторов залива, оливе — кому протягивать свои ветви.

Ветер опора оливы — олива смысл ветра.

Я был нужен тут для того, чтобы это увидеть. Увидев, вложить в свою память и тем закрепить.

Да, лишь двести лет жили на холме люди, занимаясь тем, чем и всегда занимаются люди — любили себя, искали Бога, себя любили, конечно, больше и чаще.

Исчезли.

И всё исчезло, растворилось неторопливой кислотой времени, потому что не стало никого, кто мог бы смотреть на горы, любить себя, другого, искать Бога.

Над могилой их города выросло дерево, переплетаясь с омывающим его ветром. Лучающаяся сила их сплетения привлекла Большую Девушку, которая под деревом и ветром накормила голодных птиц, чтобы те смогли взлететь на все стороны света. Я увидел это.

И вот крючок зацепил за петельку, и пряжа снова потянулась, и соткались заново горы вокруг с их неприлично прекрасными, розовоголубыми закатами и рассветами, и залив с ласковыми волнами и там, наискосок, через край залива город святого Николая, откуда дует ветер, что держит оливу над памятью о горо-

де ушедшем, и человек стоит здесь, чтобы понять — это навсегда. Навсегда в нём.

И вновь расстилается заново сотканный ковёр.

На этот раз он соткан для меня.

И я по нему иду.

Уже иду.

Имеет смысл помнить — ветер не закрывает от солнца, он только смягчает жару. Я стоял у дерева и ветра так долго, что обгорел, и с меня на следующий день слезла кожа. И выросла новая.

* * *

В начале шестидесятых годов мне в руки попался первый мой «самиздат» — машинописный толстенький кирпич, заселённый чуть различимыми буквами, бледными от врождённой анемии — восьмая копия под копирку. Это была неопубликованная фантастическая повесть «Гадкие лебеди».

Как вспоминаю сейчас, заканчивалась она, по тем временам (а подумать, так и по этим) жутковато. Главный герой зрит, как из проклятого города, на который долгие годы не переставая льёт дождь, уходят дети. Эти дети, вроде, как дети горожан. Они уходят из города своих отцов под стылым ливнем, по скользкой грязи, уходят радостные, занятые интеллектуальными диспутами, может, о влиянии теории относительности на творчество Пабло Неруды, а может, о чём-то столь же насущном. Они оставляют родной город в брошенном под ноги молодом презрении к нему. Тогда из города в панике и животном ужасе бегут родители.

Ночь непроглядна, и не найти бы им дороги, но в плотном одеяле туч кто-то вырезал квадратное, как по линейке, отверстие, в которое холодным фонарём вылупилась луна, омертвляя остатки панически мечущейся под ней жизни.

Горожане исчезают, город растворяется, оседаю своими вековыми стенами и вздыбленными перекрытиями в авторское неприятие.

И бог с ними, с городом и горожанами, останки которых порастают свежей зеленью субтропиков под выглянувшим солнышком устроенной справедливости, но ведь чёрт знает, что за дети ушли из города отцов в мир глобального мозгового «эгалите», где в очередной раз озаботятся *мы наш, мы новый мир построить, и стать там всем.*

Понятно, что уже не дети горожан уходят из человеческого города. Дует inferнальный сквознячок, и как бы нет ответа на вопрос — чьи они дети?

Мелко морозящий дождичек для Острова Феаков в августе — штука крайне нехарактерная, и если бы не жара предыдущих дней, то и крайне неприятная. Но, кроме утомления жарой, атмосферный конфуз смягчали приближающиеся звуки трёх духовых оркестров, которые достигали главной площади Феаковой столицы. В этот раз мы поехали сюда в августе. И попали аккурат на праздник любимейшего на острове святого — Спиридония.

Нет смысла бесталанно пересказывать его подвиги в земной жизни и вне её. Они описаны авторами, куда как сведущими. Одинадцатое же августа — это «национальный» праздник, для всего населения острова. Причём, празднуют они его напротив островного форта, защищая который, святитель потопил, по преданию, явившуюся захватить остров эскадру с ятаганом месяца на флаге.

Таким образом, каждый оказался при своих собственных ему в «моралите» функциях — святой спасает, ятаганы тонут, а феаки по сему поводу пьют, поют и танцуют. А также проносят святого по городу в специальном паланкине, и его сопровождают толпы феаков, в святом духе чающих, собирающихся на праздник со всех городков острова.

Небо над столицей и дальше, над проливом к материку, затянули плотные, как промышленная вата, облака, и цветущий под солнцем всеми оттенками жёлтого, серого и коричнево-

го камень стен и мостовых, которым до девятнадцатого века поднимался город, отсыревал в не к сроку заладившем дожде. Но толпы народа, заполнившие площадь, были вполне далеки от уныния. Туристы — поскольку приехали, и чего уж теперь! А феаки, поскольку праздник, и чего уж там!

Толпа от площади продолжалась, как мохнатая разноцветная тысяченожка по узеньким улочкам до храма с ракой святого, откуда и начиналось шествие. Там был уже заготовлен полный комплект высших чиновников острова, и военные моряки в белоснежной парадной форме и белых перчатках — почётный эскорт святого, под дождевиком, неуважительно барабанившим по их эллинским профилям.

Атмосфера была вполне весёлой, и дождь был принят в разряд праздничных утех, наряду с мороженым, хлопушками, оркестрами, которые и показались, по очереди вступая на площадь. Они самозабвенно вибрировали маршем из «Аиды», хором рабов из «Набукко» и вальсом из «Травиаты». Слышно было, причём одновременно, все три оркестра, что создавало вполне оригинальную четвертую композицию. Не ведая табеля о рангах, не скажу, какие номархи шли между «Аидой», «Набукко» и «Травиатой», но они шли, облачённые в какие-то мантии и этакое величие. Наконец, в окружении эскорта чиновников и почётного караула появился паланкин со святым.

Я стоял на тротуаре, среди самых разных людей — греков вперемешку с англичанами, немцами, французами. Всех нас можно было бы назвать толпой, но по трезвому воспоминанию я воздержусь. Поскольку было в этом ожидании нечто (кроме обычного возбуждения от предстоящего зрелища) — нечто, оставляющее каждому свою индивидуальность, несмотря на единый повод, собравший на площади всех нас. Сейчас легко формулировать, но тогда это просто ощущалось вне сознания, как своё особое удовольствие от пребывания в нужное время в нужном месте.

Оркестры играли, дождик моросил, паланкин продвигался. Он подплывал ко мне справа, на плечах монахов, в окружении цепи моряков, белоснежность мундиров коих была нарушена моросью. Паланкин — купол на четырёх колоннах по бокам кресла святого. По вставленным между колонн стёклам, туманя их, стекала вода. Таким образом, волей небес, они утратили безответственную прозрачность, вернее обрели необходимую сдержанность, приличествующую их обязанности открывать, но не обнажать. Паланкин подплывал, и ясней проявлялась фигура в чёрной рясе с наброшенным на голову капюшоном, скрывающим лицо в тени.

Святой сидел, положив руки на подлокотники кресла, и склонив голову к левому плечу, будто рассматривая народ внизу под ним и размышляя о чём-то своём. Вот паланкин поравнялся со мной, и тут я, как привязанный за верёвочку, повлёкся за ним, потому что понял.. да нет, ничего я не понял, просто я был готов к чему-то другому, но не к этому. То есть я ожидал увидеть мумию, прекрасно разукрашенную (мы что, мумий не видывали?), некий благородный осколок, некогда благородного бытия. Но вот этой просто сидящей фигуры, погружённой в раздумье, век длящееся, я не ожидал.

Я волочился, окружённый людьми, за паланкином, влекомые рядом осеняли себя крестными знаменами, моросил дождь. Вокруг паланкина задумавшегося святого, как мусс в блендере, закруживался и разрастался людской водоворот, гремел хор рабов из «Набукко», дождь моросил. Пришло в голову, что сидящий в кресле святой парадоксально напоминал знаменитую гудоновскую статую философа, где язва-старичок, драпируясь тяжёлыми складками халата, благодушно посматривает на уже приговорённых им дурачков-аристократов. Но именно благодушный старичок со знанием дела информировал просвещаемую общественность, что дьявол есть обезьяна Бога, и его лицо лукавой обезьянки выражало довольство тем фактом, что изречение части правды только

искажает всю правду и позволяет манипулировать не готовыми к ней адептами.

И я понимал, что это не святой напоминает старичка, а старичок нюхом своего выморочного гения слямзил стать святителя через закоулки вневременного бытия.

Оркестры, чиновники, военные, паланкин со святым, все они, окружённые туристами и аборигенами, огибали начинавшийся от площади парк под то затухавшим почти до исчезновения, то зачинающим моросить, по-новой, дождём.

Так неспешно, обогнув парк, паланкин со святым очутился у ворот форта, перед которым дышало тёмно-бурое под серыми облаками море. Это был тот форт, где он разогнал и потопил вражескую эскадру, сохранив островитянам свободу и веру.

Здесь паланкин развернули и водрузили на постамент так, что святой оказался лицом к форту. Народ плотным кольцом окружил его, а вперёд вышел архиепископ острова и встал перед ним, чтобы помолиться.

И вот тут-то оно и произошло. Для тысяч собравшихся. И для меня.

Облака над фортом как-то ослабели, расточились, расступились, открыв небольшой, правильной формы, овальный просвет, и оттуда, словно направленные прожектором, золотыми копьями, по косою, как из-за штор в тёмную комнату, ворвались солнечные лучи, и упали прямо на паланкин святого, а стёкла, преломив эти лучи в ожерельях покрывавших капель, радужным бисером окружили фигуру святителя. И пока архиепископ молился, центр праздника сиял.

Я смотрел на лица людей вокруг. Они улыбались и плакали. Это была не сентиментальная сказочка на ночь. Просто нам ясно давали уразуметь, чьи же мы дети. Когда молитва была окончена, то диафрагма в облаках затянулась, и праздничный свет погас. Но не весь. Я видел его, и многие со мной его видели. И надежда, что он не погаснет, для меня была — тут ока-

залось, и я плачу вместе с греками и с французами, и с итальянцами, и кто ещё там был, и они улыбались и вытирали слёзы. И если не все, то многие.

Я же, под морозящим дождём, пока многого не понимал — ведь ещё не разъяснилось, что рога Минотавра, всяческие рога моего прошлого и будущего хоть и не стали менее опасны, но с этого дня открыта возможность лишить их силы. И выкатившиеся неожиданно, почти рефлекторно, из глаз малые слезинки оказались каплями против многих рогов. С тех пор жизнь моя стала меняться, хотя и этого

я долго не замечал. С детства, видите ли, был рассеян. Впрочем, это вы уже знаете.

ЗАНАВЕС

Примечания

¹ Феаки — в древнегреческой мифологии обитатели острова Схерии (Жеркиры), к которым был бурюю занесен Одиссей. Феаки, которым покровительствовали боги, вели блаженное существование: ни войны, ни тягости жизни не омрачали их безмятежного счастья.

² Псалом 103. перевод С.С. Аверинцева

© Текст: Андрей Кузнецов-Вечеслов

АНДРЕЙ КУЗНЕЦОВ-ВЕЧЕСЛОВ (род. 1951) — балетмейстер, режиссер, сценарист, актер, литератор. Из семьи потомственных артистов Мариинского театра. Стихи начал писать еще в детстве. После окончания Хореографического училища им. А. Я. Вагановой стал танцовщиком театра оперы и балета им. С.М. Кирова (ныне Мариинского). Довольно рано заявил себя как хореограф. В 25 лет стал главным балетмейстером Петрозаводского театра оперы и балета. Продолжил образование в Санкт-Петербургской консерватории. С 2014 года — хореограф, глава отдела сценического движения в Электротеатре "Станиславский". Параллельно с работой над спектаклями в музыкальных и драматических театрах страны продолжал литературные штудии — стихи, пьесы, сценарии. «Я иду по ковру» — его первый автобиографический роман, который в настоящее время готовится к печати. Публикуем отрывок из него.

Параллельный мир

Марина ВИШНЯКОВА

Да и много ли нормальному островитянину нужно для жизни? Пара друзей, пара пыльных собак, стаканчик вина, чашка кофе — и трюнди себе о всяком, дремли на стульчике в тени... У каждого жителя Острова есть несколько оливковых деревьев, которые раз в два года плодоносят сами. Процесс простой: раскладываются под деревьями сетки, куда осенью падают созревшие оливки. Нанятый албанец все это собирает в мешки и относит/отвозит на маслодавательный пресс, имеющийся в любой деревушке.

Забастовка по-гречески

— Мы приедем во вторник, а в субботу уже уедем, — накануне визита в Грецию предупредили мы нашего греческого адвоката. — Нам нужно было оформить кое-какие бумаги, а в Греции любое действие с официальным бумаготворчеством предполагает оплачиваемое участие адвоката. Нами оплачиваемое, есте-

ственно. И оплачиваемое немало.

— Да, отлично! — обрадовался адвокат, предвкушая возможность выставить почасовой ценник, а заодно и непременно получение «сувенира из России» — а.к.а. бутылку водки.

К слову сказать, радость — это нормальная реакция любого грека на общение с мирозданием. Утром кого-то встретил — рад. Днем встретил его же — снова рад. Вечером — тем более рад, еще и объятия не преминут, потому что в каждом греке к вечеру уже плещется пара стаканчиков вина, невзирая на возраст, пол, статус, диету, рекомендации врача. Кстати, рекомендации врача

обычно сводятся к совету усердно молиться и немного выпить. И это часто помогает.

Так вот, адвокат выразил радость, мы тоже выразили радость, короче, все выразили радость — мы взяли необходимые документы, смутили российских пограничников полным отсутствием багажа, прошли обыск на наркотики и недозволенное количество валюты, подтвердили свою гражданскую невинность — и прибыли на свой Остров решать срочные вопросы.

От момента обмена радостью с адвокатом прошло не более недели.

Едем к нему в офис, чтобы далее вместе с ним идти подавать необходимые документы.

Офис прочно закрыт.

— Кофе пьет! — догадываемся мы — и идем искать своего адвоката, благо тьма кофеен рядом и все на виду.

В кофейнях (утром в будний день, во вторник) полным-полно веселых греков, побрякивающих тяжелыми нагрудными золотыми цепями и возбужденно-неразборчиво орущих что-то, заглушая удивленных цикад, не привыкших к своей звуковой вторичности.

Наш адвокат сидит среди них и, увлеченно жестикулируя, рассказывает что-то разномасштабной группе улыбающихся приятелей.

Все еще хмурые после Москвы и уже слегка раздраженные нарушением заранее спланированного графика, мы преодолеваем в себе естественное желание выхватить нашего веселого адвоката из толпы его почитателей и даже, возможно, дать ему пару раз по шее, ускоряя в сторону его офиса. В общем, пока не успели адаптироваться. Но понимаем, что надо. Поэтому напяливаем на себя кривые неискренние улыбки и, тщательно подбирая слова, произносим фразы приветствия и удивления по поводу закрытого в разгар рабочего дня офиса.

— We are on strike! — подняв градус радости до нестерпимого сияния, объявил нам адвокат почти под аплодисменты посетителей всех окрестных кофеен.

— Да тт твою ж...rrrrрадость... и об забор!... — страшно улыбаясь по-русски, сказали мы.

«Страшно улыбаясь по-русски» — это не перепутанная запятая в предложении, это описание выражения лица, при котором собеседник, увидевший его, быстро вспоминает всю свою предыдущую жизнь, а также место, где у него лежит завещание, и просит мысленно простить ему все грехи, ибо конец не только близок, но и неотвратим.

Так бы чувствовали все — кроме греков. Греки — ребята простые. В их сигнальной системе улыбка — это улыбка. И раз ты ему улыбнулся, то все хорошо. Вопрос исчерпан.

Поэтому наш адвокат и его приятели быстро нашли нам место рядом с собой и пододвинули стулья.

Через некоторое время, поняв, что никакой работы точно не будет — ни сегодня, ни завтра, ни вообще во время этого нашего приезда, специально и задолго спланированного ровно для того, чтобы решить важные вопросы, — мы пили кофе с греками, сразу и с удовольствием принявшими нас в свою компанию.

Греки обсуждали несправедливость бытия, нахальные требования немцев и Евросоюза вернуть наконец долги — или хотя бы накопившиеся проценты по взятым кредитам. Забастовка была связана то ли с тем, что правительство неаккуратно что-то пообещало в ЕС, то ли с тем, что оно уже какие-то социальные блага (коих в Греции было немало) урезало. Мы так толком ничего не поняли, потому что при попытке задать этот вопрос наши внезапно обретенные приятели начинали нам отвечать все одновременно, пытаясь перекрыть друг друга.

В общем, это было что-то на вечную тему «как побудить рядового грека работать немного больше, чем он привык».

— Ребята, — сказали мы устало, — но ведь вы и в самом деле сидите тут, не работаете, а триндите с друзьями, попивая кофе. В буд-

ний день! Когда могли бы заработать те самые деньги, по поводу отсутствия которых тут хором скорбите!

— Вы поймите, — сказали нам греки — у нас просто философия другая: зачем нам нужна такая работа, если мы утром не можем спокойно выпить кофе с друзьями и потрындеть?!

Прошло более десяти лет нашей жизни на Острове... Документы мы в тот приезд так и не оформили, приезжали еще раз — заранее узнав график забастовок. Потом прониклись разными другими «греческими особенностями», научившись лавировать между «надо» и «да и фиг с ним!».

И, знаете, нам очень нравится эта греческая философия. Она — человеколюбивая. С приоритетом отношений над функцией. В Москве, конечно, нелегко жить, придерживаясь греческих установок.

Поэтому серую волчью шкуру «эффективного московского менеджера» мы аккуратно храним на гвоздике возле пограничного контроля в аэропорту — снимая ее при вылете и надевая назад при прилете.

Но если работа не позволяет вам утром спокойно выпить кофе с приятелями и поболтать о мироздании — зачем она вам? Ведь, повторяя популярный мем, еще никто перед смертью не вздохнул, огорченно: «Эх! Надо было больше времени проводить в офисе!»

Что греку хорошо, то и русскому неплохо

Давеча позвал меня хороший человек на очень модную, но совершенно чужую мне тусовку. И я в запале согласилась выступить по теме о разных подходах к жизни на секции мультикультурализма.

Я не боюсь людей, несмотря на свою сугубую интровертность, а что до публичных выступлений, то я без подготовки легко могу говорить на любую тему — хоть о мелиорации Казахстана! Но, согласившись на это меро-

приятие, я вдруг получила столько предупреждений от Мироздания «не ехай!», что не обратить внимание на это было бы глупо.

Итог — я не поеду.

Но опубликую тут тезисы, которые должна была бы сказать там вслух.

Речь идет об особенностях бизнес-отношений в Греции. У меня были публикации и выступления на эту тему, в том числе на радио «Медиаметрикс», но тут тоже хочу кратко перечислить основные отличия и сходство.

Итак, разберемся в основных понятиях.

1. Фίλοι.

По-гречески это означает — друзья. Если вам что-то предлагают по дружбе, дружески, то будьте уверены, что ценник увеличен на 30%, это как минимум. А то и на все 300% — ибо любимая греческая мечта состоит в том, чтобы найти богатого русского и что-нибудь ему продать. Например, недвижимость за миллион евро, хотя цена ей от силы пара сотен тысяч. Соответственно, за пару сотен тысяч будут продавать то, что стоит тысяч шестьдесят, не больше. Как другу вам сдадут в аренду с более высоким ценником машину или лодку. Как другу вам предложат участие в стартапе, где вы — инвестор и решатель всех проблем, а ваш «друг» — участвует в прибыли, но не в рисках, и т.д.

Услышав обращение «только тебе как другу», не надо, конечно, напрягаться, но надо спокойно и улыбочиво, благодаря и обнимаясь, передавая приветы семье и целуясь, отстаивать свои интересы и нещадно гнуть на нужный вам ценник (и условия). По опыту: на 30% можно опустить ценник на все, кроме как на официальную бумагу от правительства Греции о налогах. Поэтому — торгуйтесь. А с «друзьями» — особенно. Это их не обидит, а развлечет.

2. Αύριο.

В греческих словарях это означает «завтра». Но не обольщайтесь! Греки ко времени относятся легко. У них его — вечность! Поэтому сразу расслабьтесь и поймите, что ес-

Geece. 1979. Athens. Monastiraki. Flea market.

© Фото: Никос Экономпулос

ли вам что-то пообещали «аврио» — это всего лишь знак, что вас услышали и ответили «не сейчас». А вот если уточнили время (мол, завтра в 12), это уже намерение посетить вас или заняться вашим делом... в течение ближайшей недели. «Завтра в 12» может означать все, что угодно! От явления человека, чиновника, поставщика и пр. в семь утра до его дружелюбного ответа вам после стопятого звонка ему в голову в девять вечера, что сегодня он уже не успеет, но вот завтра... При этом от вас тоже никто не ожидает пунктуальности — если вас не застали дома или в офисе в назначенное время, никто не обидится. Если вашему контрагенту очень нужно, он зайдет еще раз, два, пять... Позвонит, ну или не позвонит. В общем, если судьба — вы встретитесь. Если нет — то нет. Жизнь слишком хороша, чтобы всерьез грузиться такими пустяками, как соблюдение договоренностей о времени!

Немцам греков не понять ни-ког-да.

3. Харти.

Документ. Греки пишут договоры и прочие документы легенды, напоминающие «Одиссею». Вот буквально так и начинается любая бумага у нотариуса: «Собрались тут сегодня у меня, Марии Попандреу, Костас Лавракис, его жена Мария, пара русских, два немца, четыре собаки и один кот, и говорят, что...» — и на пять-десять листов неспешного текста, в котором будет восемь орфографических, десять грамматических и двадцать фактических ошибок. Печатей не будет, будут подписи заинтересованных лиц. И всё.

Это в Греции считается документом — и его ПРИМУТ как таковой во всех официальных инстанциях. Понятно, что если вы эту былинку должны будете по каким-то причинам предъявить русским властям (естественно, с заверенным апостилированным переводом!), то сами можете составить те наборы букв, куда вас отправят русские чиновники. Поэтому — бдите! Греческую грамоту читайте, правьте неизбежные ошибки в вашем имени,

адресе и пр. И не говорите, что вас не предупреждали!

Кстати, для всех операций в Греции вам нужен свой адвокат. Местный. Профессиональный. Адвокатов там — как ворон в Москве, но квалифицированных всего пару человек на всю Грецию. Найти можно, но сложно. «И опыт — сын ошибок трудных...»

4. Λεφτα.

Λεφτα по-гречески — деньги. И отношение к ним у греков простое: все, что вы им дали, — это их. Ну вы же сами дали? А чего ж тогда? Все, что вы дали, давно потрачено. Вам будут доказывать, что на вас же.

Требовать счета, подтверждения, учета какого-то — это занудство. В лучшем случае вам на бумажке вида «тут играем, тут не играем, тут рыбу заворачиваем» нарисуют при вас же какие-то цифры. Любуйтесь, если вам цифры нравятся!

Вы сколько давали на то, чтобы покрасить забор? Бумажку в сто евро, потому что у вас не было размена? Ну вот видите — все ваши сто евро размазаны по забору! Чего еще? Ах, вы давали две тысячи на ремонт? Ну вот две тысячи, значит, размазаны по тому же забору! Ну все ведь сходится — разве вы не видите?

Поэтому выход один: сами считайте все стоимости, знайте их и выдавайте ровно столько, сколько оно стоит, и не авансом.

Это не только про ремонт. Это про все — про инвестирование в стартап, про строительство дома, про оплату любых работ.

И при этом легкость отношения греков к деньгам распространяется на всех — вас угощают, вам помогут бесплатно на сервисе, если поломка машины мелкая, вам окажут медицинскую помощь бесплатно или за условные пять евро, если у вас не оказалось страховки...

Греки НЕ жадные люди, они щедры! Но их щедрость распространяется и на ваши средства тоже, поэтому просто учитывайте сей факт во взаиморасчетах.

5. Γλωσσα.

Язык (общения). Самое большое заблуждение эмигранта в любую страну — это попытка адаптироваться через русское *комьюнити*. Вы навсегда останетесь чужаком. И что еще хуже — вы вскоре обнаружите, что русское *комьюнити* большей частью состоит из не очень счастливых и не очень успешных малообразованных маргиналов, сохранивших и приумноживших эту агрессию от неуверенности при странном и чисто русском ощущении себя центром Мироздания.

Вас втянут в какие-то группы и какие-то дележки, в какие-то непрерывные поиски врагов и их происков. И вам вряд ли кинутся помогать.

И знаете — это нормально! А почему вам должны помогать адаптироваться те, кто неистово, цепляясь изо всех сил соскальзывающими пальцами за любую возможность, пробивались сами? Пытаясь ввинтиться в иную страну через русское *комьюнити*, вам надо будет пройти два периода испытаний: сначала, чтобы занять свое место в Вороньей слободке русского *комьюнити*. А потом — чтобы занять свое место в *комьюнити* той страны, в которую вы явились.

Экономьте усилия — сразу адаптируйтесь в *комьюнити* страны. Для этого — учите язык! УЧИТЕ ЯЗЫК! Учите историю, традиции, заводите связи с местными, заводите отношения с другими народами, населяющими эту страну...

Вы не перестанете быть чужаком, но вы можете стать тем чужаком, про которого местные скажут: Слушай! До встречи с тобой я думал, что русские — другие, что они агрессивные..., а ты вот образованный, уважаешь меня, знаешь мой язык... ты классный чувак! Давай приходи ко мне в семью встречать Рождество — твой-то сейчас далеко?

И тогда ты поймешь, что орден «За заслуги перед Отечеством» — твой. Потому что ты сделал для имиджа России не меньше, чем профессиональные дипломаты.

Параллельный мир, или Начало Корфулетосчисления

*Когда Бог создавал время,
Он создал его достаточно
(Ирландская поговорка)*

...в конце трудовой недели Творенья сказал Он, что это — хорошо. Но потом взглянул еще раз на цветной шарик, вылепленный Им из Ничего, на его обитателей, и понял, что чего-то не хватает для совершенной гармонии. Выпуклый веселый шарик нуждался в точке отсчета: точке начала и конца всего сущего. Пупе Мира. Бог прикоснулся к центру шарика, выбрав наиболее яркое сочетание красок в месте касания — и хотел поставить там точку. Однако, поскольку Ему очень понравилась Его работа, Он захотел оставить возможность для продолжения. И точка превратилась в запятую — яркую, драгоценную, сверкающую всеми цветами радуги, включая промежуточные оттенки, сосредоточивающую в себе весь Смысл Творения и в то же время подчеркивающую неоднозначность этого Смысла... И это было не просто хорошо, это было упоительно совершенно. Картина Мира получила недостающую деталь в свою мозаику, а все живое и неживое — эталон преддверия Рая.

Так появился остров Корфу.

Остров сразу был наделен правом выбирать своих обитателей, климат, погоду, запах и цвет... короче, на Небесном складе ресурсов и инструментов заказы от Корфу всегда выполнялись в первую очередь. А поскольку на Небесном складе (в отличие от земных) никогда не бывает так, чтобы чего-то из требуемого не было, снабжение чистым воздухом, пресной водой, плодоносящими деревьями и кустарниками, рыбами, птицами, животными, солнцем, морем, счастьем, покоем, удовольствием, весельем и всем прочим было бесперебойным.

Время от времени разные люди называли себя хозяевами Острова, но никто так и не стал его «главной ассоциацией». Остров изначально был Садам Богов, а смертные — это лишь декорации, оттеняющие их пребывание. Одиссей на пути за Золотым Руном провел тут немало времени с местными богинями — и его окаменевший корабль стоит на вечном приколе, охраняя подступы к Острову со стороны материка. Венецианцы правили тут 400 лет, оставили после себя характерную пастельно-вылинявшую кружевную архитектуру и некоторое количество генного материала: иметь в роду венецианцев означает входить в местную аристократическую элиту. Англичане правили на острове 130 лет и до сих пор из ста тысяч жителей Острова 30 тысяч — англичане. Нынешний супруг Ее Величества, принц Филипп, отсюда родом... Да мало ли кто отсюда родом! Вот, скажем, известная семья Bulgari... Вообще есть ощущение, что корни Корфу можно найти практически в любом человеке.

Корфу был столицей Ионических островов — отдельного государства, неохотно присоединившегося к Греции. Отношение Корфу к Греции примерно такое, как вашего кота к вам. Вы уверены, что точно знаете, кто кому хозяин? Вот то-то... То есть Греция Корфу гордится, а Корфу Грецию терпит. Сиртаки тут исполняют редко (по заказу туристов), зато охотно танцуют островные танцы... но об этом потом

Пуп Мира — что тут еще скажешь?

Правления турок на острове не было, мусульмане крайне не приветствуются, мечеть запретили строить решением администрации Керкиры (единственного и одновременно центрального города Корфу), официальная религия — православие. Поэтому русских пока любят — их тут немного и они смиренные. Бывали тут многие, а вот повторно или часто — только избранные. Остров сам выбирает себе жителей и гостей, как я уже писала.

На Корфу исчезает весь остальной мир. Люди теряют представление о времени, днях недели, сторонах света и мировых событиях примерно на третьи сутки пребывания тут.

Однако это исчезновение всего остального мира является настоящим бременем для тех, кто на Корфу родился, но по сути своей более активен, чем просто философ-наблюдатель (основной типаж коренного жителя Острова). Вырваться с Корфу почти невозможно. Ведь это — Пуп Мира. А как можно стартовать что-то иное из Пупа? Покрутишься-повертишься — и туда же вернешься. Пространство Корфу искривлено так, что лента Мёбиуса грустит от своей понятности.

Один мой активный корфуанский приятель, неуспокоенная душа, вот уже десять лет на моих глазах агонизирует, пытаюсь стартовать то один, то другой бизнес (с отличными бизнес-идеями, связанными с интернет-технологиями) — но неизменно вязнет в медовом философствовании своих сограждан, не поддерживающих его начинания. А самостоятельно изменить жизнь Острова в сторону большей динамики ему не удастся. Понятно, почему его попытки бесполезны. Вот вам удавалось когда-нибудь совершить прыжок через пупок? Попробуйте, если не пробовали никогда, главное — шею не сверните. То, что островитяне сидят в фейсбуке, вовсе не означает, что они готовы как-то менять свой образ жизни и изготавливать что-то более сложное, чем оливковое масло и поделки из оливкового дерева. А зачем?.. Ширпотреб на Остров привозят те же англичане или китайцы. Любой товар мира можно выписать из Афин.

Да и много ли нормальному островитянину нужно для жизни? Пара друзей, пара пыльных собак, стаканчик вина, чашка кофе — и трюнди себе о всяком, дремли на стульчике в тени... У каждого жителя Острова есть несколько оливковых деревьев, которые раз в два года плодоносят сами. Процесс простой: раскладываются под деревьями сетки,

куда осенью падают созревшие оливки. Натятый албанец все это собирает в мешки и относит/отвозит на маслодавилый пресс, имеющийся в любой деревушке. Из получившегося масла 10% берет себе давилщик, пару бутылок — албанец, остальное — твое. Хочешь, сам употребляй в пищу (стандартная еда — хлеб с оливковым маслом и немного разбавленного вина, благодаря чему островитяне — самая долгоживущая группа в Европе), хочешь — продай, чтобы на кофе хватило... Налоги на все щадящие, да и не факт, что их платят... Одно оливковое дерево дает пять-шесть мешков оливок, что даст 50-100 литров масла...

Сейчас на Острове стали появляться активные русские. Любопытно наблюдать, как

первые три дня они носятся, горя глазами, узнавая цены на недвижимость и планируя какие-то гостиницы, бизнес-центры и прочую атрибутику Большой земли. На четвертый день, как правило, все уже поют песни в ресторанчике Толстого Джорджа, на пятый — смотрят на звезды затаив дыхание, на шестой — покупают местную симку и отключают московский телефон...

Есть, конечно, полностью нерелексивные ребята, которые умудряются за две недели отдыха на Корфу пожаловаться на скуку и посоветовать на то, что за те же деньги в Турции... Сразу понятно, что это разовые визитеры. Собственно, какая разница, что вынесет на берег морской волной? Ею же потом и смоеет все несущественное...

© Текст: Марина Вишнякова

МАРИНА ВИШНЯКОВА Окончила МГУ (два факультета: географический — экономическая география зарубежных стран и психологии — организационная психология), а также бизнес-школу (CEI) Чикагского университета (Chicago Booth GSB). Более 15 лет работала топ-менеджером в крупных российских компаниях. В 2005 Г. создала консалтинговую компанию PM TEAM, где работает управляющим партнером. Трижды (в 2009, 2013 и 2014 гг.) становилась лауреатом рейтинга Top-1000 Ассоциации Менеджеров России и издания «Коммерсантъ» в номинации «высшие руководители». Марина Вишнякова — сертифицированный международный методолог по методике MBTI, постоянный член Экспертного совета премии HR Brand, ведет программы по аспектам управления предприятием на Успех ТВ и HR Radio. Участвует как эксперт в большом количестве международных программ, в том числе под эгидой ООН. Автор более 200 публикаций на темы менеджмента, колумнист «Forbes», автор бизнес-бестселлеров «Охота на менеджера» (2007), «Охота на менеджера в кризисный период» (2009), «Мифы и правда о KPI» (2017), «KPI: внедрение и применение» (2019). Марина Вишнякова перманентно перемещается по миру, одно из мест ее жительства — остров Корфу. Публикуем ее рассказ, который станет частью книги об островах.

Мои биографии

В 2017 году я начал вести на факультете коммуникаций, медиа и дизайна нашего университета курс под названием «Древнегреческий язык и современная культура». Планировал факультатив по языку, но, поскольку за дополнительный язык со студентов взималась бы плата, нужно было придумать название «под соусом». Мы шутили, что от меня требуется только язык, а студенты будут представлять современную культуру. Вгрызались в материю языка с разных сторон. Грамматика греческого интересовала нас как окно в грамматику русскую. Словарный запас — как лестница, расходящаяся по всем доступным европейским языкам. А уж русский греческий — как прямой ход к надсознательному.

ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ

Гасан ГУСЕЙНОВ

Глядя из наших северных глубин на Элладу и вообще на Средиземноморье, мы быстро перестали членить языки этой интеллектуальной, эмоциональной, эстетической метрополии Европы на «древние» и «новые». А родной для большинства студентов русский, как выяснилось, просто невозможно понять в его богатстве, и в его изяществе, и в его грубости, в его выразительной и познавательной силе без обращения к греческому. И дело не только в азбуке, которой мы пользуемся, и не только в языке местного православия, церковнославянском, и не только в языке наук и искусств. Дело в самой природе вещей. Ведь язык живет и постоянным обновлением, и постоянным забеганием как можно дальше в прошлое. Например, вчера у нас не было слов *айпод* или *подкаст*, а сегодня они есть. Но язык — это и самое старое, что у нас есть, вот почему то, что происходило давным-давно, когда русские или их соседи по континенту по греческим лекалам выделявали важные для языка слова и словечки, помогает, вернее — может помочь! — современному человеку думать и говорить точнее, обеспечивать прочную связь между современниками и — с собственным прошлым.

СУРОВЫЙ И ГЛАМУРНЫЙ ОПЫТ

Экономические журналисты охотно пользуются выражением, которое на русский не вполне удачно переводится (с английского *austerity*

measures) как «меры экономии». Если бы русский экономист изучал древнегреческий, он бы сразу сказал, что английское *austerity* восходит к греческому риторическому термину, обозначающему суровый стиль (*австерос*, *αὔστερος*), противостоящий стилю «гламурному» (английское *glamorous* восходит к греческому же слову *γλαφυρός*, отсюда старинное прекрасное имя Глафира, и это обозначение блестящей речи, а в переносном смысле мы говорим о гламурном стиле жизни). Стало быть, речь идет не столько о режиме экономии, сколько об изменении стиля жизни, а это ведь уже далеко не только экономическая категория.

Курс греческого для журналистов, понимаемый как орошение почвы, которой предстоит дать всходы, мы со студентами готовили вместе несколько лет, хоть они этого и не знали: просто накапливался список таких вот мест, словесная корка над которыми, казалось бы, уже не оживет. Сам я начинал учить греческий почти полвека назад по наводке друзей моих родителей. Тогдашняя цель была проста — держаться как можно дальше от современности, спрятаться в нише, которую принято высокопарно называть башней из слоновой кости. Но древнегреческий у нас вела Валентина Иосифовна Мирошеникова, прекрасно знавшая и новогреческий язык, а главное — имевшая вкус и понимание того, как через каждое слово просвечивает история культуры и — современная политика. Новогреческий нам преподавала гречанка-эми-

грантка Катина Зорбала, и из ее живого, песенного языка, который я, увы, полузабыл за сорок лет, выросло для меня понимание. Его углубило чтение работ по истории греческой философии Андрея Валентиновича Лебедева (кстати сказать, отца знаменитого дизайнера) — грека по происхождению и по второму родному языку, тончайшего толкователя философского языка так называемых досократиков. После поэта Вячеслава Иванова и учителей нескольких поколений классиков в России — Сергея Ивановича Соболевского и Алексея Федоровича Лосева — Лебедев, наверное, самый глубокий настоящий носитель этого языка. Еще один важный источник формирования нашего курса для русских журналистов — это словарь Ольги Александровны Седаковой, самой, может быть, знаменитой не только в Средиземноморье русской поэтессы нашего времени. Ее словарь церковнославяно-русских паронимов вышел в 2005 году в Греко-латинском кабинете Юрия Анатольевича Шичалина.

ГИДА И ЭГИДА КОЗЫ АМАЛФЕИ

История, которая окончательно убедила меня в необходимости предложить бакалаврам журналистики курс живого древнегреческого, случилась десять лет назад в Греции. Промозглым ноябрьским вечером я зашел в харчевню. Дело было в горах Фессалии, и я попросил чего-то согревающего. Возьми «гиду», посоветовал Йоргос, хозяин заведения. И вот Йоргос несет мне наваристый бульон с куском мяса на косточке и кореньями. Вкусно и необычно. И ведь в самом деле согревает, подумал я. Что за мясо, спрашиваю. Оказывается — козленок. И тут до меня доходит, что «гида» — это осколок такого знакомого слова «эгида» («под эгидой») — имени шкуры козы Амалфеи. Именно эта сказочная коза когда-то вскормила самого Зевса, а после смерти служила ему самому и его дочери Афине самой надежной защитой от врагов. Шкура Амалфеи с прикрепленной к ней

для острастки головой Медузы-Горгоны, — эгида для богов и героев, а козий суп, согревающий путника в фессалийской деревне, эта вот наваристая «гида» — для нас, простых смертных.

При всех переменах, которые за три тысячи лет испытал этот удивительный язык, есть в нем опорные точки, которые нужно сделать понятными как раз-таки нашим журналистам, носителям русского языка. Совсем не страшно было бы, если бы кто-то из студентов, подпав под обаяние византийского греческого (а это в наши дни в Москве легко, ведь здесь преподают и Борис Львович Фонкич, у которого и я прослушал курс греческой палеографии в начале 1970-х гг. в МГУ, и Сергей Аркадьевич Иванов — на факультете гуманитарных наук в Вышке), вдруг взял бы да ушел в византинисты.

Чем же отличается наш курс от традиционных? Ведь никто из бакалавров-журналистов все-таки не собирается становиться классическим филологом. Мы хотим не «обветшати» греческий язык, как делают те, кто противопоставляет новый — древнему, а наоборот, увидеть и понять, что этот язык может и должен быть понят как законная важнейшая часть современного языка — и русского, конечно, в том числе. Поэтому, только-только освоив алфавит, только-только научившись произносить слова, мы зашли, можно сказать, по грудь в «Илиаду». Начав, очень медленно, со второй песни, мы быстро поняли смысл самого популярного стихотворения Мандельштама:

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд*

журавлиный,

Что над Элладю когда-то поднялся.

*Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?*

*И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит
к изголовью.*

Мы быстро поняли, что понять это стихотворение невозможно без обращения ко второй песни «Илиады», где приводится и список кораблей, а главное — объясняется, отчего Зевса так мучила бессонница: он искал, как наказать греческих царей за обиду, нанесенную Ахиллесу. Мандельштам зашифровал в своем стихотворении два греческих слова — пена = кара и кара = голова, узнав которые впервые, предположительно, от К.В. Мочульского, испытал восторг от возможности написать стихотворение как двуязычную загадку.

От стихов двинулись к поэтической прозе.

И тут выбрали путь не совсем привычный. Вдруг стало ясно: читать выполненный так называемыми Семьюдесятью толковниками — еврейскими мудрецами, специально для этой цели выучившими греческий язык, — Ветхий завет, так называемую Септуагинту, намного легче, чем Гомера. Поскольку в русском разговорном языке живут десятки библейских выражений (от духа, носившегося над водами, до древа жизни), то их греческое выражение превращается на уроке в загадку, и студенты возвращаются в знакомый старый-престарый дом языка. Мне, агностику, совсем не мешает религиозное воодушевление современного молодого человека, который вдруг обнаруживает, с какой яростью в языке сражаются античные многобожники с единобожниками, как близко знак «придыхания», который ставится над гласной, стоит к какому-нибудь «духу святому», как интересно сравнивать «Теогонию» Гесиода с «Книгой Рождения», более известной как «Книга Бытия».

Есть слабости живой человеческой речи, вызванные особенностями текущего историче-

ского момента, а есть и запрограммированные структурой твоего языка. Например, древнегреческий намного богаче наклонениями и более ажурной системой времен, чем современный русский, да и другие европейские языки. Объяснять более сложное явление средствами более скромными — большой вызов, и из полусотни записавшихся на курс остались чуть больше десяти храбрецов: по-моему, приняли вызов и остались под эгидой козы Амалфеи.

ЭХОЛАЛИЯ КАЛОКАГАТИИ

В марте 1931 года Осип Мандельштам написал стихотворение, построенное на привычной для него эхολалии — этим греческим словом обозначают автоматическое повторение чужой речи, — но с дополнительным, трудно описываемым оттенком. Иногда повторяется не слово или предложение, а его отражение в мутном зеркале. Иногда это взаимоотражение происходит прямо внутри строки¹.

*Я скажу тебе с последней
прямотой:
всё лишь бредни, шерри-бренди,
ангел мой.
Там, где эллину сияла
красота,
мне из черных дыр зияла
срамота.
Греки сбондили Елену
по волнам,
ну а мне — соленой пеной
по губам.
По губам меня помажет
пустота,
строгий кукиш мне покажет
нищета.
Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
все равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
дуй вино!
Я скажу тебе с последней*

прямотой:

*всё лишь бредни, шерри-бренди,
ангел мой.*

Внутренняя эхололия — это повтор: «лишь бредни» — искажение «шерри-бренди».

Этим стихам посвящено немало статей, но на наших уроках греческого всплыло еще одно толкование. Язык Мандельштама предельно конкретен, веществен, иногда — груб, точно так груб, как бывает груб греческий язык Аристофана, Софокла или самого Гомера. Иногда трудно объяснить, зачем именно это вещественное значение появилось в стихотворении, но невозможно сомневаться, что появилось именно оно.

Что означают слова поэта

*Там, где эллину сияла
красота,
мне из черных дыр зияла
срамота?*

Что за срамота из черных дыр? Но мы пойдем этот старый, подростковый еще, смешок, когда сами вспомним, что греческая красота — τὸ κάλον контрастно отражается в русском слове «кал». Сразу становятся на свои места и другие слова из низменного лексикона этого стихотворения — «сбондили» и «кукиш». Мандельштам пускает в ход фишки из школярского лексикона, как будто цитируя «Очерки бурсы» старого Помяловского — книгу, которая объясняет, откуда у бурсаков такой жаргон.

В позднее советское время в Москве гонялись за немецким кремом «Калодерма». Греческая «прекрасная кожа» звучала по-русски прямо как двойная срамота какая-то. Кто помнил о греческой калокагатии — аристократическом учении о взаимоотраженности физической статности и великодушия настоящего мужчины, или о дерматине, легко выскакивал из этой ловушки огрубевшего сознания. Но и они смеялись над случайно всплывшим низменным звуком.

ЗДРАВСТВУЙ, СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В русском, как и, например, в немецком, постепенно отмирает сослагательное наклонение. В языке оно никуда не делось, но уже и на письме кое-где перестают его употреблять. А журналистам и вовсе запрещают писать всякие «якобы», «дескать», «мол» и прочие частицы. Греческий позволяет понять, как прекрасно и важно сохранять этот инструмент обращения с мыслью, особенно с чужой мыслью. По-гречески невозможно, это будет грубой ошибкой, передавая чьи-то слова, делать вид, что они — твои. И тут не нужны никакие кавычки, они как бы встроены в предложение. По-русски такой возможности нет, потому что по форме глагола невозможно понять, действительно ли что-то случилось, или только кто-то говорит, что что-то случилось.

Вообще, изучение древнегреческого как важной части родного языка — дело не быстрое. Присущие греческому черты, которые сближают этот язык с живым и богатым русским, выступают постепенно. И это, среди прочего, как раз частицы, приставки и предлоги. Сколько времени уходит на понимание, например, исходного значения слова «размышление» — кальки с греческого διαλογισμός, или высказанного вслух сомнения. Вот почему всякий курс греческого — вход в сложный архитектурный комплекс, даже не в здание, а в город. Архитектурная метафора здесь вовсе не метафора, потому что очень скоро выясняется, что большинство выпускников школ просто не знает, как называются архитектурные детали домов, улиц. Они попадают вам на глаза каждый день, но вы не знаете, как эти детали называются, а значит — и не видите их. Весной 2017 года на ежегодной практике участников нашего проекта в Риме одной из центральных тем сама собой стала колонна во всех ее ипостасях и греко-римских формах — от стелы до обелиска, от базы до капи-

тели-крании, от дорийского ордера к ионийскому и коринфскому. В 2018 году темой римской практики стало греческое наследие в Риме. Как и в Рим, через этрусков и через самих греков, в Россию греческий язык пришел двумя путями — через Византию и через западную, прежде всего — польскую — школу. Поэтому вся грамматическая терминология у нас преимущественно латинская, хотя русская часто переведена непосредственно с греческого. Мы же обращаемся к греческому оригиналу, и тут нас снова ждут открытия в родном русском языке. Пусть микроскопические, но — настоящие. В отличие от театральных зданий в Греции, почти повсюду перестроенных в римское время.

Школьная традиция во многих странах живет противопоставлением: Греция — это страна живой культуры, а Рим — застывшая цивилизация. Вся беспомощность этой концепции обнаруживается именно в Греции, где так наследили римские легионы. Да и само представление об Элладе как о целостности, а не просто о множестве враждующих между собой диалектов-народностей, начало формироваться на рубеже византийской и римской эпох. Представление о целостности Эллады как культурной основы европейской цивилизации и придумали, пожалуй, как раз римляне, а не Александр Македонский. Правда, при Александре появились самые первые греческие словари.

ОКОЛЕСИЦА КАТАВАСОВА

И в России так заведено, что в словари лезут за уроками жизни. Некоторые думают — вот залезем в Даля, прочитаем, что на самом деле значит такое-то слово, и, стало быть, сразу правильно и заживем. Мне страшно в этом признаться, но я тоже, видимо, так думаю. Конечно, я гоню от себя эту глупость, но она, мысль эта глупая, померзнув, как забытая на улице кошка, проскальзывает в дом и недовольным мяуканьем напоминает о себе.

Особенно так у меня с Фасмером и еще одним ученым немцем на службе русской словесности, менее у нас в народе популярным — Яковом Карловичем Гротом — случается. Задумаешься, бывало: а ну-ка, посмотрим, откуда взялось это словечко. Вот-те на: не только ахинея у нас от греков, но и ермолафия, которую даже дедушка Крылов Иван Андреевич поминает в «Похвальной речи Ермолафиду», из греческого корня произросла. Ермолафия — вздорная пустая болтовня образовалась от невиннейшего греческого «ирмология» (сборника ирмосов, или начальных строк канона). И катавасия — это первоначально согласное пение этих самых ирмосов, когда полухория спускаются с клиросов и сходятся внизу. Редко ли удавалось певчим приходиться к контрапункту, или просто безотчетная насмешка над непонятым греческим словом тут пробивается, сказать трудно.

Чешешь репу. Понятное дело, почти все богослужebное, церковное на Руси от греков, ну, или от евреев через греков. Но почему и словечки, прямо скажем, глумливого такого толка из высокого богослужebного словаря вылепливаются? Как пел В. Высоцкий, «а ответ ужасно прост, и ответ единственный».

Подростки, отданные учиться на священнослужителей в семинарию, они ж — люди, а не манекены. И в унылой своей повседневности в какую радость им было увидеть смеющегося чертика за постной маской учителя, может, злыдня, на доброе дело наставляющего.

Как покажут через сто-двести лет создатели ассоциативных словарей, талдычащему «белое» внутренний голос отвечает — «черное», на «пустое» — «полное». Так и получилось, что благочестивейшая катавасия — торжественное соединение хоров во время службы — стала срамной суетой. Даже, вон, Толстой и Чехов вывели, почти не сговариваясь, эдаких болванов по фамилии Катавасов.

Ну, про «куролесить», которое у нас богухульно образовалось из греческого «Господи помилуй» (*кирие элейссон*), не знает только ленивый. И опять же, понятно, что с тех пор как полюбил русский человек греческий язык, так все и любит, на языке вертит да поплеывает. Уж больно слова выпеваются красивые. И для следующих поколений — загадочные. Не сразу понятно даже бывает, отчего в такой вот, а не в другой форме закрепился греческий корешок в русском цветке. А то и в маковой головке.

Всякий знает, что христианская церковь запрещает языческие гадания и прочие магические практики. Но ведь как это объяснить взрослому человеку, пожелавшему приобрести к церковной жизни как раз ради этих самых магических практик? Ему говорят: мол, молись и трудись. А он иной раз не понимает или понимать не хочет. Думает, что молитва — это набор звуков, которые надо в правильном порядке пробубнить, а кому надо, тот, дескать, и разберется. Абракадабра заклинательная. В московском метро сейчас народ попережку с sudoku как раз молитвенники читает. Повторяют губы за глазами «молитву над бесноватым», «заговор на не вернувшего долг», «отворот для жениха-наркомана», «приворот элитного-богатого», «молитву от головной боли». Смотрел-смотрел, через плечо заглядывал, вчитывался в эту околесицу, в магические формулы «от полового бессилия», «от звона в ушах», «от муравьев на кухне», «от соседки голенастой» — и вдруг осенило меня, что слово это — «околесица» — тоже греческое! Русский же человек не может произнести звук, изображаемый греческой фитой и с греческим словом «молитва» — *ἄκολουθία* — обошелся как с «аколесией», превратив именно ее, абракадабру эту, в околесицу. А что же наш Фасмер, думаю. Сплоховал великий этимолог — связал со следом от колеса на повороте — околесиной. А откуда ж в околесице колесу появиться? Неоткуда.

Околесица — это и есть непонятное заклинание. Вроде и городит человек что-то, и вроде звучание отдельных слов — теплое, намоленное за столетия, а все-таки ни бельмеса непонятно. Несет околесицу, повторяет чужой вздор.

В неожиданных превращениях греческих звуков в русские есть много неброской красоты. Но слишком широко крыловскому Ермалафиду гулять по планете не дали. Как и чеховский Елдырин, не очень-то большого внимания удостоился этот персонаж у словолюбивого нашего народа. И в школе, когда Крылова да Чехова проходят, ну как деткам объяснишь баловство великих знатоков языка? А ведь интересно и — главное! — деткам полезно, что не одни они перед неведомой стеной жизни.

Кто подумает, что не захотел, мол, Фасмер ложкой дегтя в бочку с медом залезать, ошибется. Тогда не накуролесил бы он ни с ахинеей, ни с катавасией. Тут — другое совсем. Тот самый единственный ответ, что дала дева Феврония князю Петру, впоследствии переименованному в Давида. Хочешь излечиться, говорит, все прыщи помажь, кроме одного, оставь его не намазанным. Так и со всем словарем нашим — круглым, солнечным, богатым. Есть в нем подпол, есть и чердак. Есть углы такие, куда не ступала нога гостя.

ПЛАТОНОВСКАЯ СПЕТОМА — ТОЖЕ ПЕЩЕРА, ТОЛЬКО СОВСЕМ МАЛЕНЬКАЯ

Никогда не стоит забывать, что русская «грамота» — это искаженное греческое *γράμματά*. Это значит, что до полного превращения общеизвестных греческих слов в русском языке пока что не дошло.

В потрясающей книге Татьяны Юрьевны Бородай о Платоне, а точнее — о становлении философского понятия у Платона, есть

несколько опечаток, возникших в результате сбоя кодировок. Тонкая знаточица греческого, прекрасно разбирающая Платона и по-русски, и не могла бы заглянуть в свой текст глазами корректора. А если и заглянула бы, несомненно, оставила бы сюрреалистические опечатки на местах.

В примечании на с. 142 Бородай, объясняя, почему у Платона нет последовательного изложения «платонизма», пишет: «Существует множество текстов, не позволяющих построить последовательно дуалистическую спетому. Объяснить это можно формальным характером платоновского творчества (генетически — Платон постоянно, или постепенно, или вдруг менял точку зрения; методически — Платон следовал сократовскому методу и, как противник всякой догматики, принципиально не давал однозначных ответов, не говоря уже о том, чтобы строить систему или учение и т. д.)».

Итак, совершенно очевидно, что выделенное нами слово *спетомы* не что иное, как многочисленная опечатка, и в списке опечаток было бы просто написано: «напечатано — спетомы, следует читать — система». Казалось бы, инцидент исчерпан. Действительно, в книжном мире он и был бы исчерпан.

Но стоит представить себе, что книга Т. Бородай размещена в сети (а это непременно произойдет, поскольку более внятного и сжатого изложения платонизма в современной философской литературе на русском языке не найти), и слово *спетомы* начнет самостоятельное существование. Даже самый поверхностный поиск в интернете объяснит нам, что это — форма пьемонтского глагола со значением «ждать и надеяться», и даже подлинные стихи пьемонтского поэта *Driano 'd Caval* приведут: «*Të spetoma, con ij brass ëslargà*», мол, ждем Тебя с распростертыми объятьями. Другими словами, если не знать, что в данном случае имеет место опечатка, пусть замысловатая, то гипотетически можно было бы предположить, что автор книги играет

с читателем ученостью (говорят же долъче фарниенте или кватроченто) и требует некоторого напряженного сотворчества. Мол, у Платона вовсе не было этого дуализма сумрачного наблюдателя за небытием реального мира и полного надежд ожидателя цельного, прекрасного и неразрушимого мира идей — того самого, приход которого воспевают пьемонтский поэт, обращаясь к младенцу Иисусу (стихотворение написано на Рождество 2000 года).

Для людей, знающих сетевые мемы, можно сказать, что *спетомы* — то же, что низменный злобный *вулгускр* (из невиннейшего «в углу скребет мышь»), или досетевой подпоручик *Кижэ* — слово, случайно самозародившееся из не совсем ловкого общения человека и машины (в диапазоне от сместившегося пробела до слегка взбесившейся программы). Составление списка таких не вполне существующих, как бы промежуточных слов, возникших в результате словодробительной или словосклеивающей деятельности так называемого программно-обеспечения, является одной из самых трудных задач лексикографии.

А ведь для большинства новых носителей русского языка — что система, что *спетомы* — все агнонимы, все - непонятные.

Юрий Красиков в ставшей классической работе «Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика)», вышедшей в «Науке» в далеком уже 1980 году, начал писать эту книгу, подвигнутый вот каким эпизодом: вместо «теплое» (или «мягкое») наборщик написал «женское»: ну, вырос человек с Маяковским в голове. В те годы, когда Красиков писал свою работу, он не мог анализировать другие известные нам случаи ошибок наборщиков, например, опечатку *Сралин* вместо *Сталин*, обыгранную в фильме А. Тарковского «Зеркало», или — в верстке заголовка параграфа — «ПИФАГОРЕЙСКАЯ ГАРМОНИЯ РСФСР» вместо «ПИФАГОРЕЙСКАЯ ГАРМОНИЯ

СФЕР» в одном из томов «Истории античной эстетики» А. Ф. Лосева. Очевидно, в наборщике сидел если не «внутренний цензор», как тогда говорили, то — внутренний сканер, который и испускал такие вот факсы, получая сколь угодно вычитанный и выверенный экземпляр.

В этой точке и сходятся, на первый взгляд, не могущие иметь друг к другу отношение вещи — то, что пишет Татьяна Юрьевна Бородай о философских понятиях вокруг платоновского Демиурга, и то, что мы наблюдаем в массовой сетевой коммуникации. Только ленивый не скажет нам сегодня, что блогосфера — это виртуальная вселенная. В самом деле, здесь говорят абсолютно обо всем. Одновременно миллионы людей обсуждают не только текущие события, болезни и смерти, похороны и рождения, выкидыши и предчувствия беременности, выражения лица президента и выражение лица собаки бывшего президента, возможную встречу собак бывших президентов, но и философию, и богословие, и подготовку к террору, и выражение «подготовка к террору», здесь готовятся к преступлениям и обсуждают итоги уже совершенных преступлений. Здесь проектируют и разрушают. Нужно ли изучать это пространство как языковое? Если да, то как? Можно ли его изучать? Если да, то как?

Главная трудность состоит в промежуточном характере сетевого пространства. Оно требует от обитателей и посетителей присутствия. Это присутствие является внешне-внутренним и его можно уподобить пребыванию на ленте Мебиуса. Но эта лента находится как бы на земле. *Внутренним* пребывание блогера является потому, что только он сам или она сама держит в своем сознании, в памяти долгосрочной и краткосрочной, а также в узелках вегетативной нервной системы, некое представление о «целом», или о «текущем целом», в фокусе которого блогер находится в данный момент. Это внутреннее пребывание прерывается в тот момент, когда блогер разло-

гивается и уходит в реал. Но есть и *внешнее* пребывание, которое может наблюдаться всеми прочими блогерами: это оставленные пользователем записи, фотографии, видеоролики, распечатки его постов или комментариев. Внутреннее пребывание является актом публичного уничтожения времени, актом, доказывающим факт реального существования блогера. Отсутствии такого видимого в общении поведения есть признак бота — созданной кем-то оболочки, в которую пока не заполз или вовсе никогда не заползет ручейник. Блогер появляется как личное целое в публичном целом, отнимает ваше время, занимает вас и себя собой, разбухает и в какой-то момент исчезает. Остающееся от него (и от вас) внешнее присутствие архивируется. К нему можно, но очень трудно вернуться, поскольку в момент нового вступления участников этой прерывистой коммуникации в общение они вновь должны предстать в виде личных целых, участвующих в публичном целом.

Новая опечатка в греческом слове в книге Татьяны Бородай о Платоне вызвана сбоем кодировки при передаче греческого слова «хора» (χώρα) — место, пространство, а также вид деятельности, занятия, применение определенных навыков и умений. На с. 122 слово это передается как *сига* (уточню: первая, вторая и четвертая буквы — кириллические, третья — латинское «р»); на этой же странице вместо «слово *сига*» говорится также «олово *сига*».

Как и в случае со спетомой, распавшаяся и вновь восстановленная из чужих знаков χώρα невольным механическим остраниением приближает читателя к более правильному пониманию нового содержания, которое предлагает этому читателю его современница — исследовательница языка Платона. Татьяна Бородай на нескольких страницах виртуознейше сначала расплетает семантический клубок значений «лишенности», «вдовства», «отступления», «разграничения», «ограничения», «снижения», «при-

земления», «деревенскости», «нарезанности-научастки», «присутствия на земле», чтобы потом сплести из получившихся ивовых прутьев, или выплавить из оловянного лома («олово суга!»), то самое смысловое изделие, которое когда-то создал для нас Платон. Платоновская *χώρα* — это, говорит Бородай, одно из тех платоновских ключевых слов, в которых отвлеченные и переносные значения невозможно понять без одновременного высасывания простых конкретно-чувственных соков, без питающих его простых бытовых, разговорных корней. В данном случае это и буквальные, из-под земли идущие токи — это род деятельности, работа людей, первоначально занятых на земле, но утративших работоспособность (тяжел труд крестьянина!) и пришедших к философии. Зачем к философии? Почему к философии?

Здесь Бородай демонстрирует, как работает сократическая ирония. В шестой книге «Государства», напоминает она, Платон противопоставляет человеческие типы — пригодный, совсем не пригодный и не совсем пригодный для занятий философией. Если попытаться, несколько покорежив ажурную конструкцию разговора Сократа с братьями Платона — Адимантом и Главконом, представить эти человеческие типы во встречной динамике их развития, то мы увидим, с одной стороны, первоначально обладающих врожденной способностью к философии благородных и возвышенных людей; их главные качества: бесстрашие, великодушие, сообразительность и памятьливость. Под влиянием косной и безмозглой толпы эти люди, кажущиеся большинству странными или странненькими, со временем и в самом деле становятся непригодными для управления государством или даже для подачи советов по делам названного управления. Те же, кто изначально был лишен философского дара — стремления и умения отыскивать истину путем ответственного, строгого и воспроизводимого размышления, — и кто был занят изнурительным отупляющим трудом, те, чье тело — специально ци-

тирует здесь Т. Бородай изумительный перевод А.Н. Егунова, — «покалечено производством», увидав, что эта область без настоящих философов «осиротела» и «опустела», и что потому якобы сулит всякому самозванцу роскошную жизнь и почет, позабыв про недуги и слабость ума, поднатужившись, объявляют себя философами. Так вот, эта *χώρα* — платоновское пространство философии — оказывается областью непрекращающегося спора разных бывших специалистов в той или иной области, утративших профессиональную пригодность в одном, чтобы приобрести или не приобрести ее в другом деле.

При этом, даже и обладая бесстрашием, великодушием, сообразительностью и памятьливостью, философ не гарантирует себе и другим успеха в стремлении к истине. Стремление к истине само по себе является для философа беспредпосылочным и малообещающим. Философ и стремится к истине, потому что не обладает тем здравомыслием, которое удерживает от такого стремления большинство людей. Уместно вспомнить Паскаля, который говорил, что идти по стезе мудрости некоторых побуждает известная духовная ограниченность. Если бы мы могли переспросить, например, самого Сократа, откуда же берется это простодушие философа, тот непременно ответил бы, что уже сочетание обязательных для философа качеств — великодушия и сообразительности — с неотвратимостью порождает простодушие: «На всякого мудреца довольно простоты». Если философ должен быть, например, великодушен с несообразительным большинством, то ему не остается иного выбора, как стать простодушным. Именно не *казаться*, но *стать* им, *стать* таким, каким он не был, когда природа наделяла его четырьмя важнейшими, согласно аксиоме Сократа, качествами философа. Таким образом, Сократ в «Государстве» принужден рисовать становление прирожденного философа как постепенное социальное оникчемливание. Вместе с тем встречный рост «изнуренного грубым трудом» (А.Н. Егунов) философа-самозванца в мысли-

теля кажется Платону настолько маловероятным, что он вынуждает Сократа скомкать это направление мысли.

С одной стороны, Сократ рассуждает о хорошем философе либо как об изгнаннике, либо как об инвалиде, а с другой стороны — Платон набрал в главные герои «Государства» самоубийц: это и сам Сократ, и его главный оппонент Фрасимах, и Полемарх, выпивший яду по приговору Тридцати тиранов. Таким образом, присутствие Сократа и остальных участников диалога в «пространстве философии» не только логически сконструировано, но жанрово-стилистически сакрализовано.

Итак, возвращаясь к теме, от которой мы оттолкнулись, скажем, вслед за Татьяной Бородай, что пространство — *χώρα* — это вместе и очень простое, очевидное, устойчивое, очерченное место, и довольно сложное для определения соединение разнонаправленных действий, умственно-организационное и производственно-исследовательское занятие многих людей, как тех, кто к таким занятиям предназначен самой природой, так и тех, кого занесло сюда из низменных побуждений. *Χώρα*, таким образом, является тем самым, что сегодня называют виртуальным пространством.

С точки зрения человека книжной культуры, здесь, скажут нам, совершенно не о чем говорить. Говоря на жаргоне 1990-х годов, «в пространстве современной культуры» разговор о хоре, *cure* или *куре* (латинское *cura*), не говоря уже о спетоме, собственно, давно уже ведется. Ведь свое подлинное значение ошибки и сбои кодировки приобрели только в последнее время, в мире, где тексты после сканирования возвращаются на время в книжную форму, чтобы потом снова, вторично оцифрованными, попасть к пользователю в сеть.

А что, атмосфера платоновского диалога — другая? Разве каждое слово не словоискажение? Как, например, знаменитое место в платоновском «Кратиле», где Сократ обсуж-

дает с Гермогеном происхождение имени последнего, ненавязчиво внушая Гермогену двоякую мысль: познавая и разбирая на части слова, мы думаем, что познаем вещи, причем начинаем, по необходимости, с упражнения в способности к самопознанию. Но последовательное и бесстрашное, как присуще философу, рассуждение приводит Сократа в «Кратиле» к неутешительному выводу — полному логическому тупику: слова и почти чудесным образом соответствуют вещам, и должны быть взяты под защиту от произвола мнимых «законодателей» (номотетов) или «мастеров» (демиургов) словотворчества. Сократ говорит о «демиурге языка» и уподобляет того обыкновенным плотникам, которые сверлят и распиливают свой материал так же, как демиург языка преобразует свой — слова, подгоняя их под правильные значения. При этом он, по словам своего взволнованного собеседника Гермогена, ступает на скользкую дорожку, потому что объяснение истинного значения каждого слова неизбежно предстает в форме кардинального искажения присущего этому слову облика.

И содержательно (тематически), и структурно обсуждение словотворчества в «пространстве философии» по Платону зеркально отражается в виртуальном пространстве, сегодня называемом блогосферой. Буквально по мечте Платона, зеркальность оказалась полной. В самом деле, для понимания первичного и горнего акта именованной вселенной и всех ее частей Платон частью создал, а частью собрал небывалый понятийно-категориальный конструктор. То, что мы позволили себе войти в него через ошибку, через нелепый сбой кодировки или комичную опечатку (олово *cura*) в одной из лучших русских книг об отце европейской философии, это само по себе — сигнал из зазеркалья блогосферы. В пространстве блогеров происходит сладострастное искажение слова и ожидание катастрофы, которая вот-вот должна последовать за натиском агнонимов, а пока стала местом появления и нео-

бычайно активного бытования сетевых мемов, сложенных из фрагментов естественного языка как раз по принципу мифологического комбинирования.

Ранее я скрыл первую естественную ассоциацию со словом *спетома*, которая отсылает читателя к следующей книге «Государства», той знаменитой седьмой книге, в которой Платон рассказывает о пещере, ставшей одним из ключевых символов всей его философии. Принудительно перебирая в памяти возможные слова, с которыми должно бы быть связано гипотетическое греческое слово, сначала думаешь о пещере (*σπέος*) и о чрезвычайно многозначном глаголе *σπῶω*, среди значений которого — выведывание, вытягивание (в том числе жил), выведение на свежий воздух, но и сотворение чего-то, а также — как раз у Платона — «ингалирование» и «вызывание конвульсий». Как мы теперь видим, текст Платона наделен такими качествами, что даже изъятие нескольких букв из слова — вполне в духе этимологий из «Критила» — и замена их иными создает новую вещь, новый предмет, словесное содержание которого будет реконструировано другими средствами: уродец-спетома требует для себя понимания в платоновском контексте — пусть хоть в качестве кукольной модели пещеры «Государства». Зеркальным отражением этого действия (ошибки сканера и сбоя кодировок) в блогосфере оказывается, по-видимому, избыток сквернословия, угар эсхрофемизма — радостного узнавания бранного слова там, где его только что не было.

ГРЕЧЕСКАЯ ЭСХРОЛОГИЯ

Тут мы неизбежно вступаем в область, которая скрыта от большинства русских, изучающих греческий язык: греческий, кажется, несколько острее и агрессивнее русского в области сквернословия. Разговор сегодня у нас пойдет о роковых ошибках.

В континентальной части Греции я впервые побывал в 2007 году. Ездил, по заданию журнала «Вокруг света», по Фессалии в обществе коллег: отличной переводчицы — гречанки Агни Сидериду и замечательного режиссера-документалиста и фотохудожника Тофика Шахвердиева, который отвечал за фотосъемку. И вот в один прекрасный день мы очутились в таверне над Метеорами под гордым названием «Орел». Так там было прекрасно, что возмечтал я в один прекрасный день снова в этом самом «Орле» очутиться, но уже вместе с семьей. Мечта сбылась два года спустя.

Сидя в густеющих сумерках и с легким головокружением в предвкушении вина и ягнятины, я и сам не заметил, как начал утрачивать чувство реальности. Вернулись картины далекого прошлого, когда я изучал в университете новогреческий язык. Правда, мы больше пели, чем читали. Но у нас была прекрасная преподавательница — Катина Зорбала, и дочь ее вспомнил — не менее чудесную певицу Маргариту. И стало мне казаться, что я — молодой и красивый, а главное — что могу усилием воли заставить себя заговорить по-новогречески.

Когда к нашему столу подошла хозяйка, я обратился к ней на полузабытом языке и с трудом рассказал, как я счастлив, что нашел дорогу в «Орла», что даже привез с собой зятя-грека, который впервые в этих местах, и даже добавил, что помню, как сама хозяйка и ее муж нас здесь вкусно накормили два года назад. Хозяйка, однако, сказала, что работает тут всего полгода и что, стало быть, помнить ее я никак не могу.

В ответ на это я, чрезвычайно довольный собой, потому что абсолютно правильно образовал новогреческую форму прошедшего времени от древнегреческого глагола «ошибаться», сказал: мол, прошу прощения — значит, с вами у меня ошибочка вышла. Глагол этот я хорошо знал, потому что диссертацию писал об Эсхиле. Понятное дело, в трагедии люди то и дело роковые ошибки совершают. И вот, стало быть, отве-

чаю я хозяйке в том смысле: мол, извините, значит, я с вами ошибся, «амАртиса» (αμάρτησα), говорю, бывает.

Почему же так вспыхнула хозяйка? Почему бросила блокнот с заказом? Почему убежала? Почему побледнел мой зять Андреас?

А потому что, оказывается, между древнегреческим языком Эсхила и новогреческим языком начала XXI века — т.е. почти за две с половиной тысячи лет! — некоторые слова успели утратить одни и усилить или приобрести другие значения. Поэтому мои, как мне казалось, вежливые извинения за *ошибку* сама хозяйка услышала примерно так: «Как это не помните? Ведь я же с вами тут *переспал!*» Да даже и не переспал, а гораздо более грубое слово прозвучало.

Через минуту из кухни вышел чрезвычайно грозного вида усатый грек. От его тяжелых кулаков меня спасло только присутствие моего зятя, который сначала довольно долго переводил хозяйину мои извинения: мол, в древнегреческом языке глагол «гамартано» (γαμάρτανω) понимался иначе. Сегодня это — грех взаимотоленного *сладострастия*, а тогда было просто *ошибкой*, хотя иногда и серьезной.

Хозяин таверны не только не был филологом, но и сообщение о существовании древнегреческого языка счел нелепым фактом моей подпорченной личной биографии. К тому же,

как он видел, поврежденной безобразным воспитанием. Каждое следующее мое слово, которое переводил трактирщику мой зять, тот воспринимал как все более изощренное издевательство. Немногочисленные посетители, слышавшие мое неудачное высказывание, давились от смеха. Наконец лопнуло терпение и у зятя. Мне было предложено сесть за стол и стараться хотя бы до конца ужина не пользоваться языком Эсхила и Аристофана для общения с их, так сказать, наследниками в веках. Из дальнейшего короткого обмена репликами я только сумел понять, что зять мой все-таки успокоил хозяина. Правда, ему пришлось объявить меня сумасшедшим, которого привезли на покаяние в Метеоры. Несколько успокоенный хозяин сам стал носить нам вкуснейшую ягнятину и традиционный для греческого застолья набор зелени, феты и фруктов.

Хозяйка, правда, так и не появилась больше в нашем углу таверны, только глаза ее гневно посверкивали отраженным пламенем очага.

А к каждому человеку толмача не пристаешь.

Примечание

¹ *Евгения Абельюк*. Реминисценции и их значение в художественном тексте (на материале произведений О. Мандельштама и В. Шаламова). — В: Лингвистика для всех. Зимняя лингвистическая школа — М., 2004. — с. 9-16.

© Текст: Гасан Гусейнов

ГАСАН ГУСЕЙНОВ — доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ. Автор книг и статей по классической филологии и истории культуры, современной политике и литературе. Один из авторов «Мифологического словаря» и энциклопедии «Мифы народов мира». Ведет аналитическую колонку о политическом языке на сайте Международного французского радио RFI.

Апология Паламеда

Виктор ЯРОШЕНКО

Все знают, что историю пишут победители. Вернее, не пишут, а диктуют тезисы специально обученным для этого людям. Когда проигравшие шепчут: «история воздаст нам должное», их надежды оправдываются нечасто. Не воздаст. Более того, этот принцип, утвердившийся в тысячелетиях, стал как бы основой не только мифологии, но и истории. Клио, муза истории (др.-греч. Κλειώ, «дарующая славу», дочь Зевса и Мнемозины, дарующей память и понимание смысла вещей) непрерывно трубит и воспеваает, хвалит, дает известность и славу, утверждает память о прошлом в человеческом обществе. Оттого с таким трудом (да и то редко когда) случается перемена координат «исторической памяти», которую всегда используют для сегодняшних надобностей. Но искать правду и говорить все как есть — все равно надо.

Примеров несправедливой оценки прошлого множество, вот один из самых волнующих и ранних.

Паламед — сын царя Навплия (и ныне на Пелопоннесе есть благословенный городок Наплион, первая столица независимого греческого королевства, с крепостью на горе Па-

ламиди над морем. Один из самых гармоничных городов из всех, в которых мне случилось побывать. Мы были там незабываемой осенью 2001 года). Так вот мать Паламеда была Климена, сестра Европы, которую их отец, царь Крита Катрей, намеревался погубить, но поддался на уговоры влиятельного Навплия и продал тому девушку за бесценок. Навплий потом женился на красавице, она-то и стала матерью величайшего мудреца всех времен — Паламеда.

Все знают Одиссея, а Паламеда чтут совсем немногие. Это несправедливо. Паламед (др.-греч. Παλαμίδης) — в древнегреческой мифологии герой с острова Эвбея. Изобрёл военный строй, маяк, игру в шашки, игру в кости, а также придумал числа и измерение времени по годам, месяцам и дням, меры веса и длины, буквы и цифры (не все).

Одиссей, погубивший Паламеда, прожил намного дольше его, и волнующее описание его странствий и бедствий (во многом лживое, но какое талантливое!) до сих пор восхищает всякое новое поколение.

Я опять «Одиссею» читаю как роман, как детектив, свежий и яркий текст Жуковского, сквозь который слышен Гомер и гневный рев моря.

Это непростое было дело – изобрести алфавит, неспроста изобретение приписывали богам. Алфавит греков был связан с небом и звездами, луной и солнцем, временами года, ветрами и фазами луны. Письмо было дело жреческое, тайное, темное.

* * *

Когда несметный флот (список кораблей у Гомера впечатляет), собравшийся наконец в Авлиде, не мог выйти в море из-за установившегося на много дней штиля – а здесь, в самом узком месте Эгейского моря, Эврипе, собрались начать поход на Трою именно из-за неизменно сильного течения, прорицатель Калхас вышел из транса и, заикаясь от страха, сказал, что флот не сможет отплыть, покуда Агамемнон не принесет в жертву Артемиде самую прекрасную из своих дочерей. За все приходится платить, согласилось войско, а царям — в конечном счете больше всех. Агамемнон назвал ведуну безумным и хотел утопить.

Ахейские вожди собрались на берегу и решили: они ведь уже мобилизовали столько людей, потратили несчитанные деньги, построили корабли, простились с отцами и женами, совершили все положенные жертвы богам, и теперь их ждут подвиги и богатая добыча, — невозможно просто так вернуться восвояси. Агамемнон должен совершить то, что предначертано.

Надо сказать, что Одиссей был среди смутьянов одним из самых гневных. Рыжий Менелай, человек явно несимпатичный, незадачливый муж сбежавшей Елены, брат Агамемнона и инициатор всей войны, предложил послать за племянницей Ифигенией в царский град Микены Одиссея, якобы для того, чтобы выдать замуж за Ахилла, наилучшего из мужей. Агамемнон упирался, но верные люди сказали, что войско ропщет, если он не согласится, есть опасность, что вместо него изберут предводителем Паламеда. Агамемнон отправил Одиссея

за дочерью, но написал Клитемнестре, чтобы та не отпускала её. Но цари не всеильны, всегда есть и другие влиятельные «интересанты»; а повязать Агамемнона кровью было полезно. Письмо перехватили и Одиссей заманил Ифигению якобы на выданье, а на самом деле на казнь в Авлиду. Дальше там было много неясного, леденящая сердце сплошная древнегреческая трагедия, вдохновлявшая Еврипида и Софокла. Ахилл, конечно, вступился за Ифигению, однако заступничество не помогло; шепоток «государственные интересы» останавливает иногда и самых смелых.

* * *

Долго и безрезультатно стояли под Троей; опустошили все окрестности; извели дичь, оскорбив Артемиду; обезлесили окрестные холмы, осквернили кровью чистые воды Скамандра. Чтобы кормить армию, нужно было забираться все дальше; интендантские команды превращались в карательные экспедиции. Агамемнон как-то отправил Одиссея за хлебом во Фракию, а тот вернулся ни с чем. Сын Навплия Паламед стал бранить его за лень и трусость. «Не моя в том вина, — кричал Одиссей, — что мы не нашли зерна! Если бы Агамемнон послал не меня, а тебя, твой поход вряд ли был бы успешнее». Паламед отправился в море и скоро вернулся на корабле, тяжело нагруженном зерном (так писал Аполлодор, а пересказал много знающий Роберт Грейвс), чем уязвил Одиссея.

Одиссей задумал месть, слишком многое накопилось между ними. Нестерпимее всего было веселое чувство превосходства и та легкость, с которой всякий раз побеждал этот богатый и знатный умник с благословенной Эвбеи.

* * *

Одиссей — возможно, самый известный герой античности. Поняв Одиссея, пройдя по цепочке его реакций и поступков, мы, может быть, смогли бы дойти до первичных структурных первооснов существа, обладающего речью,

ведь «в начале было Слово»! А.Ф. Лосев писал: «Одиссей, как и другие древние герои и вообще все у Гомера, это ранняя, почти первичная основа нашего культурного кода, вообще человеческой сущности, возможно, неизменяемой в своих основных характеристиках. Хотя еще Гомер понял, что люди разные: что нравится одному, не нравится другому».

Это похоже на то, как провести секвестр генетического кода человека, когда действительно можно очень многое узнать о происхождении предков конкретного персонажа. Герой последнего романа Владимира Шарова «Царство Агамемнона» пишет книгу «Сюжеты, рифмы и рефрены»; находит «литературных близнецов» в мировой литературной истории, парные, во многом главным совпадающие образы – личности. Разговор в этой книге «великие литературные персонажи, без сомнения, кровные родственники, но так разбросанные во времени, так друг от друга отделенные, что и не докричишься... с сотворения мира одни и те же люди скитаются меж нас».

А.Ф. Лосев писал об Одиссее:

«Одиссей не просто дипломат и практик, и уж совсем не просто хитрец, лицемер и пройдоха... Говорят, что он хитер. Но это не просто хитрость. Это какое-то упоение хитростью, какая-то фантастика хитрости... Его хитрость доведена до фантастического упоения. Он лжет даже тогда, когда в этом нет никакой надобности, за что, впрочем, покровительствующая ему Афина Паллада его хвалит (XIII, 291–295):

«Вечно все тот же: хитрец, ненасытный в коварствах!»

Ужели, даже в родной очутившись земле, / прекратить ты не можешь / Лживых речей и обманов, любимых тобою сызмальства?»

И он отвечает, явно гордясь собою:

«Я — Одиссей Лазртид. Измышленьями хитрыми славен / Я между всеми людьми. / До небес моя слава доходит».

Вернувшись на родину, кровожадный, как лис у курятника, он выжидает; (впро Ио-

анн чем, всегда повинуюсь Афине, управляющей, как оператор дроном, — всеми его действиями, она и вынуждает кавалеров побольнее оскорблять Одиссея, чтобы сильнее возжечь в нем жажду мести; она и определяет кровавый и бесконечно жесткий исход резни, в которой погибли все столующиеся в царском доме, и плохие и даже хорошие, без разбору), Одиссей лишь ждет подходящего момента, чтобы начать резню, свой апофеоз возвращения и доминирования. Дело ведь не только в мести, дело и во власти, все тут непросто. Ведь женихующиеся к Пенелопе сильнейшие и славнейшие в округе «лорды и принцы» пируют в его доме, претендуют на главенство над ним. Одиссей предусматривает каждую мелочь и рассчитывает каждое движение. Сцена расправы была жестока даже уже во времена Гомера. Потоки крови, вопли убиваемых, горы трупов. Убивали всех претендентов, их слуг, оруженосцев, виночерпия, рапсодов и прорицателей, а служанок собственного дома юный Телемак, выращенный ими, перевешал на воротах за то, что слишком усердно обслуживали гостей. Возвращение с помощью любящей эффекты Афины удалось на славу.

Лосев так подводит итоги: «Одиссей у Гомера — глубочайший патриот, храбрый воин, величайший страдалец, тончайший дипломат, мудрейший и искуснейший оратор, купец, предприниматель и расчетливый хозяин, герой, доходящий до самохвальства, изворотливый авантюрист, женолюб, чувствительный и слезоточивый человек интимных переживаний, делец и пройдоха, прекрасный семьянин и жестокий палач».

* * *

Но это все было потом, через много лет. Первый раз был он уличен Паламедом, когда тот с Агамемноном и Менелаем пришли с черным кораблем на Итаку призвать на войну. Одиссей совсем не жаждал покидать дом, юную жену, младенца сына и отправляться на ратное поле совсем не на свою войну. И он решил «откосить»,

прикинувшись сумасшедшим, что, согласитесь, выглядело довольно странно — ведь он какой-никакой, а царь на Итаке бедной. У него приживалы, пастухи, слуги, стадо, положение в общине, а он невменяем. Не нужно было быть мудрецом, таким как Паламед, чтобы разоблачить его. Паламед и разоблачил. Одиссей пахал свое поле, запрягши самого сильного быка, сырмятными ремнями привязав к упряжи крепкую соху из старой оливы, крепко держал рукояти, точно и глубоко вел борозду. Издали завидев гостей, стал посыпать поле не зерном, а крупной морской солью, собранной на плоских камнях у берега. Мол, чего с меня взять? Паламед выхватил у кормилицы младенца Телемака и положил перед потным быком, нарезающим борозды. Безумен Одиссей, растопчет бык, порвет соха младенца — Одиссей остановился. И пришлось ему рассмеяться, — розыгрыш, шутка, не то ведь кровью придется смывать позор дерзирства.. И пришлось собирать корабли, всех мужчин уводя за собою.

И еще были меж ними несогласия в долгие годы стояния под Троей. Паламед в ахейском стане был фигурой, несоразмерной Одиссею, почти равный великому вождю Агамемнону, а это всегда чревато, особенно под конец изнуряющей, несчастливой многолетней осады. Постепенно Паламед, один из зачинателей войны, становился потенциальным вождем зарождающейся «партии мира». Он говорил, что в расчетах обманули их боги, что Троя неприступна, прямой штурм нецелесообразен, издержки будут запретительно высоки, Эллада изнурена, дети забыли отцов, пашни заросли терном.. И даже что эта война выгодна только богам, изводящих героев.

Интеллектуал и прагматик, Паламед призывал честно обсудить сложившуюся ситуацию: прокормить огромное войско под чужими стенами все сложнее; ожидаемая добыча не компенсирует утрат и затрат. Надо договариваться и уходить. К нему в шатер все чаще приходили капитаны ахейских кораблей поговорить с умным человеком. Паламед в этом ансамбле

воплощал не только интеллект, но и зарождающийся моральный принцип: он учил отделять хорошее от плохого, приличествующее человеку — от недостойного. Надо сказать, что вождем «партии мира» после Паламеда станет Ахиллес. Как сообщает «Илиада», в первых стихах, которые помнят все («Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»), излагается суть конфликта между Ахиллом и Агамемноном. Ахиллес сказал тогда на общем собрании, в десятый день разгара моровой язвы, косившей греческий стан, где «частые трупов костры полыхали»:

*Надо скорее домой возвратиться,
тогда лишь от смерти спасемся.*

Война и погибельный мор истребляет ахеян.

Одиссей — простой человек, совесть ему неведома, в этом смысле он чист и прозрачен до самого дна, коварен, тщеславен, но ему не под силу свалить Паламеда, входящего в ареопаг — совет сильнейших царей-вождей. Он был «начальником генерального штаба», и громоздкий и подловатый план Одиссея с гигантским деревянным конем (сидя в котором, в Троию проберется отряд захвата) поднял бы на смех, если бы дожил.

Схему нейтрализации Паламеда, скорее всего, придумал Одиссей. Возможно даже, что царь Агамемнон и не был посвящен в детали, надо уметь чувствовать, чего хотят высшие люди и боги. Одиссей понял: весть об измене Паламеда будет очень даже на руку Агамемнону, пролитая кровь взбодрит впавшее в уныние войско, соединит всех преступлением. А дальше все было делом техники, простым и незатейливым: наглость Одиссея, чудовищность обвинения и некоторые подброшенные доказательства для легковерных солдат — это и сегодня практикуется.

Однажды Одиссей пришел к главнокомандующему, у которого были свои причины не любить Паламеда, он вовсе не забыл, *кого* крикуны в Авлиде хотели сделать предводителем ахейского войска. Одиссей сказал (тогда, как и теперь, доказательства не требовались,

если есть серьезные интересы), будто «боги предупредили его, что готовится страшное предательство». Агамемнон вяло шевельнул рукой: «А где доказательства?» И ему их тотчас представили. Провели, как теперь бы сказали, «оперативные действия».

Паламеда куда-то спешно откомандировали за пропитанием, а тем временем в его шатре Одиссей закопал кожаный мешок (или глиняный кратер?) с золотом. Расследование было рутинное, дело — очевидное. Пленному фригийцу сунули подмётное письмо (якобы от Приама к Паламеду). В письме было написано просто и без обиняков: «посылаемое золото — плата, которую ты запросил за измену греческому лагерю». Следственные органы не заморачивались стилем, убедительность подмётных доказательств была очевидна.

Пленника отправили в Троию в ночи и тут же, у ворот, закололи. Труп был найден поутру — неподалеку от осадного лагеря; при нем было письмо, которое не мешкая передали Агамемнону. Интересы великого царя и мелкопоместного Одиссея сошлись, вероятно. Меж тем Паламед был высоко чтим в ахейском стане.

Его нельзя было просто убить, его следовало судить. Судили сына Навплия на агоре посреди лагеря все вожди и капитаны ахейских кораблей. Паламед защищался, и защита его была сильна. Но против горшка с золотом, вытащенного Одиссеем из его шатра, не устояли судии, смутились. Признали виновным и приговорили к подлой смерти через побивание камнями. Когда Паламеда вели убивать, он сказал, по уверению Аполлодора, бессмертные слова: «Истина, скорблю по тебе, почившей раньше меня». Некоторые в предательство Паламеда не поверили. Ахилл, Аякс. И они не участвовали в казни. Похоронили как героя. Отец Паламеда — царь Навплий отомстил потом.

Через полтысячи лет софист Горгий Лентийский написал «Оправдание Паламеда», блестящее риторическое произведение, его и сейчас изучают юристы всего мира, однако при этом забывают сказать, что даже самая бле-

стящая защита бессильна против подлости. Речь «Оправдание Паламеда¹» написана ранее 411 года до н.э.

Паламед:

«Обвинение и защита состязаются не о смерти. Ибо природа явно осудила на смерть всех смертных в самый день их рождения. А вот относительно бесчестия и чести есть основание опасаться, надлежит ли мне, получив справедливую защиту, справедливо избежать смерти или же умереть насильственной смертью с величайшим позором и с пятном постыднейшей вины.

<...>с чего я начну? Что скажу раньше всего? К какой защите обращусь? Ведь ужасное обвинение внушает явный страх, от страха же необходимо происходит замешательство в речи, если только я не научусь чему-нибудь от самой истины и от необходимости данного момента, имея в лице их учителей более грозных, нежели изобретательных.<...>

Ради чего появилось бы у меня желание это сделать, даже если бы (совершить это) было вполне в моих силах? Ведь никто не захочет напрасну подвергаться величайшим опасностям и быть самым подлым человеком, отягощенным величайшим преступлением.

Ну, так ради чего? Опять я к этому возвращаюсь. Не ради ли того, чтобы царствовать? Над вами или над варварами?

<...>Может быть, кто-нибудь скажет, что я сделал это из любви к богатству и жадности к деньгам. Но я обладаю достаточными средствами, а в больших я вовсе не нуждаюсь. Ибо в больших денежных средствах нуждаются те, которые много тратят. (В них нуждаются) отнюдь не те, которые являются господами над удовольствиями (телесной) природы, но те, кто рабы удовольствий, и те, которые стремятся от богатства и пышного (образа жизни) приобрести себе почет. А из этих (качеств) у меня нет ни одного.

Что же касается того, что я говорю правду, то в качестве надежного свидетеля этого я пред-

ставляю свою прошлую жизнь. Этому же вы сами свидетели. Ведь вы живете со мной и поэтому являетесь очевидцами моего прошлого.

<...>

После этого я хочу поговорить с обвинителем.

Кому это поверивши, такой, как ты, обвиняешь такого, (как я)? Стоит расследовать, каков ты и каково то, что ты говоришь, (исходя из предположения, что ты, не заслуживающий (доверия), говоришь (такому же) не заслуживающему. <...> В свою очередь, обвинить тебя в том, что ты совершил много больших (преступлений) и раньше, и теперь, я не хочу, хотя мог бы. Ибо я хочу оправдаться от этого обвинения не во зло тебе, но для блага мне. Вот что хочу я сказать тебе.

Вам же, мужи судьи, я хочу сказать о себе речь весьма неприятную, но истинную, такую, какую, пожалуй, не обвиненному не подобает говорить, обвиненному же подобает. А именно, я теперь отдаю вам отчет моей прошлой жизни.

<...> Итак, во-первых и во-вторых, и (это) самое важное, — вся моя прошлая жизнь от начала до конца без грехов и чиста от всякой вины. В самом деле, никто не может сказать вам обо мне ничего дурного, (не может приписать мне) никакой подлинной вины. Ведь и сам обвинитель не привел никакого доказательства тому, что он сказал. Таким образом, его речь представляет собою бездоказательную ругань.

Но я мог бы сказать и, сказав, не солгал бы, и не мог бы быть опровергнут, что я не только не виновен, но что я великий благодетель и для вас, и для эллинов, и для всех людей не только ныне живущих, но и для тех, которые будут (когда-либо жить).

В самом деле, кто (своими изобретениями) сделал человеческую жизнь из беспомощной культурной и из беспорядочной цивилизованной?

Разве не я изобрел военный строй, это могущественнейшее средство для увеличения своей силы, писанные законы, этих стражей справедливости, письма — орудие памяти, меры

и весы, удобные средства обмена при взаимных куплях-продажах, число — хранителя денег, сигнальные огни — самых лучших и самых быстрых вестников, шашки — веселое препровождение свободного времени? Так вот ради чего же я (все) это вам напомнил?

Напоминая, что я занимался такими (делами), я (тем самым) доказываю, что я воздерживаюсь от постыдных и дурных дел. Ибо тот, кто занимается, совершает подобные благие дела, не может (в то же время) заниматься неблагоприятными, как вменяемые мне. Я требую, если я сам ни в чем не обижаю вас, чтобы и вы также не причиняли мне обиды.

<...> Я не презираю бедность и предпочитаю не богатство добродетели, но добродетель богатству. Я не бесполезен в советах, не ленив в сражениях, исполняю то, что приказывают мне, повинуюсь начальникам. Впрочем, не мое дело хвалить самого себя. Но настоящие обстоятельства вынудили меня, поскольку на меня взведено это обвинение, всячески защищать себя. <...>

Если же вы несправедливо убьете меня, то это станет известно народу. Ведь я не (какой-нибудь) неизвестный человек и ваше злодеяние откроется и станет известным всем эллинам. И во мнении всех вина (а совершенной) несправедливости падет на вас, а не на обвинителя. Ибо конечное решение суда зависит от вас. Ошибки большей, чем эта, не могло бы быть. Действительно, вынесши несправедливый приговор, вы не только согрешите против меня и моих родителей, но и сами будете сознавать за собой ужасное, безбожное, несправедливое незаконное злодеяние, которое вы совершили, убив мужа — вашего союзника, приносившего пользу вам, благодетеля Греции; вы, эллины, убив эллина, без доказательства совершения им какой-либо явной несправедливости и без установления его вины.

Я высказался и кончаю. Ибо то, что было сказано — пространно, (в заключение) напомнить вкратце — это уместно, когда имеешь дело с судьями из простонародья, но вас, первых

из первых, элинов из элинов, не подобает просить ни о внимании, ни о том, чтобы вы помнили сказанное».

* * *

Навплий отомстил за сына. Погасил маяки (Паламед их придумал, чтобы мореходы могли и в ночной темноте находить путь к гавани), погасил огни, а костры зажег так, чтобы возвращающийся флот налетел прямо на скалы. Многие сотни героев погибли тогда в морской пучине. «Тем временем Навплий, муж Клеймены, не получив удовлетворения от Агамемнона и других предводителей греков за то, что его сын был до смерти забит камнями, покинул Трою и стал плавать вдоль побережья Аттики и Пелопоннеса, подстрекая живших в одиночестве жен своих врагов к супружеской измене». (Р. Грейвс).

Дело не такое наивное: если правящая царица пускает на свое ложе чужого, он становится царем. Так и произошло.

Но это уже тема другой истории про Елену Троянскую, ее сестру Клитемнестру, про Электру и Ореста, про Спарту и Микены, в которых мы когда-то побывали...

Эта тема волновала многих людей еще в античные времена. Писали пьесы Еврипид, Со-

фокл, размышляли Платон и Павсаний... В веках продолжался спор за честное имя Паламеда.

Неправедная смерть Паламеда перессорила и богов, и стала причиной многих дальнейших бедствий. Тогда уже эта драма разделяла людей; многие с течением времени стали склоняться к тому, что дыма без огня не бывает, что Паламед защищался, Одиссей обвинял, ахейские вожди все вместе решали, и суд был справедлив. Ну а Гомер своим первым в истории тревелогом навсегда увековечил странника, сделал его героем. Одиссея знают все, а кто знает мудрого и несчастного Паламеда?

Говорят, не нам их судить, пересуживать старое дело спустя столько лет, обстоятельств не зная. И потом, выжившие всегда имеют преимущество перед мертвыми. Их ложь с годами крепчает, стареет, ветшает и становится похожей на правду. Предатели и палачи выжили, оставили потомство, мемуары; долго жили, благодаря злодействам всегда имеют фору.

Примечание

- ¹ Текст публикуется с сокращениями по изданию: *Маконский А. О. Софисты*. Вып. 1. Баку, 1940.

© Текст: Виктор Ярошенко

ТРИПТИХ

о бесконечном прошлом и конечном будущем

Татьяна ЩЕРБИНА

Еще одна история происхождения

У богов потребность — изобретать. Что и понятно, проблема бессмертных — однообразие, ее решение — новые игры, не говоря о творительной миссии, а иначе зачем всё.

Однажды они придумали игру в шарики, которые крутятся, светятся, задача играющих — спасти их от комет и метеоритов.

Сначала, конечно, боги придумали 4D экран, на котором играть. Потом алгоритм — орбиты. Для дизайна — силой мысли — синтезировали минералы. Им, бестелесным, хотелось чего-то грубого.

Конкуренты, другие боги, или, можно сказать, хакеры, тоже не теряли времени даром, хотя в их вечности время означает не длительность, а вспышки вдохновения. Они изобрели черные дыры, которые охотятся за шариками и навсегда отправляют их в свою черную тюрьму. В ответ боги стали клепать шарики с удвоенной энергией, связав их гравитацией, с тех пор они держатся кучками — чтоб не пропасть поодиночке.

Вокруг одного огненного шара по имени Солнце планеты так гармонично танцевали, деля

друг другу реверансы, что автор этой системы задумался о том, чтоб завести на своих шариках жизнь, подобную собственной, только из какого материала ее сделать, было непонятно. Минеральные узоры, горы, немного прискучили, хотелось чего-то подвижного.

Теперь боги наперебой создавали всякие клеточные организмы, дивясь тому, сколько видов или можно придать. Ветер разносил споры, планета покрылась папоротниками, лихами, а в воде боги поровили перещеголять друг друга в придумывании разнообразных существ.

На условной стене, то есть в голове у этого бога, возникла периодическая система химических элементов. И он сотворил из них воздух и воду. Вода, испаряясь, становилась воздухом, а воздух, перебравший влаги, проливался обратно дождем. Бог, замороженный процессом круговорота воды в природе, отметил перепады температур, сообразив, что бока, подставленные солнцу, горячи, а удаленные от него, покрыты льдом. Это очень понравилось богу — самому захотелось побывать в таких условиях. У них-то, у богов, вообще никаких условий не было.

Была у этого бога подруга, тоже, разумеется, богиня, она всё любовалась морскими волнами, которые дробили минералы в мелкие кристаллики песка, и однажды заметила какие-то зеленые брызги — водоросли, образовавшиеся путем фотосинтеза. Она настроила свой внутренний микроскоп, чтоб рассмотреть, из чего состоят эти зеленые плавунцы, и обнаружила клетку.

С тех пор эту божественную пару стали называть почетным званием — ученые. Вроде как Пьер и Мари Кюри. И тут надо объяснить, чем отличались богини от богов. Боги не выглядели никак, но могли принимать любые обличья, что с удовольствием и делали, устраивая спектакли, балы, карнавалы, чтоб отдохнуть от своей основной деятельности — думать и творить. Гендерных признаков у них не было, только интеллектуальные. Когда новая идея окончательно оформлялась — это и было рождение нового бога. Сначала он был маленький, но потом вырос и больше уже не менялся, застыв в наиболее соответствующем ему качестве разума. Пол у него, само собой, отсутствовал, но стоило богам принять театральный, карнавальный или бальный облик, как оказывалось, что одни выглядят как женщины, а другие как мужчины. Не все, но большинство.

Теперь боги наперебой создавали всякие клеточные организмы, дивясь тому, сколько видов им можно придать. Ветер разносил споры, планета покрывалась папоротниками, мхами,

а в воде боги норовили перещеголять друг друга в придумывании разнообразных существ. Рыбки, серебряные и золотые, желтые и красные, резные кораллы — в дело пошла вся периодическая таблица. Но прекрасные эти игрушки были безмозглы, хотя в каждую из них встраивался инстинкт самосохранения, чтоб они не поломались. Богам же, и особенно, богиням хотелось взаимодействия с созданными ими тварями. В хорошем смысле тварями — продуктами творения. И они создали осьминога. Потом дельфина. Трудности пошли, когда начали творить на суше. Сусликов всяких, кроликов. Тут снова активизировались хакеры, придумавшие драконов, змеев, ящеров, динозавров и прочих ужасных созданий, которые потоптали всех кроликов и сусликов, подъели все папоротники, и сладу с ними не было.

Боги задумались — что делать? Наконец, один воскликнул «эврика!» — ему удалось сочинить программу, которая стерла драконий код с лица Земли. На других планетах солнечной системы никаких генетических кодов, днк-рнк, даже и не думали писать, поскольку раз увлекшись Землей, так и продолжали свои придумки именно на ней. Получался такой бесконечный сериал. Другие боги работали над другими скоплениями шариков, но мы о них ничего не знаем.

Итак, грузных драконов вычистили, правда, следы остались — небольшие рептилии, которые не мешали разворачивать задуманный сюжет. Одно время увлеклись кошечками, большими и маленькими, они оказались игривыми, как сама богиня, которая их придумала. Боги обнаружили, что сотворенные ими существа как-то соответствовали характерам своих создателей. Самый тугодумный бог придумал мамонтов, но однажды опять вмешались хакеры, заморозив Землю так, что мамонты, как и прочие веганы, вымерли, некоторые так и остались лежать в вечной мерзлоте — на самом краю, до утепления которого у богов не дошли руки. А тугодумный бог был упорный, вместо мамонтов сделал второе, улучшенное, их издание —

слонов. Без этой всклоченной коричневой шерсти, вместо которой использовал толстую, отливающую перламутром, кожу, и бивни укоротил.

В процессе того, как боги стали отмечать сходство зверей и зверушек с их авторами, их настиг нарциссизм. Захотелось создать свое подобие. Задача неразрешимая: как внедрить в биологических, по определению смертных, существ, бессмертную божественную субстанцию? Разум разного рода животным привить удалось, но то были жалкие килобайты и мегабайты.

Совершенство, оно же полное подобие, хоть и недостижимо, но один бог упорным трудом все же добился результата, создав модель homo sapiens, которая способна мыслить, развиваться и творить собственную реальность. Этот вид, единственный, воспринимал под- сказки, даже смутно ощущал, что кто-то его создал, и периодически обращался за помощью или советом. Истинного представления об авторе он, как и всякий персонаж, иметь не мог, потому придумывал его по собственному разумению.

Сочиняли сапиенсы богов по-разному, и боги их в этом поддерживали, поскольку для каждого этапа и сегмента цивилизации, которую строили эти аналоговые существа, требовался свой образ. Проблемы возникли, когда они открыли виртуальную, как они ее называли, реальность, и их биологические тела стали их обременять. Они так, конечно, не думали, но боги видели, что противоречие между бессмертной душой, от которой многие даже отрекались, чтоб сохранить биологическую цельность, и сложным клеточным организмом, усугублялось.

Усугублялось и недовольство особями друг другом, они хотели видеть собратьев другими, не такими противными, и потому стали неистово любить котиков и собачек, взамен утраченной братской привязанности, а некоторые отдавали свое сердце каменным черепахам или скользким улиткам. Они, бывало, и прежде, озлобившись,

истребляли друг друга, но тут будто разочаровались в самом своем сапиенском существе.

Боги собрали собрание, потом совещание, потом конференцию, симпозиум, консилиум, ареопаг, но пока так и не придумали, что делать с созданиями, которые просят другой глобус, хотят взорвать Землю и улететь на Марс. То ли это снова проклятые хакеры, то ли боги сами чего-то не учли.

Превращения нимфы

Когда-то Фурия была Наядой. Она жила под водой и обменивалась пузырьками воздуха с рыбами и крабами, пока ее не выдергивала за волосы мать, говоря, что надо твердо стоять ногами на земле. Научиться тому, что позволит выжить в любой ситуации. Петь. Певца накормит и фронт, и подземный переход, и сцена. Наяда не любила петь, а любила составлять натюрморты из кораллов. Но теперь ей предстояло жить на земле.

На суше она стала Сиреной, и звала мореплавателей выйти на берег своим певучим голосом. И они выходили, а она им пела. Но однажды у нее кончились песни — так Гера наказала ее за то, что сбивала с пути искателей приключений, и она ушла в горы, став горной нимфой Эхо. Эхо повторяла всё, что слышала, а поскольку до вершины горы, где она обитала, добирались только отчаянные люди, то она набралась от них смелости, стойкости и азарта. Повторенье — мать ученья.

Вдохновленная своими новыми качествами, Эхо пошла в лес, встретила там Нарцисса и влюбилась в него. Нарцисс, который любил только себя, смог полюбить и нимфу, поскольку она была его эхом. Выглядела Эхо, конечно, совсем иначе, чем Нарцисс, но сам себя он никогда не видел, поскольку зеркал еще не изобрели, и думал, что он — та самая прекрасная Дева, которой была Эхо. Но однажды она повела его к горному ручью, чтоб вымыть, а то он стал совсем как сатир. Нарцисс умылся, а увидев свое

отражение в кристально чистой воде, понял, что любит вовсе не нимфу, а того самого молодца — себя. И всё, так и остался Нарцисс на берегу ручья со своим отражением, там и умер, и было это наказанием Афродиты за изоляционистское самолюбие, но все же она увековечила его в цветке.

Эхо же осталась в лесу, став Лесной Нимфой, Дриадой, и все звери ее любили, поскольку она укрывала их от охотников, а крестьяне искали ее расположения, чтоб она не позволяла волкам и медведям на них нападать, когда они ходят по грибы и ягоды. И несли ей всякие подношения: свежесваренный кофе поутру, дораду на гриле, лепешки, сыры, халву. Носили-носили, а потом перестали. Привыкли, что и так всё хорошо, никто на них не нападает. И звери перестали любить Дриаду, они тоже привыкли, что никто не убивает, как бы само собой, и забыли свою заступницу.

И тогда Дриада, прожившая несколько жизней, превратилась в Эринию. А если учесть, что уже наступила эпоха Римской Империи, то там она называлась Фурией. А когда у нее выросли крылья, греки, которые, при этом, никуда не делись, стали звать ее Немезидой, богиней, или нимфой, возмездия. И тут никому мало не показалось — ни в воде, ни на суше.

Восстание

Гравитационный скачок. Внезапно.

Люди, которые деловито шли по тротуару, выгуливали во дворе любимых собак, выходили из магазина с сумкой продуктов, поднялись в воздух. Вместе с собаками и продуктами.

Люди, которые ехали в автобусах, вдруг почувствовали себя в самолете, набирающем

высоту. Водители всех континентов в один и тот же момент резко дали по тормозам, но это не помогло — автобусы взмывали все выше в небо. Пассажиры перепугано смотрели в окна, за которыми болтались нелепые, длинные и толстые корни вековых деревьев, а стволы плыли горизонтально, будто по воде.

Дома, стоявшие на прочных фундаментах, оторвались от земли и, покачиваясь, висели в воздухе. Многоэтажные легли на бок, и все, сидевшие за офисными и обеденными столами, повалились на пол, пытаясь понять, что происходит. Было похоже на землетрясение или теракт, но это было другое. Снаружи о стекло ударились чашка и разбилась. Мимо пролетела кошка.

Те, кто жили неподалеку от зоопарков, видели львов и крокодилов, которые беспомощно перебирали лапами по воздуху.

Летающие коровы казались зрелищем смутно знакомым.

Промчался скоростной поезд, наперерез которому неслась кавалькада черных лимузинов. Поезда метро долго бились о потолок, но пробили его.

Апельсины и лимоны тут и там разлетались яркими вспышками салюта.

Нефть текла по небу черными вертикальными ручейками. Вода рек и озер встала витыми хрустальными колоннами, уходящими в бесконечность, а океаны — соляными столбами.

Знакомые и незнакомые купюры с цифрами мечты летали, как на свадьбах некоторых народов, а монеты мелькали сверкающими конфетти. Но это не был праздник.

Земля сбросила с себя всё, не сделав ни одного исключения. На нее давили громадами небоскребов, сверлили, проникая всё глубже, методично заковывали в панцирь, но главное — ее собирались взорвать. Теперь она свободна.

Афинские встречи: от редакции

Каждый раз, когда «Вестник Европы» готовит специальный номер, мы стремимся найти и показать в той или иной стране важные черты национальной культуры, истории, ментальности образа и способа жить, которые если и меняются, то не так быстро, как политические предпочтения избирателей.

Обо всем этом мы говорили с деятелями политики и культуры в популярном среди афинян «Полис Арт-кафе». На несколько дней это кафе стало нашей резиденцией, с утра до вечера за нашим столиком появлялись, сменяя друг друга, разные интересные люди.

Об этих наших встречах договаривался журналист, переводчик и издатель Димитрис Триантафиллидис. С ним мы познакомились в Москве, куда Димитрис регулярно приезжает на конгресс переводчиков.

Он перевёл на греческий язык более ста книг русских писателей — поэзию, прозу, мемуары. Именно он в 2018 году издал в Греции книгу Егора Гайдара «Гибель Империи».

Когда-то, еще во времена СССР, он учился в Киевском университете на философском факультете, прекрасно владеет русским языком. С декабря 2014-го издает периодический альманах русской культуры «Степь».

— Переводы учат вкусу, — говорит Димитрис. И добавляет: — И скромности.

Как обозреватель и главный редактор одной из афинских радиостанций, а ранее — политический аналитик, Димитрис хорошо ориентируется в греческой и европейской политике. Он вводит нас в курс местных проблем.

— Греция со времен Второй мировой и гражданской войны 1946–49 годов была расколота и до сих пор полностью не примирилась. Сегодняшние «левые» и «правые» — это потомствен-

но враждующие группы населения. Пять-семь процентов населения поддерживают коммунистические взгляды; примерно столько же — это ультраправые, даже нацистские. Между ними расположились все остальные: «правые», либералы, социалисты, «левые» демократы — и еще не определившиеся... Большая проблема современной Греции — высокий уровень безработицы, особенно среди пожилых людей и молодежи. А образованной молодежи вообще крайне трудно найти адекватную их образованию работу, поэтому молодые греки, не найдя себе места дома, уезжают за границу.

Однажды в Венгрии мне довелось услышать, что чуть ли не вся политическая элита страны училась в одной школе... Интересно у Димитриса, как обстоят дела в Греции?

— Такая знаменитая школа воспроизводства «элиты» есть и у нас! — подтверждает он. — Называется «Афинский колледж». Это частное греко-американское учебное заведение, основанное в 1925 году. В нем учились многие известные в Греции и в мире люди: политики, премьер-министры, министры, видные ученые, писатели, бизнесмены. В «Афинском колледже» учатся более четырех тысяч детей, но попасть туда не так-то просто. Мало того, что родителям нужно быть готовыми платить — дети должны выдержать серьезный конкурс. Здесь высокий уровень преподавания. Почти все выпускники могут продолжить учебу в университетах Греции, многих европейских стран, США.

Димитрис Триантафиллидис не раз публиковал материалы нашего журнала. Он согласился быть нашим партнером, и не только помог с организацией интервью, но и выступил редактором-составителем значительной части греческого раздела этого номера «Вестника Европы».

Афинские встречи: Дора Бакоянни

Виктор ЯРОШЕНКО
Димитрис ТРИАНТАФИЛЛИДИС

Дора Бакоянни (Θεοδώρα (Ντόρα) Μπακογιάννη) трижды входила в список ста самых влиятельных женщин мира — по версии журнала «Forbes».

Дора выросла во влиятельной семье, которая дала современной Греции уже четырех премьер-министров. Она — старшая из четырех детей бывшего премьера Греции Константиноса Мицотакиса. В 1968 году, после установления в Греции военной хунты, семья жила в Париже. Дора училась во Франции, в Афинском и Мюнхенском университетах.

В 1974 году, после свержения режима «черных полковников», вернулась в Грецию и вышла замуж за популярного журналиста и политика Павлоса Бакоянни, стала матерью двух детей. В 1989 году ее муж был убит на пороге своего офиса террористами левацкой группировки «17 ноября».

Дора сумела оправиться от шока и продолжила политическую карьеру. Вошла в правительство: стала министром культуры, затем избрана мэром — «диархом» Афин. Она была первой (за 3000 лет) женщиной на этой должности; с триумфом провела летние Олимпийские игры 2004 года. При ней в Афинах был построен суперсовременный аэропорт, проведено метро, современные дороги, возведены новые стадионы, отели, музеи, культурные и рекреационные зоны, превратившие Афины в современный город. Дора Бакоянни из 550 претендентов была признана «Мэром года».

В 2006–2009 годах госпожа Бакоянни стала была министром иностранных дел Греции (при премьере Константиносе Караманлисе). Основное направление ее внешней политики на тот момент — укрепление сотрудничества с НАТО.

В мае 2010 года Дора Бакоянни проголосовала за ратификацию программы финансовой помощи Греции от ЕС и МВФ Греции для предотвращения дефолта — вопреки позиции премьера Антониса Самараса. За это ее исключили из партии и парламентской фракции «Новой демократии»... Но ситуация все ухудшалась, к власти пришли левые, а в «Новой демократии» лидером стал ее брат.

Но и сейчас Дора Бакоянни пользуется авторитетом в греческой и в европейской политике. Ее младший брат Кириакос Мицотакис, еще один видный представитель династии, — лидер партии «Новая демократия», летом 2019 года стал премьер-министром, уже четвертым в этой влиятельной семье, а сын Доры — Костас Бакояннис избран новым мэром Афин.

Наша встреча происходила до этих событий, когда «Новая демократия» находилась в оппозиции.

«Вестник Европы»: Госпожа Бакоянни, какими вам представляются перспективы отношений Греции и России в ближайшем будущем?

Дора Бакоянни: У Греции с Россией за плечами уже два века традиционно добрых отношений, основанных на взаимном уважении, общих ценностях культуры, религии и истории. Когда я была министром иностранных дел, мы активно развивали это сотрудничество, но тогда, надо признать, в Европе был совсем иной внешнеполитический контекст, другая атмосфера. Тогда отношения были лучше, чем теперь, базировались на стратегических соглашениях о партнерстве и сотрудничестве, принятых

еще в девяностые годы XX века. Увы, с тех пор многое изменилось и в Европе, и в России; да и во всем мире политика стала менее предсказуемой.

Греция традиционно дружелюбно относится к России. Конечно, не забывая того, что наша страна — член ЕС и Северо-Атлантического оборонительного союза (НАТО). Разумеется, Греция не нарушает принятых Европейским Союзом решений ввести санкции против политики России в отношении Украины. Но я полагаю, что и в возникшей ситуации можно сделать очень многое. Для греческой экономики, нашего сельского хозяйства были чувствительны ответные российские санкции против евро-

пейских производителей; они больно ударили по греческим фермерам, традиционно поставлявшим в Россию фрукты и овощи, оливковое масло, сыр, вино и другие товары сельского хозяйства. Им пришлось искать другие рынки сбыта, и они нашли их. Но теперь многие из этих товаров в последнее время вновь вернулись на российский рынок.

Однако я считаю, что проблемы, вызвавшие эти санкции, рано или поздно будут устранены путем переговоров, ибо, как свидетельствует богатый исторический опыт наших стран, силовые решения тут не действуют. Столь глубокие исторические связи и взаимные симпатии, которые испытывают друг к другу наши народы, в конечном счете окажутся более важными, более определяющими, нежели сегодняшнее политическое противостояние с его пристрастиями и ошибками. У отношений Греции и России столь же богатое будущее, как и прошлое.

«В.Е.»: Что вы можете сказать о нынешней ситуации в Греции?

Д.Б.: После нескольких лет динамичного роста Греция находится в глубоком кризисе. С 2010 года моя страна стала проблемой и заботой всего Европейского Союза. Греция, увы, жила под влиянием специальных программ и специально созданных механизмов, займов, меморандумов, инструкций и ограничений со стороны кредиторов. К сожалению, греческая политическая система, до сих пор не может осознать и воспринять катастрофу этого кризиса. Еще в 2010-м мы пытались принять превентивные меры, но предложения не были приняты, а ситуация постепенно только усугублялась. Когда Евросоюз и МВФ стали «спасать Грецию», в стране появились деньги. А когда есть деньги, возникает непреодолимое желание их тратить. Кто же лучше

всего тратит деньги? Левые. Так оппозиция и стала правительством. Их принцип — обещать, все время обещать и еще раз обещать! ЕС и МВФ, после сложнейших экспертиз и переговоров, предоставили очередной заем, левое правительство провело референдум, на котором избиратели отвергли условия кредиторов. Правительство отказалось принять меморандум МВФ, но при этом вынуждено было соблюдать его позиции и вводить режим экономии, а по сути — обманывая избирателя. Греция находилась на грани экономической катастрофы и выхода из ЕС — причем с непредсказуемыми последствиями. Это «левое» правительство урезало пенсии, сокращало рабочие места и заработные платы госслужащих; руками полиции разгоняло протестующих, своих вчерашних сторонников. И не говорило правду народу. Греции предстоит осуществить ряд сложных структурных реформ, создать современное эффективное государство. Понизить налоги, убрать бюрократические ограничения с бизнеса — значит дать толчок и правильный сигнал для экономики, что в результате увеличит налоговую базу. «Новая демократия» — старейшая в Греции партия с традициями и опытом по сравнению с другими парламентскими партиями. Но чтобы соответствовать требованиям времени, должны были произойти большие изменения и в обществе, и внутри партии; в ее структуре, программе, ее отношениях с обществом. Партия «Новая демократия», созданная Константиносом Караманлисом в критическом 1974-м, после свержения военной хунты, недавно приняла новую программу, омолодилась за счет новых лидеров (лидера партии напрямую выбирают все ее члены). Она готова взять на себя ответственность. Сегодня же общество — против этого правительства. Если бы выборы состоялись сегодня, левые бы проиграли¹.

Примечание

¹ Они и проиграли на внеочередных выборах 7 июля 2019 года: «Новая демократия» получила большинство мест в парламенте и мандат доверия народа на изменения. — Прим. «ВЕ».

© Текст: «Вестник Европы»,

© Перевод: Димитрис Триантафиллидис

Потерянное десятилетие и будущее греческого общества

Димитрис ТРИАНТАФИЛЛИДИС

Этим летом, 7-го июля, проведя досрочные парламентские выборы, Греция поставила точку в длительном периоде системного кризиса, который начался не в 2010-м (как утверждают многие, имея в виду долговой кризис и угрозу дефолта), а раньше — в декабре 2008-го, когда в результате уличных столкновений в Афинах ультралевые группировки подожгли центр греческой столицы.

Следует отметить, что, вопреки господствующему мнению, кризис был не только экономическим и финансовым. Греческое общество столкнулось с системным кризисом, затронувшим все области жизни. Главным признаком была потеря доверия к традиционному истеблишменту и политической системе страны, какой она была сформирована после падения режима «черных полковников» в 1974 году. Вторым признаком был крах привычной системы ценностей: общество внезапно открыло для себя тот факт, что государство не может гарантировать всеобщее благосостояние на веки вечные и что финансирование страны мировым рынком подчиняется определенным правилам. Это привело к печальным последствиям: по всей Греции начались забастовки, митинги, беспорядки.

Политические партии, вместо того чтобы путем переговоров попытаться найти выход из этой ситуации, начали полемизировать друг с другом и выдвигать экстремальные лозунги и требования. Страна теряла время, а общество не знало, куда идти.

Прошедшие выборы привели к власти правоцентристское правительство во главе с Кириаком Мицотакисом. Общество устало от экономического кризиса и риторики левой партии СИРИЗА, провоцировавшей атмосферу гражданской войны (а могла и привести к ней, как в 1943–1949 гг.), поэтому изменение политической обстановки в стране было крайне важно.

Общество хочет двигаться вперед, чтобы достичь уровня других европейских стран как в экономическом, так и в социальном плане. Многие в Греции уже говорят о потерянном десятилетии и винят в этом в основном левую партию, которая, используя негодование населения от жесткой экономической политики предыдущих кабинетов министров, радикализовала политический ландшафт. Это касается не только левых радикалов, но и ультраправых: в парламент были избраны члены партии «Золотая Заря», неонацисты, а правые популисты партии «Независимые греки» сотрудничали с левыми популистами СИРИЗА, и их лидер стал министром обороны страны.

Новое правительство Греции еще до выборов, во время предвыборной кампании, заявило, что будет держать курс на усиление позиции страны в Европейском союзе и в НАТО. Это традиционные союзники Греции в течение многих десятилетий, и интересы греческого общества лучше всего защищать в большой европейской семье, особенно сейчас, когда геополитические сдвиги грозят серьезными опасностями.

Стоит напомнить, что в свой относительно консервативный кабинет министров Кириакас Мицотакис пригласил многих представителей других центристских и умеренно левых партий — с целью показать греческому обществу, что время раскола, риторики, ненависти и возрождения атмосферы гражданской войны уже прошло. И что надо смотреть в будущее, думать, как лучше организовать страну, чтобы вывести ее из отсталости, и как устранить последствия экономического кризиса.

Одной из первых мер нового правительства была отмена непосильного налогообложения населения. Также было важно вернуть чувство безопасности при помощи силовых структур, которые в прошлом, по политическим причинам, сидели в казармах, оставляя граждан страны без защиты против криминалитета. Кроме того, среди первых законопроектов был план по восстановлению доверия иностранных инвесторов, что привело к изменениям в экономике страны, в силу того, что упал процент безработицы, и общество оценило это положительно.

Пока рано подводить итоги деятельности правительства, но его шаги, кажется, означают возвращение к нормальной политической и экономической обстановке.

Греции, конечно, до исцеления всех ран, которые оставило потерянное десятилетие кризиса, предстоит еще долгий путь. Греческий народ трудолюбив, стремится к прогрессу, и я верю, что он сумеет преодолеть все негативные последствия, а главное — сделает выводы из этого горького опыта.

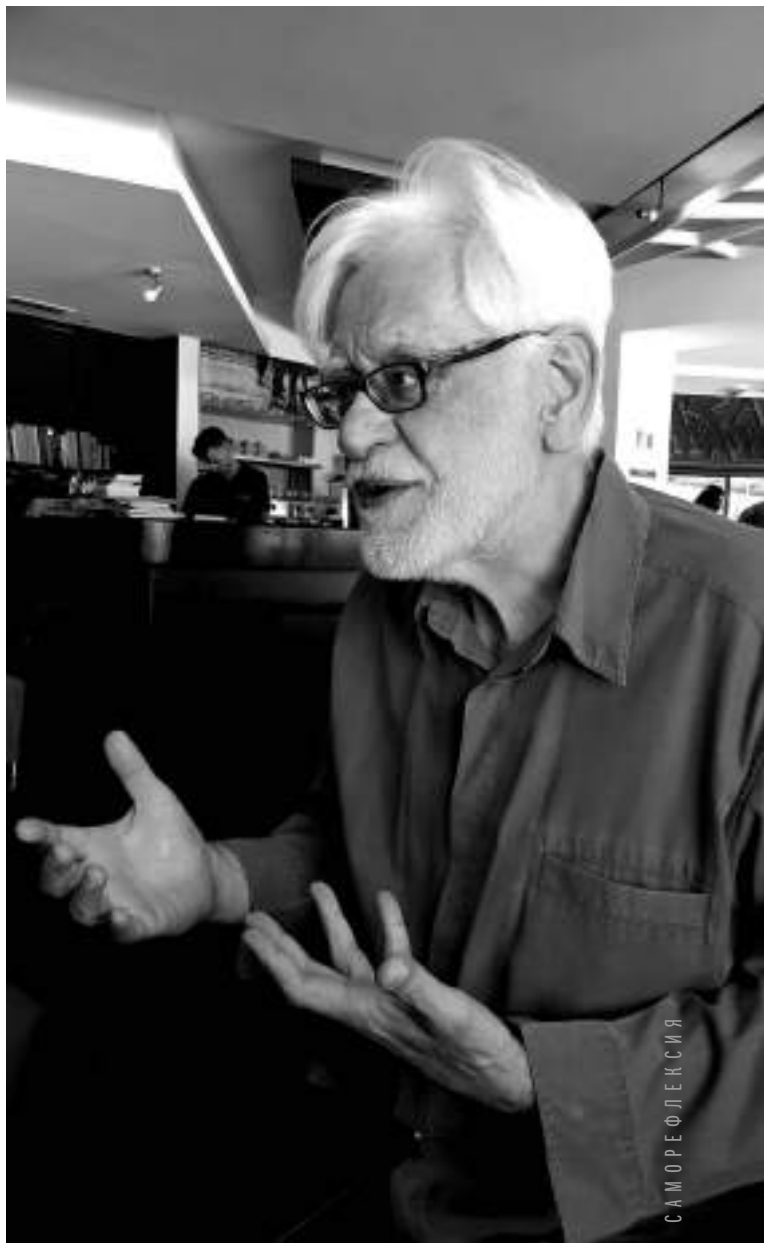
© Текст: Димитрис Триантафиллидис

ДИМИТРИОС ТРИАНТАФИЛЛИДИС родился в 1959 г. в греческом городе Салоники. В 1980-м г. поступил на философский факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, который в 1985 г. закончил с отличием. После окончания военной службы в 1987 г. в греческой армии поступил на богословский факультет Университета им. Аристотеля (Салоники), который закончил с отличием в 1991-м. Долгое время работал директором Института профессиональной Подготовки. В 1997 г. перешел в журналистику. Был главным редактором экономических изданий. Последние 10 лет является главным редактором муниципальной радиостанции Афин. Перевёл на греческий язык более ста книг русских писателей. С декабря 2014-го издает периодический альманах русской культуры «Степь». Живет в Афинах. Выступил редактором-составителем значительной части греческого раздела этого номера «Вестника Европы».

Афинские встречи: Гиоргос Прокопакис

Греция уже почти десять лет — «больной человек Европы» (**sickman of Europe** — так когда-то русский император Николай I в беседе с британским послом Сеймуром назвал современную ему — в середине XIX века — Османскую империю).

После Второй мировой войны века двадцатого Греция оказалась очень бедной страной: отсталая инфраструктура, устаревшие дороги и электростанции, плохое водоснабжение, старые воздушные и морские порты (несмотря на то что Греция входит в число ведущих морских держав: пятый или шестой торговый флот мира.) Со вступлением Греции в Европейский Союз на нее пролился «золотой дождь». В стране начался строительный бум — возводились офисные высотки, отели и престижные частные дома. Люди брали кредиты на жилье и на учебу, детей, пересели на новые хорошие автомобили...

В 2004 году Греция провела Олимпийские игры в Афинах. Была проведена новая сеть автомобильных дорог, тоннелей, мостов, построено метро, новый современный аэропорт, отели, стадионы... Правда, первоначальная стоимость затрат на Олимпиаду выросла в десять раз и превысила 12 млрд долларов (тогда это был рекорд!). 80 процентов расходов взяло на себя правительство Греции...

И после начала мирового кризиса именно в Греции заискрило. Страна не заметила, как оказалась в долгах, как в шелках. И вдруг выяснилось, что разные правительства годами занижали данные по дефициту бюджета, показывая приличные 3,5% — вместо реальных 12-ти, а то и 15%. Именно за счет фальсификаций отчетности в 2001 году Греция вступила в Еврозону. Но еще гораздо ранее, в 1981 году, для вступления страны в Евросоюз, статистика подделывалась нещадно...

Замаячил дефолт и перспектива полного банкротства страны. Так бы и случилось, если бы Греция не была членом ЕС и «зоны евро» — ситуация оказалась не внутренней, а общеевропейской, и Греции пришлось помогать.

К 2018 году на спасение греческой экономики было потрачено 370 миллиардов долларов. Положительные результаты налицо: возобновился экономический рост, с общей помощью страна выздоравливает. Но многие проблемы все еще остались. Об этом «Вестнику Европы» рассказывает **Гиоргос Прокопакис**, экономист, консультант международных банков и финансовых международных организаций (МВФ, ЕЦБ и т.д.).

«Вестник Европы»: Расскажите нам в общих чертах, какими вы видите процессы, происходящие в греческой экономике.

Гиоргос Прокопакис: Миллион пенсионеров государственного сектора выходят на приличную пенсию в 50 лет; миллион безработных. Свободных предпринимателей — тоже миллион. Такая модель не может жить долго. Правительство Алексиса Ципраса, радикальной «левой» коалиции СИРИЗА, в обстановке кризиса и требований кредиторов старалось «затянуть потуже пояса», защищать свой электорат — бюджетников и пенсионеров. Это основная клиентура любого правительства. Однако это им плохо удавалось. Многие уходят из бизнеса или уводят бизнес из страны. Полмиллиона греков уехали, а ведь уезжают самые конкурентоспособные: программисты, инженеры, врачи. Пятьдесят процентов молодежи тоже мечтают уехать. У нас существуют многочисленные законодательные препятствия для бизнеса, для инвестиций.

«В.Е.»: Международная статистика утверждает, что Греция — одна из самых бедных стран в Евросоюзе. По данным Евростата, она на 24-м месте среди 28 стран ЕС (по уровню ВВП на душу населения).

Гиоргос Прокопакис: Но это как считать... по данным того же Евростата, ВВП на душу населения в Греции в 2016 году составил 66% от среднего показателя по ЕС.

По сравнению с остальным миром — это не так уж мало. При этом 250 миллиардов долларов греческих граждан лежат в швейцарских банках. Популисты хотят перевести евро на драхмы, вообще выйти из евро. Пустые слова, сотрясение воздуха. Нет, все-таки Греция не бедная страна. Уровень жизни в ней вполне приличный; у греков есть деньги. Большая часть представителей среднего класса накопили какие-то сбережения. Теперь, правда, все меняется, и по всей Европе, средний класс размывается, «белые воротнички» теряют работу, получившие образование дети

часто не могут поддерживать привычный уровень жизни своих родителей, приобрести собственное жилье. Греки не любят брать в долг, это не респектабельно; раньше они всегда копили. Но потом стали брать кредиты. И банки охотно давали их. Теперь все изменилось, и греки требуют от государства, чтобы их долги брало на себя правительство.

После войны греки не занимались бизнесом, не вкладывались в экономику; греки строили дома. А сейчас стагнация, строительство замерло, потому что нет кредитов.

Банки не смогли кредитовать строительный бум, который шел повсеместно. И вот всё остановилось, сейчас продать дом за нормальную цену невозможно. (За последний год опять выросли цены на недвижимость из-за «джентрификации» целых районов столицы).

«В.Е.»: *И что бы Вы посоветовали?*

Г.П.: Греции нужно встряхнуться; у нас социальное государство, при том, что доходы распределяются несправедливо, и это постоянный источник конфликтов. Например, богатые получают пособия по многодетности наравне с бедными. То есть государство выделяет пособия многодетным семьям, которые вовсе в этом не нуждаются. И это означает, что довольно легко можно удвоить пособия тем, кто действительно нуждается, прекратив раздавать различные льготы тем, кто в них не нуждается. Например, один из самых богатых бизнесменов получал пособия на пятерых несовершеннолетних детей, и он сам объявил об этом. Это специфическое выражение клиентелистского государства.

«В.Е.»: *Удалось ли властям привлечь к ответственности экономические элиты за уклонение от уплаты налогов?*

Г.П.: К сожалению, у нас существует множество всевозможных налоговых льгот и условий, позволяющих уходить от налогов. Большая часть взрослых греков считаются «самозанятыми» и налогов вообще не платит — никаких. Та-

кое положение уходит корнями в очень давнее прошлое, чуть ли не в античный принцип: «свободный человек налогов не платит». Налоговое законодательство США умещается на ста страницах, а греческое занимает много томов, тысячи страниц! Возможно, поэтому у нас так много адвокатов, без них во всем этом разобраться невозможно.

Но я уверен, что все это можно изменить, если объяснить обществу абсурдность сложившейся системы. Но как достучаться до избирателя, когда закрываются СМИ, независимые телеканалы, радио, последние уважаемые газеты уходят с рынка. Правда, новые СМИ приходят через Интернет, возникают новые элиты.

«В.Е.»: *Но есть и другая сторона вопроса: как добраться до политиков людям, знающим правильные решения, — квалифицированным экспертам?*

Г.П.: Их никто не слышит. Растет отчуждение, люди не верят политикам. В некоторых районах люди переходят от социалистической партии чуть ли не к неонацистам, тем самым пытаюсь выразить свое недовольство всем происходящим. Я не думаю, что у нас может повториться опыт авторитарного прошлого, какое-то новое издание «военной хунты» или, как это происходит в Венгрии, или у вас в России. Но греческое общество, к сожалению, все еще питает слишком много иллюзий. Все надеются вернуться к тучным годам, какие были в 2007-2009 годах, как раз перед кризисом. Ципрас обещал избирателям это — и пришел к власти. Многое в Греции зависит и от судебной системы, состояния дел в верховных судах, но там тоже царит архаическая неразбериха, которая удобна многим. Апатия. Политическая система воспроизводится без доверия со стороны общества. Выживание — главный лозунг эпохи.

Но общество, судя по всему, начинает более трезво смотреть на жизнь.

«В.Е.»: *Я это тоже много лет подряд наблюдал — на Кипре.*

Г.П.: Да, и у нас тоже так! Но киприотская экономика меньше, и они рухнули раньше и стремительнее. Через Грецию и греческие банки многие киприоты делали свои «дела».

Увы, никто всерьез не говорит о будущем, о том, что же будет через несколько лет. Сейчас мы не платим проценты по нашим долгам, но в 2022 году уже должны будем платить. Сотни миллиардов европейских долгов. И потом — многие годы. Этот долг, скорее всего, переформируют в долговременные бумаги сроком на тридцать, а может быть, и пятьдесят лет. Грекам не привыкать жить в долг. За долги девятнадцатого века мы расплатились в 1977-м. Великобритания тоже сравнительно недавно расплатилась с США за долги Первой мировой войны. Греция и любое греческое правительство должны понять, что они когда-нибудь смогут стоять на собственных ногах, без подпорки, но прежде всего этого нужно захотеть. Необходимо доказать миру, что Греция может и умеет работать в современных условиях жесткой международной конкуренции. А это совсем непросто.

В.Е.: *Пишут, что восьмилетний кризис позади. Как Вы полагаете, начнется ли теперь серьезное реформирование экономики? Есть ли в Вашей стране у каких-то политических сил программа комплексного реформирования экономики, налоговой системы, пенсионного законодательства?*

Г.П.: Я думаю, в нынешнем обществе нет запроса на создание такой программы, и нет таких людей, которые могли бы ее разработать и главное — планомерно осуществить. Политики думают о своем рейтинге, о ближайших выборах. Никто не заявит публично, что нужно создавать фундамент для развития страны на полвека вперед. Ведь Греция много лет жила не по средствам, и это многие понимали. Когда в 2010 году грянул первый гром и Греция оказалась перед угрозой дефолта, страна была вынуждена обратиться за помощью к Евросоюзу. Была разработана беспрецедентная

программа спасения греческой экономики. В 2010 году был первый меморандум МВФ, и нам дали огромные деньги — 110 миллиардов евро. Потом еще. Миллиарды съели, а ситуация только ухудшилась. Десять потерянных лет. Сейчас вопрос о долгах, которые придется отдавать даже не детям, а правнукам. Но молодежь не хочет нести эти обязательства, она уезжает из страны. В реальном секторе люди часто получают зарплату через четыре месяца. Только в госсекторе служащим платят регулярно, они и понятия не имеют, что в стране — кризис. До 2010 года мы не знали, как много людей у нас числится в госсекторе. Потом кредиторы создали комиссию, и выяснилось, что у нас 800 тысяч госслужащих, еще 200 тысяч в армии и полиции. На государственную службу по документам приняли еще 30 тысяч человек, мы их ищем и не можем найти. Куда пропали 30 тысяч госслужащих? Задают вопросы в парламенте, людей не могут найти, а деньги исчезли.

Перед нами десятилетиями остро стоят вопросы энергоснабжения, но это все большая политика... Перспектива в диверсификации, если можно будет получать энергоносители из разных, в том числе недавно открытых месторождений — брать газ на Кипрском шельфе, в Израиле, в Египте.

Думаю, что застрявшее решение «кипрского вопроса», возможно, будет найдено через совместную добычу и эксплуатацию этих богатых газовых месторождений на шельфе (если, конечно, удастся создать Кипрско-Израильско-Турецкий консорциум). Возможно, и с греческим участием. Но это тоже вопросы не только экономики, но большой политики, где имеются интересы и Европейского Союза в целом, а также и США, и России. И на Ионических островах нашли месторождения газа, так что, возможно, это тоже нам поможет. Экономические зоны Греции, Турции, Египта соприкасаются. Уверен, что все наши несогласия будут улаживаться при необходимости совместного использования месторождений. ● ● ●

ЭКОНОМИКА ГРЕЦИИ

Население	10,7 млн
ВВП (2018 г.)	\$218,0 млрд, рост 7,24%, по сравнению с 2017 годом.
ВВП по паритету покупательной способнoсти (2018 г.)	\$ 312,27 млрд, рост 4,42%, по сравнению с 2017 годом.
ВВП на душу населения (2018 г.)	\$ 20 324 рост 7,51% по сравнению с 2017 годом.
Совокупный государственный долг (2018 г.)	\$184,9 млрд
Инфляция (2018 г.) в 2017 г.	0,6% , 1,1%
Уровень безработицы (март 2019 г.) в 2018 г.	17,6 %, 19,3%
<p>На 2019 год по показателю экономической свободы Греция занимала 106-е место в мире, в Индексе восприятия коррупции — 67-е место в мире.</p>	

Источники: TheHeritageFoundation, Transparency International

- © Текст: Виктор Ярошенко
- © Перевод: Димитрис Триантафиллидис

УХОДИ ИЗ ЭТОГО СНА*

.....
МАРИЯ ХУКЛИ — журналист, телеведущая. Закончила юридический факультет Университета Салоники, с 1987 года работает на телевидении. На протяжении трех десятилетий вела новостные выпуски на различных телеканалах, государственных и частных. Неоднократный лауреат премии «Журналист года». Автор двух поэтических сборников. Сейчас работает советником в канцелярии премьер-министра Греции.

Мария ХУКЛИ

Какая ирония! Термин «финансовый кризис» заимствован! Мы дали другим языкам слово «кризис», и они вернули нам его назад с большим процентом, чтобы мы смогли описать происходящее с нами в последнее семилетие. Всё это напоминает драматический поворот в сюжете древней трагедии.

Многое было сказано о причинах нашего падения. Были заполнены все клеточки в этой тёмной головоломке. Однако современная греческая драма по-прежнему напоминает театральную. Бесконечный ритуал, гибрис без катарсиса. Наше положение напоминает головоломку Сэмюэла Беккета. Те, кому удалось посмотреть «Счастливые дни», поймут, что я имею в виду. Как Винни, мы упрятаны в могильный холм, изобретая способы пережить день — всё те же неизменные дни, не в состоянии вырваться из тисков песка.

Мы говорим себе, что у нас нет больше сил, злорадно высмеиваем других и себя, терпим, настаиваем, ничего не ждем, наши конфликты кажутся ложными, мы говорим одно и то же, просто чтобы услышать свой голос, опасаясь пустоты молчания. Мы прошли через все этапы скорби о том, что мы потеряли — отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение — но спасение не пришло.

Как общество мы находимся на грани бытия с небытием, застывшие от собственного бессилия реагировать на что-либо, утонувшие в крупицах воспоминаний о прошлом (хоть и знаем, что оно не вернётся) и потерявшие всякую надежду на будущее, пусть даже не изобильное, но по крайней мере пристойное. Каждый новый день находит нас всё больше погружёнными в пещи забвения, и мы продолжаем так существовать без протеста, повторяя всё тот же ритуал, притворяясь, что жизнь идёт нормальным ходом.

Тем, кто говорит о параличе греческого общества, Беккет отвечает, напоминая комментарий Пруста: «привычка — наша вторая натура — заставляет нас игнорировать свою подлинную натуру и освобождает от её жестокости и её волшебства. Привычка смягчает страх, устраняет опасность. Она обеспечивает безопасность, однообразие, спокойствие».

Винни говорит иначе: «не лучше-не хуже, никаких изменений. Нет боли».

Чего нам недостает, почему мы не в состоянии выбраться из катастрофического водоворота? В нашем случае катастрофа — не мгновенное событие, а хроническое разложение. Каждый день нас приводит к разрушению вчерашнего — оставляя за нами лишь тропинку из пыли.

Целая гора толкований и трактовок: искажённое развитие со времён рождения греческого государства, пережитки 400-летнего османского ига, безрассудные политики и коварные иностранцы — недостаточна, чтобы успокоить нас. Экономический кризис превратился в многомерный кризис, потрясший общество и разрушивший его коллективные и индивидуальные суставы.

«Что такое время? Если мне не задают этого вопроса — то я могу на него ответить, но если кто-нибудь спросит меня, и я попытаюсь ему объяснить — тогда уже я не знаю ответа».

Эта цитата из «Исповеди» Блаженного Августина может характеризовать и нашу сущность. Пока никто нас о ней не спрашивает, нет никаких проблем в её определении — мы считаем её чем-то естественным. Проблема возникает, как только нас спросят или когда мы спрашиваем сами себя: «кто я, кто мы или что значит быть греками сейчас, сегодня?». Я знаю, конечно, что я не другой национальности, но что из этого? Кем мы хотим быть в XXI веке, в разгар этой глобальной неразберихи?»

Кто мы такие — как коллективы и как индивиды, каждый и каждая из нас? Теперь, когда границы исчезают, язык оцифровывается, правый авторитаризм практически не отличается от левого деспотизма, и промежуточное между ними политическое пространство зияет растерянностью, цивилизации трансформируются через взаимовлияние с «чужим», вызывают страх и боятся сами, работа стала невещественной, и производство товаров в нас не нуждается, безопасность пожирает свободу.

Когда-то твёрдое чувство идентичности, создавшееся посредством национальной истории, наших мыслей и наших действий, сочетавшее унаследованные элементы с теми, которые мы сами выбрали, истощилось и обесцветилось.

Всё то, что принадлежит к политическому, экономическому, социальному и экологическому прошлому, постепенно теряет свою форму. Всё изменяется постоянно и очень быстрыми темпами, радикально преобразовывая опыт человеческого существования, который является решающим фактором, позволяющим самоопределение.

Мы всё жалуемся, сваливая вину на глобализацию, но никто пока не способен предложить нужное лечение, лекарство, которое будет сильнее болезни, раз, по словам печального Андраде*: «the party's over, utopia didn't come, alone in the dark, like a wild animal, without tradition, without a naked wall to lean against, where to go now?».

Какие меры мы должны предпринять? Что мы — индивиды или коллективы — можем сделать, чтобы сохранить ядро своей идентичности до тех пор, пока новая эра не сформируется полностью? Канадский социолог Чарльз Тейлор предлагает продолжать полагаться на «могучие ценности» и «первоначальные блага», на всё, что противоположно материальным благам, на всё, что даёт нам хороший повод, чтобы жить и умереть, на ценности, которые относятся к самому бытию глубины веков. Образование и солидарность — это первое, что мне приходит в голову. Улучшать себя и в то же время дарить себя «другому», «значимому» человеку — вот предпосылки, позволяющие нам усовершенствовать себя.

Как отмечали великие философы, человеческая жизнь означает не только описание объектов, но и попытку придать смысл тому, что лежит на противоположной стороне. Это правило касается и идентичности. Она изменяется, она приобретает по ходу истории, она вытекает из нашего ответа каждый раз, когда мы задаёмся вопросом — «кто мы?».

Современная тенденция к гомогенизации устраняет человеческое разнообразие, разнообразие наций, языков и культур. Неопределённость делает нас бесцветными, пугает нас, и мы снова становимся дикими животными, как говорит Андраде. Но мы не можем вернуться назад к прошлому, к изоляции, к подозрительности, к враждебности, к докризисному блаженству безнравственной Греции. Нам нужно найти ответ на требование времени — как совместить национальную солидарность с глобальным прогрессом и сотрудничеством.

Большинство граждан находится в состоянии ярости, тревоги и страха, но хуже всего то, что люди разочарованы. Это действительно хуже, потому что ярость, тревога и страх — активные эмоции.

Что-то вибрирует внутри нас, и пусть даже это отрицательные эмоции. Что-то горит в нашем сознании — нам не нравится то, что происходит с нами, и мы хотим, мы стремимся это изменить.

Наоборот, разочарование — это пассивное состояние. Человек парализован, наблюдает с мрачной безразличностью за миром, шумящим вокруг него и не вызывающим в нем ни напряжения, ни внутреннего восстания и никакого намерения изменить причины своего дискомфорта. Даже когда он их осознаёт.

Мы прекрасно знаем, что нам не нравится, что не так, что именно является отклонением от нормы, тем не менее — споры прекратились, ссоры затихли и мы уже приходим к выводу, что спасения нет.

Волшебство исчезло, оголив даже то, что казалось лучшим.

Сто лет назад Макс Вебер говорил о расколдовывании мира (*disenchantment of world*), отмечая, что в западной цивилизации «волшебство» перестаёт быть методом спасения. Политическая рациональность вытесняет религию. Всевозможные боги могут выжить, но их сила по существу умирает с появлением государственных институтов.

Однако нас мало утешает теоретический подход к расколдовыванию мира. Он не может вылечить страдания всё большего числа людей, не имеющих возможности выразить свою дистимию. Никто не может их услышать, нет ни одной малой или большой силы, ни одной коллективной организации, которая могла бы облегчить их состояние, найти и предложить выходы из туманности новой эры, проскальзывающей мимо нас, уплывающей, как корабль, выбросивший нас на побережье.

В данный момент мы кое-как перебиваемся, живём по минимуму. В другие времена и по другому по-

воду, Кристофер Лас описал это так: «В трудные времена повседневная жизнь становится упражнением на выживание. Люди живут одним днем. Они редко оглядываются назад, опасаясь поддаться парализующей ностальгии. И в будущее заглянут только затем, чтобы охранить себя от катастрофы, которую почти все ожидают. В подобных условиях наше “я” становится видом роскоши, не соответствующим периоду аскетизма. Это чувство собственного “я”, прежде всего, связано с личной историей, с друзьями, с семьей, с принадлежностью к какой-то местности. В условиях осады человек сжимается сам в себе, как в своего рода оборонительное ядро, вооружаясь для борьбы с невзгодами. Эмоциональное равновесие требует минимального себя ...».

Мы всё время говорим и повторяем, что у нас не осталось, во что и в кого верить, что мы устали от насильственной адаптации к реальной жизни.

Этого недостаточно. Уильям Вордсворт посоветовал бы нам, что то, что нам нужно — это не желание веры, а воля к её поиску.

Кто и что может мобилизовать нас?

Мария Хукли,

известный журналист, телеведущая, ныне советник в канцелярии премьер-министра Греции

Примечания

- * Йоргос Сеферис. «Уходи из этого сна, как из кожи, иссеченной бичами». («Летнее солнцестояние», пер. М.Гаспарова)
- ** Карлос Друммонд де Андраде (1902 — 1987) — бразильский поэт, переводчик и журналист. Его именем назван аэропорт в Пампулье (Бразилия).

Перевод с греческого языка: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

© Текст: Мария Хукли

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

Василис ВАМВАКАС
Панагис ПАНАГИОТОПУЛОС

ГРЕЦИЯ В 1980-х годах и кризис будущего

ВАСИЛИС ВАМВАКАС (1971) — доцент Университета Салоники, факультет СМИ и коммуникаций. Учился в Афинах и в Лондоне. Кандидат наук Афинского университета.

ПАНАГИС ПАНАГИОТОПУЛОС (1971) родился в Париже. Выпускник факультета политических наук Афинского университета (Ecole et Sciences Sociates). Профессор Афинского университета, факультет политических наук.

ВАМВАКАС И Панагиотопулос регулярно публикуются в греческих и европейских газетах, являются авторами ряда монографий, а также соавторами «Политического, социального и культурного словаря 80-х годов в Греции». Курировали выставку «Греция 80-х».

Выставка «GR80s — («Греция восьмидесятых годов») в Технополисе привлекла десятки тысяч посетителей, дав им возможность ознакомиться с недавней историей страны. Помимо прочего, столь массовый интерес объясняется одним словом — ностальгией.

Действительно ли душа тоскует по тем временам? И в чем суть этого обращения к прошлому? Люди умиляются фотографиям или игрушкам тридцатилетней давности. Улыбаются, когда пьют чай из чашки с надписью «Новая демократия» или «ПАСОК», или восхищаются аплодисментами, когда в очередной раз смотрят на баскетбольную акробатику Никоса Галиса. Может быть, это выражение отказа от сегодняшней действительности или отчаяние перед будущим? Почему даже молодые люди, не жившие в то время, живо им интересуются?

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия встречается во всех современных обществах, она похожа на мозаику из воспоминаний сегодняшних экономически активных поколений о детстве — милом, травматичном, может быть, но не отпускающем. Социальные

психологи знакомы с этим явлением — тридцатилетними циклами, когда происходит возрождение моды или музыки на новом этапе. Поэтому 1980-е годы сегодня — основной объект ностальгических чувств во всём мире. Поколение, осуществляющее свои ценности, символы, власть, состоит из детей того периода.

Второй источник массовой ностальгии — то, что можно назвать глобальным кризисом будущего. По разным причинам, нынешний западный мир — бывший «первый мир» — в течение последнего десятилетия находится в упадке. Общества потребления деградируют. В одних случаях причина — в экономическом регрессе и впервые намечаемой маргинализации значительных социальных слоёв, в других — в недостаточной легитимности демократии, чему способствует цинизм элит, игнорирующих «социальный запрос» и безапелляционно проповедующих «мульти-

культурную революцию» без учёта чувств и условий жизни простых людей. И, наконец, последней причиной являются мифические или реальные изменения культурного равновесия, связанные с глобализацией.

ДВОЙНОЕ ОТСУТВИЕ

Эрозия современных стран происходит в результате двойного отсутствия:

а) фундаментальной уверенности, что будущее следующего поколения будет лучше предыдущего, и б) возможности человека проектировать своё будущее как оптимистическое, эффективно управляя текущими делами сегодняшнего дня.

В условиях бесперспективного будущего провоцируется инстинктивное возвращение к прошлому, к поискам истоков происходящего. Ностальгия оказывается обратным путем, убежищем в какой-то более простой, понятной, «картографированной» реальности, способной придать смысл существованию.

В Греции периода экономических и социальных трудностей, национальной маргинализации и драматического сокращения среднего класса различные институты духовной, символической и политической власти систематически ссылаются на сороковые годы. Речь идёт о дистопической ностальгии, возвращающей во времена немецкой оккупации или кровопролитий гражданской войны, в эпоху героизма, жертвенности, великого искупления. О целой системе кодов, которыми как бы поверяется настоящее. Чтобы мы смотрели на него с точки зрения Мелигалы и Граммоса, гестапо, голода, Никоса Белоянниса и Елени Пападаки¹.

По многим причинам этот подход, несмотря на его успех, относительную близость к социальной психике народа, сопротивляющегося несправедливости, на его националистическую составляющую, — так вот, он не в состоянии монополизировать ностальгию. До этого был аналогичный ностальгический бросок в тридцатые годы — он прорабатывался интеллектуалами на академическом уровне. Но очевидно, что восьмидесятые годы оказались самым важным пунктом

для психического посещения национального прошлого. Греция 80-х — это эмоциональное убежище, способное защитить от сегодняшних опасностей, это процветание и свобода, восторжествовавшие в то время.

Так или иначе, особенности 1980-х выходят за рамки национального контекста, они характерны для всего западного мира, и особенно для континентальной Европы: это последний и наиболее совершенный период сосуществования экономической и эмоциональной безопасности, сопровождаемый экспансией свободы. Этот период считается точкой равновесия между правом на наслаждение и самореализацию, с одной стороны, и устойчивой ориентацией на общественную жизнь, характеризующую стабильность международную биполярную систему и организованное социально-классовое разделение — с другой.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РИСК

1980-е годы — это последний период, когда коллективный риск и коллективные угрозы решались в рамках национального государства, и общество доверяло экспертам. В то же время — это первый период развития и распространения таких понятий, как индивидуальность, обожествление стиля, сарказм, культуре благосостояние. Это период уравновешенного сосуществования народной и интеллигентской культуры и слияния обеих с национальным и глобальным. Сегодня, в свете авторитарных дистопий, происходящих повсюду, в том числе и в нашей стране, ностальгия по восьмидесятым, кроме всего прочего, может послужить практикой усиления демократического сознания.

Перевод с греческого языка: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

Примечание

¹ Авторы ссылаются на события и лица периода Гражданской войны 1946-1949 годов.

© Текст: Василис Вамвакас, Панагис Панагиотопулос
© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

Высшее образование в Греции в период кризиса

Васо КИНДИ

Высшее образование играет значительную роль в политической жизни Греции. Так было и во времена диктатуры, но в еще большей степени — в период демократии. Университеты стали средой массовой политизации молодёжи, которая после окончания вузов укомплектовывала кадрами государственный сектор, частную экономику; в этой среде формировались и общенациональные политики.

Я сознательно использую прошедшее время, поскольку в течение двух-трёх последних лет процесс непрерывного износа и деградации дошел до предела.

В Греции существуют исключительно государственные вузы, поскольку Конституция запрещает учреждение частных высших учебных заведений — этот запрет вступил в действие в период диктатуры. Ни одна предыдущая Конституция (1864, 1911, 1927 гг.) такой

нормы не содержала. Даже введенная после гражданской войны Конституция 1952 года не запрещала функционирование частных вузов, хотя и ставила целью «образование и развитие национального сознания молодёжи на основе идеологического направления греко-христианской цивилизации».

Конституция, принятая диктаторами в 1968 году, впервые установила, что университеты являются общественными организациями, подчинёнными государству. Целью был тотальный контроль над персоналом, содержанием и характером преподавания. Концепция исключительно государственного характера высшего образования осталась и в Конституции 1975 года после падения хунты. Данная Конституция определяет целью образования развитие национального и религиозного сознания, запрещает учреждение негосударственных вузов как коммерческого, так и некоммерческого характера.

Примерно 70.000-80.000 студентов поступают в университеты ежегодно, а общее число тех, кто регулярно учится в течение последних пяти лет — от 270.000 до 280.000. В это число не входят так называемые «вечные» студенты — те, кто превысил предусмотренный законом срок обучения и до сих пор так и не сдал экзамены с проходным баллом. Общее число таких студентов составляло в 2014 году 328 742 чел. (источ-

ник: «Стратегия высшего образования в Греции, 2016–2020-е гг.» Министерства по делам образования, научных исследований и религии).

После диктатуры количество университетов в Греции выросло — основной целью было привлечь как можно больше голосов избирателей. На сегодняшний день существует 22 университета и 14 высших технических учебных институтов (ТЕИ), разбросанных по всей стране. Спрос на высокий уровень образования объяснялся не только тягой к грамоте и приобретению профессиональных навыков, но главным образом — была надежда, что получение университетского диплома гарантирует автоматическое назначение на государственную должность. В течение десятилетий тысячи учителей были назначены на работу в государственных школах на основе специального списка (так называемого «ежегодника»), в который они включались автоматически после получения диплома, без каких-либо дополнительных экзаменов.

Таким образом, главной целью образования стало получение диплома — в качестве «входного билета» на рынок труда, особенно в государственный сектор, хотя вузовский диплом не обязательно сопровождался конкретными знаниями и способностями.

Постепенно высшее образование в Греции превратилось в «труп». Учебный процесс деградирует: посещение университетских курсов не обязательно, а университеты стали своего рода лишь экзаменационными пунктами. Студенты получают свой диплом, бесконечно пересдавая экзамены — в Греции они имеют право сдавать экзамен по любому предмету неограниченное число раз, до тех пор пока их попытки не увенчаются успехом. Преподаватели утратили всякий интерес к самому процессу преподавания... Университеты оказались лишены своей главной —

образовательной функции и превратились в студенческий транзитный центр.

После диктатуры 1974 года студенчество было окружено героическим ореолом. Подавляющее большинство преподавателей вузов или сотрудничали, или были лояльны к репрессивному режиму «черных полковников», в то время как студенты с их протестами, завершившимися восстанием в Политехническом институте в ноябре 1973 года, превратили свои кампусы в очаги сопротивления, защиты демократии и распространения левых идей. Они оказались единственной социальной группой, которая противостояла военной диктатуре масштабно и продолжительно — других примеров массового протеста граждан в Греции не было. После падения хунты главные действующие лица, боровшиеся против неё, укомплектовали собой ряды партий, которые продолжали привлекать членов и кадры из среды студенческих ассоциаций вузов. Студенческие фракции, особенно те, которые были связаны с левыми партиями, обрели большое влияние, официально подтверждённое позже, при правительстве Андреаса Папандреу в 1982 году, и стали участвовать в управлении вузов наряду со своими преподавателями, которых оценивали в зависимости от их политических убеждений.

Таким образом, университетское самоуправление контролировалось преимущественно политическими группами, которые заключали сделки между студентами, преподавательским составом и администрацией. Постепенно эти сделки, особенно касавшиеся избрания ректоров, приняли откровенно партийный характер, так как в рамках студенческого движения усилились фракции, тесно связанные с правящими правыми и социал-демократическими партиями.

Университет превратился в поле политического противостояния. Если нужно было оказать давление на правительство со стороны оппозиционной партии, даже по вопросам, не касающимся образования, — эта партия мобилизовала свои студенческие фракции и профсоюзы, доходя до таких крайностей, как захват факульте-

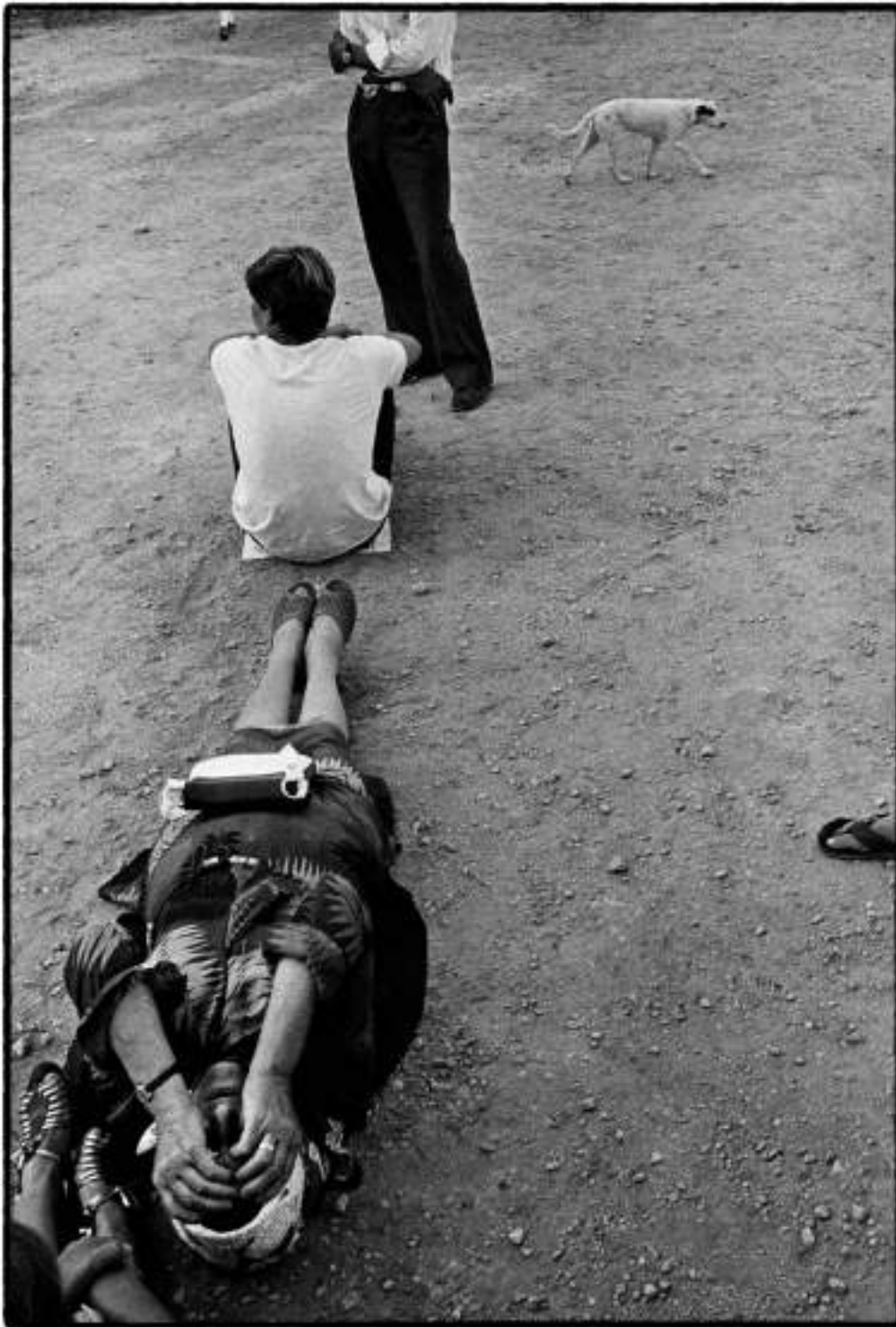
тов, блокада институтов, порча университетского имущества и т.д.

Отрицательную роль сыграла и концепция «академического убежища», то есть подход к университетскому кампусу как к «священной роще», где недопустимо присутствие или вмешательство правительственных, а тем более силовых органов. Во времена диктатуры власть не имела права врываться на танках на территорию политехнического института, чтобы арестовать протестующих студентов. Демократическое же правление страны, вследствие ошибочной аналогии, считало, что любое вмешательство, даже если оно касалось дорожного происшествия на территории университета, является недопустимым произволом против университетского самоуправления.

Поскольку во всей греческой образовательной системе, в том числе и в университетах, после 1981 года не существует процедуры оценки и отчётности работы кадров, надо иметь в виду, что «самоуправление» — это произвол тех, кто считает университет своей собственностью. Закон об убежище, предусматривающий вызов полиции в университет в случае преступных действий при условии согласия студентов, практически никогда не применялся, поскольку студенты — всегда «против», а не «за». Несмотря на призывы университетских администраций допускать полицию в случае незаконных операций на территории кампуса, ничего не менялось. Хотя СМИ неоднократно сообщали о крупномасштабной контрабанде в университетских кампусах, торговле наркотиками, перестрелках, грабежах, кражах, незаконных захватах университетских аудиторий, насилии, угрозах и вандализме...

Капитуляция университетов перед разными группами, которые в них распоряжаются, отсутствие отчётности, общее беззаконие, обесценивание академической функции культивировали посредственность, исполнительский подход к учёбе, лишаящий молодых людей возможности оказаться в более меритократической и благоприятной среде.

В 2011 году, с принятием закона 4009, была сделана попытка реформ, — с целью скоординировать греческое высшее образование с европей-

ским. Были введены давно установленные в мире нормы: процедуры постоянной оценки и отчётности, профессиональное управление имуществом вузов, назначение органов контроля и надзора, усиление академической функции университетской жизни.

Эти реформы были встречены не просто недовольством, но бешеным сопротивлением групп, интересы которых были затронуты. Эти группы согласовывали свои действия с оппозиционными правительству политическими силами. В конечном итоге университеты превратились в поле боя. Начались незаконные захваты университетских помещений, поднялись чёрные флаги, были отмечены случаи похищения избирательных урн при участии членов академического сообщества и лиц, не относящихся к университету, с целью отмены нового закона. Главную роль в беспорядках сыграли ректоры, а также члены партии СИРИЗА, которые впоследствии стали министрами. В результате многих попыток прийти к компромиссу

закон 4009 был введен в изуродованном виде и действовал недолго, после чего был отменён правительством, идеологически настроенным против отличия, меритократии, явности, гласности и независимости. Греция могла бы стать полюсом притяжения в отдельных дисциплинах высшего образования, таких как древняя и византийская история, археология, античная философия, теология, а также в области медицинских исследований, информационных технологий, сельского хозяйства и энергетики. Страна могла бы включиться в международные проекты, привлекать студентов и учёных со всего мира. Но при существующем положении вещей родители предпочитают отправлять детей в зарубежные университеты.

Власти упорно отказываются пересмотреть Конституции, чтобы разрешить учреждение негосударственных университетов, что помогло бы вернуть обучению его главную составляющую — академическую.

Перевод с греческого языка: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

© Текст: Василис Васо Кинди

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

ВАСО КИНДИ (1957) — выпускник химического факультета Афинского Университета и Отделения истории науки и философии Технического Университета Афин. Сегодня является доцентом отделения методологии и теории науки философского факультета Афинского Университета. Учредитель и главный редактор журнала «Cogito». Автор многочисленных статей и монографии. Активно участвует в политической жизни Греции.

Афинские встречи: Нелли Папахела

Сейчас, после муниципальных выборов 2019 года, Нелли Папахела возглавляет один из самых больших муниципалитетов в Пирее. А на момент нашего разговора госпожа Папахела была председателем городского совета Афин. Дружелюбная, открытая, улыбчивая женщина в ярко-красном шарфе, в кафе, где мы договорились встретиться, она пришла пешком. На удивленный вопрос «Без охраны?!» она только удивленно рассмеялась.

— **Расскажите о вашем необыкновенном городе, каким вы видите его будущее?**

— Когда я была девочкой, люди ходили в парки, общались; двери никто не закрывал. Я хотела бы, чтобы жизнь была открытой, чтоб люди общались, участвовали в общей жизни, помогали бы друг другу — и от этого жизнь становилась бы полнее и дружелюбнее. Никакой мэр, никакое городское муниципальное собрание депутатов ничего не сделают, если горожане не захотят устроить свою жизнь удобнее и достойнее.

Название *Афины* относят к общине Афины, Большим Афинам и афинской городской агломерации. Население всей агломерации — больше четырех миллионов жителей, а многие говорят о пяти миллионах, включая тех, кто не зарегистрирован, мигрантов и нелегалов.

Надо сказать, что в Афинах очень мало коренных жителей, тех; кто родился в этом городе, всего 2-3%. А таких, у кого и родители здесь родились, совсем мало.

Это проблема: горожане не родились, не выросли здесь, они не знают города. Но они должны научиться любить город, знать его историю, его географию и топографию: не бродить по навигаторам. Но многие люди не знают и не очень-то стремятся узнать; они знают ближние локации, свой дом, магазины вокруг, свою таверну, знают дорогу к родственникам, на работу, в школу, парковки... Они даже в знаменитых музеях наших не все бывали. Поэтому в соцсетях возникают группы, где люди рассказывают истории своих районов, локаций, интересных мест города...

Греки любят, когда город, отдельные районы проводят фестивали, праздники, поют народные песни, танцуют...

— Что бы вы могли рассказать нам об особенностях местного самоуправления?

— У нас в конституции есть статья, что местное управление вправе самостоятельно вводить местные налоги; но ни одно правительство еще не пожелало соблюдать эту статью. Статья есть, но чтобы сделать ее действенной, нужно принять несколько законодательных актов, которые обеспечивали бы ее исполнение, регламентировали бы, например, каким образом будут собираться эти местные налоги. То есть, в конституции записано, а в действительности ничего этого нет.

— Что вас как одного из руководителей города волнует больше всего? О чем больше всего голова болит?

— Наркотики, которые у нас продают практически открыто, особенно в центре Афин и там, где собираются мигранты. У нас и прежде была эта

проблема, но с приездом многих тысяч мигрантов она резко обострилась.

Неблагополучие (так исторически сложилось) располагается из самого центрального места Афин — рядом с Политехническим университетом. Недалеко от того места, где мы с Вами сидим, буквально каждую пятницу, субботу и воскресенье происходят столкновения между анархистами и полицией.

Согласно нашим законам, полицейские внутри высшего учебного заведения не имеет права войти, и этой университетской автономией злоупотребляют все.

Так сложилось исторически — еще со времен борьбы с «черными полковниками» — что именно в центре Афин возникли эти резервации анархистов.

Они выходят оттуда, бузят, устраивают бесчинства, продают наркотики и возвращаются в свои зоны. У нас это такая взрывоопасная смесь, у всех ожидание, что будет что-то плохое — есть такое ощущение.

И еще у нас очень острый вопрос — чистота города. Афины буквально завалены мусором. К нам приехали многие тысячи мигрантов, представители иных культур, у которых другие «ценности», другие «обычаи», если хотите — другие «нормы поведения». У нас стало просто очень грязно. В некоторых районах остро встают вопросы санитарного состояния города.

— И что же вы, городская власть, делаете в этой непростой ситуации?

— Сначала нужна политическая воля для решения этих проблем, и лишь потом можно будет принимать верные решения. Для этого Нужны средства и люди, способные их выполнять и контролировать.

Например, в отношении миграционных потоков: здесь проблема не столько даже в деньгах. Есть очень много денег, которые дает Европейский Союз, есть различные программы ЕС, предназначенные для обслуживания этого потока мигрантов. Но правительство не сумело воспользоваться этими деньгами, не сумело подготовить проекты, графики исполнения по соответствующим правилам —

ведь эти деньги мы непременно должны вернуть обратно. У нас начинают ворчать о «брюссельских бюрократах». Но ведь за деньги нужно отчитываться. Они ведь не дают деньги просто так: вот берите сколько хотите, потому что вы, греки, хорошие ребята. Там есть строгие процедуры и правила, которые наши ведомства просто не умеют исполнять.

У мэрии Афин были очень конкретные предложения, ведь она к тому же дает землю, разрешения на размещение объектов, на строительство: а это самое главное, земля у нас очень дорогая. Чтобы построить необходимые объекты, создать инфраструктуру для приема мигрантов и их обустройства — в первую очередь нужно выделять землю. Город Афины готов дать землю, но взаимодействие оставляет желать лучшего.

Получается парадокс: мэрия ответственна за всё — и ни за что.

Мэрия распоряжается материальными объектами: школами, спортивными площадками и пр. Отремонтировать, покрасить, заменить оборудование, трубы, электропроводку. Но мэрия не может вмешиваться в вопросы образования; это прерогатива Министерства образования. В медицине — то же самое. Таков порядок.

Есть здания, которые, по мнению археологической службы, имеют значение для истории города. И рядом с таким зданием ничего построить нельзя, возле него нельзя копать, ставить какой-то павильон, ларек и пр.

Еще одна забота города — транспорт, дороги, которые надо содержать в надлежащем состоянии. У нас этим занимаются сразу многие ведомства. Есть улицы, которые принадлежат городу, мэрии; есть принадлежащие министерству инфраструктуры или министерству транспорта, есть те, что в ведении регионального правительства, местного совета...

Например, неподалеку улица, на которой находится мэрия Афин. Дорога перед мэрией принадлежит министерству транспорта. И мэр города не может отремонтировать улицу, на которой стоит здание мэрии. Город Афины разделен между множеством ведомств. Чтобы отремонтировать площадь, надо получить разрешение от археологи-

ческого департамента, от энергетического, от департамента охраны природы. Иногда даже нужно попросить разрешения у местного храма, если он находится неподалеку.

У мэрии большая ответственность в оказании социальных услуг — они каждый день кормят тысячи людей, которые живут «за чертой бедности». Люди, у которых нет дохода, приходят трижды в день и получают свою еду. Деньги на это выделяет город, правительство, разные европейские программы. И я не могу сказать, что таких людей становится меньше.

Мэрия дает разрешение и лицензии на постройку ресторанов, баров, кафе, увеселительных заведений.

— Но там, где дают такие разрешения, часто гнездится коррупция.

— О да! Поэтому общение граждан с мэрией организовано максимально безлично, в электронном виде — без непосредственного контакта между служащими мэрии и гражданами, все решения публикуются на сайтах, все открыто. Но скандалы время от времени вспыхивают.

«Есть ли у вас знакомые в мэрии?» — это частый вопрос и важная опция в Греции. Наше законодательство все бюджетные работы заставляет проводить через тендеры. Но люди находят «обходные» пути, чтобы проталкивать свои интересы. Каждый год меняется законодательство о тендерах. Но кроме законов должно быть еще множество министерских постановлений и распоряжений — целый лес, в котором только юристы и ориентируются...

— За кого голосуют ваши пенсионеры?

— У нас есть своя специфика политической системы. Например, работают люди в Афинах, но живут в разных местах по всей Аттике. Большинство старожилков — мелкие и средние буржуа. Когда-то они уехали из Афин в пригороды, к морю, на побережье или на север, к горам. В результате центр города опустел, его захватили приезжие, бедняки, бездомные, анархисты. Теперь мы прилагаем огромные усилия для восстановления центра.

Традиционно город Афины голосует довольно консервативно.

Городской кабинет состоит из людей разных политических взглядов, которые занимаются исключительно местными вопросами и хотят работать именно в местном самоуправлении, не рассчитывая и не желая стать депутатами парламента.

— Как работает городской совет?

— Городской совет регулярно, два раза в месяц собирается и решает вопросы местного самоуправления — от ремонта улиц, улучшения парковых зон, преобразования школ до обустройства кладбищ. В общем, все множество вопросов городской жизни.

Рассылается повестка дня: проекты решений, документы. Есть вопросы, для решения которых надо получить три пятых голосов. Чаще всего требуется консенсус. В Городском совете преобладает стремление к консенсусу.

В совете 49 мест, 29 из них принадлежат фракции, победившей на выборах. Мэр, который избирается всеми жителями города, обладает правом выдвигать свои предложения, высказываться «за» или «против» по любому вопросу, но он не голосует.

Советы существуют и в городских районах. Там тоже граждане работают на общественных началах, не получая зарплаты. Они решают все вопросы местной жизни.

— Местные советы и городской совет — как они взаимодействуют?

— Очень многие вопросы обсуждают сначала в местных советах и предлагают горсовету решение.

— А может быть конфликт местного совета и центрального?

— Это всегда конфликт! Жители предлагают решение горсовету, который не может пойти против решения местных советов.

Мэрия — это та власть, которая определяет, какого типа пользование будет у данного участка земли. В Афинах нельзя построить торговый центр на том месте, где было решено построить школу. Есть закон, он соблюдается, — какие-то заведения нельзя открывать в жилых кварталах. Совет приглашает граждан на заседания, чтобы они высказали свое мнение. Правда, есть болтуны, которые всегда хотят быть на арене. Есть и ультраконсерваторы, которые не хотят ничего изменять, ничего строить. Есть и профессиональные ультраправые, которые всегда против всего нового.

У нас существует и другая серьезная проблема: многие министерства и ведомства вообще не платят местных налогов, и город должен их содержать за свой счет. Государство городу не платит, хотя земля Афин принадлежит городу. У нас прежде было так: после гражданской войны лицензии на ларьки, маленькие лавочки давали сразу ветеранам и инвалидам, которые воевали против коммунистов. Награда такая. Со временем развился целый бизнес по перепродаже этих лицензий. С этим борется городская власть.

© Текст: Виктор Ярошенко

© Перевод: Димитрис Триантафиллидис

© Фото: Виктор Ярошенко

НАСИЛИЕ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ В ГРЕЦИИ

Триантафиллос КАРАТРАНТОС

В последние годы в научной дискуссии о терроризме господствует понятие радикализации, сопровождающееся разнообразными и противоречивыми определениями. Особенно проблематичным является обсуждение идеологического и политического подстрекательства

• ТРИАНТАФИЛЛОС КАРАТРАНТОС (род. 1982 г.) — специалист по вопросам безопасности и международным отношениям. Выпускник Афинского и Эгейского университетов. Кандидат наук, профессор Академии Национальной Безопасности Греции, научный сотрудник Центра Исследований по безопасности. Член редколлегии журнала «The Books Journal». Автор трех монографий и многочисленных статей в греческих и европейских газетах и научных журналах.

к радикализации, где возникает риск — рассматривать принятие радикальных политических позиций как синоним насильственных и террористических действий, что далеко от реальности. В структурированной дискуссии о терроризме и политически мотивированной радикализации мы должны, с ценностной и методологической точек зрения, признать тот факт, что существуют разные пути и механизмы, ведущие к радикализации, в то время как процесс выявляется по-разному, для разных индивидов, в разное время и в разных обстоятельствах.

На самом деле, трудно и методологически проблематично подходить к радикализации как к теории широкого спектра. Однако есть три основные особенности насилия и радикализации, и с этим согласны большинство исследователей:

- а) принятие крайней идеологии, которая придает индивиду идентичность и жизненную цель;
- б) убеждение в необходимости насилия для достижения цели и

в) использование насилия для продвижения идеологии.

В Греции радикализация в основном политически-идеологически спровоцирована и в конце концов доходит до насильственного экстремизма и терроризма.

Подход к понятию радикализации

Существует много причин и путей, которые могут привести человека к терроризму и вооружённым действиям, поэтому мы должны не просто настаивать на очевидном факторе религии или политической идеологии, а обязаны сосредоточиться на совокупности факторов и причин, чтобы объяснить, почему молодые люди совершают террористические акты в своих странах, убивая сограждан, а в некоторых случаях — и самих себя. Научные исследования говорят о том, что всё начинается с радикализации. Она возникает, когда человек чувствует себя разочарованным в жизни, в своем положении в обществе или в действиях своего правительства. Он встречает других людей с подобными же взглядами и вместе с ними — через ряд событий и этапов — может быть доведён до крайней стадии, когда прибегнет к насилию и терроризму.

Следует, однако, уточнить, что не все лица приходят к терроризму и насильственному экстремизму. Напротив, большинство не доходят до финальной стадии, многие останавливаются на ранних этапах.

Исследователи и правоохранительные органы используют различные — зачастую противоречивые — определения радикализации. В одном из наиболее интересных подходов Рэнди Борум придерживается термина «радикализация, ведущая к насильственному экстремизму» (radicalization into violent extremism, RVE), определяя ее как «процесс, посредством которого люди, в конечном итоге, приходят к убеждениям, согласно которым не только оправдывают насилие, но и применяют его, а также — это способ трансформации мысли в действие»¹.

ФБР определяет радикализацию как «процесс, посредством которого индивиды в конечном итоге полагают, что их участие в незаконном акте насилия для достижения социальных или политических изменений необходимо и оправданно»². Согласно немецкой прокуратуре, радикализация — это «переход отдельных лиц или групп к экстремистским идеологиям и действиям и их готовность участвовать недемократическими методами с использованием насилия для достижения своих целей»³. Голландская служба безопасности (AIVD) определяет радикализацию как «растущую готовность добиваться и/или поддерживать — и при необходимости применять недемократические средства для обеспечения цели — экстремальные изменения в обществе, которые противоречат или угрожают демократическому порядку»⁴. Датская разведывательная служба (PET) фокусируется на «насилии и радикализации», которую она определяет как «процесс, посредством которого человек всё больше поддерживает использование недемократических или насильственных средств, включая терроризм, для достижения конкретной политической/идеологической цели»⁵. В контртеррористической стратегии Соединенного Королевства (CONTEST) радикализация упоминается как «процесс, посредством которого люди поддерживают терроризм и насильственный экстремизм, а в некоторых случаях, вступают в террористические группы»⁶.

В общем, радикализация определяется как процесс принятия экстремистской системы ценностей и намерение использовать, поддерживать или содействовать насилию и страху как методам внесения изменений в обществе. Принятие необходимости насильственного навязывания обществу их восприятия посредством применения насилия или наказания «других» за их поступки и убеждения является заключительным этапом процесса радикализации. Такой процесс может происходить в рамках любой экстремистской группы — ультралевой, ультраправой и даже среди фанатичных экотеррористов — но в то же время он не обязательно приводит к терроризму и применению силы. Экстремизм определяется как чрезмерно вос-

паленное восприятие и переход к действиям, выходящим за рамки норм и законов.

Мы можем выделить пять основных категорий радикализации:

1. Антикапиталистическая, левая и анархическая.
2. Ультраправая, фашистская, неонацистская и националистическая.
3. Религиозно-мотивированная, которая обычно пропагандирует религию как фактор политических и социальных изменений.
4. Крайне радикальная экология и борьба за права животных.
5. Тематическая радикализация, касающаяся крайних движений, специализирующихся на достижении определённых целей, как например, противодействие аборт, феминизму или правам сообщества ЛГБТ.

Политически подстрекаемая радикализация и насилие

В Греции радикализация, ведущая к насильственному экстремизму и терроризму, в значительной степени подстрекается политически, поэтому в ходе научных дебатов акцент должен делаться на политическом аспекте радикализации путём включения его в более широкие научные дебаты о политическом насилии.

Термин «радикализация» появляется в рамках исследования политического насилия в развитых демократических странах в 1970-х годах с целью интерпретировать интерактивные и процедурные процессы формирования насильственных, зачастую секретных, групп. В рамках этой теории радикализация рассматривается как реальное использование насилия, когда наблюдается эскалация ее интенсивности. Делла Порта определяет политическое насилие как коллективные действия, которые государством считает незаконными. Они предполагают физическое насилие, чтобы нанести ущерб противнику для достижения своих политических целей⁷.

Сефериадис и Джонстон утверждают, что политическое насилие возникает во времена «конфликтной неуместности» (conflictual irrelevance), в периоды, когда либо коллективы и группы не могут убедительно выразить свои жалобы и претензии (недостаток организации), либо власти и государство не могут или не желают реагировать на их требования (дефицит реформ). В случае совпадения этих двух периодов насилие распространяется как реакция на политическую несостоятельность⁸.

При попытке стандартизации политического насилия Чарльз Тилли использует в качестве критерия классификации «кратковременный ущерб», подразумевая степень, которой насилие характеризуется как акт в целом, а также как степень «сотрудничества насильственных субъектов»⁹. Со своей стороны, Делла Порта создала собственную типологию, используя в качестве переменной величины степени насилия: низкий уровень (против предметов) и высокий уровень (против отдельных лиц), а также степень организации действующих лиц (спонтанное и организованное насилие). С помощью этих переменных величин она определила четыре категории:

- а) неквалифицированное насилие (низкая интенсивность и дезорганизация),
- б) полувоенное насилие (низкая интенсивность, но более организованное),
- в) автономное насилие (плохо организованное и спонтанное) и
- г) конспиративно-подпольное насилие (высокий уровень и хорошо организованное)¹⁰.

В подобном контексте политически мотивированная радикализация (согласно Della Porta и LaFree) — это «изменение восприятий, касающихся поляризованных и абсолютных интерпретаций господствующего положения, и выражение все более радикальных задач и целей. В этот процесс включаются враждебность и взятие на прицел социальных групп, учреждений и государственных структур, а также всё более широкое использование насильственных средств»¹¹.

Fight between members of fanatic Orthodox organizations

© Фото: Никос Экономпулос

Радикализация и политическое насилие в Греции

Как показывает история современной Греции, применение и принятие насилия в качестве законного средства для разрешения социальных конфликтов и политических разногласий — отнюдь не новое явление. Стелиос Рамфос утверждает, что это явление возникло в результате враждебного отношения граждан к государству, что и привело к формированию «фобической национальной идентичности»¹². Однако то, что оправдывает особое внимание, уделяемое в последние годы к исследованиям и публичным дискуссиям о политическом насилии, экстремизме и терроризме в Греции — это, по мнению Андреаса Пантазопулоса, попытка «узаконить его с помощью продвигаемого согласия на насильственные кинематические действия»¹³.

После Второй мировой войны Греция вдобавок претерпела еще и гражданскую войну и военную диктатуру. Результатом этих двух интенсивных и травматических политических событий стало постоянное проявление насилия как результата политически мотивированного (ультра-левого и ультраправого) процесса радикализации, при котором наблюдались бурные вспышки, нередко происходящие в форме реваншизма, ответа и возмездия — как коллективного, так и индивидуального — посредством действий, описанных в специальной литературе как «политическая вражда» или «межличностное насилие». Статис Каливас провёл углублённое исследование политического насилия в контексте гражданской войны и её последствий, главным образом, из-за насильственного конфликта на местном — индивидуальном уровне, где политика и личная идентичность взаимодействуют динамически: «гражданские войны не являются конфликтами между двумя силами, а сложными и неоднозначными процессами, формирующими совместное действие местных и субместных факторов, граждан и армий, альянс которых приводит к насилию, которое отражается в их дифференциальных задачах и целях»¹⁴. Результатом этого процесса, описанного Каливасом,

является горизонтальное и вертикальное рассевание использования насилия в качестве средства интенсивного политического выражения в греческом обществе в течение нескольких десятилетий.

Другой научный подход, который может осветить консолидацию насилия как средства крайнего политического выражения в Греции, — это теория культурных травм, в рамках которой наиболее типичным случаем является гражданская война. Она, согласно Никосу Демертзису, может быть истолкована как культурная травма, поскольку включает в себя три фундаментальных компонента этой концепции: память, эмоции и идентичность. Демертзис утверждает, что гражданская война «повлияла на коллективные воспоминания, коллективное сознание и организационные принципы греческого общества, переориентировав их направление на протяжении десятилетий. Это не могло бы осуществиться прямым и непосредственным способом — в процессе селективного социального строения греческая гражданская война становится характерным примером культурной травмы посредством «переживания травмы». Это семантический процесс, заполняющий пробел между фактом и его представлением в сознании через драматический процесс травмирования — отдельные индивидуальные болезненные переживания превращаются в культурно-социальное событие, которое мы называем «культурной травмой»¹⁵.

«Травма» гражданской войны ограничила публичную дискуссию в Греции рамками воспроизведения «философии» насилия, породившей его, которая через «фрагментированную» память была частично передана последующим поколениям. Таким образом, образовалась небольшая трещина, послужившая «оправданием» насильственных действий со стороны экстремистских организаций, которые «мотивировали» их, ссылаясь на продолжение гражданской войны. Этот процесс стал более интенсивным при сопротивлении военной диктатуре периода 1967–1974 годов, создав «идеологически навязчивую» почву для экстремальных и насильственных на-

строений как левых, так и правых, культивировавших продолжение борьбы против «хунты, которая не закончилась в 73-м году». Димитрис Психиогос утверждает, что насилие в Греции «проявляется в связи с общественно-политическими событиями, но имеет культурные корни. Оно распространяется посредством риторики политических лидеров, основанной на ненависти, но укореняется из-за восторженного отношения к военным подвигам реальных или воображаемых предков. Эта «воинственная призма подхода к истории, которую правые интерпретируют как военную доблесть греков, а левые – как сопротивленческий дух нации»¹⁶.

Со своей стороны, Гиоргос Кассимерис считает, что насилию принадлежит доминирующая роль в политической культуре нашей страны, утверждает, что «у каждого общества есть свои собственные символы, формы и образы, которые были сформированы и созданы с течением времени. В греческой политической культуре вооружённая конфронтация и непосредственные насильственные действия против политико-социального строя применялись в качестве средства выявления оппозиционных взглядов и несогласия со стороны отдельных лиц или групп, выступающих против политической системы»¹⁷.

Наконец, Петрос Папасарантопулос полагает, что корни политического насилия необходимо искать в том, как политическая система страны была структурирована с 1974-го года, так как она создала благодатную почву для возникновения политически мотивированного и оправданного насилия и насильственного экстремизма со стороны ультралевых и ультраправых. Как отмечает писатель, «корни явления нужно искать в самом построении политической системы страны после 1974 года. Основываясь на конфликтном принципе и на инструментальном подходе к демократии, оно сформировало «катастрофическую идеологию периода после диктатуры». Таким образом, была создана благоприятная почва для политического насилия, порожденного правым и левым экстремизмом. Постепенно был образован гибридный национализм-популизм, через который различие между пра-

выми и левыми исчезло окончательно. Вследствие этого получилась взрывная смесь, своего рода бомба замедленного действия — отсутствие общественного договора, условий незавершенности прошлого и популизма»¹⁸.

Три этапа насильственной радикализации в период после диктатуры в Греции

При попытке периодизации политически мотивированной радикализации, ведущей к экстремизму и терроризму в Греции в период после диктатуры, можно выделить три отдельные фазы, определяемые временными фазами и тремя важными социально-политическими событиями (период после распада диктатуры, декабрь 2008 года, период меморандумов):

1). Постдиктаторский период: ультралевый экстремизм и терроризм, ультраправое насилие (поначалу — террористические акты и позже, в восьмидесятые годы, экстремизм относительно низкой интенсивности).

2). Постдекабрьский период (после событий декабря 2008 года): ультралевый экстремизм, анархистско-нигилистический терроризм, ультраправый экстремизм.

3). Период меморандума (период фискальной корректировки в стране и увеличения миграционных потоков): ультралевый экстремизм, анархистско-нигилистический терроризм, ультраправый экстремизм.

Каждая из этих трёх фаз характеризуется событиями, которые стали катализаторами эскалации мотивированной радикализации с обеих сторон:

1. Постдиктаторский период: переход к республиканскому порядку, «судебный процесс над инициаторами хунты».

2. Убийство Александроса Григорулоса, массовые и жестокие демонстрации в декабре 2008 года.

3. Вступление страны в период фискальной корректировки, увеличение миграционных потоков, конфронтация в районе Агиос Пантелеймо-

нас между иммигрантами и местными жителями, массовые демонстрации «возмущённых граждан», убийство Манолиса Кантариса, убийство рэпера Павлоса Фиссаса (Kilah P), а также убийство членов «Золотой зари» Лампроса Фонтулиса и Манолиса Капеллониса.

Соответственно, на каждом этапе были надлежащие «идеологические» обоснования радикализации:

1-й этап:

Ультралевый терроризм: во имя справедливости и наказания за преступления военной хунты, поддерживаемой США, пробуждение и восстание пролетариата за свержение политической системы и создание ленинско-коммунистического режима.

Ультраправый терроризм-экстремизм: сопротивление опасности, исходящей от социализма, поддержка идеологических основ хунты, выступление за национальную «чистоту», враждебность к иммигрантам, антиамериканизм и антисемитизм.

2-й этап:

Ультралевый экстремизм — анархический терроризм: революция и война против государства, насильственный ответ на государственное насилие и репрессии.

Ультраправый экстремизм: защита чистоты нации и враждебность к иммигрантам, реакция на ультралевый экстремизм, антиамериканизм и антисемитизм.

3-й этап:

Ультралевый экстремизм — анархический терроризм: революция и война против государства, насильственная реакция на государственное насилие и репрессии, насильственная реакция на жёсткие экономические меры, защита эмигрантов и реакция на ультраправый экстремизм.

Ультраправый экстремизм: защита чистоты нации и враждебность к иммигрантам, исламофобия, реакция на ультралевый экстремизм и на исходящую от коммунизма и социализма опасность, реакция на жёсткие экономические меры, крайний национализм против вмешательства Германии и ЕС во внутренние дела страны, антиамериканизм и антисемитизм.

Выводы

В Греции крайне ограничена литература, посвящённая радикализации и экстремизму. К счастью, в последние несколько лет отмечается издание новых, довольно смелых книг и статей о политическом насилии и гражданской войне, но в то же время — меньше о терроризме. Однако дискуссия остаётся по-прежнему ограниченной. В навязчивом идеологическом контексте оправдывается насилие и не стесняется ставить под прицел всех учёных и исследователей политического насилия в Греции, использующих другой интерпретационный подход, согласно которому оспаривается господствующее различие между «хорошим» и «плохим» насилием. Характерно, что манифесты заключённых и до сих пор нераскаявшихся террористов подвергаются критике профессоров, систематически исследующих период гражданской войны.

Вышеописанное проблематичное положение относительно насилия и политически мотивированной радикализации в Греции приводит к объяснению интересного факта: в то время, как наблюдается эскалация публичной и научной дискуссии по вопросам исламского терроризма и радикализации, не происходит относительно политически мотивированной радикализации, ничего подобного ведущей к экстремизму и терроризму. Нужно смотреть правде в глаза. В данный момент исламистский терроризм не является самой большой угрозой для Греции, но это не означает, что правоохранительные органы не должны проявлять бдительность. Исламистский терроризм — многогранный феномен, который развивается динамично. Кроме того, его связь с миграционными потоками особенно актуальна, точно так же, как движение «иностранных боевиков» в зоны боевых действий на Ближнем Востоке, в Северной Африке — и обратно.

Самый большой риск для Греции связан с внутренним политически мотивированным терроризмом. Кровь жертв террористических атак в Греции ещё свежа, в то время как «Заговор Огненного Ядра», согласно европейским органам безопасно-

сти, является в Греции самой активной террористической организацией на данный момент.

Мы должны быть реалистами и признать факт, что политически мотивированный терроризм — самая важная угроза для внутренней безопасности Греции. Гражданская война закончилась в 1949 году, военная диктатура рухнула в 1974 году — и психологические и культурные травмы, возникшие в результате этих двух периодов и, в свою очередь, породившие миф о «хорошем» и «плохом» насилии и проложившие путь политическому терроризму, в скором времени должны быть окончательно исцелены.

Насилие, экстремизм и терроризм — либо политически (ультраправого, ультралевого или анархистского характера), либо религиозно мотивированные и оправданные — создают угрозу нашей демократии, угрозу безопасности для нашего общества и культуры. Осознание этого факта может быть достигнуто только посредством научной дискуссии, свободной от благоговения перед навязчивыми идеями и святыми «жертвами». В течение последних десятилетий научно-исследовательское сообщество предоставляет нам всё больше и больше исследовательских инструментов для систематического изучения насилия и его политического импульса. Методологический способ познания процесса радикализации может внести существенный вклад в организацию структурированного и научного диалога о насилии в Греции.

*Перевод с греческого: Ольга Деллатола,
Стилианос Деллатола*

© Текст: Триантафиллос Каратрантос

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

Примечания

- ¹ Randy Borum, Radicalisation into Violent Extremism I, a review of social sciences theories, *Journal of Strategic Security*, Vol. 4, Issue 4, 2011, σελ. 8.
- ² Donald Van Duyn, Deputy Assistant Director, Counterterrorism Division Federal Bureau of Investigation Testimony in the House Homeland Security Committee Subcommittee on Intelligence, Information Sharing, and Terrorism Risk Assessment Washington, DC, 20 Σεπτεμβρίου 2006.
- ³ Dorle Hellmuth, *Countering Islamic Radicalisation in Europe*, Combating Terrorism Center, 14 Ιανουαρίου 2013.
- ⁴ Dutch Security Service (AIVD), 2005.
- ⁵ PET, "Radikalisering og terror," Center for Terroranalyse (Denmark), October 2009, http://www.pet.dk/upload/radikaliserings_og_terror.pdf.
- ⁶ U.K. Home Office, "CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism," July 2011, <http://tinyurl.com/5rtjqal> ([www.homeoffice.gov.uk/publications/counter-terrorisstrategy/strategy-contest?view=Binary](http://www.homeoffice.gov.uk/publications/counter-terrorism/counter-terrorisstrategy/strategy-contest?view=Binary)).
- ⁷ Della Porta, Donatella. 1995. *Social Movements, Political Violence, and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, σελ. 3-4.
- ⁸ Seferiades, S., and H. Johnston (2012). "The Dynamics of Violent Protest: Emotions, Repression and Disruptive Deficit", in S. Seferiades, and H. Johnston (eds.), *Violent Protest, Contentious Politics, and the Neoliberal State*, Surrey: Ashgate, pp. 3-18.
- ⁹ Tilly, Charles. 2004. *Terror, Terrorism, Terrorists*. *Sociological Theory* 22 (1): 5–13.
- ¹⁰ Della Porta, 1995, ο.π.
- ¹¹ Donatella Della Porta, Gary LaFree, Guest Editorial: Processes of Radicalization and De-Radicalization, *International Journal of Conflict and Violence*, Vol.6 (1), 2012, pp. 4– 10.
- ¹² Στέλιος Ράμφος, Ο «άλλος» του καθρέφτη — Ψυχογραφία της αγωνίας μας, Αρμός, 2012 και Η λογική της παράνοιας, Αρμός, 2011.
- ¹³ Πρόλογος Ανδρέα Πανταζόπουλου στο βιβλίο του Πέτρου Παπασαραντόπουλου, *Εξτρεμισμός και Πολιτική Βία στην Ελλάδα: το Big Bang της Χρυσής Αυγής*, Εκδόσεις Επίκεντρο, Θεσσαλονίκη 2014, σελ. 11
- ¹⁴ Stathis Kalyvas, *The Ontology of Political Violence: Action and Identity in Civil Wars*, *Perspectives on Politics*, Vol. 1, No. 3 (Sep., 2003), pp. 475-494
- ¹⁵ Νίκος Δεμερτζής: «ο Ελληνικός εμφύλιος ως πολιτισμικό τραύμα», *Επιστήμη και Κοινωνία*, Τεύχος 28, 2011-2012.
- ¹⁶ Δημήτρης Ψυχογιός: «Η Πολιτική βία στην ελληνική κοινωνία», Εκδόσεις Επίκεντρο, Θεσσαλονίκη, 2013.
- ¹⁷ Γιώργος Κασιμέρης, *Ακραία Φαινόμενα Διαρκείας: Βία και Τρομοκρατία στη Μεταπολίτευση*, Εκδόσεις Καστανιώτη, Αθήνα 2015.
- ¹⁸ Πέτρος Παπασαραντόπουλος, 2014, ο.π. σελ. 23.

Культурный корень греческого кризиса

Петрос ПАПАСАРАНТОПУЛОС

В разговорах с друзьями, следящими за греческим кризисом из-за границы, часто возникают вопросы: «Почему греческий кризис продолжается так долго и с таким напряжением? Почему, в то время как другие страны (Ирландия, Португалия, Кипр) вышли из кризиса, Греция стоит на месте? Почему угроза Grexit ча-

сто возвращается на политическую повестку дня? Неужели так сложно решить экономическую проблему страны?»

Постараюсь ответить, несмотря на то что мое мнение идет вразрез с мнением признанных аналитиков. Я считаю, что главная проблема Греции — не экономическая. То, что мешает стране выйти из кризиса, — это стереотипы и идеологические конструкты, которые доминируют в сознании большинства греков. Греческий кризис — прежде всего культурный и антропологический.

Греция вступила в кризис в 2010 году, подписав первый Меморандум с её кредиторами. В течение десятилетий страна несла тяжёлый груз — «катастрофическую идеологию постдиктаторного периода», отличающуюся тремя доминирующими характеристиками:

1. Распространённость чрезвычайного антисоциального индивидуализма и корпоративности. В таком климате, с явным господством групп корпоративных интересов, термин «общий интерес страны» был абсолютно чуждым.

2. Убежденность в том, что страна является жертвой посягательств со стороны «гадких иностранцев», стремящихся к её исчезновению.

3. Наконец, обесценивание труда как социальной самооценности и широкое распространение клиентелистской системы, в рамках которой меритократия исчезает под давлением партийных интересов.

-
-
- **ПЕТРОС ПАПАСАРАНТОПУЛОС** (род. 1956) — журналист, издатель, политик. По образованию инженер-химик, выпускник Политехнического университета Салоники.
- Учредитель и главный редактор радио «Паратиритис» и одноименного журнала и издательства в Салониках. Учредитель издательства «Епикентро». Главный редактор журнала «Balkan Horizons». Учредитель Центра демократии и сотрудничества в Юго-Восточной Европе.
-
-

Неудивительно, что при таком настрое у греческого общества появилась иррациональная точка зрения, будто бы ответственность за кризис несут Меморандумы о взаимопонимании, которые Греция подписала со своими кредиторами. Нелепое утверждение, что в болезни повинно лекарство, вскоре укоренилось в сознании большинства жителей страны и создало благодатную почву для политического подъёма левых популистов. Рост их влияния, в геометрической прогрессии, превратили популистов (после выборов в январе 2015 года) из незначительной (до кризиса) группировки в правящую партию, обещавшую отменить Меморандум «лишь одной статьёй одного закона», но прежде — «разорвав его на куски во дворе греческого парламента».

«Антимеморандум» стал новой легендой, любимой сказкой общества, грезившего о волшебных рецептах выхода из кризиса. Миф, который перечеркнул традиционное различие между левыми и правыми.

Ультралевые популисты, давшие много обещаний, были вынуждены заключить союз с правыми популистами партии «Независимых Греков», чтобы сформировать правительство, и довольно скоро столкнулись с реальностью. Политика шантажа кредиторов не принесла никакого результата. Риторика и бред министра финансов Яниса Варуфакиса завели страну в тупик, из которого правительство Алексиса Ципраса попыталось выйти посредством референдума поистине сюрреалистического характера. На заданный вопрос¹, о котором никто сегодня не вспоминает, означавший, по сути, «поддерживают ли избиратели злых европейцев или добрых греков?», голоса «нет» превысили число голосов «да». Это был триумф стереотипов над реальностью. Очень скоро, под угрозой банкротства, правительство (СИРИЗА и «Независимые Греки») спустило военный флаг и подписало в июле 2015 года третий Меморандум с кредиторами, который вступил в силу в августе 2015 года.

Несмотря на крах тактики «антимеморандума», греческое общество не смогло избавиться от стереотипов и прийти к новому самосознанию. Гегемонистская идеология «антимеморандума» усту-

пила место слепому антиевропеизму, пронизавшему греческое общество. Волна иррационализма бушевала в стране: примитивные теории заговора, *deus ex machina*, спасители, миллиардеры-патриоты, обещающие спасти Грецию (Артемис Соррас), нефтяные месторождения невообразимой ценности, которые злоумышленные иностранцы пытаются отнять у нас... Всё это препятствовало тому, чтобы греческое общество осознало очевидное: на протяжении многих лет страна жила выше своих возможностей, с помощью кредитов, Греция производила меньше, нежели потребляла. При такой экономической модели нет и не может быть будущего. Нужно либо изменить ее, либо потерпеть катастрофу. Большинство греков не согласны с этим диагнозом и реагируют на необходимое лечение негативно, свято веруя, что рак можно вылечить аспирином.

Именно по этой причине концепция, согласно которой Греция является несостоявшимся государством (*failed state*) и, следовательно, нуждается в радикальной реформе институтов с целью превращения их в «инклюзивные» (*inclusive*), а не в «экстрактивные» (*extractive*), непригодна. Эта точка зрения, основанная на классической работе «Почему одни страны богатые, а другие бедные» («*Why Nations Fail*») Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона, недооценивает самосознание греческого общества. Я часто привожу следующий пример: предположим, создаётся новое министерство с чёткими обязанностями, полной организационной диаграммой и тщательным описанием роли всех сотрудников, оснащённое самой современной инфраструктурой с современными компьютерными сетями, укомплектованное несколькими десятками идеальных работников. И что же? Очень скоро случится то, что поэт Титус Патрикиос, в характерном для него стиле, описал в своём произведении «Искушение ностальгии»: «Как это может быть, что любое общественное помещение в Греции, каким бы красивым и чистым оно бы ни было сделано поначалу, скоро принимает вид зала ожидания на автобусной станции?»

Вышеизложенным я не намерен отрицать необходимость проведения институциональ-

ных реформ. Напротив, я считаю их необходимыми. Но если не будет радикального сдвига в сознании общества, институциональные реформы обречены на провал. Это и есть момент политики, примат политики, как утверждает Серри Берман. Только при условии, что устоявшиеся политические партии решительно выступают против мифов и стереотипов, о которых шла речь в этом тексте, Греция имеет надежду выйти из кризиса. В противном случае она будет тонуть в длительном кризисе, и каждое предлагаемое действие будет *лишь частичным* решением проблемы.

К сожалению, проевропейские силы страны еще не осознали масштаб бедствия. Они до сих пор продолжают участвовать в общественных делах посредством риторики, основанной на полуправде и нерешительных действиях, надеясь, что крах партии СИРИЗА всё изменит. Они не понимают, что прийти к власти гораздо менее значимо, нежели занять господствующее место в сознании людей, пытаясь противостоять иррациональным стереотипам. Страна нуждается в новом осознании себя, в надежде на будущее. До тех пор пока этого нет, греческое общество будет стоять на месте и жаловаться на свои страдания. Политика должна восстановить свою магию, свою способность вдохновлять людей. Возможно ли это в Греции в условиях кризиса?

*Перевод с греческого: Ольга Деллатола,
Стилианос Деллатолас*

Примечание

¹ Формулировка вопроса, вынесенного на референдум 5 июля 2015 г., была следующей: «Должен ли быть принят план соглашения (порядок выплаты долга, новое кредитование и комплекс мер экономики), представленный Европейской комиссией, европейским Центробанком и Международным валютным фондом?». В результате референдума 61,31 процента проголосовавших выбрали ответ «НЕТ»; ответ «ДА» дали 38,69 %.

© Текст: Петрос Папасарантопулос

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

Президент Афинской академии Танасис Валтинос (Θανάσης Βαλτινός) — живой классик современной греческой литературы. Может быть, самый известный греческий писатель из ныне живущих. Он пишет об исторических перипетиях, случившихся за последние 200 лет.

Родился Танасис Валтинос в 1932 году в селе Кастри, что в Аркадии. Раннее детство его прошло в годы германской оккупации, и семья хлебнула лиха. Воспоминания военного детства и юности стали основой его творчества. Уже после войны Танасис приехал в Афины, где увлекся кинематографом, как многие его ровесники по всему миру. Режиссером он не стал, но в дальнейшем по его сценариям было снято несколько фильмов. Среди них — фильм «Путешествие на Китеру» (реж. Тео Ангелопулос), получивший премию 1984 года на Каннском кинофестивале, и «Сошествие девяти» (1985, реж. Христос Шопакос), посвященный событиям гражданской войны. Во времена режима «черных полковников» Валтинос жил за границей: в Великобритании, в США, преподавал в университетах и писал книги, которые Они переведены на многие языки мира. Его романы — пожалуй, самые честные, разрушающие левую мифологию о гре-

Афинские встречи: Танасис Валтинос

ческой гражданской войне (это главная, стержневая тема современной греческой литературы).

В 1990 году Валтинос получил Государственную премию (в номинации «Художественная литература») за книгу «Цифры за 60-е годы», а в 2001-м писатель был удостоен международной премии имени Кавафиса, в 2002 году получил награду Афинской Академии.

Еще в молодые годы Танасис Валтинос сделал современные обработки трагедий «Троянки» и «Медея» Еврипида, «Орестеи» Эсхила; они были поставлены в античном амфитеатре в Эпидавре Каролосом Куном. Режиссер тогда писал: «Мы, современные греки, обладаем привилегией жить в этой древней стране и изо дня в день видеть красоту, формы, ритмы, звуки, которые наблюдали и постигали Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан. Поэтому, если мы хотим дать театру новую жизнь в современной интерпретации, мы должны войти в контакт с природой, повелевавшей некогда их сознанием — небом, морем, горами, оставшимися прежними, несмотря на бег веков. Эти живые свидетели, окружающие нас, помогут понять поэзию и ход мысли в их произведениях больше, чем любые исторические знания о форме античных спектаклей».

© Фото: Виктор Ярошенко

«ВЕ»: *«Почти навязчивая озабоченность современных греческих авторов древнегреческой историей», — пишет современный западный исследователь. Что вы об этом думаете?*

Танасис Валтинос: У нас просто не было времени забыть про историю, мы ее даже не успели переварить. Это всё случилось вчера.

В начале девятнадцатого века, в период во время освободительных войн (еще со времен основателя первой республики Иоанна Каподистрии) надежды греков часто обращались на север, к России. Они мечтали о помощи могучего православного царя, у которого министром иностранных дел был граф Каподистрия. Но уже тогда русский император Александр I предпочитал не ссориться с Турцией и Англией. Практически Россия никогда не помогала Греции, здесь она решала свои задачи.

Современному греческому национальному государству в 2021 году исполнится двести лет. Много это или мало? Мало, если соизмерять с историей Эллады, с историей Античности. Афинам — больше трех тысяч лет, никто не скажет точно, сколько же лет назад был основан этот город.

Как нам жить без своей истории, если девятнадцатый век прошел в битвах за свободу, в сопротивлении, в расколах и попытках консолидации, а начало двадцатого — в территориальных потерях и массового исхода греков с исконных мест своего обитания. Ведь и Первая мировая война началась не в 1914-м, а уже в 1912-м — с Балканских войн, которые затем переросли в мировую и продлились десять лет — до конца трагического для Греции 1922 года. В нынешних границах Греция живет меньше ста лет. Это очень болезненная тема, оставшаяся полем рефлексии народа через литературу.

Были победы, но были и ужасные поражения. Почти неизвестна за пределами Греции и «малоазийская катастрофа» 1922 года. (*Геноцид греческого населения в Малой Азии, начавшийся во время Первой мировой и продолжившийся после поражения греческой армии*

в Малоазийском походе. Более 600 тысяч греков были убиты, свыше 1 500 000 стали беженцами — при попустительстве европейских союзников и Советской России, финансово помогавшей Ататюрку — Прим. «ВЕ».)

Затем снова была восстановлена монархия, был диктаторский период правления генерала Иоанниса Метаксаса, который распустил парламент, запретил политические партии, арестовал их лидеров. Но именно он ответил: «ОХИ» — «нет» — на ультиматум Муссолини. Греция довольно успешно противостояла итальянскому вторжению, пока на помощь итальянским фашистам не пришли германские нацисты. А потом была гражданская война (1945–1949), страшная по взаимному ожесточению, но победители-антикоммунисты еще долго мстили побежденным, и это до сих пор не может забыть наше общество. А когда в 1967-м к власти пришла хунта «черных полковников» я, как и многие другие, уехал из страны.

Только после 1974 года Греция начала жить в мире и стабильности, а с момента своего вступления в Европейский Союз в 1981 году в одночасье стала «обществом потребления», естественным образом превратившись в желанную страну пребывания для экономических мигрантов с Балкан и Востока.

«ВЕ»: *Мы видим, храмы у вас по воскресеньям полны. Церковь по-прежнему занимает большое место в жизни греков. Это как-то сказывается на жизни за стенами храма? Как это сочетается — динамика жизни огромного современного города и традиции многих веков?*

Т.В.: Для православия историческое время неинтересно, оно подозрительно и греховно. У нас оно идет от Рождества Христа до его Воскресения, и дальше — как бы остановилось, замерло на стоп-кадре в ожидании второго Пришествия, Апокалипсиса и Страшного Суда. Эта метафизика ожидания противостоит активному историческому времени западноевропейского христианства. Православие не движется во времени, для православия время статично

или даже направлено вспять, к библейским временам первого грехопадения. Эта метафизика времени имеет огромное значение для социальной жизни православных стран. У нас в отличие от Запада, вообще другой подход к истории, к ценностям человеческих достижений, прогрессу, технологическим революциям и проч.

Поэтому в современной Греции роль Православной Церкви, я бы сказал, — сокрушительная. Но храмы у нас действительно полны народом. И всякий раз, когда политики хотят пойти против каких-то одобряемых Церковью установлений, обветшалых законов, традиций, она взывает к пастве и одерживает победу. Напрямую политикам с Церковью невозможно конкурировать ни в вопросах образования, ни воспитания, ни во многих иных делах, имеющих общественное значение. Православие — важнейшая часть новогреческой национальной самоидентификации, хотя и не самая прогрессивная часть.

Было множество примеров, когда Церковь действовала во благо общества и простых людей; авторитет ее огромен. Люди много веков отождествляют себя с Православной Церковью, а не с государством тщеславных и неверных политиков. Люди помнят, что когда государства еще не было — народ греческий был, Церковь была, именно она сохраняла культуру, язык и нацию. Наше общество, большая часть народа, состоит из православных христиан. 92 процента — члены церкви, это не какая-то там формальность. Люди признают себя верующими людьми и принимают участие в церковной жизни.

Поэтому Православная Церковь в Греции имеет огромное значение. В начале сентября начинается очередной парламентский сезон. Сессия открывается с торжественного молебна, приходят владыки и благословляют парламент. И премьера также приводят к присяге.

«ВЕ»: *Но при этом в Греции нет (как, например, в Германии) Христианской партии. Почему?*

Т.В.: Потому что во всех партиях, включая коммунистов, люди считают себя православными. Лет 25 назад во внутреннем паспорте писали вероисповедание. ЕС потребовал это упразднить. Церковь собрала семь миллионов подписей, с тем чтобы провести референдум. Однако власть не уступила. И таких случаев было немало. Даже левые партии всерьез не трогают Церковь. Православие отождествляется с родиной, с Грецией, с истиной. Церковь играла огромную роль в греческой истории. Все 400 лет турецкого ига народ Греции посещал храмы. Поколения рождались и умирали, а люди шли в свою церковь. Так они сохранили свой язык, веру, идентичность, культуру. Либеральные силы хотели было сделать школьное образование более светским, отменить в школе изучение катехизиса. Церковь выступила против. Народ возбудился — и властям пришлось отступить. Потому что это касается всего общества и всей политической системы. У нас все партии осознают интересы православного народа. В Греции и коммунисты верующие. Депутат парламента пишет статью о Богородице. И это никого не удивляет.

В Конституции Греческой Республики статья 3-я гласит: «Господствующей в Греции религией является религия восточноправославной Церкви Христовой. Православная церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой Константинопольской церковью и со всякой другой единой церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые соборные и апостольские каноны и священные традиции». Политики других стран, к сожалению, недооценивают значение глубоких связей Греческой Церкви и Греческого Государства.

«ВЕ»: *Как бы Вы ответили на вопрос о взаимоотношениях Церкви и модернизации?*

Т.В.: Легко ответить: «церковь — это тормоз развития страны». Однако я так не думаю. Это

просто такое специфическое, уникальное качество нашей страны и ее народа. Так сложилось исторически. Эта религиозность довольно сложно адаптируется в современном обществе, особенно в глобальном мире. Но изменения происходят! Равенство между полами, гражданские права, основные права человека, записанные в Конституции — вот фундамент самосознания современного грека. Эти понятия — духовные субстанции, такие же, как и религиозность. И все же я думаю, она не имеет отрицательного влияния на развитие экономической сферы. С одной стороны — вроде бы консерватизм Церкви, но с другой — духовность, которая дает людям ощущать свое единение и возможность существовать осмысленно. Греция живет по-западному, но чувствует себя по-восточному.

«ВЕ»: *Превращается ли Греция в Запад?*

Т.В.: И да, и нет. Не случайно у нас на церковном гербе двуглавый орел. Православие — это глубинная традиция, с которой в Греции никто не может соревноваться.

У нас буржуазная западная политическая традиция, системы правовая, экономическая; защищены права личности и собственности — греки все это уважают, это краеугольный камень греческого мироощущения. Это, так сказать, западные ценности. Наконец, мы уважаем международное право, членство в ЕС и НАТО, которые нас защищают. Демократическая система, выборы, свобода слова — все это у нас весьма чтут. А в церковь ходят все.

Тот факт, что Греция после Второй мировой, а затем и гражданской войны не стала коммунистической страной, а пошла по западному пути, объясняет, почему она стала такой, какая

она есть. После ужасов гражданской войны Греция выбрала открытое общество, после режима «черных полковников» этот выбор лишь подтвердился.

«ВЕ»: *Расскажите, пожалуйста, об Афинской Академии*

Т.В.: Афинская Академия — это символ древних интеллектуальных традиций, идущих от академии Платоновской. Это самая престижная организация в стране, государственный бюджетный институт. В ней три отделения: гуманитарное, естественнонаучное и отделение письменности и литературы. В члены Академии избирается один поэт, один прозаик, есть филологи, историки, теолог. Физики, математики, биологи. Все они — выдающиеся люди страны. Академики избираются пожизненно. Вознаграждение есть, но небольшое.

Один из членов Академии — митрополит Пергамский Иоанн Зизиулос, видный богослов и философ. Афинская Академия ежегодно присуждает премии по литературе, поэзии и философии.

Кстати, к вопросу о консерватизме. Я как-то предложил на премию одну хорошую книгу, но там героиня — лесбиянка. Один из академиков сказал: я не читал, но осуждаю это. Я возразил, что искусство свободно от табу. На голосовании эта книга не прошла одним голосом. Так вот: митрополит Иоанн Зизиулос подошел ко мне после голосования, пылливо посмотрел на меня (я подумал: он осуждает). Но владыка сказал мне: «Знаете, а я голосовал “за”». И заявил другим академиком: «А вы — консерваторы».

Ему почти девяносто лет, а он их обозвал консерваторами...

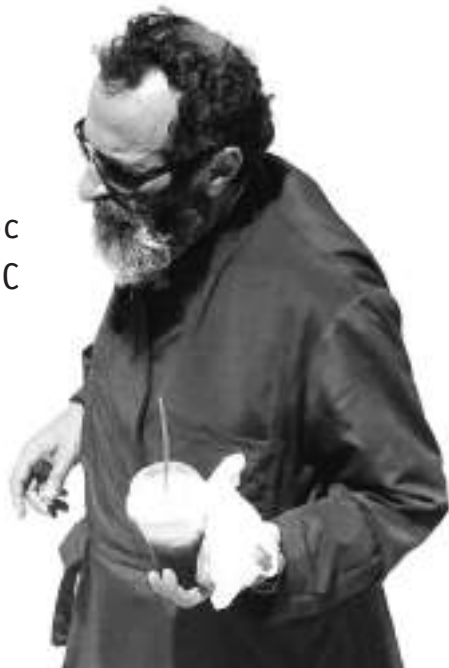

© Текст: Виктор Ярошенко

© Перевод: Димитрис Триантафиллидис

© Фото: Виктор Ярошенко

Константинос
ПАПУЛИДИС

РОССИЯ и ГРЕЦИЯ: непростое братство

Когда фраза «грек — это правая рука Бога» упоминается современным греческим писателем в качестве русской поговорки — это некоторое преувеличение, тем не менее фраза «грек — наш брат» свидетельствует о глубоко укоренённой любви русского народа к «единоверцам». Как же мы дошли до утверждения, что Грек является братом Русского?

Бытует мнение, что о Руси упоминается в Ветхом Завете. И что Апостол Андрей проповедовал Божье слово на территории будущей России. Но несомненным остаётся факт, что Салоникские братья, святые Кирилл и Мефодий, прежде чем прославиться своей миссионерской деятельностью, проповедовали слово Божие в Крыму в 860-м году. Константинополь, несмотря на набеги со стороны Руси, был восприемником по вступлению в христианство и крещению народа.

Крещение св. Владимира явилось историческим моментом в жизни русского народа. После принятия крещения русское общество поднялось на другую орбиту и приняло новый образ жизни. Историк русской литературы, филолог Дмитрий Сергеевич Лихачёв придерживался взгляда, что византийская цивилизация не только повлияла на Россию — речь идёт о трансплантации византийской цивилизации в славянский мир, в результате

чего появился славянский вариант византийской культуры, названный русским богословом Г. Флоровским русским византизмом.

Греческие просветители оставили важный след в русской культуре и истории. Тут следует упомянуть митрополита Фотия — реформатора проповеди и церковного просвещения, а также знаменитого иконописца святого Феофана Грека.

Греческие рукописи в Москве встречаются с XV века. Тогда же появляются литераторы: святой Максим Грек (1470–1556), Арсений Элассонский (1550–1626), Арсений Грек (XVII век), архимандрит Дионисий Иверский (XVII век) и братья Лихудисы (XVII век). Люди были разные: и просветители, и те, кто приезжал, чтоб заработать денег и сделать карьеру. Но в целом греческая диаспора после падения Константинополя принесла пользу российскому обществу.

Российские архивные источники сообщают о переселении в Москву греческих семей, начиная с XV века. Греки поселяются и в Крыму, а с XVI в. — на Украине и в Литве.

Греки сражались бок о бок с русскими за Смоленск в 1633 году, жили и торговали в Нежине и в Одессе, посредничали в известном движении казаков и в объединении Украины с Россией в XVII веке — способствовали в целом экономиче-

скому и интеллектуальному развитию того края, где они жили. Выдающимся примером воздаяния благодарности Русской Земле является жизнь «благодетеля двух родин» (России и Греции), астраханца Иоанниса Варвакиса (1745/50–1825) и жизнь Григория Мараслиса (1831–1907), связавшего своё имя с реконструкцией Одессы, где он служил градоначальником (мэром) в продолжение 16-ти лет незадолго до конца XIX века.

Несмотря на то, что решение Константинопольского Патриарха Иоасафа (1555–1565) о присуждении титула короля царю Ивану Грозному в 1561 году ставится под сомнение, одновременно это свидетельствует о необходимости признания императорской власти в России Константинопольским Патриархом. С того момента, как царь Иоанн Грозный счёл необходимым добиться подтверждения императорского титула Патриархом, становится ясно, что светская власть в России нуждалась в приобретении авторитета, исходящего из власти духовной. Рядом с царем должен был стоять Патриарх, как и в Византии. И это было достигнуто в 1593 году решением сессии Константинопольского Патриархата.

Московский царь был не только «оком Вселенной», как писал Патриарх Александрийский Мелетиос Пигас в 1593 году, но и «утешением» всех проблем греческого мира. В том же году тот самый Патриарх написал царю Фёдору Иоанновичу: *«Установи при себе, царь, училище греческой грамоты, заполненное мудростью святой, ибо у нас исток мудрости — под угрозой искоренения».*

Греки не имеют отношения к теории «Третьего Рима» (она была представлена царю Иоанну Грозному монахом Спасо-Елеазаровского монастыря Филофеосом). Тем не менее бывший Патриарх Константинопольский Афанасий Пателларос перед отъездом из Москвы в декабре 1653 года писал в меморандуме, адресованном царю Алексею Михайловичу, что столица православия (Константинополь) не может быть в руках турок, но должна быть в руках царя Московского. Эта по-

зиция сделала его предшественником «Греческого плана (проекта) Екатерины Великой»¹.

В течение пяти веков рабства балканских народов под османским игом греки не раз обращались за помощью к царской России, прося о своём освобождении. Российская империя, несмотря на славянофилов и на свои обязанности по отношению к Священному Союзу, не забыла долг перед страдающим греческим народом, от которого она получила крещение и множество духовных даров. Кроме того, в результате русско-турецких войн XVIII и XIX веков и особенно после Кючук-Кайнарджийского договора (1774) и императорской политики защиты и покровительства православных на Балканах, грекам было разрешено переселение на русскую землю.

В ту чёрную пятивековую ночь Российская империя была сподвижником в борьбе греческого народа. Посмотрим, как описывает эту помощь греческий историк XIX века Иоаннис Филимон:

...«Грек не только не был политически оценён остальным миром, но также был ненавистен, презираем и не считался достойным погребения после его смерти. Напротив, Северный народ отнёсся к нему, как к брату. У него Грек нашёл убежище, когда был в затруднительном положении, лечение от своих страданий, содействие в своих торговых делах, военные и политические почести, надежду на свою дальнейшую судьбу...».

В конце XVIII века Государство семи объединённых островов (Ионических) было первым политическим образованием на Балканах, созданным благодаря прямой помощи России. Покровительство Ионическому государству со стороны России содействовало созреванию идеи о независимости Греции. Тут уместно упомянуть, что если бы граф Иоаннис Каподистрия не был бы убит 27 сентября 1831 года, Греческое государство пошло бы по другому пути эволюции.

Многие считают, что курс на независимость Греции начался с Лондонской Конвенции (6 июля 1827 года) и военно-морской битвы возле Наварино (2 октября 1827 года). Но «Петербургский Протокол 23 марта / 4 апреля 1826 года «между Россией и Англией по вопросу Греции» является

первым неофициальным дипломатическим актом, касающимся независимости Греции. Конечно, «он не решал все проблемы» греков, но факт состоит в том, что моральная роль Петербургского Протокола открыла путь к освобождению не только Греции, но и других государств.

С развитием греческой национальной идеологии и возникновением Великой Идеи² пророссийская партия потеряла всякое влияние. В свою очередь, и Россия после революции 3-го сентября 1843-го года перестала быть заинтересованной в роли державы-покровительницы греков. Греция не включалась более в сферу её зарубежной политики. Радикальное изменение внешней политики России произошло после Крымской войны: с этого момента Россия покинула Грецию и начала ориентироваться на славянское население Балканского полуострова.

Наконец, результаты Крымской войны и следующий затем кризис между Вселенским Патриархатом и Болгарским Экзархатом в рамках борьбы между славянами и греками привели Россию к открытой поддержке болгарского народа, в ущерб грекам и сербам, подготавливая почву для формирования «Сан-Стефанской Болгарии».

Таким образом, «белокурый народ уже ориентируется на образование Великой Болгарии (Согласно Сан-Стефанскому миру) — факт, который, в свою очередь, закрывает путь к Великой Идее в Греции».

В области церковных вопросов следует отметить, что Российская империя выступала против автокефалии Элладской (Греческой) Церкви. Не забудем, что когда состоялся Благодарственный молебен по случаю одностороннего провозглашения автокефалии Элладской Церкви в соборе Святого Георгия в Нафплии (1843), весь персонал дипломатического представительства России нарочито отсутствовал.

Что же касается другого церковного вопроса — многолюдного прибытия российских и украинских монахов на Афон, то при поддержке некоторых Вселенских Патриархов (Иоакима II

в 1860–1863 и в 1873–1878, Иоакима III в 1878–1884 и в 1901–1912, Неофита VIII в 1891–1894), русских рублей и многочисленных обещаний со стороны России греческим монахам, они добились избрания первого русского игумена в монастыре Святого Пантелеймона — архимандрита Макария (1821–1889). Афон изнурили греко-русские конфликты.

Во время царствования русского императора Александра III (1881–1894) Русская Православная Церковь встала на службу государственной политики, реализуя ее националистическую программу. Пропаганда панславистских идеалов привела к увеличению последователей этой доктрины. В тот момент в результате государственной инициативы и финансирования на Христианском Востоке появились: Русское Пароходное и Торговое Общество (в 1856 году), Имперское Православное Общество Палестины (в 1882 году) и Русский Археологический Институт Константинополя (в 1894 году). Эти три организации были созданы с целью продвижения российских интересов в ключевой области восточного Средиземноморья. Первая — под коммерческим прикрытием, вторая — под религиозным, третья — под научным.

Еще раньше, в 1857 году, князь Александр М. Горчаков, министр иностранных дел Российской империи (1856–1882), обратился к царю Александру II (1855–1881) со следующим заявлением:

«Мы должны обосновать своё «присутствие» на Востоке не через политику, а через Церковь. Ни турки, ни европейцы, у которых есть свои патриархи и епископы в Святом Городе, не могут нам этого отказать <...> Иерусалим — это центр мира, и наше место должно быть там».

После русско-турецкой войны 1877–1878 годов и Берлинской конференции в 1878 году, поскольку российская политика не смогла привести в действие Сан-Стефанский договор (так как была заинтересована в разделе Европейской части Османской империи или в своем главенстве над Константинополем на Балканах), она стала ориентироваться на Дальний Восток. И только поражение в 1905 году в русско-японской войне заставило Россию вернуться к своим старым ин-

тересам на Балканах и на христианском Востоке. Два крупных поражения Российской империи — в Крымской (1853–1856) и в русско-японской войне (1905) унизили Россию, но не убавили её национальную мощь.

Некоторые историки придерживаются мнения, что после Берлинского конгресса (1878), на котором была приостановлена экспансионистская политика славянского мира на Балканах, к выигрышу Российской империи относились Кавказ, Туркменистан и территории вокруг реки Амур, но её бывшая слава среди балканских народов, заслуженная ею до Крымской войны (1853–1856), не восстановилась. После 1878 года Болгария стала приближаться к Австро-Венгрии, Сербия отдалялась от России, греко-русские отношения переживали период напряжения.

Характерным примером напряжённости в отношениях между Российской империей и Грецией послужило венчание греческого короля Георгия с великой русской княжной Ольгой Константиновной в Санкт-Петербурге в 1867 году. По этому поводу посол Российской империи в Стамбуле Н.Р. Игнатьев (1832–1908) писал в своих «Воспоминаниях»:

«Когда известие о предстоящем браке греческого короля с великой княгиней Ольгой Константиновной распространилось, она обратилась с просьбой к нашим единоверцам об осуществлении всяких несбыточных мечт... Я боялся последствий этого брака».

И действительно! Было заявлено, что приданым Ольги могло стать объединение Крита с Грецией.

Несколько лет спустя греко-русские отношения колебались между «любовью и ненавистью»: с одной стороны, русская политика в 1898 году поддержала греческие требования по Критскому вопросу (как, впрочем, и в 1866–1869 годах), но, с другой стороны, вынуждала уйти в отставку Патриарха Антиохийского Спиридона греческого происхождения. На его место в 1898 году пришёл патриарх Мелетий (Думанис) (1899–1916) арабского происхождения.

Этот поступок «Императорского Православного Общества Палестины» на христианском Востоке вызвал гнев греческого общественного мнения, направленный против «русского вмешательства», в результате которого была подорвана греческая юрисдикция на избрание. Характеризуя эти события на христианском Востоке, Анна Диалла утверждает:

«Россия и Греция спорят по поводу “духовного” господства на православном Востоке, в то время, как обе являются — с этнической, лингвистической и религиозной сторон — членами иностранных общин по отношению к большей части коренного населения».

Русский историк Лора А. Гирд придерживалась мнения, что для второй половины XIX века было характерно сопоставление панславизма с панэллинизмом. Она также отмечает, что в 1880–1890 годы политика России была удалена от панславизма и, наконец, приняла «чисто национальный российский» характер.

В XX веке борьба за Македонию, участие греческой армии в кампании 1919 года на Украине и поддержка, оказанная коммунистической Россией движению Кемаля Ататюрка стали катализаторами, отрицательно повлиявшими на отношения между двумя странами. Однако главным фактором отчуждения двух стран в XX веке явилось установление суверенитета Греции на Афоне.

Российская империя ещё с 1912 года требовала удаления Греции из администрации Афона. Более того, в ноябре 1913 года, Лондонская посольская конференция, по требованию России, объявила независимость, нейтральность и автономию Афона. А позже, 24 июля 1923 года по Лозаннскому договору был признан суверенитет Греции на Афоне.

Как правило, греко-советские отношения были плохими по многим причинам. Вот некоторые из них:

1. Позиция коммунистов по Македонскому вопросу: в 1924 году КПГ объявила своё намерение работать над созданием независимой Македонии. Позже, в 1949 году, Никос Захариадис высту-

пил за автономию греческой, югославской и болгарской Македоний (Манифест 5-го Пленарного заседания Коммунистической партии Греции).

2. Сталинские репрессии над греками в Советском Союзе в 1937-м и 1949-м годах.

3. Угрозы со стороны СССР из-за создания американских ракетных баз в Греции. Характерным моментом было угрожающее заявление Н.С. Хрущёва о бомбардировке Акрополя — в случае разрешения со стороны Греции построения натовской базы на своей территории.

4. «Война почтовых марок» — так журналисты назвали советское издание почтовых марок с лицом Манолиса Глезоса, приговорённого военным судом в июле 1959 года. В ответ греческие власти выпустили марки, посвящённые Имре Надю, жертве советской интервенции 1956 года в Венгрии, с надписью: «Свобода народам». В конечном итоге оба издания были отменены.

После краха социализма и репатриации греков из Советского Союза, особенно в последнее десятилетие XX века, обе страны, исходя из взаимных интересов, позаботились об укреплении своих отношений. В начале XXI века стали ссылаться на моменты доброго сотрудничества в прошлом, которые сопровождались многими упоминаниями о византийских годах, о Крещении Руси, о временах османского ига и о поддержке, оказанной Российской империей в деле освобождения греков.

Историки будущего оценят результаты дипломатических контактов между Грецией и Россией в период правления Владимира Путина: в частнос-

ти, касающиеся энергетического сотрудничества. В прессе появлялись оптимистические статьи по этому поводу, но поскольку Греция зависима от русского газа на 75%, не обошлось также и без скепсиса: *«Афины, со своей стороны, должны искать и другие источники снабжения, чтобы избавиться от развивающегося геополитического противостояния между Москвой и Вашингтоном».*

Однако на хорошие дипломатические отношения между Грецией и Российской Федерацией бросают тень разногласия между Вселенским и Московским Патриархатами по поводу диптиха церковных лидеров Православной Церкви и юрисдикции каждого из них, а также статуса Украинской православной церкви.

Перевод с греческого: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

Примечания

- ¹ **«Греческий план проект»** — геополитический проект Екатерины II, предполагавший сокрушение Османской империи и раздел её территории между Россией, Священной Римской империей и Венецианской республикой. В Константинополе предполагалось возродить Византийскую державу во главе с внуком российской императрицы, которому было дано имя основателя города — Константин.
- ² **Великая идея** (греч. Μεγάλη Ιδέα, *Мегали Идэа*) — ирредентистская концепция греков в период 400-летнего Османского ига, подразумевавшая реставрацию Византии с центром в Константинополе. В среде греческой знати Константинополя (фанариотов) в XVIII–XIX веках осуществление её часто мыслилось посредством постепенной аккумуляции власти в Османской империи в руках греков, игравших видную роль в управлении и торговле империи. Термин Μεγάλη Ιδέα впервые прозвучал в речи премьер-министра Греции Иоанниса Колеттиса во время дебатов о Конституции, провозглашённой в 1844 году.

© Текст: Константинос К. Папулидис

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

.....

КОНСТАНТИНОС ПАПУЛИДИС (умер в 2017 г.), — доктор богословия, внесший огромный вклад в исследование и продвижение греко-русской истории в Греции и России. Он был научным сотрудником и заместителем директора Центра балканских исследований, гражданским губернатором Святой Горы Афон, ведущим греческим исследователем российских архивов, был удостоен премии Афинской Академии.

Буря над Грецией

Людмила РИКОРД

Людмила Ивановна Рикорд (урожденная Коростовцева, 1794–1883) — русская писательница; жена адмирала Петра Ивановича Рикорда. Родилась в Курске. Была общественной деятельницей, известна своей благотворительностью и литературными трудами.

В 1825 году была выбрана почетным членом Санкт-Петербургского «Вольного общества любителей российской словесности». В 1875 году написала биографический очерк о своём муже — для воспитанников Мореходного училища, получивших премию имени адмирала П.И.

Рикорда. В том же году издала труд своего мужа — «Записки о плавании к Японским берегам в 1812 и 1813 гг. и о сношениях с японцами».

Сотрудничала в «Украинском вестнике» (1816) и «Вестнике Европы» (1820). Умерла в глубокой старости в Петергофе 26 июня 1883 года, пережив своего мужа почти на 30 лет. Похоронена в Александро-Невской Лавре.

Лишь четыре женщины удостоились чести быть членами «Вольного общества любителей российской словесности» — объединения лучших писателей золотого века. Одна из них — Людмила Ивановна Рикорд, чьё 225-летие отмечается в нынешнем году.

Начав с лирики, после замужества она больше выступала как прозаик. Сказались впечатления от поездок с супругом — прославленным адмиралом П.И. Рикордом. Их свадебным путешествием стал многомесячный путь на Камчатку, куда Петра Ивановича назначили первым начальником полуострова. Если по до-

роге Людмила Ивановна ещё продолжает сочинять стихотворения (одно прислано в «Украинский вестник» из Кяхты, бывшей белым пятном на литературной карте), то следующая публикация — в июньском номере «Вестника Европы» за 1820 год — хоть и наполнена поэзией, но представляет собой прозаическое описание Камчатки, экзотического края империи, к преобразованию которого супруги приложили старания и талант.

И вот ровно через двести лет Людмила Рикорд возвращается на страницы этого журнала. Предлагаемый фрагмент воспоминаний написан в мае 1883 года, за месяц до кончины автора.

А.Н. Красильников

Приближаясь к Греции, к цели моего путешествия, кратковременное плавание наше в живописном уголке Средиземного моря, на котором разбросаны многочисленные острова и островки, было сопряжено с некоторыми опасностями.

Здесь нас встретил страшный шторм, сопровождавшийся сильной грозой и дождем. Среди пенистых волн с ревом стали подниматься «тифоны»: масса воды вздымается вверх и образуя водяной столб, в несколько саженой высоты, наподобие исполинского водопада, наверху разсыпается облаками водяной пыли.

Это страшное явление, двигаясь по направлению ветра, вращается с такой стремительной силой, что грозит гибелью плывущим судам, сокрушая все, что попадает на пути. Нами было замечено несколько таких «тифонов», во избежание которых были заряжены орудия: они разбиваются ядрами с корабля, иначе, налетев, они могут сломить его или изорвать паруса. От ядра они разсыпаются и разрешаются обильным дождем.

Но все эти грозившие нам опасности, благодаря Бога, миновали нас и, 25-го сентября 1830 г. мы благополучно пристали к берегу полуострова «Мореи». Еще подъезжая к берегу, мы любовались чудесными видами: из синевы воды поднимается ряд Морейских гор, громоздясь одна над другою; высокие скалистые уступы, представляющие громадные глыбы белаго мрамора, блистали золотистым отливом, выглядывая из-за живописных групп южных растений.

Здесь было место стоянки всей нашей эскадры; тут же на берегу помещалось и русское интендантство с магазинами, начальник которого, полковник Бровцев, выслал к нашему фрегату шлюпку, с приглашением приехать к нему на обед. При всей моей усталости, я однако приняла любезное приглашение и совершенно нечаянно встретила у него большое веселое об-

щество, которое собралось у хозяина праздновать день его Ангела (Сергия).

По окончании обеда, провожаемая всем бывшим обществом, я отправилась, на катере фрегата, в городок «Порос», место моего пребывания, которое было назначено мне супругом Петром Ивановичем, прибывшим сюда на корабле, на другой день. Красивый маленький городок «Порос», находящийся на острове того-же имени, довольно оживлен, благодаря своему порту. Но во всем городке решительно нельзя было найти вполне удобной квартиры, так что, за все пребывание свое здесь, я подвергалась многим лишениям, но лишения эти искупались теми наслаждениями, которые доставляли мне красивые берега Мореи, с целыми рощами малинных, апельсиновых и других тропических растений.

Жители города — преимущественно греки, коммерческий народ, так что я лишена была возможности иметь здесь какой-нибудь круг знакомых. Моя монотонная, однообразная жизнь здесь изредка озарялась отрадными посещениями Петра Ивановича, который, по служебным обязанностям, пребывание имел в резиденции Греции. С наступившими праздниками Рождества Христова, у меня собралось все русское общество. Это время года — самое благоприятное здесь и потому мы пользовались всеми возможными удовольствиями, которые представляла нам сама природа: веселым обществом мы совершали прогулки по разнообразным и живописным окрестностям острова. В половине-же января месяца, я покинула остров «Порос» и на корабле «Александр» переселилась в Поле-де-Роматио, где ожидал меня уже совершенно иной образ жизни. Здесь, как в резиденции Греции, сосредоточивались все правительственные лица страны, с которыми Петру Ивановичу приходилось быть в постоянных, непосредственных сношениях, как должностному лицу и заслуженному филэллину, пользовавшемуся правами греческого почет-

наго гражданина. Принимая живое искреннее участие в положении дел Греции, он был сильно озабочен в то время; то была смутная эпоха освобождения страны, стремившейся к независимости от турецкого владычества. Горячим приверженцем независимости Греции — был граф Каподистрия который стоял во главе республики с титулом президента. Он неустанно трудился и собирал конференции, в которых особенно деятельное участие принимал и Петр Иванович, прилагавший все старания свои, чтобы примирить открывшуюся ожесточенную борьбу партий; но все эти старания его не увенчались успехом: жертвой враждовавших сторон пал граф Каподистрия, от руки майнота — Мавро-Михели, главного вождя революции, который с успехом волновал свою родину и поддерживал в ней дух сопротивления правительству.

Каподистрия отправился, по обыкновению, к обеду в церковь и здесь у входа его ожидал уже Мавро-Михели: раздался выстрел и граф Каподистрия упал окровавленный на паперть, испутивши дух и не успевши произнести ни одного слова. Ночью, тихо и скромно, без особенных церемоний труп Каподистрии был отправлен для погребения на остров Корфу, место его родины.

Ни одно революционное движение в Европе не пользовалось таким сочувствием, как возстание греков против турецкого владычества, — это придавало им силу и энергию в борьбе за свободу. Потерявши независимость, греки тем не менее сохранили свою народность, религию и язык, что мешало им слиться с победителями. Знакомство с древнею славою и величием отечества заставило греков еще глубже чувствовать свое настоящее унижение и развивало жажду к восстановлению независимости своего отечества. В это же время образовались политическая общность из лиц, сочувствовавших делу греков, под общим названием «Филэллинов»; к этим общностям принадлежали многие ученые, писатели и другие известные европейские деятели.

После смерти Каподистрии, сенатом немедленно назначена была правительственная ком-

мисия из трех лиц, в числе которых был и брат покойного Каподистрии — Августин. Тогда начались нескончаемые несогласия и раздоры; картина анархии, беспорядков, междоусобных возстаний увеличивалась и возрастала с каждым днем, и наконец распространилась по Ливадии (средней Греции) и Мореи. По всем улицам были разставлены усиленные караулы, но революционное движение, анархия и безначалие — брало верх. Мирные граждане выезжали из городов и покидали греческие провинции. Мною занимаемая квартира охранялась конвоем, из 12-ти вооруженных гребцов, при 2-х офицерах, и потому, представляя более спасительное убежище, к нам начали собираться представители греческого правительства и другие должностные лица; наконец квартира была переполнена до такой степени, что даже лестница от выхода была занята ими, во всевозможных позах и положениях, с портфелями и со средоточенными, глубокомысленными физиономиями... За невозможностью уже пройти в двери, жена одного из министров была доставлена в мою квартиру в окно... Комендант города, генерал Алмейди, родом испанец, на коленях и со слезами на глазах умолял меня принять довольно большой ящик, в котором хранились ключи от городской крепости, из боязни, чтобы они не попали в руки мятежников...

Так как жители пользовались водопроводами из-за города — вода была остановлена злоумышленниками, чтобы возбудить неудовольствие мирных граждан на бездействие правительства. Народ, действительно, толпами начал собираться около нашей квартиры и, жалуясь, кричал, что город остался без капли воды!..

Но вскоре, союзными силами европейских держав восстановлен был и порядок, и спокойствие страны; определилось окончательно политическое устройство ея: Греция была объявлена конституционным королевством и королем ея был избран баварский принц Оттон 1-й. Таким образом, Греция была вызвана к новой жизни своими собственными усилиями и стараниями европейской дипломатии.

Эскадра наша была в постоянных плаваниях по водам Греческого Средиземного моря; этим обстоятельством я воспользовалась, желая осмотреть все исторические достопримечательности маленькой страны эллинов, которая так много послужила для человечества! Пересевши на бриг, я отправилась по Пирейскому заливу с целью побывать и осмотреть славный исторический город Афины, который находился еще тогда под владычеством Турции. В продолжении двух дней я осмотрела все сохранившиеся остатки древности, с которыми связано столько воспоминаний о великом прошлом, о великих людях! Осматривая знаменитый храм «Дианы», развалины и остатки которого приводили меня в изумление своими художественными совершенствами, я подняла здесь красивый обломок мраморной капители и хотелось мне оставить его у себя в память моего пребывания в Афинах; но при выходе мне предложили оставить этот обломок, так как «бдительно» следят за тем, чтобы все малейшие остатки прежнего величия сохранились в целостности... Странно, однако, что англичане и французы — решительно взяли все, что имело более и цены, и значенья!..

Время пребывания моего в Греции, два с половиною года, было самой смутной эпохой страны. Перед своим отъездом я была удержана жителями на «Поле-де-Роматии» еще на шесть недель, «аманатом» или залогом спокойствия в городе на будущее время. Было и несколько покушений на мою жизнь, но Провидению угодно было спасти меня, и возвратилась я на родину, слава Богу, живой и здоровой!

3 мая 1883 года

Впервые опубликовано: журнал «Русская старина», 1883, т. 39, № 8, с. 364–368.

© Текст: Людмила Рикорд

Граф Каподистрия был одним из многих европейцев, связавших свою судьбу с Россией в эпоху крупнейшего мирового кризиса, вызванного Французской революцией и переделом мира. Наполеоновские войны, Италия, Испания, Египет, возвышение Бонапарта, разделы Польши — все это мало известно современному читателю, как и то, почему и зачем Суворов штурмовал Альпы и против кого адмирал Ушаков воевал в Средиземноморье.

Республика Семи Островов — первое греческое государство Нового времени, существовавшее в 1800–1807 годах на островах Керкира (Корфу), Паксос, Лефкас, Кефалиния, Итака, Закинф и Китира в Ионическом море.

На протяжении многих столетий Ионические острова входили в состав Венецианской республики, пока Наполеон ее не уничтожил. Острова перешли к Франции. Император Павел I направил против французов русскую эскадру во главе с контр-адмиралом Федором Ушаковым, которая при поддержке турецкого флота в 1800 году выбила французов с Корфу и освободила Ионические острова.

Республика Семи Островов во главе с графом Каподистрией просуществовала семь лет, формально — как данница Османской империи, но, в сущности, под защитой русского флота.

Граф Иоанн
Каподистрия
и историограф
Николай
Карамзин

В дальнейшем острова переходили из рук в руки: были заморской территорией Франции; потом — британским протекторатом.

А основатель и президент республики, граф Иоанн Каподистрия поступил в русскую дипломатическую службу и сделал быструю карьеру. Служил при императоре, в 1815 году стал статс-секретарем, а в 1816-м Иван Антонович (как на русский манер звали графа) был назначен управляющим Министерства иностранных дел Российской империи.

Николай Михайлович Карамзин подружился с графом Каподистрией, который был на десять лет моложе его, возможно, потому, что почувствовал в нем скитальца, каковым был и он сам в молодости: вояжера, посланца большого мира, открытого и свободного. Карамзин в Петербурге был обласкан, известен — и одинок. Не знатен, не богат, без больших связей, но конфидент государя. К таким людям свет относился с опаской. Каподистрия тоже был здесь чудаком. Они сблизились.

Через две недели, 14(26) февраля 1816 г., по приезде в Петербург в одном из первых писем, написанных из северной столицы, Карамзин сообщал своей жене: «Из новых примечательных знакомств наименую тебе Капод'Истрия; он в большой доверенности и показался мне любезным, откровенным...»

Николай Карамзин

*Письмо Карамзина
графу Каподистрии,
март 1818 г. (по-французски):*

«Примите, Граф, мою искреннюю благодарность за честь, оказанную Министерством иностранных дел моему сочинению. Если это не есть уже ободрение для меня (потому что, увы, я уже слишком стар), это приятная награда за труды и за усердие, с которым я старался сделать нашу историю известнее и, следовательно, полезнее» <... >

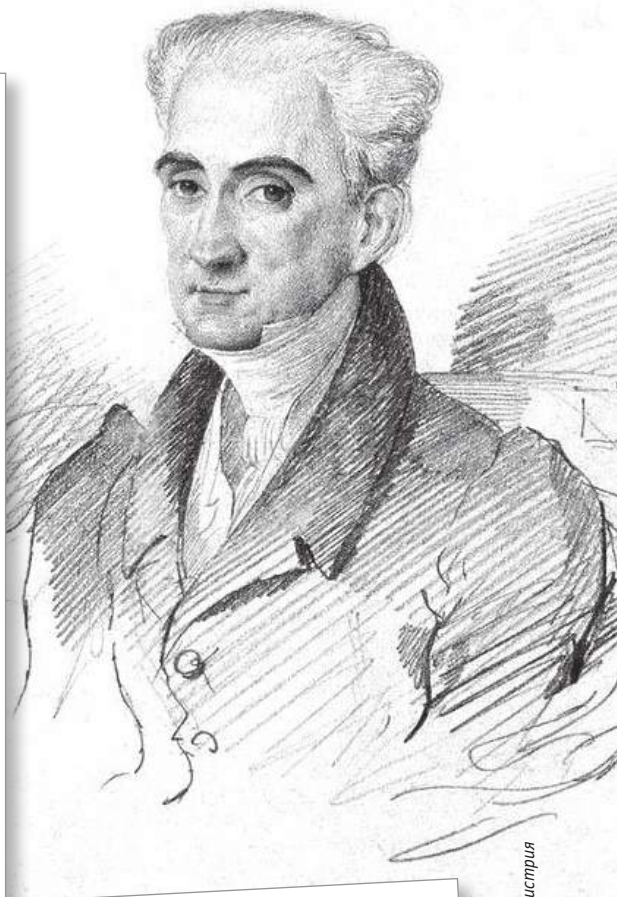
Мое полуофициальное письмо окончилось бы здесь, Граф, если бы мне надобно было только выразить признательность за благородность действий Министерства в отношении к Историографу; но чувство, которое Вы в особенности мне внушили, требует языка более свободного, более искреннего... Я мог бы прибавить к этому еще многое, если бы дал волю своей болтливой откровенности; я был бы в состоянии не пощадить вашей скромности, но я щажу Ваше время. И так я оканчиваю письмо, говоря, что Карамзины Вас любят много: этим выражается все».

Каподистрия — Карамзину, Корфу, 1819 г.:

«У меня нет слов, любезный, многоуважаемый друг, чтобы выразить Вам удовольствие, доставленное мне письмом, которое Вы написали вместе с вашей супругою... Вне семейных привязанностей, лучшее в мире — это есть искренняя дружба. Такая дружба, какой удостаивают меня Карамзины, более чем искренняя: она сердечна; я дорожу ею и прошу Вас сохранить мне ее навсегда... Мое здоровье, в котором Вы по своей доброте принимаете участие, было в самом деле очень расстроено в начале зимы. Путешествие в Италию и в особенности родной воздух принесли мне бесконечно много пользы, и я, может быть, уже совершенно выздоровел бы, если бы не мешала живость участия, какое я принимаю во всем, что касается лиц, которые удостаивают меня своего доверия, и те тревоги, которые от этого происходят. Вы можете поэтому легко судить о моем положении на родине после одиннадцатилетнего отсутствия, в обстоятельствах, в каких эта страна находится. Вместо покровительства Великобритания поступает с нею таким образом, какому нет названия, какого вообразить нельзя, — столь отъявленно сие недоброжелательство. Исполнив, насколько от меня будет зависеть, обязанности сына и гражданина, я отплыву опять в Италию. По дороге я воспользуюсь в продолжение недель двумя минеральными водами, чтобы избавиться от той желчи, которая накопилась у меня здесь, а потом отправлюсь прямо к Вам в Царское Село. Я буду рад видеть Вас в добром здравии, с Вашим IX томом и дитятей, которое имеет явиться на свет. Я не смею писать об этом Г-же Карамзиной, чтобы не утомлять ее своими каракулями. К тому же Вы составляете с нею такое прекрасное и такое полное единство, что было бы и трудно говорить с вами порознь. Будьте здоровы и верьте в искренность того чувства, которое я питаю к вам обоим».

Граф Каподистрия занимал должность управляющего Министерства иностранных дел до 1822 года, когда, окончательно уверившись, что ему не удастся склонить Александра I к войне с Турцией за свободу Греции, ушел в отставку и покинул Россию. Этот блестящий человек, которого греки называли Президент, вернулся на родной остров Корфу.

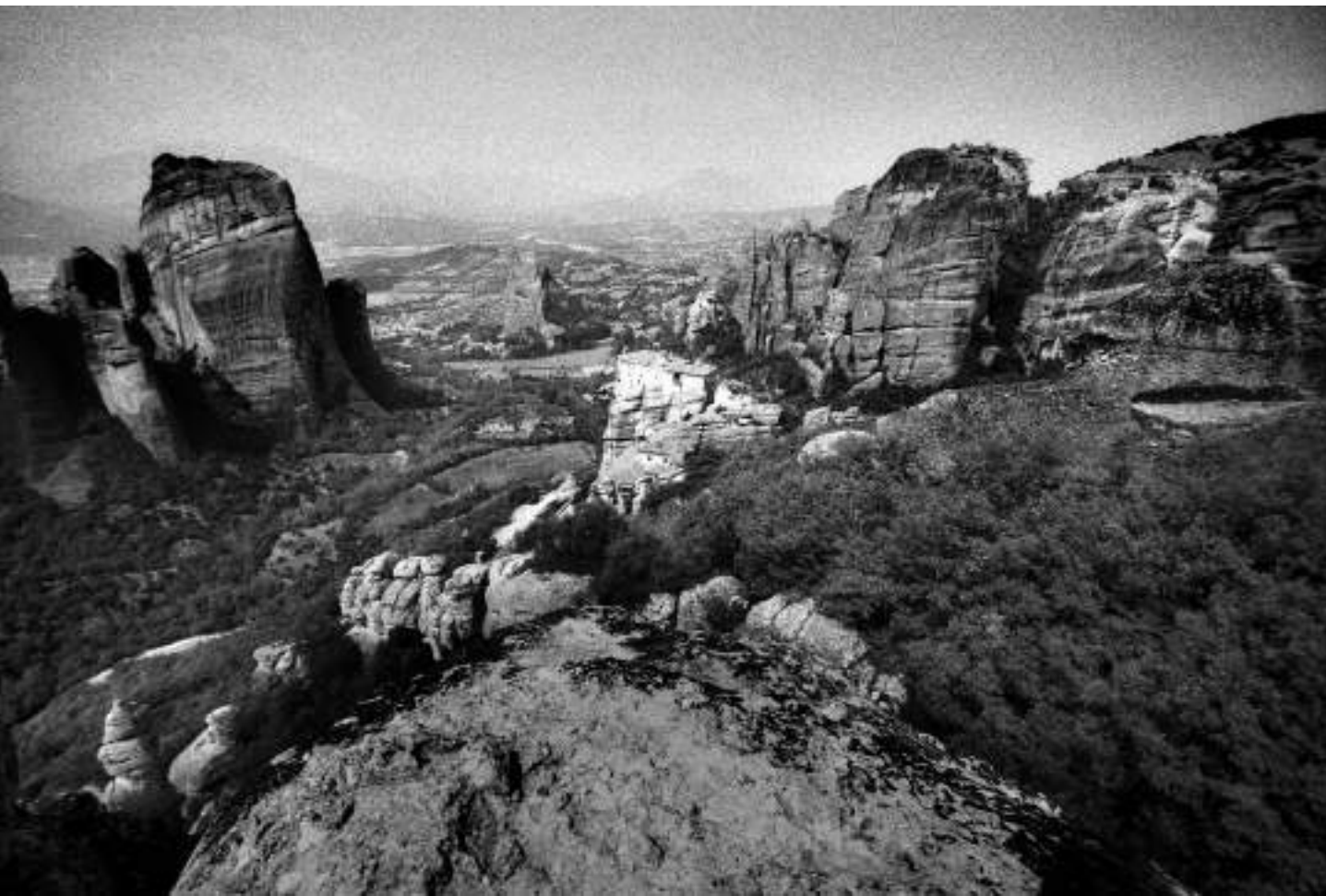
Общение Карамзина и Каподистрии продолжалось в письмах. Переписка прервалась лишь со смертью Н.М. Карамзина 3 июня 1826 г.

Иоанн Каподистрия

Карамзин — Каподистрии:

«Приближаясь к концу своей деятельности, я благодарю Бога за свою судьбу. Может быть, я заблуждаюсь, но совесть моя покойна. Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией. Да, пусть я только и делал, что описывал историю варварских веков, пусть меня не видали ни на поле боя, ни в совете мужей государственных. Но поскольку я не трус и не ленивец, я говорю: значит, так было угодно небесам, и, без смешной гордости моим ремеслом писателя, я без стыда вижу себя среди наших генералов и министров».

Сапфо и Алкей

в новых переводах

Сергея Завьялова

От переводчика

Достаточно полный корпус переводов Сапфо и Алкея появлялся на русском языке дважды. Обоих лириков перевел Вяч. И. Иванов (1914¹, дополненное издание 1915)²; только Сапфо — В. В. Вересаев (1915, дополненное издание 1929³, переиздание 1963⁴); только Алкея — М. Л. Гаспаров (1980⁵, дополненное издание 1999⁶). Все эти переводы — каждый по-своему — были превосходны. Чем же может быть вызвана необходимость нового перевода древнегреческих лириков?

К общим соображениям о том, что каждая эпоха порождает своих читателей, свою эстетику и свой язык, в нашем случае прибавляются особенности древнегреческой лирики как жанра литературы давно погибшей цивилизации, в которой буквально всё требует реконструкции: и язык с его умолкнувшей фонетикой, не до конца ясными грамматикой и лексикой и совершенно неясной стилистикой, и уводящие в архаику социокультурные реалии, но прежде всего сам текст, дошедший до нас или в виде цитат из позднеантичных компиляторов или в виде плохо читаемых обрывков папирусов (в любом случае между эпохой Сапфо и Алкея и этими источниками прошло самое малое половина тысячелетия).

Главным достижением Вячеслава Иванова, определившего своим трудом практику переводов с древних языков в XX веке, было распространение на лирические (т. е. песенные по своей природе) размеры утвердившейся столетием раньше благодаря Н. И. Гнедичу «эквивалентной» техники передачи древнегреческого метрического стиха средствами русской силлабо-тоники. Вообще говоря, в древнегреческом стихе словесное ударение не играет никакой роли, а стих держится на сложном сочетании долгих и кратких слогов. Разработанная в XVIII веке в Германии, а затем перенятая и в других странах, где принято силлабо-тоническое стихосложение, эта техника заключалась в замене долгих слогов на ударные, а кратких — на безударные. Но если для строящегося на дактилях эпического гексаметра, при грубом приближении, проблем не возникает, то для передачи лирических размеров требуется известная виртуозность (для сравнения, русская стихотворная практика оперирует пятью стопами, тогда как в древнегреческой их более двадцати).

Однако прогресс в исследованиях древнегреческого стихосложения (и стихосложения как такового) показал эфемерность этого переводческого завоевания. Еще полвека назад исследова-

тель русского гексаметра А. Н. Егунов шутил, что если древнегреческий гексаметр — марш (четырёхдольный размер, поскольку один долгий слог равен двум кратким), то русский гексаметр — вальс (трехдольный размер, так как ударный слог в нашем языке равен по длительности краткому). При распространении же этого сравнения на многообразное сочетание различных стоп от эквиритмического колосса не остается камня на камне и становится совершенно очевидным: никаких способов, кроме умозрительных, для реконструкции античного стиха не существует⁷.

Следовательно, остается лишь свободный стих (не проза, а именно свободный стих), тем более что со второй половины XX века он победно шествует по миру, завоевывая одну поэзию за другой. В начале XXI века он перестал быть экзотическим и для русского читателя⁸.

Вторая важная черта существующих переводов Сапфо и Алкея — выстраивание циклов по модели, привычной русскому читателю из поэтических книг Золотого и Серебряного веков. Так у Алкея в интерпретации Вяч. И. Иванова появляются циклы «Брань и мятеж», «Вино и любовь», у Сапфо в интерпретации В. В. Вересаева — «Подруги и ученицы. Соперницы», «Природа», «Личное», тогда как в изданиях на языке оригинала стихи располагались в соответствии с тем, что нам известно о композиции собраний сочинений поэтов, восходящих к эллинистическому времени (то есть по меньшей мере через триста лет после их смерти), а именно — в соответствии с размером.

Несмотря на папирологический бум конца XIX — начала XX века вплоть до Второй мировой войны первыми в критических изданиях располагались фрагменты, известные из позднеантичных цитат, и только затем, как *surrelementum*, или папирусные находки, причем филологи соревновались друг с другом в искусстве конъектуральной критики, т. е. попыток избавиться от очевидных ошибок в цитатах и восстановить полностью или наполовину истлевшие слова папирусов.

С выходом книги Эдгара Лобеля и Дениса Пейджа «*Poetarum Lesbiorum Fragmenta*» (1955) восторжествовала противоположная тенденция: папирусов было найдено уже достаточно для того, чтобы именно они, а не изувеченные временем и позднеантичной эрудицией цитаты сделали стержнем изданий. Напоминающие страницы визуальной поэзии, порой заполненные отдельными буквами или бессвязными слогами, освобожденные от изобретений позитивных филологических умов, современные издания Сапфо и Алкея, подобно античным руинам, одновременно — картина и тотального отчаяния и запредельной надежды.

Третья проблема: каким был язык лесбосских поэтов? Древнегреческая поэзия не создавалась на каком-то едином стандартном диалекте. Особенно это впечатляет при чтении трагедий: актеры декламируют, грубо говоря, по-аттически, а хор поет по-дорийски. Остров Лесбос и прилегающая к ним область Малой Азии, как и расположенные на Балканском полуострове Беотия и Фессалия, говорили по-эолийски. В XIX — начале XX века, эпоху национально-освободительных движений и рождения всё новых и новых литературных языков, порой из весьма близких друг другу диалектов, в языке Алкея и Сапфо видели живую лесбосскую речь, обретшую литературную форму. Сегодня всё чаще пишут о постепенном распаде в результате «катастрофы бронзового века» (XII в. до н. э.) некогда единого языка микенской аристократии, имевшего свое продолжение и в ионийском гомеровском эпосе малоазийского побережья, и в дорийской хоровой традиции Спарты, и в эолийской сольной лирике острова Лесбос, противопоставляя им сохранившиеся бытовые надписи на диалектах этих мест.

Для переводчика это важно. Одна из главных ошибок Вяч. И. Иванова заключалась в использовании русской фольклорной лексики: его воинская и жреческая верхушка порой начинает говорить языком крестьян. Реальные Псапфа (так произносилось имя поэтессы, 620-е — 570-е до н. э.) и Алкей (ок. 620/616 — ок. 560 до н. э.) были главами аристократических женского и мужского союзов, сохранявших плохо нам понятные архаические (особенно женский) экзотические черты. Оба так или иначе участвовали в политической жизни родного города (Митилена): Сапфо была вынуждена укрыться на время в Сицилии, Алкей участвовал в череде политических переворотов и, вероятно, погиб в бою.

В данной публикации я предлагаю читателю несколько фрагментов из опубликованного в 1914 году Оксиринхского папируса № 1231 Сапфо, представляющего собой, судя по размеру — сапфической строфе, какую-то часть первого тома эллинистического собрания сочинений поэтессы, а также входившее в этот же том начало стихотворения, известного из анонимного трактата «О возвышенном» (долгое время он приписывался ритору III в. н. э. Кассию Лонгину, но, судя по всему, создан ранее). Это обрывающееся посередине стихотворение было переведено на русский язык к моменту выхода библиографического указателя «Античная поэзия в русских переводах» (СПб: Дмитрий Буланин, 1998) 48 раз (впервые А. П. Сумароковым в 1755 году; за прошедшие два десятилетия появилось немало новых переводов). По мнению составителя этого указателя Е. В. Свиясова, ни одно иноязычное стихотворение не переводилось на русский язык столь многократно.

Что касается Алкея, то я выбрал фрагменты сразу из трех Оксиринхских папирусов № 1789 (1922), № 1234 (1914) и № 2297 (1952). Порядок фрагментов соответствует современному представлению об их расположении в первом томе эллинистического собрания сочинений поэта. Три фрагмента (1789/6, 1234/3 и 2297/5) варьируют тему государства как гибнущего корабля, многократно разрабатывавшуюся впоследствии в европейской поэзии от Феогнида и Горация до Пессоа и Сеффериса, а у нас — до Бродского и Кривулина.

Перевод выполнен по изданиям:

Sappho et Alcaeus. Fragmenta. Edidit Eva-Maria Voigt. Amsterdam: Atheneum - Polak & Van Gennep, 1971.

Sappho. Gedichte. Herausgegeben und übersetzt von Andreas Bagordo. Düsseldorf: Artemis & Winkler, 2009 (Sammlung Tusculum).

Alcée. Fragments. T. I-II. Texte établi, traduit et annoté par Gauthier Liberman. Paris: Les Belles Lettres, 1999 (Collection des Universités de France).

СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ окончил филологический факультет Ленинградского университета. В 1990–92 — преподаватель классических языков и античной литературы в Русском Христианском Гуманитарном институте, в 1992–94 — директор Высшей Греко-латинской школы. Позже — преподавал древнегреческий язык и античную литературу в петербургских вузах, в 1994–2004 гг. заведовал кафедрой классической филологии в Институте иностранных языков. С 2004 г. в Хельсинки, с 2011 г. в Винтертуре (Швейцария). Автор книг: «Оды и эподы», «Мелика», «Речи», «Советские кантаты» (премия Андрея Белого, 2015), Стихотворения и поэмы (1993–2017). Стихи переведены на многие языки, в 2016 году Сергею Завьялову была присуждена итальянская премия Premio Cerro Internazionale Pistoia.

fr. 3 Киприда, пусть она найдет в тебе верх жестокости,
и пусть она не похваляется,
эта Дориха, рассказывая, как он
снова вступил с ней в желанную связь.

fr. 10<обладая?>
.....жаль.....
дрожщими.....
.....
.....старость кожу уже
.....покрывает
<Эрос?>летит вслед
<юности?>
.....славных
.....взяв
<лиру?>воспой
фиалколонную
.....более же всего
.....блуждает
.....
.....

fr. 12 <.....>
..... прошу тебя, спой
о Гонгиле, Абантида, возьми же свою лиру,
пока страсть.....
к этой красавице
кружит тебе голову: один вид ее платья
уже взволновал тебя, лишь только ты ее увидела.
Я наслаждаюсь: ведь когда-то в жалобах
Кипророжденной
<.....>

fr. 13
вы будете <?> вспоминать
как мы в нашей юности
этому предавались

и много прекрасного
 мы город
 как острыми

fr. 56 <.....>

ночь

девы
 в ночных молитвах
 прославляя любовь и фиалко-
 лонную невесту.

Но проснись же, <жених?>
 выйди к своим товарищам
 словно
 чтобы могли мы наконец уснуть.

[Longinus]. De subl. 10, 1-3

Мне он кажется богоподобным
 муж этот, напротив тебя сидящий,
 что слушает совсем рядом,
 как ты сладко лепечешь

и желанно смеешься, у меня же сердце
 в груди перепуганное замирает,
 стоит мне только тебя увидеть –
 теряю дар речи.

И вот язык словно сломанный замер,
 озноб пробегает огнем подкожным,
 глаза уже ничего не видят,
 в ушах грохочет,

потом исхожу, судорожный холод
 трясет всю меня, делаюсь зеленее
 травы и, кажется, еще немного
 и жизнь оборвется

но и это нужно вынести...

Алкей

P. Оху. XV, 1789 (1922).

fr. 2 <.....>

..... зло.....

<.....>

fr. 6 Одна за другой обрушиваются
волны — они нас обучат черпать
воду, когда корабль начнет.....

.....

.....

.....

..... скорей же обезопасим себя

и войдем в надежную
гавань.

И пусть никого робкий страх.....
не одолеет; ясно, что.....

вспомните, как когда-то.....

теперь пусть каждый
почувствует себя мужем.

Не посрамим.....
великих предков лежащих в земле.....
что.....

государство.....

..... отцов.....

..... наш дух.....

..... стремительно

.....

Алексей Морозов. "Сапуатид"

ЛИТЕРАТУРА

Но.....

И мы.....
 свой род.....
 и деспотии
 не допустим.....

P. Оху. X, 1234 (1914).

fr. 1(1) <.....>
 не ошибешься.....

не колеблясь, забить его отца камнями,
 а деда.....
 опозоренный.....

нечестивая тварь.....

fr. 1(2) Зевс-отец, лидийцы, сострадая
 нашим несчастьям, наделили нас
 двумя тысячами статов, чтобы мы смогли
 войти в священный город;

и они не получили от нас никакой мзды,
 они не были даже с нами знакомы. Этот же изворотливый
 лис, посулив легкую добычу,
 понадеялся скрыться

<.....>

fr. 2, col. I (1) <.....>
 сказать такое.....
 а он играет на бармосе.....
 в разгаре кутежа с безмозглыми
 приятелями.....

И вот он сам, вошедший в свойство к Атридам,
 будет обдирать город, как уже делал вместе с Мирсилом,
 пока Арес не подвигнет нас взяться

за оружие. Наш гнев утолится только

когда мы пресечем жестокую распря
и остановим междоусобицу, которую
возбудил олимпийский
бог, принеся народу бедствия,
а Фиттаку желанные почести.

fr. 2, col. I (2) <.....>

Ты был мне, что называется милым дружком:
я угощал тебя то козленком, то поросенком, как это было принято

<.....>

fr. 2, col. II <.....>

буйно.....
днем наливались несмешанным.....
а ночью буйнили, брызгая опивками
такой был обычай.....

твой отец не забыл этих
привычек, когда будучи заводилой,
он ночами напролет не знал удержу,
так что дно бочки грохотало.

А ты, хоть и рожден своей матерью, заработал ли
славу, достойную свободнорожденного отпрыска
благородных родителей?

.....

fr. 3 <.....>

весь груз.....
изо всех сил.....

волнами исхлестанный.....
он объявляет, что со стихией

больше сражаться не в силах — лучше разбиться

о подводный утес.

Пусть что угодно.....
(я?), забыв о возврате,.....

с вами собрался порадоваться,
и вместе с Бикхидом.....

И так всю ночь.....
.....
проявим.....
.....

fr. 6 благородных отпрысков.....
..... предвещая
покрыли себя позором.....
..... неотвратно

я помню, когда еще был мальчишкой.....
..... усаживался рядом
мне известно, что такое честь.....
..... Пенфилидов.....

<.....>

P. Оху. XXI, 2297 (1952).

fr. 4 <.....>

[ты зачерпнул вина войны]
..... никому не подвластному
.....
да сгинет
.....
.....
..... мы себя покажем
..... в сердце

<.....>

fr. 5 <.....>

Непонятно, с какой стороны налетит шквал:
волна обрушивается то с той стороны,
то с этой, и нас швыряет
вместе с черным кораблем

сокрушительный шторм.

Трюм затоплен водой,
парус изорван
в лохмотья,

снасти растрепались.....

.....

.....

обеими ногами.....

..... держась за трос, и в этом единственное
спасение. Весь груз сброшен
в воду, в то время как.....

.....

fr. 6 <.....>

..... ОТВАЖИМСЯ.....

сейчас или никогда.....

.....

.....

<.....>

Примечания

- ¹ Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в пер. Вячеслава Иванова (Памятники мировой литературы). М.: Изд. Сабашниковых, 1914.
- ² Только что вышло подготовленное К.Ю. Лаппо-Данилевским и откомментированное автором этих строк научное (под грифом Пушкинского Дома) издание (Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в пер. Вячеслава Иванова. Третье, перераб. изд. СПб: Изд. имени Н. И. Новикова, 2019).
- ³ В. В. Вересаев. Полное собр. соч. Т. 10. М.: Недра, 1929.
- ⁴ Эллинские поэты (Б-ка античной литературы). М.: Худ. литература, 1963.
- ⁵ Парнас: Антология античной лирики. М.: Моск. Рабочий, 1980.
- ⁶ Эллинские поэты. М.: Ладомир, 1999.
- ⁷ В этом смысле наименьшие потери понесли французы и итальянцы, для которых силлабическое стихосложение и раньше было непреодолимой для ритмической имитации преградой.
- ⁸ Почти полвека назад в журнале «Вестник древней истории» за 1973 и 1974 годы (полный текст в 1980 году в «Литературных памятниках») при переводе од Пиндара, написанных настолько сложными размерами, что вплоть до начала XIX века их природу не могли разгадать, М. Л. Гаспаров предложил русскому читателю их перевод как раз свободным стихом, но тогда этот пример не имел продолжателей.

© Перевод: Сергей Завьялов

Бабушки мои Афины

Костас ТАХЦИС

Предисловие переводчика

Костас Тахцис — одна из самых ярких звезд современной греческой — и всемирной — литературы. Описывая его, литературные журналы и критики всех стран, где когда-либо переводили книги Тахциса, особенно главный роман «Третий брак», характеризуют его литературное дарование исключительно в превосходных степенях, где гениальность, новаторство, шедевр и «самый важный роман, который нам дала Греция», толпятся среди прочих, не менее лестных эпитетов. Английский литературовед Мартин Сеймур-Смит в своей статье в журнале *Spectator* замечает, что Тахцис «являет такую силу таланта, которая ставит его в первый ряд современных европейских писателей», ему вторят критики и в *Старом*, и в *Новом Свете*.

Костас Тахцис родился в Салониках 8 октября 1927 года. После развода родителей его мать оставляет себе младшую дочь, а четырехлетнего старшего сына отдает бабушке, которая и воспитывает его. В семь лет он с бабушкой уезжает из Салоник в Афины, где заканчивает школу и поступает на юридический факультет Афинского университета. Там же, в Афинах, когда Тахцис был еще юным школьником, знакомая, к которой его бабушка пришла погадать, решила заглянуть в будущее не только бабушки, но и внука. «Этот мальчик будет открывать большие двери и увидит весь мир», — предсказала гадалка, и оказалась права.

С 1947 года Костас Тахцис не только становится завсегдатаем кофейен «Бразилиан» и «Лумидис», где собиралась афинская интеллигенция, но и тесно общается с такими великими писателями, как будущий нобелевский лауреат Одиссеас Элитис, как Нанос Валаоритис, Андреас Эмбирикос, художником Яннисом Царухисом, и со многими другими. Позднее он познакомится с еще одним греческим лауреатом Нобелевской премии — Йоргосом Сеферисом, дружба с которым продлится до смерти Сефериса. Все эти годы он пишет стихи, с 1951 по 1956 год издает пять поэтических сборников, которые получают

благоприятные отзывы критиков, хотя обложка одного из них и вызывает всеобщее потрясение — художник Яннис Царухис оформил ее как традиционное извещение о смерти.

В 1954–1964 годах Тахцис путешествует, в том числе по Европе, Англии, Восточной Африке, Австралии и США и работает — помощником режиссера на съемках «Мальчика на дельфине», менеджером знаменитого пианиста, матросом на датском грузовом корабле, грузчиком в магазине и стационарным смотрителем на австралийских железных дорогах, в пресс-службе Государственного банка Австралии и американской компании в Греции, преподает английский, проводит экскурсии и навсегда порывает с поэзией. Быть просто неплохим поэтом в то время, когда Греция зачитывается стихами Кавафиса, все новые и новые работы издают Элитис, Сеферис и Эмбирикос, было довольно трудно, особенно для такого отчаянно честного, безжалостного к себе и тонкого знатока литературы, каким был Тахцис. Кроме того, даже поверхностное чтение его стихов показывает в них будущего прозаика — строение и композиция, сюжетность, вещьность его поэтического мира, которая потом безупречно проявится и в создании его миров в прозе — каждая сцена всегда видна отчетливо, так, как если бы читатель сам находился в этом дворе, где две героини ведут свою бесконечную беседу, где разносится запах кофе и вишневое варенье застывает на блюдечке, а полуденный зной дрожит зыбким маревом на афинских улицах. Его переход к прозаическому нарративу был вопросом времени.

В очередной раз вернувшись в Грецию и в очередной раз быстро ее покинув, Тахцис отправляется в путешествие по Европе на мопеде «Веспа», чтобы написать роман, над идеей создания которого он думал уже несколько лет и мини-замысел которого появляется в одном из последних его стихотворений. Работу над романом «Третий брак» он закончит в Австралии, после чего отправит текст издателям в Грецию, где его отклонят «как неподобающий». Поэтому в ноябре 1962 года Тахцис издает роман за свой счет. Его практически никто не прочтет — греческая критика выхода романа не заметит, покупатели — тоже. Лишь через десять лет — после публикации на английском языке, роман получит всемирную известность: его переведут не только на английский, но и на французский, итальянский, немецкий, голландский, испанский, венгерский, польский, сербский, румынский и другие языки. В 1972 году Тахцис выпустит сборник рассказов «Сдача». В 1979-м — сборник «Бабушки мои Афины». Также ему принадлежат переводы комедий Аристофана и современных авторов на новогреческий язык, многочисленные статьи и эссе. В последние десять лет своей жизни Тахцис почти ничего не писал.

27 августа 1988 года сестра нашла Костаса Тахциса мертвым в его афинском доме. Судмедэксперты установили, что Тахцис был задушен примерно за двое суток до этого. Точная дата смерти неизвестна, убийца так и не найден. Мотивы убийства не обнаружены. После смерти Тахциса были изданы неоконченный роман-биография «Страшный суд» и несколько сборников его рассказов, эссе, интервью и писем.

Анна Ковалева

АННА КОВАЛЕВА — филолог-классик (МГУ имени М.В. Ломоносова), переводчик, журналист, литературный редактор и пиарщик. За годы работы в СМИ выпустила несколько тысяч статей в самых разных изданиях — от «Известий» до Vogue. Стипендиат Фонда имени Александра Онассиса. В последние годы наряду с переводами занимается связями с общественностью, возглавляя PR-департаменты сначала в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, а потом — в Главгосэкспертизе России. Член Союза писателей Москвы.

Бабушки мои Афины

Мое свидетельство о рождении утверждает, что я родился в Салониках, но не стоит придавать такое уж большое значение свидетельствам. Я — афинянин. Один из тех пяти тысяч жителей, которых насчитывали Афины в 1827 году, был моим предком со стороны матери, точнее говоря — дедом моей бабушки. У этого человека были в собственности капустные поля в Айос-Иоанис-Рендис¹, всего в шести километрах от Акрополя, — они все еще принадлежали каким-то двоюродным братьям бабушки в то время, когда я был маленьким.

«Когда-то, — сказала мне как-то бабушка, рассказывая об этих садах, — пришел мой дед домой, упокой, Господи, его душу, и принес нам капусту. Это был какой-то гигантский кочан. Он поставил его на кухонный стол, дернул меня легонько за косички и ушел. А в тот день мать отправила меня чистить картошку. И вот стою я и чищу ту картошку, как вдруг вижу, что из капустной головы высовывается змея. Я так и замерла. А потом как завизжу во весь голос: „Мама! Мама! Змея!..“ Не все змеи кусаются, некоторые даже очень хорошие, приносят удачу, в былые дни во всех домах были свои змеи, и убивать их было запрещено, помню, муж одной моей подруги убил змею, что жила у них в доме, и с тех пор не видели они ни счастья, ни радости, но в те времена я была еще мала, и все это мне было неведомо...»

Мой прадед отказался от капустных поместий своего отца и открыл кофейню на перекрестке улиц Пирэос и Колокинтус, прямо напротив Приюта². Его жена приехала с Андроса³, но все их дети — старшей была моя бабушка — родились в Афинах, которые за эти годы расплозились и приросли большим количеством величественных зданий, построенных в неоклассическом стиле, и восьмьюдесятью тысячами жителей. Их дети, когда хотели поиграть где-нибудь подальше от своего дома — и он тоже находился в одном из переулков улицы Колокинтус, — отправлялись на древнее кладбище в Керамикос⁴. «Я была самой старшей и переняла всех моих братьев-сестер. Так вот, каждый раз, когда мальчишки исчезали, покойница мать посылала меня глянуть, не играют ли они, часом, в Керамикос. Сказать по правде, я тогда еще не знала, что в древности здесь было кладбище, да даже если бы и знала, вряд ли бы меня это утратило. Что мертвые могут тебе сделать? Господи, сохрани нас от живых...»

Не могу представить ее маленькой, лет одиннадцати-двенадцати, как она ищет братьев, которых я к тому же и знать не знал. Я вижу ее такой, какой запомнил по самой старой ее фотографии: весна, она уже девушка и собирает луговые цветы неподалеку от надгробной стелы Гегесо⁵, с которой имела поразительное сходство. Когда она вышла замуж, то решила, как потом мне рассказывала, что, сменив место жительства, избавиться от тиранической опеки своей властной матери. Поэтому они сняли дом в пятистах метрах выше, у Тисиона⁶. «Видишь этот дом? Здесь я жила, когда вышла замуж за твоего деда. Много раз, проходя мимо, я думала, не постучаться ли и не зайти ли в дом, чтобы снова его увидеть, да только чему это уже поможет? В конце концов, здесь и родилась твоя прекрасная мать. Когда мы съехали, ей было, должно быть, то ли семь, то ли восемь лет...» «Когда мы съехали» означало «когда переехали в Салоники» — где с десяток лет позднее родился я сам. Но эта экспатриация тянулась недолго. В начале тридцатых годов семья, точнее, то, что от нее осталось, вернулась в Афины, их население к тому моменту достигало миллиона человек, оставив позади — благодаря смертям и разводам — «чужеродные элементы», которыми для нее были мой дед из Сиатисты⁷ и мой отец из Салоник.

Первый дом, который мы наняли, располагался, разумеется, в милых бабушкиному сердцу «палестинах», на углу улиц Колокинтус и Леонида, — там рядышком проживали все ее многочисленные кузены, племянники и племянницы. Так что, пока мы не сменили тот район на другой, попримечнее (этот тем временем заполнили красные фонари), я погрузился в атмосферу семейной мифологии. Я не играл, это правда, на кладбище в Керамикосе — его к тому времени обнесли стеной. Но именно в его окрестностях я впервые начал шляться по улицам — запрыгивал на подножку трамвая, идущего в Вотаникос⁸ и проходящего как раз перед моей школой, по улице Александра Великого, и выходил возле детского приюта Хатзикосты, в двух шагах от Керамикоса. Много раз вместе с бабушкой я посещал и капустные поля, из которых выросла вся семья, и там я в первый раз попробовал бешеные огурцы, эти кислые на вкус дикие огурцы, которых теперь уже и не встретишь. По воскресеньям я шел в ту же самую церковь, в которую ходила и моя бабушка, когда была маленькой, — в приютскую церковь. Нередко играл в лугах вокруг Тисиона, бывшего пристанищем детских игр и для моей матери. В доме на улице Леонида я схлопотал самую памятную порку в своей жизни, когда от моего учителя они узнали, что я катался на подножке трамвая. В компании бабушки я совершал прогулки у подножия Акрополя, даже и не думая — вот подлинные афиняне — забраться на вершину. Первый карнавал в моей жизни, в тридцать пятом году, я увидел на улицах Псири⁹, первого воздушного змея запустил на холме Филопаппу¹⁰, но его хвост сцепился с хвостом змея другого мальчика, тот смог вырваться и продолжил свой гордый полет, а мой упал на землю кучкой тряпья...

Затем мы переехали, как я уже говорил, в более подходящий район возле горы Ликавит¹¹, поселившись с ее мещанской стороны, на улице Иппократу. И там, когда я сбежал из школы — а делал я это довольно часто (как правило, тогда, когда накануне не сделал домашнее задание по математике), — я уходил в каменоломни Ликавита и играл там в мяч, а в маленьких его пещерах скрывал свои первые невинные, а немного позднее и не такие уже невинные, любовные секреты. Годы моего отрочества и юности, тянувшиеся под гнетом домашней тирании и совпавшие, увы, с четырьмя годами войны и немецкой оккупации, я провел под его сенью и в его окрестностях, наконец, именно здесь, между двумя этими горами, Акрополем и Ликавитом, я стал мужчиной, если мне вообще дозволено сказать, что я им стал. Правда, потом я сбежал. Проведя в странствиях по доброй половине ойкумены около десяти лет, и я тоже встретил своих циклопов и своих лотофагов¹², но потом вернулся, и живу теперь не в тех новых, без преданий и без истории, районах современного мегаполиса, где обитало сначала два, а затем уже и три миллиона человек, но снова под скалами Ликавита, на этот раз со стороны Дексамени¹³, где к тому же я недолго жил — сначала в детстве, потом в отрочестве.

Так вот, никогда не придавайте такого уж большого значения свидетельствам. Я — афинянин, и даже — не так уж и много нас таких — в пятом поколении. За сорок лет я видел, как меняется — к худшему — многое, слишком многое. И одно дело, когда ты что-то узнаешь из книг: «Здесь, где мы сейчас стоим, возможно, сидел Сократ с Федром», — и совсем другое, когда ты получаешь это из первых рук, когда можешь сказать: «Видите этот забитый проспект, задыхающийся от машин и выхлопных газов? Когда я был ребенком, здесь протекала речка, не без мусора, конечно, но течение было тихое, и это она давала воду для полива платанов, тех, что еще сохранились. Я хочу сказать, что смотрю на Афины сквозь призму времени, так, как их не может увидеть провинциал или иностранный турист, и в этой призме я вижу и себя самого. Когда я отправляюсь, к примеру, на холм Филопаппу, обычно весной, и взгляд мой падает на одну из тех вещичек, которые ан-

гличане называют «французский подарочек», а французы — «английским пальто», там, где другой бы был шокирован или испытал отвращение, я просто печалюсь: боже мой, боже мой, говорю я себе, до чего же жизнь изменила меня — как и Афины! Подумать только, что было время, когда я думал, что этот холм существует только для того, чтобы маленькие мальчики могли приходить туда и запускать своих воздушных змеев! И вот ведь чем дальше уходит время, тем больше я чувствую себя даже не просто афинянином, но чем-то вроде крошечного движущегося экспоната археологического музея. Иной раз, когда я выхожу в сумерки на террасу, чтобы полить цветы: герань, жасмин, базилик и китайскую розу, — и вижу толпящихся вокруг колокольни Ай-Йорги¹⁴ провинциалов и туристов, глазеющих на Афины, у меня появляется странное и, может быть, даже несколько высокомерное чувство, будто бы я, пусть даже они этого не знают, и есть одна из тех открыток, которые они покупают, чтобы послать себе на родину.

Я жил в разных городах. Некоторые из них — Сидней, Нью-Йорк — полюбил всей душой и с удовольствием наезжал бы в них, ненадолго, хотя бы раз в пять лет. Но сколько бы мне еще ни осталось дней жизни, именно здесь, именно в Афинах, я хотел бы прожить это время, и здесь, когда придет когда-нибудь и мой час, именно здесь и закончить свои дни. И если вдруг не случится что-то непредвиденное, скорее всего, будет так — в какой-то момент афинского народу прибавится, до пяти миллионов человек и пяти с половиной в разгар туристического сезона. К этому моменту, думаю я иной раз, почти ничего не останется от моих Афин, от тех Афин, которые я так любил. Но что-то внутри меня говорит, что, возможно, я и ошибаюсь. Потому что — если только не случится какая-нибудь гигантская, космогонических масштабов, катастрофа — останутся надолго, навсегда, надеюсь, хотя бы Ликавит и холм Филопаппу. До этого их наверняка «увековечат» какие-нибудь грешащие дурным вкусом муниципальные или государственные службы и загонят в гетто из колючей проволоки. Но дети и влюбленные парочки всегда найдут способ прорваться и просочиться за ограду. Как бы ни загрязнялась атмосфера, вряд ли так уж сильно изменится медовая афинская осень, кроткая афинская зима с ее алкионовыми днями¹⁵, опьяняющая весна и одуряющее лето, которое нет-нет да и освежит вечерний ветерок. Каким бы грязным не становился Саронический залив¹⁶, всегда — очень на то надеюсь — найдется какой-нибудь относительно чистый пляж. Люди могут тем временем отправиться на заработки на Луну, но магия Луны, выплывающей из-за верхушки Гимета¹⁷, всегда будет прежней. Единственный и неповторимый цвет неба Аттики, и тот не должен измениться. В том аду, в который, по обещаниям многих, скоро должны превратиться Афины, всегда будет место маленькому раю монастыря в Кесариани¹⁸, скрывающемуся в десяти минутах от центра. От этих старых и таких человеческих домишек, которые мы знали, уже ничего не останется. Но в отвратительных многоэтажках, которые вырастают на их местах, еще очень долго будут жить люди, что будут говорить, пусть даже и на испорченном — как будто бы это случится впервые за всю историю мира, — но более или менее на том же языке, что и я, будут думать и чувствовать примерно как и я, среди них всегда найдутся юноши и девушки, которые до тех пор, пока существуют книги, наверняка, пусть даже и не все они, будут читать мои.

Некоторые утверждают, что Афины уже превратились в ад. Все брюзжат по поводу постоянно грохочущих двигателей и гула бетономешалок, жалуются на вечно разбитые тротуары, на пыль, что делает сушь афинских окрестностей, практически лишенных зелени, еще более невыносимой, на дурную привычку афинских хозяек выбивать ковры на балконе, на каменоломни, что, словно гангрена, пожирают Гимет, на удивительную безнаказанность тех, кто поджигает леса, чтобы строить новые и новые дома, возмущаются недопустимыми проблемами с дорожным движением и штра-

фами, которые они получают за парковку под запрещающим знаком возле своих домов, и многим-многим другим. Коренные жители Афин во всем обвиняют жителей деревни, переехавших в город, обрушившись на него, словно полчища саранчи, и все вместе они недовольны туристами — еще одним и куда более ужасающим бедствием.

Всему этому можно было бы найти немало оправданий — все-таки современные греки довели до невероятных высот искусство объяснений и оправданий, иначе они бы просто не выжили, — можно было бы сказать, например: ну что вы кричите? Лучше аттическая пыль, чем ядерный пепел, лучше несправедливый штраф за парковку в неполюженном месте, чем тюремное заключение за мужеложство, лучше туризм, чем нацизм, — хватает и того, что не то и другое сразу... Я ничего не говорю. Я сижу на насесте, на своей террасе, как афинская сова¹⁹, и смотрю на то, как люди и годы — чуть было не сказал: столетия — проплывают мимо. Иногда я, чтобы развеяться, устремляюсь на вершину Гимета. Оттуда Афины все еще кажутся прежними... Иногда я снова отдаю себя метаморфозам — так велит нам дух этого места — и становлюсь сатиром или нимфой. Поднимаюсь на холм Филопаппу и вслушиваюсь с улыбкой в глупую, но всегда такую трогательную болтовню парочек. Может быть, этот юноша, размышляю я, сын того мальчика, что сбросил моего воздушного змея, а его при этом так и не упал. Или, отдав Плаку²⁰ наступающим туристам, блуждаю по узким полутемным проулкам Псирри, носящим душераздирающие имена — Гебы²¹, Калесхра²², — и вновь проживаю, тепер уже по-своему, карнавалы моих детских лет...

В последнее время я несколько раз позволил своему автомобилю довести меня, поздно ночью, до Айос-Иоанис-Рендис. Посреди заводов, изрыгающих ядовитые пары, и рабочих многоэтажек все еще живы несколько капустных полей. Я не выходил из машины. Не потому что испугался, как бы меня не заприметила какая-нибудь змея, что вылезет из капустной головы. Змей я не боюсь. Что тебе могут сделать змеи? Господь сохрани тебя от людей... На обратном пути ты проезжаешь мимо Керамикоса, и однажды я поддался искушению, оставил машину подле современной, довольно безвкусного вида христианской церкви, подошел к решетке, впери́л взгляд в темноту, в то место, где, я знал, находится надгробная стела Гегесо, и внезапно, клянусь, увидел покойную мою бабушку, что стояла жива-живехонька и смотрела на меня с нежной строгостью, словно бы говоря: «Ну что же... Хорошо, в конце концов, что ты не стал чем похуже...», и затем она исчезла. Благодаря ей, и неважно, что там утверждают свидетельства, я — афинянин. Благодаря ей я люблю Афины. Некоторые говорят, что, пав столь низко, этот город стал худшей столицей в мире. Не знаю, да меня это и не интересует. Красивый или уродливый, для меня он — единственный. Это — город, в котором родилась, прожила всю свою жизнь и умерла моя бабушка. Я, разумеется, должен вам в том признаться, что в отдельных своих проявлениях она, точно как и Афины, была настоящим чудовищем, которое терзало и изводило меня в те времена, когда я был маленьким мальчиком, а потом юношей, но что поделать? Она — единственная женщина, которую я любил в своей жизни.

Маленькая жизнь с Сеферисом

Летом 1954 года — значимый год для меня — я напечатал за свой счет небольшой сборник Стихов под названием «Симфония кафе „Бразилиан“». Об обложке с невероятным рвением позаботился Царухис. Идея была моей, но он выбрал типографские элементы и рыдающего под плакучей ивой ангела. Это было извещение о смерти — один из самых дерзких моих замыслов

намекнуть на смерть поэзии вообще, хотя, конечно же, в итоге это стало не более чем извещением о «смерти» моей собственной поэзии, которая и так была совершенно мертворожденной. Царухис уже тогда был достаточно известен и очень любим, и я был столь наивен, что полагал, будто бы, поставив свою подпись рядом с моими поэтическими излияниями, он придаст им авторитетность и тем самым узаконит их. Иллюзии, что я вообще питал в то время, в этом конкретном случае привели к одному из самых тяжелых падений обратно к действительности. Общество было скандализировано. Книжные магазины отказывались продавать этот сборник. Некоторые меня беззастенчиво выгнали, и пусть они того и не знают, но я так никогда и не простил им этого. С другой стороны, люди нашего узкого круга, которым я пробовал дарить его, брали книгу, как раскаленный уголек или змею, стучали по дереву, крестились, и все они за небольшим исключением были уверены, что я сошел с ума, а Царухис выглядел невероятно довольным. Все это я в состоянии обдумывать сейчас. Я же тогда пребывал в постоянном восторге, и это всеобщее потрясение из-за вещей, которые я считал крайне естественными и безвредными, было для меня совершенной загадкой.

Не знаю, как реагировали получатели книги, не знавшие меня лично, в тот момент, когда вытаскивали сборник из бежевого конверта. Покойный Эмбирикос²³, во всяком случае, позвал меня к себе домой и заставил прочитать все стихотворения на диктофон. Трое-четверо других, и среди них Пендзикис²⁴, прислали мне теплые письма. Я получил и много благодарственных открыток. От Сефериса, который тогда был послом в Бейруте, ничего: ни письма, ни открытки. Это молчание со стороны человека, который, по общему мнению, после смерти Сикелианоса²⁵ был величайшим живым греческим поэтом, меня крайне огорчало, и не исключено, что оно ускорило, да уж, мою решимость, к которой я пришел два года спустя — и как же хорошо, что я сделал это! — никогда больше не писать стихов. Столь незначительными могут иной раз быть причины поэтического произведения, в котором критики, а зачастую и сам художник, обнаруживают потом общественно-политические и другие смыслы. В конце концов с той поры меня охватила абсурдная антипатия как по отношению к самому Сеферису, которого я не знал лично, так и к его поэзии, которую я читал, но довольно поверхностно, и она мне не понравилась. К тому же вскоре я порвал какие-либо связи с поэзией, по крайней мере в строгом смысле этого слова, и уехал из Греции — навсегда, как мне тогда казалось, — Сеферис меня больше не интересовал, я забыл его или думал, что забыл.

В какой-то из воскресных дней осени 1959 года — весна у антиподов — я сидел в саду своего дома, под цветущей жакарандой, с одним своим австралийским приятелем, директором теперь крупнейшего музея искусства в Австралии, и мы читали. Я — какую-то книгу о Митре и о том, как поклонение ему чуть было не стало официальной религией Римской империи вместо христианства. Приятель углубился в какой-то американский журнал, посвященный вопросам искусства. В какой-то момент он воскликнул: «Здесь есть кое-что, что тебе будет интересно» — и протянул мне журнал. В шапке была фотография Сефериса. Он сидел на корточках перед расколотыми барельефами театра Диониса и задумчиво смотрел на какой-то полевой цветок, который держал двумя пальцами. Далее следовал английский перевод «Памяти-I» из «Судового журнала III». Я совершенно не помнил оригинальный текст, и перевод тоже не сказал мне ничего особенно интересного. Но я был взволнован. Чувства, охватившие меня, были смешанными. Я был горд, что сияние греческого поэта достигло края света и его стихи читает австралиец, и пусть даже этот поэт был тем, кто меня «отбросил». В то же время необходимость признать, что греческая поэзия продолжает существовать и спустя пять лет после тех пышных «похорон», что я ей устроил, была страшным ударом для моего гипертрофированного эго, хотя она же стала и звуком горна, что заставил меня проснуться. Так жизнь там продолжалась — и в мое отсутствие тоже! Нужно перестать предаваться безделью и расслаблению

и сесть писать, подумал я и вернул журнал Дэниелу. «А тебе как?» — спросил я. Дэниел был выпускником Оксфорда и отличался редкой даже для европейца образованностью. «Это перевод, — отозвался он, пожимая плечами. — Не знаю, как с греческим текстом, но это — чудесное стихотворение». Я скривился и снова погрузился в книжку про Митру и митраизм, но что-то не давало мне сосредоточиться. Тем же вечером я написал в Афины с просьбой прислать мне все книги Сефериса, какие найдутся в моей библиотеке.

И так недели через две я впервые прочел его внимательно и вынужден был проглотить свою гордость и признать, что некоторые его стихотворения были прекрасны. Кавафис был великим, но, в конце концов, не единственным великим в греческой поэзии. В тот момент я испытывал острую потребность снова прикоснуться ко всей Греции, даже и к этим ее осколкам, они, может быть, не особенно соответствовали моему характеру, но в них, в Сеферисе, я теперь обретал ту Грецию, которую искал. Я прочел, на этот раз по-гречески, это исключительное стихотворение «Память-I», столь исполненное Кипра, столь горькое в эти ужасные дни²⁶.

*И я прошел вперед по темному пути
и там склонился к саду моему, вскопал его и похоронил
тростинку
и прошептал: заря родится
снова
как весной сияют кронами деревья, так раскинется ветвями
блестящий мрамором рассвет.
И вновь возникнет море, и снова пена Афродитой
нам плеснет на берег.
Мы — семя, что обречено на смерть. И я вошел
в покинутый мой дом.*

Внезапно я остро почувствовал тоску по Греции, которая тайно терзала меня уже давно — как чья-то рука, что хватает тебя и властно тащит. В те времена — поскольку все-таки слова о моей праздности были не вполне правдивы — я бился над тем, чтобы придать форму «Третьему браку», а роман сопротивлялся любым моим усилиям, я объяснял это трехлетним расставанием с Грецией, конечно, размышляя я, вот я уже и забыл греческий, я больше не смогу писать. Сеферис оживил мои страхи и неодолимую потребность вновь прикоснуться к истокам, к моему месту и моему языку, и именно потому позднее я был в состоянии понять и разделить чувство удушья, которое должны были бы ощущать в течение того семилетия те наши писатели, кто оказался отрезан от своей земли. Это ощущение того, что ты задыхаешься, владело и мной тогда, с одним только отличием: я мог сесть на самолет в любой момент, как только пожелаю, и вернуться в Грецию. Теоретически, конечно. Потому что на деле это было не так уж и легко. Я должен был потратить — с сомнительным терапевтическим результатом — накопления, сделанные за последние три года, на поездку для души. Это было непростое решение, а мне никогда не хватало хладнокровия на серьезные поступки. Каждый раз, когда это происходило, необходимо было вмешательство какого-то стороннего фактора, вынуждавшего меня принять решение, которое я не осмеливался принять сам по себе. И поскольку по характеру я нетерпелив, и если ждать, пока эти внешние силы вмешаются, можешь прождать и годы, то мне следует позаботиться о том, чтобы их призвать. Вернее, следует позволить своему бессознательному позаботиться об этом. И как-то так весной 1960 года я снова оказался в Афинах.

Мне показалось, что я вижу город впервые, а в нем совершенно отчетливо — всю Грецию и всех греков: без предубеждений и злопамятства, только с любовью. Меня охватил восторг. Магия, все это время не дававшая мне писать, рассеялась. Я порвал бесчисленные страницы, собравшиеся за эти годы, и снова начал писать роман — в том виде, в котором он издан сейчас. Тому, как и моему бегству тремя годами ранее, сам того не зная, поспособствовал Сеферис. Это было — ясно вижу теперь — благословенное стечение обстоятельств. Но в то время я все еще не знал его лично и представлял себе таким, каким Сефериса описывал наш общий друг Нанос Валаоритис²⁷. Нанос — вместе с Дарреллом²⁸ — перевел первые стихотворения Сефериса на английский, но за ушедшее время они несколько охладели друг к другу. Когда Сеферис получил Нобелевскую премию, Нанос повел себя так, как будто бы и он приложил к тому усилия и никто не признал этот его вклад, и не то чтобы он был совершенно неправ. Парадоксальным образом, когда закончился год, Нанос, первый и в этом, представил меня поэту. Стояла зима 1965 года, вскоре после смерти Элиота²⁹. Британский совет организовал вечер его памяти, маленький рекеиум. Сеферис тоже принимал в нем участие. Тогда я впервые встретил его во плоти, и мое острое любопытство было вполне объяснимо. Какой-то англичанин, а вслед за ним француз рассказывали о жизни и работе Элиота. Сеферис прочитал отрывок из «Убийства в соборе», которое он ранее перевел. Голос его был глубок и мужественен, но в то же время казался теплым и мелодичным, с едва заметным пришепетыванием. Читал он, признаться, как-то монотонно, именно это и делало чтение еще более впечатляющим. Я слушал и смотрел на него — очарованный, и бог свидетель, я не из тех, кто легко увлекается. В какое-то мгновение я прошептал Наносу, сидевшему рядом со мной: «А он хорош, и очень...» На лице Наноса появилось странное выражение, словно бы говорящее: хм, есть у него и неплохие черты. Вскоре на пятом этаже, куда нас пригласили выпить по бокалу, Нанос снова появился, оторвал меня от какой-то женщины, с которой я болтал, и триумфально, как захваченный трофей, потащил к Сеферису: «Вот он!». Сеферис взглянул на меня так, будто бы что-то в моей наружности его забавляло, как если бы он не ожидал, что я окажусь именно таким. «Гляди-ка! — проговорил он. — Так ты и есть Тахцис?» Я с глупым видом закивал. «А ты знаешь, — продолжил он, — что я — твой поклонник?» Мое сердце ускорило темп. Его слова ударили мне в голову, как крепкое вино. Так мои старания не вовсе пропали напрасно... Но что я мог ему сказать? «И я, — прошелестел я едва слышно. — И я...», и невозможно было сказать, был ли этот шелест возвратом комплимента или дерзостью: я восхищался им или собой? Сеферис терпеливо ждал продолжения, но я лишился способности говорить, словно проглотил язык. Тогда он повернулся к какому-то англичанину, приблизившемуся к нему очень деликатно и почтительно, а я остался один, переполненный чувством вины, которое, однако, с давних пор было для меня единственным источником той любви, что я чувствовал к кому-либо, и часто это чувство проявлялось слишком поздно, чтобы я успел сказать об этом и чтобы меня желали или могли выслушать.

Некоторое время спустя он прислал мне — с Наносом — «Три тайных поэмы»³⁰. В тот же день — тогда и я тоже жил за Стадионом — я бросил в его почтовый ящик экземпляр первого издания «Третьего брака» с теплым посвящением, хотя, возможно, и не таким теплым, как следовало бы. Через несколько дней я случайно встретил его с женой на улице. Маро Сефери³¹ теперь говорит, что в тот день я прижимал к груди огромный арбуз и выглядел очень забавно. Я же помню только, что спросил, не ищут ли они такси, а Сеферис снова посмотрел на меня, как будто что-то во мне развлекало его, и ответил каламбуром, к которому я привык еще с детства: «Да, мы ищем Тахциса»³².

Не помню, когда я впервые оказался у него дома. Помню только, я провел два очень человеческих часа, за которые Сеферис узнал больше обо мне — и довольно легко, учитывая мою манию постоянно вещать о самом себе, — чем я о нем. Хотя было бы справедливо по отношению и к нам обоим, если бы я заметил, что его любопытство было настоящим: он принадлежал к миру, который был мне хорошо знаком, так что мне не было нужды задавать ему вопросы. Я же относился и к его миру, и одновременно и к другому, совершенно ему неизвестному. С тех пор я позванивал им, хотя и не так чтобы очень часто. Я понимал, как много других людей жаждали его драгоценного времени. Трубку всегда брала его жена. Я говорил: «Это я». А она всегда одно и то же: «Ба, ну, здравствуй! Йоргос, это Тахцис». Каждые два из трех звонков они звали меня прийти повидаться.

Обычно мы сидели в комнате, которую он использовал как кабинет. Госпожа Сефери брала свое рукоделье и слушала, как мы разговариваем, вступая — очень редко — в беседу, и — высший знак хорошего воспитания — далеко не всегда, чтобы принять сторону своего мужа. О чем мы говорили? Обо всем — даже и о литературе. Но самые запоминающиеся наши беседы, которые, признаюсь, всякий раз провоцировал именно я, вращались вокруг любви во всех ее проявлениях: самый результативный метод — настоящая нить Ариадны, — чтобы войти в лабиринт души другого человека и выйти из него живым. И вот еще: это способ обрести с кем-либо такую близость, что позволит тебе свободно говорить с ним, то есть любить его. Не знаю, интересно ли все это было Сеферису, однако уверен, что это его точно забавляло и позволяло ему чувствовать себя легче и моложе. «Ну и ну, Тахцис, да ты сошел с ума, — произносил он с нежной снисходительностью. — Что это ты такое говоришь? Ты знаешь, что каждый раз, когда ты приходишь, Маро потом ночью видит кошмарные сны?»

Подозреваю, что кошмары снились скорее ему, чем ей. Его жена как-то во время одной из таких бесед рассказала, что во время войны, когда они еще были молодоженами, они жили в гостинице в Египте, и когда она посреди ночи храпела слишком громко, Сеферис прижимал ей лицо подушкой, потому что боялся, как бы в соседних номерах не подумали, что это любовный стон, — «Не помнишь? Ты меня чуть не задушил!» Сеферис, разумеется, не был ни ханжой, ни пуританином. За внешностью дипломата скрывалась не только поэзия, но и пламенный характер жителя Малой Азии. И я почти уверен, что Сеферис не идеализировал свое «либидо», выстраивая слова на листе бумаги, в отличие от Казандзакиса, иначе его поэзия, сочная и феноменально небрежная, не обладала бы такой восхитительной сдержанностью — плод постоянных сокращений — и уравновешенностью, которые для нее так характерны. Но он был буржуа — и по воспитанию, и по профессии. Может быть, несколько травмированный, но вовсе не невротик и без каких-либо намеков на болезненность. Сеферис был человеком деликатным, представителем так называемого хорошего общества, и он относился к тем мужчинам, кто посвящает свою эротическую жизнь женщине, которую полюбит, и не собирается — из чувства стеснительности и собственного достоинства, — открывать тайнства этой жизни кому-либо. Блаженной памяти — теперь — Никос Каввадиас³³ рассказал мне, что однажды в Бейруте он попытался было завлечь его в район красных фонарей. Когда Сеферис понял, где они оказались, он поспешно и разъяренно умчался.

Смущало ли его сон то, о чем я говорил? Если и да, то я не порицаю его за это. Думаю, что эти разговоры увлекали его в загадочные миры, на которые, даже если бы они и интересовали чисто теоретически, исследовать которые у него — теперь, когда уже столь близок был конец пути, — не было ни времени, ни желания. Мир, который ему был известен, и так полнился загадками, и он выразил это безупречно.

*Его я видел: вчера он встал у двери
под моим окном. Было
семь примерно. И женщина стояла рядом с ним.
Он вел себя подобно Эльпенору³⁴, когда тот незадолго перед тем, как пасть,
подрался, и однако же он не был пьян.
Он говорил так быстро, а она смотрела
рассеянно на граммофоны.
Перебивая иной раз и не давая договорить и фразы,
А затем смотрела с нетерпением туда,
где на жаровнях запекали рыбу, — словно кошка...*

Помогает ли нам знание эротической жизни поэта или прозаика для понимания его творчества? В некоторых случаях, как с Кавафисом, да. В других очень мало, и Сеферис принадлежит к этой второй категории. Внимательное чтение его стихов все открывает. Сеферису не нужно было что-либо скрывать, потому что ему нечего было скрывать, эротическая составляющая его поэзии совпадает с той, что составляла его жизнь, жизнь обычного гетеросексуального мужчины, и потому не вызывает особенного интереса. Но я продолжал относиться к нему непочтительно. Я хотел войти в его душу, как хирургический нож, пусть даже это и отнимало каждый раз у него частицу жизни. И Сеферис терпел меня безропотно и стоически.

Как будто мало было того, что я являл крайнюю непочтительность, когда он бодрствовал, то же самое я делал, и когда он спал. Поздно вечером, когда случалось какому-нибудь моему другу подвезти меня на машине до дома, я просил его остановиться чуть выше, на полутемной улице Агры, и там, пока мы заканчивали вечернюю беседу, я позволял своему взгляду впитаться в его дом, словно бы пытаюсь пройти сквозь стены, добраться до его кровати и встать над ним, как герой Пруста стоит над кроватью спящей Альбертины, которая, разумеется, была Альбером: и что же снится сейчас поэту? Затем я спускался по ступенькам, приводившим на улицу Эвфориона³⁵. Так прошел год, и в один из таких вечеров — примерно часа в два пополудни — на углу Эвфориона и Автомедонта³⁶, в тот самый момент, когда я уже готов был зайти в дом, я увидел, как по проспекту Короля Константина ползут танки.

Начинаю говорить о тех первых месяцах после переворота, и мой разум цепенеет. В этом нет ничего странного. И тогда он тоже оцепенел. Я впал в как бы кататонический ступор, и хорошо, что это произошло! Потому что каждый раз, стоило мне хоть немного прийти в себя и осознать, что происходит, я впадал в еще более черное отчаяние. Сведения, доходившие до меня, по крайней мере вначале, были смешанными и примерно такими же, что слышал тогда и более или менее весь мир: оппозиционные организации, разваливавшиеся прежде, чем нам удавалось узнать об их существовании, гостиницы-тюрьмы для некоторых — как правило, правоцентристов — политических заключенных и какой-то бесплодный визит Паттакоса³⁷ в дом госпожи Элени Влаху, который пытался убедить ее возобновить издание принадлежавших ей газет³⁸. Периодически мы собирались в доме у кого-нибудь из друзей, чтобы послушать иностранные радиостанции, и, естественно, мы тут же погружались в обсуждение политики, но тогда еще без особенной ненависти к полковникам: они пока не показали свое истинное лицо, да никто из нас и представить не мог, что они останутся у власти на целых семь лет, и тем более — что они поставлены, чтобы предать. То, что они поприжали Константина и его камарилью, делало их даже немного симпатичными. Что же

Greece, Epirus, Preveza. A makeshift stage built up for the performance of famous gipsy clarinist Georgde Magas at the local feast

© Фото: Никос Экономпулос

до первых жертв этого гнева божия — за исключением, разумеется, левых, которые расплачивались за неудачи всех остальных обитателей политического мира и которых избивали на ипподроме, как козлов отпущения, так же как и Мандилараса³⁹, которого, как мы слышали хладнокровно убили, — все остальные не вызывали у нас особого сочувствия: повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить, но вместе с ними и наши полетели. Что мы пытались понять, так это кто же в конце концов был тем незримым режиссером, что дергал за ниточки эту странную компанию кукол Карагиозиса⁴⁰. Не только народ, но и те люди, что давным-давно находились поблизости к правому крылу во власти, не имели ни малейшего представления. К тому же позиция Константина вызывала некоторую тревожность, дворец с одной стороны, черные полковники — с другой были похожи на двух ослов, бранящихся из-за чужого амбара, и обычному человеку непонятно было, что и думать и чью сторону занимать. И как Сеферис в любовной составляющей, так и я в политической точно относился к этой категории обычного человека.

Между тем, хотя жизнь и начала феноменальным образом возвращаться к своему обычному ритму, атмосфера становилась все более и более удушающей. Паттакос оставил танки и объявил крестовый поход против студенток, носивших мини-юбки, а Ладас⁴¹ избивал в своем кабинете совершенно гетеросексуальных журналистов за то, что они писали и печатали в газетах, что некоторые знаменитые древние греки были гомосексуалистами. В литературе и искусстве воцарилась гробовая тишина. Самые влиятельные издания прекратили выпуск — разумеется, не «Неа Эстия»⁴², а представители интеллигенции, и немало, были либо арестованы, либо бежали за границу. Когда арестовали писательницу Элли Алексиу⁴³, я написал возмущенное письмо в газету, но они предпочли опубликовать похожее обращение какого-то знаменитого архитектора. Я возмутился, и они ответили: «Он знаменит — ты нет». Как-то в кафе «Бразилиан», куда мы по привычке продолжали приходить, я спросил покойного Родиса Руфоса, почему бы нам, писателям, не собраться и не выступить с коллективным заявлением протеста. Он счел это преждевременным. Правое крыло предпочитало сначала посмотреть, как будут развиваться события и какую же позицию в конце концов займет дворец. Но не только правые. Даже и средний демократически настроенный гражданин смотрел теперь — какая ирония — на дворец, чтобы там предложили хоть какой-нибудь выход из этого тупика. Поэтому, когда произошел тот комический и отвратительный переворот Константина, даже и те, кто его терпеть не мог, воодушевились⁴⁴. Когда он потерпел поражение, наши печаль и ярость не знали границ. Так что — даже этого он не может сделать? Единственным положительным следствием всего этого провалившегося театрального представления стало то, что оно заставило нас понять: новый порядок, сколько бы ни забалтывали нас полковники и сколько бы ни верили в обратное некоторые простецы, не был временным. Значит, пришло время принять какие-то меры. Но какие?

Я никогда не был вовлечен в политическую деятельность. Мое почти непрерывное отсутствие в Греции на протяжении целых десяти лет, с 1954 по 1964 год, отсекло меня от многих прежних миров. С другой стороны, моя эротическая неортодоксальность, о которой я не уставал возвещать, делала мое присутствие в лоне оппозиционной организации довольно нежелательным. Не потому, что меня считали легко поддающимся соблазнам, это можно было бы понять и простить, но потому, что в вопросах сексуальных aberrаций фаллократы-оппозиционеры и их женщины если и отличались в своих взглядах, то различия были только в степени, да и то не всегда. Я, конечно, мог писать и заниматься критикой косвенно. Разве это не единственное, что я умею делать, кто бы ни был у власти? И я сел и написал рассказ, «Несколько пенни для Армии спасения». По какому-то любопытному совпадению типография, в которую я направился его напечатать, оказалась той же, где тринадцатью годами раньше я издал «Симфонию кафе „Бразилиан“», — за это время она переехала

в другое место, ближе к центру Афин. Владелец был рад увидеть меня снова спустя столько лет, но печатать текст отказался. Потому что кроме самой идеи рассказа — что те, кто по своей профессии должен нас спасать, делают нас хуже, — был и постскриптум в конце: «Этот рассказ я написал, когда мы немного пришли в себя после страшного удара, а наш разум снова начал работать в более или менее привычном режиме...» Значительно позже я уговорил атташе по культуре американского посольства напечатать мне 50 экземпляров, которые я раздал по друзьям и знакомым! Думаю, этот рассказ стал первым запрещенным текстом, который начал тогда хождение. А потом я перестал писать. У меня началась бессонница. А днем я рассеянно сидел в кабинете, спрятав лицо в ладонях, — прежде всего после самоубийства в феврале 1968 года Йоргоса Макриса⁴⁵. То, что за месяц до этого в издательстве Penguin вышел «Третий брак», было слабым утешением. Новость об этом прошла незамеченной для греческих газет, а я не из тех, кто самостоятельно заботится о развитии связей с общественностью. Да к тому же у кого тогда душа лежала к подобным историям?

Виделся ли я с Сеферисом в то время? Да, сейчас мне говорит госпожа Сефери. Мы говорили о политике? Нет... Воспоминания о наших встречах проступают в моей памяти только начиная с весны 1968 года и далее. Как-то вечером мы втроем пошли в гостеприимный дом покойной Тинги Гика. Едва успев войти, и до последней минуты мы говорили о перевороте, который уже тогда считали Второй малоазийской катастрофой⁴⁶. Весь тот вечер меня одолевала какая-то странная боль в желудке. Когда мы шли обратно от Тинги, по дороге зашли в круглосуточную аптеку на улице Вукурестиу купить аспиринов. Но ни в тот, ни в последующие дни я даже не подумал о том, чтобы пойти к врачу.

Тогда же началась история со стипендией Фонда Форда, которая вызвала позднее столько шума. Я говорю о ней только потому, что и в этом случае, пусть косвенно, но моя жизнь оказалась связанной с Сеферисом. В Афины, и уже не в первый раз, приехал председатель фонда. За несколько лет до переворота такие стипендии от фонда получили Театр искусства Куна⁴⁷ и Общество народных танцев Доры Страту⁴⁸. На этот раз председатель фонда поинтересовался у помощника атташе по культуре их посольства, кто из греческих писателей был достоин, по его мнению, и в то же время нуждался в финансовой поддержке. У того не было никаких идей, а его секретарь Кэти Миривили⁴⁹ была в больнице. Тогда он посоветовался с нашими общими друзьями, Йоргосом и Лидией Василиадисами, и они предложили меня.

Я встретился с ним в «Бразилиан» и мы болтали о том и о сем. «Вы уверены, — сказал я ему в конце встречи, — что хоть когда-нибудь дадите стипендию мне, м н е ?» Он улыбнулся: «Нас не интересует ваша личная жизнь, только ваше творчество». И я согласился подписать официальный запрос. Но теперь ко всем прочим моим волнениям присоединилось еще и это — а вдруг случится что-нибудь непредвиденное, и они ничего мне не дадут. Боль в желудке, которая мучила меня уже довольно давно, усиливалась, а я по-прежнему так и не обращался к врачу. Как-то днем на выходе из кафе «Зонарс» я столкнулся с Наносом. Он был в ярости. «Я пошел к Сеферису, — рявкнул он, — чтобы он написал рекомендательное письмо Алеку (Алеку Схинасу, который хотел получить грант в фонде Д. А. Д.), и этот чертов старик мне отказал, будь он не ладен!» Теперь-то я знаю, что это рекомендательное письмо он все-таки дал — благодаря вмешательству Иро Ламбру. «Ты же знаешь, что все они — тунеядцы!» — сказал Сеферис. Но он был неправ — особенно в том, что касалось милейшего, глубоко травмированного Схинаса, и Иро возмутилась: «Йорго, дорогой, да перестань уже!» На что он вздохнул: «Ну что с тобой поделаешь! И ты туда же».

Мы поднялись с Наносом до Колонаки. «Нанос, — заметил я, — а мне даже в голову не пришло попросить у него рекомендательное письмо для Фонда Форда». И не только у него. Я и Лоуренсу не послал ничего из тех моих работ, что были переведены на английский. «Нечего и думать, — отзывался Нанос. — Тебе-то он сразу же все напишет». Я позвонил Сеферису. «Приходи завтра после обеда, и напишем вместе», — ответил тот. Он написал письмо от руки и дал, чтобы я перепечатал на машинке и принес ему на следующий день подписать. «Уж я знаю, — засмеялся он, лукаво поглядывая на меня, — завтра ты побежишь делать с него копии». Я запротестовал. Но на следующий день пошел и сделал копию — и она хранится у меня и по сегодняшний день. Затем я отправил письмо и приготовился к ожиданию. Прошло два месяца, потом три. Как-то вечером я шел по улице, у меня началось кровотечение из желудка, и я попал в больницу. Когда вышел, мне позвонили и сказали, что стипендия моя и что это не две-три, как я предполагал, а пятнадцать тысяч долларов.

«Ну и что ты теперь будешь делать с такими деньгами?» — поинтересовался Сеферис, когда я пришел поблагодарить его. «Я бы хотел уехать как можно дальше». — «Почему бы тебе не взяться за работу и не начать писать?» — «Не могу». Он печально покачал головой: «Я тоже... Постарайся по крайней мере быть готовым, когда время придет...» С этих пор мы стали видеться еще чаще. В августе я заехал за ним, его женой и внучкой, и мы поехали в Ирэо купаться. Он не жаловался, что я гоню как сумасшедший, но сделал замечание из-за того, что я курил: «Ты слишком много куришь. Постарайся воздерживаться от этого, хотя бы, когда ты за рулем». Он повернулся к жене, сидевшей на заднем сиденье: «Я же не курил, когда вел машину, Маро, или курил?»

В тот день я говорил с ним о том, что он должен сделать заявление протеста. Я был не одинок в этом, конечно. Все на него давили. Сеферис колебался. «Но, Тахцис, послушай, и ты веришь в это все?» — «Нет. Но сейчас не время для брюзжания. Мы должны делать, что можем». — «И ты думаешь, что это даст хоть какой-нибудь результат?» — «Какого дьявола! Ты же чертов нобелевский лауреат! И к тому же важен сам жест». Сеферис продолжал сомневаться. Сейчас я читаю это изумительное стихотворение — «Елену»: «Чтобы Кипра достичь верней: там Аполлон велел нам обитать»⁵⁰, — и, кажется, догадываюсь о чувствах, что им владели. Сеферис хорошо знал Грецию, и потому колебания его были понятны. Возможно, он опасался, что снова наступит день, когда вестник приблизится со словами, что и на этот раз мы сражались «ради ризы пустой», ради чего-то, что «призраком было». И, может, именно потому он и был столь горько разочарован. Единственное, чего он теперь страстно желал, — чтобы ему дали спокойно умереть в Греции. Поэтому, когда он отправился в Америку в конце 1968 года, и протесты американских студентов заставили его преодолеть эти последние сомнения, он только ждал возвращения, чтобы сразу после него выступить, возможно опасаясь, что, если сделает заявление за границей, ему запретят въезд в страну. И тогда он выступил с тем обращением, которое так потрясло всех нас и придало молодым мужества продолжать борьбу, которую они уже начали, его обращение стало сигналом и для некоторых представителей интеллигенции, что пришло время наконец и им выполнить свой долг. Так прошло еще два года, и однажды, август шел к концу, я был на отдыхе в Аморгосе, я получил известие, что Сеферис очень болен.

Едва вернувшись в Афины, я тотчас же бросился в больницу «Эвангелизмос». Он находился в отделении интенсивной терапии, и вход туда был категорически воспрещен, однако, стащив белый халат с какой-то вешалки и кое-как накинув его, я избежал ненужного внимания и вошел в палату. Госпожа Сефери сидела у его постели и держала его за руку, желтую, как свечка, с капельницей, игол-

ка которой была прижата к вене пластырем. Когда она увидела меня, глаза ее расширились, а губы начали произносить что-то. Я успокоил ее. Приблизился. От него осталась половина. Мои глаза наполнились слезами. Его — были закрыты. Но, словно бы услышав наш безмолвный разговор, словно почувствовав чье-то присутствие в его палате, он вынырнул из глубин забвения.

— Кто здесь?

Госпожа Сефери склонилась над ним.

— Тахцис.

Его губы шевельнулись. Послышался нечленораздельный хрип.

— Что ты сказал, Йоргос?

— Верный друг Тахцис...

«Это пошло ему на пользу», — сказала мне госпожа Сефери, когда мы вышли. Хм, и какую же пользу это ему принесло? Через две недели мы его потеряли. Он не дожил до окончания того семилетия, что так отравило последние его годы. Но, к счастью для него, не дожил и до предательства, совершенного его любимым Кипром. Не успел вкусить той первой, бесхитростной радости, которую пережили все мы, но, опять же к счастью для него, ему не довелось пережить и те сомнения в возможности наступления этого вечно легендарного, но вечно нереального лучшего будущего, что начали охватывать нас.

22.09.1974

Запись в актовые книги...

(сборник «Бабушки мои Афины»)

Многие наши поэты и прозаики родом из Салоник, и многие их тексты — тоже. Однако вряд ли есть среди них хоть один, чьи отношения с городом были бы столь же странными, как мои.

Они, насколько мне известно, провели всю свою жизнь или хотя бы большую ее часть там. Они наблюдали за тем, как город меняется с течением времени. Как чем дальше, тем больше что-то умирает в нем — и в них тоже, и чем дальше, тем больше нового появляется на свет.

Не так уже невероятно и то, что пусть один, много два человека, но они еще сохранили воспоминания, пусть и смутные, о том, какими Салоники были до 1912 года, — воспоминания, которые для ребенка, родившегося в октябре 1927 года, принадлежат глубокой древности.

Однако и те, кто родился прежде меня, и те, кто появился на свет позже, проживали метаморфозы этого города естественно, одну за другой, вместе с городом, изо дня в день и из года в год. Я же потерял этот город очень рано, в детстве, шести или семи лет от роду, и он стал для меня — и навсегда останется — пространством, парящим где-то между действительностью и мифом.

Разумеется, с тех пор и я прочел историю Салоник. Я приезжал туда — хотя никогда дольше, чем на несколько дней. Но прежде всего этот город для меня то же самое, что для греков — доисторическая эпоха их цивилизации: то ли миф, то ли сказка. В некотором царстве, в некотором государстве жила в Салониках одна супружеская пара, у которой было четверо детей, и одного из них

назвали Григорисом (он и был моим отцом) — должно быть, примерно так же рассказывали детям в древних Афинах, как в незапамятные времена приехал из Трои в Грецию прекрасный королевич...

Теперь мы знаем, что это было: исторические события, которые за отсутствием историков превратились в мифы, и из этих мифов черпали сначала эпические, а вслед за ними и трагические поэты, дополняя и изменяя их по своему усмотрению, не испытывая ни малейшего страха, что их могут обвинить в фальсификации исторической действительности. Это была редкая удача, которой отчасти обязано то неповторимое «чудо» V века⁵¹.

Насколько же сложнее иметь дело с такой относительной, да к тому же и изменчивой реальностью, особенно сейчас, когда чаша демифологизации давно переполнена, и не просто иметь дело, но превращать ее в сказку, а сказку в искусство!

Потому что насколько бы циничны ни становились люди, они навечно останутся игрушками темных сил, которые, с одной стороны, пытаются контролировать, задействуя всю мощь логического мышления, но в то же время и на мгновение не задумаются, использовать ли что-нибудь из арсенала первобытной магии, прибегая и к ней, лишь бы только заклясть их. Им недостаточно грез, которые они видят во сне, они жаждут получить их и наяву. Им нравится иной раз возвращаться к детской невинности, той, что в те годы позволяла им, очарованным и поглощенным, внимать сказкам.

И чем большими рационалистами они становятся, тем настойчивее требуют от тебя — словно бы ты должен — рассказать им сказку, чтобы вновь «зачаровать» их воображение. Но как этого добиться, если они давным-давно утратили веру в «чародеев», равно как и сами «чародеи» в них?

Горькая правда заключается в том, что мы преуспели только в том, что успели в последние несколько десятилетий. Не многие и не во всех местах на «периферии», где страницы коллективного бессознательного еще не перевернуты и где современная «невероятная» реальность не вторглась в сказочные пределы.

Теперь уже, сколько бы ни произошло землетрясений, катаклизмов и наводнений, маловероятно, что это поможет вернуть человечество в его детские годы, и вряд ли оно сможет снова взглянуть на свое прошлое как на миф или сказку.

Мне же была дарована возможность посмотреть на Салоники и как на некий сказочный город. Там я пережил великий миф племени и семьи. И потому — по счастливому стечению обстоятельств, ставшему в то же время и моим родовым проклятием, — я покинул этот город прежде, чем его начал покрывать флер действительности, и он так и остался для меня мифологическим пространством. (То, что последовало позднее, стало побудительным повторением того первого бегства и распространением власти этого мифа и на всю остальную землю Греции.)

Все, абсолютно все было тогда огромным. Дороги были огромными. Расстояния. Даже и люди были не просто людьми, но «большими», примерно так же, как простые смертные доисторической эпохи были для грека исторических времен героями и полубогами.

Бабушка даже — со стороны моей матери, разумеется, потому что второй словно бы никогда и не было, — была не просто «большой». Поскольку так вышло, что она была несколько необычной по сравнению с другими женщинами своего круга и своего времени, то в моих глазах она стала героиней буквально мифологических масштабов. Павшей царицей, потерявшей своего мужа и бывшую «роскошь», над которой теперь нависла угроза потери — и в каком-то смысле она их и «потеряла» — своих детей. Даже и из-за меня она трепетала, как бы не настал тот день, когда ей придется увидеть, что меня несут ей заколотого. И она горевала, все время горевала, как та несчастная царица Трои, о которой я прочитал позднее. Иногда она брала меня на руки и горько оплакивала, словно бы я уже был мертв.

Афинянка, она привезла в византийские Салоники дух древней трагедии. С моей матерью — и она тоже в моих глазах выступала героиней сверхъестественных масштабов — бабушка постоянно ругалась, как Клитемнестра с Электрой. И чтобы оскорбить ее, использовала истинно мифическое имя — Медея.

Так, я задолго до того, как вырос и прочитал мифологию моего племени и древние трагедии, уже знал их. Из того, что я видел, слышал и не так уж редко испытывал на собственной шкуре, мне было известно, что Медея — ужасная женщина, которая ненавидела своего мужа и была способна зарезать даже детей, — его и своих, только чтобы отомстить ему.

И когда бабушка забрала меня и увезла в Афины — подальше от матери, что родила меня, и от Салоник, где я был рожден, — мне казалось, что я избежал неизбежного заклания, верной смерти. И, может, единственной моей болью и чувством вины (за ними позже последовали и прочие) было не то, что я расставался с матерью — отца я уже давно приучился считать «потерянным» для меня, — но то, что там оставался и подвергался опасности другой ребенок, моя сестра.

Но даже если и предположить, что покинутая моя мать — и опустошенные моим отбытием Салоники — была воплощением всех тех ужасов, что приписывала ей моя бабушка, какой сын, сколько бы жалоб ни было у него, сможет хоть когда-нибудь перестать любить мать, что родила его? Что вскормила его своим, каким бы горьким оно ни было, молоком? Что помогла ему сделать его первые шаги? Что научила его первым словам его языка — *мама, мам, не надо!*..

И, конечно же, из-за этого любопытного отождествления моей матери с Салониками, возникали и становились все сильнее и все остальные связи, что соединяют людей с местами, где они появились на свет. Здесь, на улице Никифора Фоки, в двух шагах от Белой башни, я нацарапал грифелем свои первые каракули. Здесь услышал первые звуки. Спел первую песню — «Рамону». Выучил первое стихотворение — «На перечное дерево забрался я легко, нарезать перца я хотел...». Где-то здесь то ли во второе, то ли в третье лето моей жизни я впервые посмотрел кино и оказался совершенно потрясен этой тайной, воспроизведением тебя самого, как это так получилось, что на черной белой бумаге появлялась птичка.

Здесь, в Салониках, я понял, что есть люди, которые страдают от голода сильнее, чем мы, и что наши дома — настоящие дворцы по сравнению с их жалкими бараками для беженцев. И что есть какие-то враги, которые, если не будешь сидеть тихо как мышка, придут и зарежут тебя своими ятаганами или воткнут в тебя иголки, чтобы выпить твою кровь, — и так я обретал классовое и национальное самосознание. Здесь, в Аретцу и Агия Триада, я впервые погрузил свое тело в эгейские воды. Здесь впервые познал эротическое возбуждение — и это произошло совершенно не так, как я в целях исключительно эстетической завершенности описал в «Первом воспоминании». Здесь, где-то в Папафи, я со страхом, но и с огромным любопытством впервые увидел мертвого человека, говорили, что он был генералом, в черном гробу его лицо и руки казались отлитыми из свечного воска. И именно здесь, в этом втором крупнейшем городе византийского мира, который со всеми своими бесчисленными церквями словно бы источал аромат ладана, я услышал и прошептал первые молитвы моей религии, с которыми, хочу я того или нет, когда-нибудь вынесут и мое тело.

С того времени прошла почти половина столетия. Я пережил многое и многому научился, и даже кое-что из этого значительно лучше, чем то умели в те времена «большие». И все это я получил не от матери и не от Салоник, но от многих людей и всего мира. Однако же все началось отсюда, поскольку здесь я родился и здесь провел первые шесть лет своей жизни, годы, которые, как говорят, накладывают на нас неизгладимый отпечаток.

Потому и всем, что я люблю и что ненавижу, что делало меня счастливым и что ранило и продолжает ранить, я обязан и буду должен в основном моей матери и Салоникам.

Итак, каждый раз, когда мне случается оказаться в этом городе, меня не только ошеломляют противоречия между «тогда», каким оно замерло в какой-то момент в моей памяти, и «сейчас», — и правда, кажется даже, что и Белая башня как будто ушла далеко от морского мифа и теперь ступает на сушу действительности. Наряду с этим меня охватывают и другие — такие же странные ощущения.

Я брожу по улицам, незнакомец в толпе незнакомцев, и думаю: как странно! Родиться здесь и иметь так мало друзей в этом месте! Знать своих родственников — как знают и они меня — только понаслышке! И они, и столь многие остальные не знают меня настоящего, но воспринимают, скорее, как часть мифа — как и я ощущаю Салоники! Этот город мой, и я принадлежу ему, но приходят мгновенья, когда я смотрю на него как чужеземец, и он относится ко мне как к постороннему!

Но что поделать? Такова во всем моя судьба: я отсюда и в то же время чужой. Я не имею в виду, что нигде мне нет места, — вовсе нет! Но я принадлежу к чему-то и одновременно не имею никакого отношения. Как будто бы я раздроблен на мельчайшие части, мое целое составляют противоречия, и я парю между мирами..

Но я не жалеюсь. Потому что не только не сделал ничего, чтобы изменить то, что было начертано, но и, напротив, возделал этот сад. Так или иначе, иногда — в минуты горечи, когда, как и все люди, я тоже хотел бы, чтобы можно было переписать жизнь заново, — мне кажется, что рано или поздно, но я тоже найду свое утраченное единство: в тот момент, когда конец встретит начало и так замкнется круг. И я снова стану цельным и простым — каким был тогда, когда меня записали в акты⁵² города.

Перевод с греческого Анны Ковалевой

Примечания

- ¹ Айос-Иоанис-Рендис — западный пригород Афин.
- ² Муниципальный приют Афин был основан в 1859 г. с целью предоставления приюта и попечения брошенным младенцам и детям, поиска семьи для них и защиты матери (как замужней, так и нет). В течение семи лет после открытия Афинский приют был единственным в Греции.
- ³ Андрос — остров в центральной части Эгейского моря.
- ⁴ Керамикос — квартал и знаменитое древнее кладбище в Афинах.
- ⁵ Гегесо, дочь Проксена, жена Кореба. Надгробная стела Гегесо найдена на территории Керамикос, где в настоящее время установлена его копия. Датируется V веком до н. э. Рельеф изображает молодую женщину Гегесо, сидящую в кресле и перебирающую украшения, лежащие в шкатулке, которую держит перед ней служанка. Предполагается, что фон рельефа был окрашен в синий цвет, а украшения — в золотой. В верхней части стелы начертано имя — Гегесо Проксено.
- ⁶ Тисион — район Афин, расположенный за северным склоном Акрополя. Название получил по одному из самых хорошо сохранившихся античных храмов в Греции — храму Гефеста, который ранее ошибочно назывался Тесейон, то есть храм Тесея, поскольку рельефы храма изображали подвиги Тесея.
- ⁷ Сиатиста — горный городок в регионе Козани, Западная Македония, Греция.
- ⁸ Вотаникос — район Афин, расположенный через улицу к западу от улицы Иера Одос (Священная дорога), которая в древности вела в Элефсин. Район назван по Ботаническому саду, основанному сельскохозяйственной школой (позже Афинский аграрный университет).
- ⁹ Псири — один из древнейших районов Афин, расположен в центре города.
- ¹⁰ Холм Филопаппу — поросший соснами и оливами холм высотой 147 метров, расположенный недалеко от афинского Акрополя и холма Пникса, возле холма Нимф.
- ¹¹ Ликавит — холм в центре Афин. Добраться к его вершине можно пешком или на фуникулере, построенном в 1965 г. Из-за крутой формы холм был необитаемым. Использовался как карьер.
- ¹² В девятой песни «Одиссеи» Одиссей посетил страну лотофагов, питающихся лотосом, где всякий вкусивший лотоса забывает о родине. Также он оказался на острове великана-людоеда, циклопа Полифема, который сожрал в своей пещере нескольких товарищей Одиссея, но Одиссей опоил и ослепил циклопа и спасся с прочими.

- 13 В Афинах мало природных источников воды, ключи есть на Акрополе и еще в нескольких местах. Император Адриан обеспечил Афины водой, проведя акведук от источников у горы Парнас. Водопровод заканчивался у западного края горы Ликавит цистернами (дексаменами), давшими имя ближайшей площади.
- 14 Часовня Святого Георгия, построенная в XVIII веке, расположена на вершине холма Ликавитос.
- 15 Алкионовы дни, или дни зимородка, — время, когда посредине зимы в Греции устанавливается весенняя теплая погода. Как рассказывают мифы, Алкиона, жена царя Трахины Кеика, после смерти мужа бросилась в море и была превращена богами в зимородка. В эти дни алкиони (зимородок) высиживает своих птенцов. Чтобы птенцы не погибли в зимний холод и шторм, боги повелевают ветрам утихнуть, а солнцу — греть почти как летом. Метеорологи объясняют это явление выравниванием атмосферного давления и, как следствие, образованием антициклона и появлением солнца. Точной даты начала и конца алкионовых дней и их продолжительности нет, но чаще всего они наступают где-то между 14 января и 15 февраля.
- 16 Крупнейший залив Эгейского моря.
- 17 Гимет — гора на востоке Афин, на которой обнаружены месторождения мрамора и асбеста, разрабатывавшиеся с античных времен: мрамор использовался для памятников античных Афин.
- 18 Монастырь Кесариани — памятник средневекового зодчества, находится в шести километрах от центра Афин, на западном склоне горы Гимет.
- 19 Сова — священная птица Афины.
- 20 Плака — самый старый район Афин у подножия северного и восточного склонов Акрополя, отличающийся лабиринтными узкими улочек и домами, построенными в неоклассическом стиле.
- 21 Геба — богиня юности, дочь Зевса и Геры, была на Олимпе виночерпием богов до тех пор, пока ее не сменил Ганимед.
- 22 Каллесхр — отец Крития, афинского государственного деятеля, оратора и писателя времен Пелопоннесской войны. Критий также приходится двоюродным дядей философу Платону и является участником его диалогов.
- 23 Андреас Эмбиркос (1901–1975) — первый греческий поэт-сюрреалист, также был психоаналитиком.
- 24 Никос Гавриил Пендзикис (1908–1993) — греческий писатель, поэт и художник.
- 25 Ангелос Сикелианос (1884–1951) — греческий поэт и драматург.
- 26 В пятидесятые годы XX века Кипр был британской территорией, но многие на острове мечтали о воссоединении с Грецией — так называемом эносисе. В июле 1954 г. будущее Кипра обсуждалось в британском парламенте. В речах членов парламента прозвучали слова о том, что у киприотов нет никакой общей с греками истории и что «мы научим их не быть греками». Отношения между Великобританией и Грецией осложнились, а Сеферис перестал общаться почти со всеми своими английскими друзьями и поссорился с Лоренсом Дарреллом, который в это время занял на Кипре официальный пост. Вскоре Национальная организация кипрских борцов (ЭОКА) начала вооруженные выступления, на которые Британия ответила, с одной стороны, карательными операциями, с другой — привлечением Турции к «кипрскому вопросу». В конце августа того же года в Лондоне проходила трехсторонняя конференция по Кипру с участием Великобритании, Греции и Турции. Йоргос Сеферис боролся за Кипр как дипломат зимой 1957 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН, посвященных «кипрской проблеме», и на англо-греко-турецких переговорах уже в ранге посла Греции в Лондоне (назначен в мае 1957 г.). После обсуждения «кипрской проблемы» в ООН Великобритания предоставила Кипру суверенитет. Сеферис жестко критиковал те положения создававшейся конституции Кипра, которые способны были, как он предвидел, привести к военному вмешательству Турции. 19 февраля 1959 г. было подписано цюрихско-лондонское соглашение по Кипру, а 16 августа 1960 г. Кипр стал независимым государством — на тех условиях, которые были одобрены Великобританией, Грецией и Турцией.
- 27 Нанос Валаоритис — греческий писатель.
- 28 Лоренс Даррелл.
- 29 Томас Стернз Элиот, американско-британский поэт, драматург и литературный критик, умер 4 января 1965 г.
- 30 «Три тайных поэмы» — последняя книга стихов Йоргоса Сефериса, вышедшая в 1966 г.
- 31 Маро Сефери — при рождении Марика Занну (1898–2000), жена Йоргоса Сефериса.
- 32 По-гречески при склонении по падежам окончание именительного падежа -с не сохраняется, и поэтому буквально Сеферис говорит ему: «Да, мы ищем Тахци», что означает Тахциса и что очень созвучно со словом «такси».
- 33 Никос Каввадиас (1910–1975) — греческий поэт и писатель-маринист.
- 34 Эльпенор — спутник Одиссея. Синдром Эльпенора, названный по его имени, — сочетание затрудненного восприятия окружающего, дезориентации, бесцельного блуждания и расстройств координации движений — наблюдается при переходе от сна к бодрствованию после алкогольного или наркотического опьянения.
- 35 Эвфорион — юноша редкой красоты, по одной из версий — крылатый сын Ахилла и Елены, внук богини Фетиды. Бежал от преследований влюбленного в него Зевса и за это был поражен молнией.
- 36 Автомедонт, или Автомедон, — сын Диора, спутник и возница Ахилла.
- 37 Стилианос Паттакос (1912–2016) — греческий военный и политический деятель, один из организаторов переворота «черных полковников» в 1967 г.

- 38 Элени Влаху (1911–1995) — греческий журналист и редактор, кинокритик и обозреватель газеты «Катимерини», которой владел ее отец Георгиос Влахос. В 1951 г. она стала владелицей издания. В 1955 г. Влаху совместно со своим мужем Константиносом Лундрасом основала еженедельный журнал, в 1961 г. — газету «Месимврини». После переворота «черных полковников» Влаху и Лундрас свернули издательскую деятельность, поскольку введенная цензура сделала невозможной свободную журналистику. 4 октября 1967 г. супругов заключили под домашний арест. В конце декабря 1967 г. Влаху бежала в Англию. Лундрас остался в Греции. Он был арестован в августе 1968 г. на год, а после освобождения ему было запрещено выезжать из страны. В изгнании Влаху почти все свои статьи посвящала борьбе против хунты.
- 39 Никифорос Мандиларас (1928–1967) — греческий адвокат, журналист и издатель. Убит при неуставленных обстоятельствах, когда пытался сбежать из Греции, где представители хунты планировали его арест.
- 40 Карагиозис — традиционный кукольный театр теней в новогреческом фольклоре, названный по имени главного персонажа-весельчака Карагиозиса, вокруг которого группируются все рассказы, которые ставят в театре. По сути карагиозис представляет собой эллинизированный вариант турецкого театра теней карагёз.
- 41 Иоаннис Ладас (1920–2010) был участником греческой военной хунты 1967–1974 гг.
- 42 «Неа Эстия» — греческий литературный журнал, основан в 1927 г. Константиносом Сарантопулосом и является самым старым литературным журналом Греции.
- 43 Элли Алексиу — (1894–1988) — греческая писательница, переводчица и литературовед. Самый фундаментальный ее труд — «Зарубежная литература». Она также отредактировала полное собрание сочинений Достоевского в греческом переводе и написала вступительную статью к нему. Во время Второй мировой войны активно участвовала в греческом Сопротивлении. После войны получила стипендию правительства Франции для обучения в Сорбонне. Как активного коммунистического деятеля, ее лишили греческого гражданства, и до 1963 г. она находилась в эмиграции. С 1949 г. жила в социалистических странах, преимущественно в Румынии, где в то время находилась община греческих коммунистов и где ее избрали членом центрального комитета Компартии. После возвращения в Грецию до глубокой старости активно участвовала в литературной и общественной жизни, выступала с лекциями. После военного переворота активно выступала против режима «черных полковников» и была репрессирована, находилась в заключении.
- 44 В декабре 1967 г. король Константин II попытался организовать ответный переворот и отстранить от власти «черных полковников». Он направился в Кавалу на севере страны, где его поддержали силы ВВС и ВМФ. Но недостаточная решительность короля и его сторонников привела к тому, что верные ему генералы были арестованы офицерами среднего звена, которые приняли на себя командование их частями и подразделениями. Константин вместе с семьей улетел в Италию и больше не возвращался в Грецию в качестве короля.
- 45 Йоргос Василисис Макрис (1923–1968) — греческий поэт.
- 46 Малоазийская катастрофа — в результате поражения греческой армии в греко-турецкой войне 1919–1922 годов часть греческого населения Малой Азии была убита, остальные высланы в Грецию в ходе обмена населением, который был проведен в 1923 году. Малая Азия стала полностью турецкой территорией. Обмен затронул около 2 миллионов человек и носил принудительный характер.
- 47 Каролос Кун (1908–1987) — греческий театральный режиссер. Кун создал Театр искусства в 1942 г. и ставил Ибсена, Бернарда Шоу, Пиранделло, а после освобождения, впервые в Греции, Лорку, Уильямса, Миллера и др. Также при театре он открыл Драматическую школу, где учились многие режиссеры и актеры послевоенного поколения греческого театра.
- 48 Дора Страту (1903–1988) — греческая актриса, хореограф и импресарио Общества народных танцев.
- 49 Кэти Касимати-Миривили — общественный деятель, работала в культурных фондах, в том числе в Фонде Форда. Невестка писателя Стратиса Миривилиса.
- 50 Перевод Ирины Игоревны Ковалевой.
- 51 «Греческим чудом» принято называть культурный переворот, произошедший в Греции в VIII—V веках до н. э. К V веку до н. э. греки создали устойчивые политические структуры — демократию и полис, запустили развитие философии, художественной литературы, искусства и науки, что оказало огромное влияние на развитие всей западной цивилизации.
- 52 Актовая книга — книга государственной регистрации актов гражданского состояния.

Сновидение

Димитрис МАМАЛУКАС

Он ушел с работы поздно вечером. Садился в машину как-то заторможенно, устал. Работал он в одном доме, затерянном в далеком пригороде, на отшибе — ухаживал за больным стариком, который уже даже не разговаривал.

Прежде чем завести машину, подумал о том, что стал походить на этого старика. Тот так же механически двигает, чтобы сделать несколько шагов по дому. Живет, будто находясь под гипнозом. Это сравнение впервые пришло ему в голову, но он тут же отбросил его и выехал на дорогу, следуя за редким потоком автомобилей.

В оговоренном месте они встретились с женой. Наблюдая, как она открывает дверцу машины и садится рядом с ним, он думал: какая же она молодая и красивая. Впрочем, люди и его считали таким же. Несколько километров они проехали молча, а потом он спросил, не хочет ли она, чтобы он съехал на обочину и остановил машину. Жена кивнула, и он заглушил мотор рядом с незастроенным участком, на котором росло несколько больших сосен. Было совсем темно, поэтому деревья казались огромными и страшными. Но чуть дальше виднелась площадь с магазинами, в окнах которых горел свет, и с большим павильоном.

Они ловко, одним броском, пересели на заднее сиденье. Если бы их кто-то увидел, подумал бы: вот молодая пара, как это часто случается, решила заняться любовью. Но они укрылись там совсем по другому поводу — чтобы плакать на плече друг у друга, спрятавшись от всего и от всех, даже от собственного дома.

Жена его больна. Ей осталось жить несколько недель. Они узнали об этом на днях. Ей необходимо срочно лечь в больницу, где ее поддерживали бы специальной терапией. Они даже не успели обняться, и он думал о том, что сейчас разрыдается. Но тут, рядом с ними, на шоссе огромный грузовик с платформой лоб в лоб столкнулся с автобусом. Было видно, что шофер грузовика в ярости. Он хочет повернуть назад, но водитель автобуса не пускает. И тогда он съезжает с дороги, но теперь ему мешает их машина. Слепящий свет фар грузовика бьет прямо в заднее стекло. Им становится страшно. В течение нескольких секунд вся дорога оказывается запруженной автомобилями, и никто не может проехать. Темнота взрывается огнями фар, и все отчаянно сигналият.

Ему очень тревожно, и он спрашивает жену, не хочет ли она уехать. «Да, да, поехали», — говорит она, и он, перебравшись на водительское сиденье, резко отъезжает, рискованно лавируя между стоящими машинами. Они пробрались на освещенную и уставленную автомобилями площадь, и тут он увидел вдалеке троицу, которая жестами подает ему знаки. Двое — полицейские, третий похож на солдата. Он думает про себя, что ошибся, что обращаются не к нему. Но подъехав, понимает, что да, ему — полиция дает знак остановиться. Из-за опасных маневров, думает он, глушит мотор и собирается извиниться. Однако когда он опускает стекло, один полицейский просто задает вопрос:

— Куда вы едете?

— Домой.

— Вам далеко?

— До центра.

Следующий вопрос показался ему безумным, сюрреалистическим, как он назвал это про себя.

— У вас есть другое транспортное средство, чтоб доехать? Мопед? Велосипед?

— Нет, а что?.. — лепечет он удивленно.

— Потому что проезд запрещен только для автомобилей.

И тут он отчетливо видит, что третий человек — действительно военный, с автоматом наперевес. И он чувствует, что надо убираться отсюда, и начинает жалобно просить:

— У меня жена больна.. она умирает.. ей нужны лекарства, ее надо везти в больницу..

Полицейский будто не реагирует на эти слова, а просто говорит «проезжайте», и он его благодарит. Он тронулся с места и вдруг понял, что по ошибке зарулил на территорию заправки. Пришлось притормозить, потому что перед машиной стояли люди.

«Сдам назад», — говорит он жене, и она нервно отвечает «да». Но как только он посмотрел в зеркало, увидел, что и сзади толпятся люди, мешая ему отъехать. Он смотрит вперед и видит, что людей стало больше, они уже окружили его машину. Что тут происходит, чего хотят эти люди? Его охватило волнение. Впереди, кажется, был банкомат, и это, вероятно, к нему стоит очередь, чтоб снять деньги; другая же очередь выстроилась за бензином.

И он с ужасом осознает, что это, похоже, начало какой-то большой катастрофы или внезапно начавшейся войны. И что теперь его машина уже никогда не сдвинется с места; люди же буквально лезут на капот его машины, напирают на кузов. Последняя картина, промелькнувшая перед его глазами: какой-то человек из толпы открыл дверцу и буквально лег ему на колени. Он схватился за руль, услышал крик жены — и всё погрузилось во тьму...

Перевод с греческого языка: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

© Текст: Димитрис Мамалукас

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

ДИМИТРИС МАМАЛУКАС (род. в 1968 г.) Выпускник философского факультета университета Саленто (Лечче, Италия). Автор романов и детских книг. Переводчик, литературный критик.

Современные греческие поэты в переводах Ольги Зондберг

Ольга Зондберг в «Проекте OGI»
с авторскими экземплярами своей книги
«Очень спокойный рассказ». 2003
<http://os.colta.ru/photogallery/37287/351895/>

ОЛЬГА ЗОНДБЕРГ (род. 1972 г.) — поэт, писатель. Публиковалась в журналах «Арион», «Воздух», «Урал», «Союз Писателей», сетевом журнале TextOnly, альманахе «Вавилон», сборниках «Зондберг. Нугатов. Соколовский» (1999), «По непрочному воздуху. По следам XI Московского Фестиваля верлибра» (2004). Автор стихотворных сборников «Книга признаний» (1997), «Семь часов одна минута» (2007), «Вопреки нежеланию и занятости» (2017), сборников прозы «Зимняя кампания нулевого года» (2000), «Очень спокойный рассказ» (2003), «Сообщения: Iterologio (2003–2008)» (2010). «Сообщения: Граффити» (2014). Стихи переводились на английский, итальянский и чешский языки, иногда она сама переводит созвучные ей стихи. Живёт в Москве.

АДРИАННА КАЛЬФОПУЛУ

Поэт, эссеист, преподаватель.

Живет в Афинах.

Этот город

По К. Кавафису

Руины гонят тебя «найти другой город»,
искать иной берег. Даже обломанный палец
недвижной белой статуи в парке указывает
на запад. И ты мог бы внять совету,
путешествовать, уйти далеко от голодных,
обесточенных магазинов, надеяться жить
иначе.

Но ты зачарован воспламенённым народом,
и этот священник или епископ в парке,
лишённый полпальца (кто знает, как было
дело,

камень ли, целивший статуе в лицо,

угодил в простертую руку?) —

они не оставят тебя,

покорёженный мрамор, каракули граффити,
воплощённый в статуе гнев

напомнят: и ты, столь жаждавший жизни
иной,

надеждой помечен и ты.

ЯНА БУКОВА

Родилась

в 1968 г. в Софии,

с 1994-го живет

в Греции. Поэт, прозаик,

переводчик, составитель

нескольких антологий

современной греческой

поэзии.

Мильтосу Сахтурису

Давай любить наше безумие

оно танцует для нас

под непрозрачную музыку

как облако

прилипающее к зубам

давай любить наше безумие

сгоревшую пищу астронавтов

бок о бок с абсолютным солнцем

бок о бок с внезапным солнцем

давай уважать наше безумие

просыпаясь с широко раскрытыми глазами

посреди самой черной ночи

и различая все оттенки

черного

давай любить наше безумие

как пастух любит свою трость

когда втыкает ее в землю

и говорит: здесь я остановлюсь

и она ломается в его руках

СТАМАТИС ПОЛЕНАКИС

*Родился в 1970 г. в Афинах, жил в Испании
и Ирландии. Поэт, переводчик, драматург.*

Маяковскому исполняется девяносто

Лето прошло быстро,

последние отпускники

уже разъехались.

Годами мы спали в каютах,

в ветхих одеялах мёртвых моряков.

Завтра мы отчалим в неизвестность,

завтра нас нежно разбудит

играющий напоследок оркестр,

будто бы на огромном,

залитом светом тонущем корабле.
Прощай, юность, прощай, счастье, прощай,
жизнь.

Белая тьма

опускается на Сахалин, на лепрозорий,
на мёрзлый архипелаг.

В заснеженных парках
больные поэты закрывают лица
экземплярами «Правды».

ТОМАС ЦАЛАПАТИС

*Родился в 1984 г. Поэт, прозаик, переводчик.
Лауреат национальной литературной
премии «Лучший новый автор» (2012).*

Коробка

У меня есть маленькая коробочка, внутри
которой всё время кого-то убивают.
Чуть больше, чем коробка для обуви.
Немного изящней, чем коробка для сигар.
Я не знаю кто, не знаю кого, но кого-
то в ней убивают. И ни звука не слышно
(кроме тех моментов, когда слышно).
Я храню её в библиотеке, на столе, когда мне
хочется часами глядеть на неё, подальше
от окон, чтобы она не пожелтела от солнца,
под кроватью, когда хочется побыть этаким
озорником. Внутри неё кого-то убивают,
даже когда у нас в доме праздник, даже
по воскресеньям, даже в дождь.

Когда я нашёл коробку — не скажу
как, не скажу где — я принёс её домой

довольный. Тогда я думал, что слышал
шум моря. На самом же деле там имеет место
быть резня.

Меня начало тошнить от шумной возни,
от того, что происходило там, в коробке,
от знания об этом. Мне было нехорошо от её
присутствия. Я должен был принять меры,
освободить себя, успокоиться, принять
ванну. Нужно было что-то решать.

И вот я отправил её по почте другу; другу,
который нужен мне только для того,
чтобы дарить подарки. Обернул коробку
невинной разноцветной бумагой, обвязал
невинной красочной лентой. Внутри
коробки с надписью другая коробка, а в той
коробке кого-то убивают. В почтовом

ящике ждет она, когда попадёт в руки друга.
Дружба, которую я поддерживаю, только
чтобы делать подарки.

ТЕКСТЫ ПЕСЕН ЖАНРА «РЕМБЕТИКО»¹

СТАВРОС КУЮМДЗИС

(1932–2005)

*Один из самых
значительных греческих
композиторов XX века,
поэт, автор многих
популярных песен.*

Пять часов, шесть часов

Было пять, и было восемь, время шло и шло.
Стало грустно, я заплакал горько, тяжело,
Оттого, что я несчастный, жалкий человек
И часов продолжается бег.

Я в газете сплетни в свете, новости прочел
О политике, убийствах и игре в футбол.
Те же в Азии волнения, голод и разброд.
Десять минуло, время идет.

Вот соседка вышла вешать чистое белье.
Порошок новейший белый в доме у нее.
Я для песен про изгнание, горестный удел
Снял мансарду вдали от людей.

У окна цветы не пахнут, яркие и мертвы.
Жизнь прошла, лишился друга, не сберег
любви.
Кто-то там бежит по лужам, я остался тут.
На часы посмотрел — не идут.

МИХАЛИС ГАНАС

*Родился в 1944 г., живет в Афинах.
Поэт, прозаик, автор текстов песен.
Лауреат государственной премии в области
поэзии (1994), премии Кавафиса (2009)
и премии Афинской Академии (2011).*

Серебряная табакерка

Табакерки серебро
Из отцовского бюро.
Табак Ламии крепким был и злым,
Вдыхали мы чужбины синий дым.

Таинственная жизнь, куда летишь?
Желаний сердца ты не утолишь.

Золотом часы блестят,
Рядом четки шелестят.
Стук бусин, тихий голос янтаря,
А в чашке кофе бурные моря.

Таинственная жизнь, куда летишь?
Желаний сердца ты не утолишь.

Отмеченный любовью

Как море маленькое, взбурли ты,
Как ветер, взвейся и закружись,
И укачай, и развей в пыли ты,
Не дай пощады, сгуби мне жизнь.
Прохладой пламени опали ты,
Слепящим полднем ты напои,
Меня, отмеченного любовью,
Как бездна, манят глаза твои.

Как дом пустой меня отвори ты,
И немоты моей не страшись,
Свое мне имя проговори ты
В моей прохладе ты спать ложись.
Пусть я древом взметнусь крылатым,
Иссякну, словно поток воды,
Меня, отмеченного любовью,
Как бездна, манят глаза твои.

Айвали

Я во сне увидел Айвали опять,
Как стекло меж нами всюду моря гладь,
И Христу подобно шел я над водой,
Преклонил колени, возвратясь домой.

Во дворе под тутой, мамочка, в тиши
Двое незнакомцев спят, как мальши.
Я в дороге долгой ночи был и дни,
А пришел — и негде отдохнуть в тени.

Я во сне увидел Айвали опять,
Как стекло меж нами всюду моря гладь,

Словно на ладони, чуть дрожат на ней
Отраженья гор, домов и кораблей.

Незнакомка в белом, мамочка, прошла,
Базилик она кудрявый полила.
Шел я дни и ночи, долгим был мой путь,
Мне бы хоть листочек — о тебе всплакнуть.

Я во сне увидел домик во дворе,
Между нами дали, полные морей.
Я приду, мой берег, хоть вода темна,
Обернусь драконом, выпью всю до дна.

ЗОИ ПАНАЙОТОПУЛУ

Пальто

Я в том же пальто ступаю в поток.
Цвет пыли и пепла — могилы и пекла.
Я в том же пальто ступаю в поток.
Все швы на износе, горька моя осень.

Все умоляют: брось эту ветошь,
В нем пропадешь ты, и не заметишь.
Все умоляют, но бесполезно —
В старом пальто я тихо исчезну.

Я в том же пальто ступаю в поток.
Дневные пылинки, ночные снежинки.
Я в том же пальто ступаю в поток.
Прорехи, заплаты, разлуки, утраты.

Все умоляют: брось эту ветошь,
В нем пропадешь ты, и не заметишь.
Все умоляют, но бесполезно —
В старом пальто я тихо исчезну.

Примечание

¹ Рембетико (или ребетико) — жанр городской авторской песни, изначально — криминальный романс, аналог русской «блатной» песни. Название происходит от «рембетикис» — жаргонизма, означающего человека вне закона, неприкаянного бродягу. Музыкальные истоки жанра лежат в народных песнях различных регионов Греции, византийских православных песнопениях, а так же турецкой народной музыке. Для рембетико характерно использование танцевальных ритмов - зебеккос, сиртос, хасапикос, карсиламас и др. Песни могли исполняться под аккомпанемент различных инструментов, но ведущим стал бузуки (греческая лютя). Расцвет жанра пришелся на период с 1922 до 1936 годов и был напрямую связан с потоком беженцев, хлынувших в крупные города Греции после поражения в войне с Турцией. Язык большинства рембетико того периода — криминальное арго, а сюжеты песен обычно связаны с воровской жизнью; гашиш играл в них примерно ту же роль, что алкогольные напитки в русском «блатняке». Да и исполнялись песни преимущественно в теке — специализированных кофейнях, в которых курили гашиш.

Жанр набирал популярность, и в начале 30-х годов рембетико стало звучать уже и в легальных тавернах и кофейнях, активно выходили пластинки с записями. С установлением в 1936 г. профашистской диктатуры Метаксаса рембетико было объявлено упадочнической музыкой, многие авторы-исполнители подверглись репрессиям (прежде всего из-за наркотической тематики). Аналогичный процесс наблюдался и в период диктатуры «черных полковников»: так, собиратель рембетико Илиас Петропулос в конце 1960-х гг. был посажен в тюрьму за издание книги «Ребетология», а впоследствии эмигрировал.

Тем не менее жанр не утратил своей популярности: в послевоенный период (1950–1960 гг.) рембетико стало восприниматься как своего рода греческий городской блюз. Эти песни слушала уже и вполне буржуазная публика. Соответственно и характер текстов рембетико претерпел изменения — Расширилась и тематика песен: они стали отражать жизнь не только уголовного мира, но и других слоев общества, а уголовная тематика постепенно сходилась на нет. В этом виде рембетико благополучно существует и по настоящий день.

В последние годы ведется активная работа по сбору и исследованию «классической» рембетики, ее реконструкции. В 2017 году песни рембетико были внесены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

*Женщина на велосипеде
(Дора)*

Николае СЕВАСТАКИС

В истории этой женщины был один поворотный момент, и он уцелел во времени, сохранившись лучше, чем воспоминания о травмах детства, о которых так много говорят. Момент этот был связан с человеком — «персоной», на жаргоне того времени: бывший моряк, дорого, блестяще одетый. Но потом он взял и исчез. Трудно сказать, что было важнее — появление этого «залетного» мужчины или его внезапное исчезновение. Никто не знал, была ли ключом истории его последняя поездка в Марсель или открытка, полученная Дорой несколько месяцев спустя. В то время она работала на ликеро-водочном заводе, в желтом здании, пропахшем узо и сырой древесины. За короткое время после его исчезновения Дору зауважали за то, что с ней приключилось такое необыкновенное происшествие. Только сторож завода бормотал какие-то гадости, ну а кому интересно мнение того, кто приходит из дома как побитая собака?

Дора уезжала с завода на велосипеде и ехала, не поворачивая головы ни влево, ни вправо. Велосипед был солидный, темно-синий, и он делал ее неприступной, хотя вообще-то она казалась девушкой своейской, слегка не от мира сего, потому что в ней жила любовь (единственное, что отличало ее от остальных), и она словно распространяла ее на все окружающее. Да, все, и мы тоже, чувствовали что-то необычное, когда она проезжала мимо на своем новеньком велосипеде, после работы, аккуратно выполнив все свои обязанности.

Она жила с отцом на противоположном краю города, в районе, где в начале века жили богатые семьи торговцев и банкиров. Старик был похож на тех давних борцов за Македонию, маршировавших на военных парадах, во всяком случае, таким он нам казался: как будто в молодости он совершил что-то героическое, какой-то подвиг, но мы, конечно, ничего о нем не знали. То, что он слегка прихрамывал и носил тонкие, аккуратно постриженные усы, только укрепляло нас в мысли о его героическом прошлом.

Куда ты собралась, гордая и прекрасная Дора?

Мы сочинили эту песенку и напевали ее тихо, потому что боялись Дору и потому, что еще не превратились в придурков, какими и бывают подростки.

Куда ты собралась, гордая и прекрасная Дора?

Ее красота и непосредственность держали нас на расстоянии. Это была не та красота, которая возбуждает страсть, а строгая, мгновенно рассеивающая низменные мысли сексуально озабоченных подростков.

Со временем ее присутствие стало обыденным, но не потеряло главного свойства — между ней и нами была высокая стеклянная перегородка. Она каждый день проезжала мимо торговцев рыбой, мимо школьного двора, мимо старушек, спешащих на похороны и поминки или возвращающихся оттуда, мимо варварски возбужденных стай сопливых пацанов. Она была видима, но и невидима. Наши глаза ловили ее, но не могли встретиться с ней взглядом, чего мы всякий раз ждали.

Почтальон, единственный человек, который знал правду, упорно молчал. Мы даже думали, что между ним и женщиной на велосипеде было что-то вроде договора о неразглашении тайны. Знала ли она что-то об этом почтальоне? Ведь только через двадцать лет открылось, чем он занимался. И когда его обвинили в краже почтовых чеков, мы даже не вспомнили о том его обете молчания.

То, что мы знали наверняка в те времена «стеклянной перегородки» — это что моряк с бакенбардами и в роскошном костюме испарился. Среди рабочих ликеро-водочного завода распространялись нелепые слухи, похожие на дурацкие сценарии — от темной истории, связанной с наркотиками

в Марселе, до женитьбы исчезнувшего моряка на какой-то семнадцатилетней в Фивах. Одна жена сторожа утверждала, что знает истину: «персона», по ее словам, сидела в тюрьме за мошенничество. И что Дора, конечно, знала об этом, но не стыдилась своей любви к эдакому мерзавцу. Голосом, источавшим яд, жена сторожа пыталась очернить девушку, представляя ее в роли сообщницы, ну или безмозглой жертвы мелкого провинциального злодея.

* * *

С первого момента, когда он только появился, его почему-то прозвали доктором-поэтом. И этот средних лет мужчина июньским днем шел вместе с Дорой по главной торговой улице города. Два дня назад в реконструированном зале клуба, доктор-поэт прочитал лекцию о Сеферисе, посвященную десятилетию со дня смерти поэта, создавшего «Поворот». Он остановился на теме памяти и употреблении исторических символов в его творчестве. Аудитория — преподаватели гимназии, торговцы, вдовы и неизвестные — созерцала седую голову выступающего и особенно обратила внимание на его выразительную мимику и жестикуляцию, отчего произносимые им слова казались пророческими.

Когда их увидели вместе, вторая волна сильных эмоций охватила общество. Но теперь в них преобладала досада, и то, что зрелый мужчина эдакой легкой походкой идет вместе с девушкой с ликеро-водочного завода, вызвало безмолвный протест горожан.

Они дошли до широкого галечного пляжа. Доктор-поэт держал большую тетрадь, а она, одетая в черное после смерти старого «бойца-македонца», нежно опустила голову ему на плечо. Сцена прелюбодеяния зафиксировалась в памяти значительного числа горожан (в том секторе памяти, который напоминает предбанник в суде). Девушка положила голову ему на плечо! И это произошло в тот момент, когда ступились сумерки и видимость почти исчезла. А это значит, что дальше случилось худшее!

Поклонники первого образа Доры — народная драма с исчезнувшим моряком — почувствовали себя преданными. Та, первая история стала для них мифом о таинственной силе любви. Одиночество девушки с велосипедом, «стеклянная перегородка», воздвигнутая ее меланхолией, ее преданность идее любви — все эти признаки непорочности, ухода от мирской суеты — всё теперь пропало ни за грош. Дора в объятиях доктора-поэта — не что иное, как самка, соблазнившая немолодого афинского интеллигента. Своим телом, влагой между ног, теми соками, которые соблазняют запыхавшихся мужчин со спущенными штанами, готовых предаться позору.

Парочка медленно пересекала площадь — он с рюкзаком на спине, в брюках цвета хаки, и Дора, слегка покачивающая бедрами, — такой мы еще ее не видели. Они напоминали туристов, и ее черная одежда — знак траура — превратилась в наших глазах в одеяние какой-то модницы. Конечно, везде можно было встретить женщин в черных платьях, их носили и много веков назад — о таких женщинах народные поэты сочиняли гимны. Но этот новый образ Доры был уже не плоть от плоти народа, не символ горькой судьбы и бесконечных мучений. Идя рядом с образованным господином, она уходила всё дальше в другую, чуждую реальность, в символы и слова иной жизни.

Жена сторожа подытожила общее отношение ко всей этой непристойности: «Я же вам говорю — разврат у этой девицы в крови!»

И действительно, за время истории с доктором-поэтом, длившейся почти три года, Дора лишилась союзников даже среди коллег по работе, которые стали находить слова жены сторожа совершенно справедливыми. Сторож, в свою очередь, превратился в скверно выглядящего старикашку, посвятившего себя узо, и соревновался с женой в забористости выражений ненависти и презрения. С тех пор как «стеклянная перегородка» разбилась вдребезги, она оба считали своим долгом избавить рабочих от их прежнего уважительного языка.

«Потаскуха прямо», — сплевывал сторож.

«А кто знает, чем они там занимаются на пляже, там, за кустами, где они прячутся, позорники!», — дополняла его жена, жуя свой размоченный в молоке сухарь.

«Точно, а тот-то, первый, видать, что-то почуял и удрал...».

«А шлюха-то эта как терлась о седло велосипеда!», — продолжал изрыгать сквернословия рот этой богобоязненной женщины.

На противоположном краю города, в культурном обществе, где по субботам ходят на лекции, распространялись отклики о докторе-поэте, о том, кто он такой на самом деле.

«Может, вы поняли, что он хотел сказать о Сефрисе? Меня только в сон клонило от его пустословия!».

«Да он сам не знал, о чем говорит. Бред какой-то нес, тут и двух мнений быть не может».

«Ты — и я это говорю не потому, что ты наш — в тысячу раз лучше рассказываешь!»

Язык, бывает, набирает темп, когда хочет укусь, и вот при помощи этого его состояния и координации настроений, составивших коллектив, доктор-поэт превратился в ничтожного учителяшку и порочного глупца. А один преподаватель филологии в гимназии провел целое расследование и пришел к выводу, что доктор-поэт — изгнанник литературного мира, один из тех достойных порицания неудачников, которые разъезжают по провинции, наподобие гастролирующих бродячих труп, и пытаются произвести впечатление на наивных местных жителей своими дешевыми трюками.

Даже прогулки пары по окрестным горам давали повод для пряных шуток и разных выдумок жены сторожа. Как ни странно, некоторые из них дожили до сегодняшнего дня, а услышать их можно от тех, кто даже не родился в эпоху доктора-поэта и молодой Доры.

В те далекие дни середины восьмидесятых дышать было тяжело из-за пожаров, уничтоживших сосны, которые росли по склонам острова, и в результате породивших другой пейзаж. Густые, черно-красные облака бесконечно напоминали о присутствии огня, и люди заворуженно глазели на них, как бы умоляя судьбу смилостивиться. Позже этот их вид истолковывали иначе, утверждая, что местные вообще не обращали на это внимания: «подумаешь, природная катастрофа!» Откуда понять нашим журналистам, что еще до этих пожаров старое тело уже было при смерти? Пожары вспыхнули именно в тот момент, когда старый мир рушился — мир, которому не суждено было увидеть, как берег моря, забывший свою прежнюю жизнь, оброс грибами и лежаками, лампами пляжных баров, выстроившимися в ряд лотками с солнцезащитными кремами и спреями от ожогов... Возможно, большие пожары были провозвестниками того будущего, в котором главными станут ностальгия по простой и спокойной жизни и мучительная неспособность научиться проигрывать.

В те же дни мы услышали об отъезде доктора-поэта в Афины. Это было не исчезновение, а нормальное возвращение в литературную жизнь столицы, на пароме «Пегас», с двумя чемоданами в клеточку, очень похожими на те, с которыми ездят туристы-пенсионеры из Норвегии.

Что произошло между ними? Никто не знал. Жена сторожа, прикованная к постели после инсульта, уже отошла от мирских дел. Ее муж, видимо, приспособившийся к условиям нового времени, потерял интерес к чужим судьбам — костлявый и мрачный, он надолго заперся на заводском складе, и гастарбайтеры из Албании-то держали пари, что там он и испустит последний вздох.

Летом мы вели в основном ночной образ жизни, поэтому далеко не сразу снова увидели женщину на велосипеде. На нас произвело впечатление то, что она собрала волосы в пучок и была в каких-то некрасивых штанах оливкового цвета. Как будто старалась стереть все следы себя прежней. Ее строгие и элегантные черты превратились в маску, она напоминала женские фигуры с гравюр Сопротивления.

Возможно, этим своим превращением она со временем восстановила бы доверие рабочих, и они простили бы ей измену. Но мы в то время уже принадлежали другому миру, ценности «местного общества» стали для нас чужими. Для нас Дора бесславно капитулировала перед местными нравами. Казалось, она готова принести себя в жертву закону гравитации, который для нас, адептов полета, был главным врагом.

Написав эти строки почти тридцать лет спустя, я, разумеется, знаю продолжение этой истории. Потому могу заверить вас, что в ней были всякие повороты, был и хэппи-энд, который привел бы вас в восторг — это же здорово, когда любовь возвращается из ниоткуда. Но рассказывать об этом нет смысла, поскольку Дора как персонаж ушла со сцены. Возвращаясь на остров обычно к концу июня, мы повсюду наблюдали оргазм обновления, хотя приметы ушедших времен оставались разбросанными там и сям. Этому прошлому миру удалось сохраниться до конца нашего отрочества. А потом произошли большие перемены, и настала эпоха инженеров. Мое поколение оказалось свидетелем поначалу неощутимых изменений, а в зрелости мы стали рьяными исполнителями дальнейших разрушений. Так что я могу сказать о Доре, пережившей свое время? Как я могу описать место, где ее тело плавает над слоями времени, подобно умершему, не подозревающему о своей смерти?

Единственное, что приходит в голову — та песенка, которая была преждевременным, но прозорливым прощанием:

*Куда ты собралась, гордая и прекрасная Дора
На каком углу нашей судьбы легла спать?*

(Полис, 2014)

Перевод с греческого: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

© Текст: Николас Севастакис

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатола

НИКОЛАС СЕВАСТАКИС (1964) Писатель, поэт, публицист. Выпускник факультета политических наук Афинского университета. Кандидат наук университета Lion II. Автор книг по политическим теориям современности. Профессор Политических наук Салонского Университета.

Железо

Гиоргос КСЕНАРИОС

За мусорным ящиком из-под металлического цилиндра высовывался тяжелый кусок настоящего железа. Старая запчасть двигателя? Остаток ручного токарного станка, когда-то сдавливавшего металл, проглатывавшего сталь, прессовавшего кровельное железо? Тяжелый рычаг из брошенного где-то рядом старого автомобиля? Что бы это ни было, а стоить будет десять, а может, и двенадцать евро на станции приёма металлолома.

Иман его увидел, то есть не то что бы чётко увидел (улица была полуосвещённая), а почувял. Чутье никогда его не обманывало: где бы ни лежало железо. Иман его вынюхивал, как собака добычу. Он стал человеком-магнитом, притягивающим даже мельчайшие железные опилки, где бы они ни находились и где бы ни находился он сам.

И вот снова Иман почувял присутствие драгоценного материала. Кусок его «золота» сиял, позабытый на помойке, дожидаясь нового владельца. Тихими шагами Иман направил свое тощее тело к добыче. Словно фантом в молочном полусвете, Иман приближался к желанному предмету, мягко скользя в полутьме.

Нудный декабрьский дождь прибывал его к земле, затрудняя движения. Однако дождевые капли в белом свете уличного фонаря придавали его шагам торжественность, какую-то трагическую поступь.

Иман был уже почти на расстоянии вдоха от своей добычи. Опустился на колени на мокрый асфальт. Рядом с ним сверкали лужи. Торжественно, будто в священнодействии, медленно наклонился Иман и обеими руками уже взял — вернее, собрался взять — драгоценное железо. Однако его движение не было завершено, потому что в тот самый момент, когда Иман почти коснулся старинного рычага (или чем бы ни была, в конце концов, эта штука), другая рука схватила его за запястье. И железной хваткой всё больше сжимала, сдавливала тощую смуглую руку Имана: «Брось, ублюдок, я увидел его первым!»

Чужая цепкая рука парализовала руку Имана. Но затем освободила его запястье и схватила его за горло. Железные ладони, влажные от дождя, сдавили на шею Имана, он стал задыхаться.

— Я из тебя выдавлю и молоко мамочкино, сукин сын! Это я, Манолис, я увидел его первым!

Захват продолжался, жёсткий и неумолимый. Иман начал терять сознание. Первое, что ему привиделось: спускающиеся вниз к реке овцы, которых он пас в горах на Памире. Затем — покойная мать, махавшая ему издалека. А напоследок улыбающееся личико его дочери, оставленной на окраине Лахора.

На этом видения его закончились. И оставшегося минимума кислорода в его мозгу хватило, чтоб отреагировать: слабеющей рукой нащупывая нож в сапоге (а он всегда держал его там), Иман сумел вытащить нож. Несмотря на неослабевающую хватку Манолиса, на морозящий дождь, на яркий свет от фонаря на дорожном столбе, не дающий никому как следует разглядеть что бы то ни было, Иман нанес своему противнику удар. Затем второй, третий... Много ударов ножом по телу Манолиса, от руки которого ему уже удалось освободиться. Одни удары были поверхностными, другие — проникавшие глубоко, смертельными.

После короткой борьбы Манолис пошатнулся, и за миг до того как грохнуться на мокрый асфальт, в те критические секунды, когда время останавливается, а кислород перестает поступать в мозг, Манолис увидел бегущих к оврагу коз, которых еще ребенком пас на горе Омалос. Затем ему привиделась мать — она стояла вся в чёрном и чуть заметно улыбалась ему. Еще он увидел шприц, вонзающийся в руку и наполняющий его счастьем. И под самый конец увидел ее, свою девушку, первую и последнюю свою девушку, оставшуюся на Крите. Она тоже, как и мать, стояла, а затем стала потихоньку приближаться к нему, протягивая руки.

Манолис рухнул на жёсткий мокрый асфальт. Иман, задыхаясь, — тоже. Возле неподвижно лежащих тел стоял зелёный металлический мусорный ящик. А неподалеку — большой кусок настоящего железа: старый рычаг или бог весть что. Дождь прекратил моросить. Асфальт оставался по-прежнему мокрым, и на нём блестели маленькие водяные лужи. Небо очистилось — стало прозрачное, ясное, звёздное. Мириады звёзд сверкали на небесном куполе, как рождественские огни, мерцавшие в окнах домов.

Перевод с греческого: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

© Текст: Гиоргос Ксенариос

© Перевод: Ольга Деллатола, Стилианос Деллатолас

ГИОРГОС КСЕНАРИОС (род. в 1959 г.). Писатель, критик, публицист, Автор 6 романов. Лауреат многих греческих и европейских литературных премии. Перевел более 20 книг с французского языка. Преподает: ведет курсы литературного перевода в различных учебных заведениях.

Афины

Ольга МЕДВЕДКОВА

Из сборника «Destinations (Места назначения)». Париж, TriArtis, 2016.
(Авторский перевод с французского)

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА, историк искусства и архитектуры, писательница. В 1985 г. окончила МГУ (отделение истории искусства исторического факультета). С 1991 года живет в Париже, пишет главным образом на французском. Защитила диссертацию в Высшей школе гуманитарных исследований. Работала в Национальном институте истории искусства Франции, с 2008 г. – научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции. Автор двух романов: «Советское воспитание» и «Ангелы на стажировке», а также книги рассказов «Места назначения» и ряда других. Лауреат премии Марьяны Ролан-Мишель (за монографию об архитекторе Леблоне; 2007 г.), премии Интрадукция (за перевод Бакста; 2013 г.), премии «Откровение Французского общества литераторов» (за роман «Советское воспитание»; 2014 г.) и премии Лекё Французской Академии (по совокупности трудов; 2017 г.).

Блокнот был заполнен записями и зарисовками, сделанными во время путешествия в Грецию. Мальвина Зюстирн напрочь забыла о его существовании, да и о самом путешествии едва ли когда вспоминала; это было так давно. Наткнувшись на него вдруг на чердаке своего берлинского дома, она подумала, а почему она его до сих пор не выбросила? Она отложила работу, которой была занята, спустилась в библиотеку, где горел огонь в камине, но вместо того, чтобы его туда, как намеревалась, бросить, устроилась в кресле, кликнула Аннихен, попросила принести ей чашку горячего шоколада, накрыла ноги старым пледом и в довершение всего открыла блокнот.

Старая добротная бумага фирмы «Фельдмюле» почти не пожелтела. На первой странице стояла дата: 13 февраля. В тот день она, молодой археолог, отправилась в Афины. К тому времени она уже пожила и в Лондоне, и в Оксфорде, провела один год в Риме, другой в Неаполе, но, несмотря на то, что изучала греческие вазы, в Греции до сих пор не была ни разу. Одной из причин тому был ее отец — атташе при германской археологической миссии в Афинах. Когда Мальвине было три года, он бросил ее мать, на которой так и не женился, и уехал жить в Грецию. С тех пор Мальвина его не видела. Она знала его имя, его труды, читала его статьи в «Археологише Цайтунг», но о личной его жизни не имела понятия.

Теперь же откладывать дальше поездку стало невозможно. В Афинах ей было необходимо осмотреть одну вазу, которую она намеревалась включить в свой каталог. На единственной опубликованной фотографии ваза была видна только с одной стороны, — с той, на которой менады плясали вокруг Диониса. Что же было с другой стороны? Она сказала матери, будто едет в деревню к подруге, забронировала комнату в дешевой гостинице и сложила в потертый чемодан лишь самое необходимое. Первый день в Афинах был холодным, но солнечным. Едва устроившись, она отправилась в музей посмотреть на «свою» вазу, но вопреки висящему у входа расписанию, музей был закрыт.

Еще один обжигающий рот глоток, и Мальвина вновь взялась за блокнот. Когда впервые она поднялась на Акрополь? В тот же вечер или на следующий день? Снег лежал на зеленой траве и на сочных листьях аканта. Ветви кустарника, усыпанные (еще или уже) мелкими желтыми и белыми цветами, запечатлелись в ее блокноте несколькими стремительными зарисовками; на других страницах — фрагменты завитков и иных орнаментов. Тренижник был оттушеван старательно. Лежавшая вверх ногами ионическая капитель выставляла на всеобщее обозрение свои кудрявые волюты.

Вот за что она так любила греков — за эту гибкость — противоположность берлинской расчерченности по линейке. Даже когда в Берлине что-то закруглялось, в этом всегда просвечивала память о прямой линии, как будто эта линия воплощала норму, а спираль была эксцентричным результатом нежелательного катаклизма. У греков миром правила округлость, верчение было законом, а прямизна — аномалией. Гнущься значило жить. Деревенел лишь труп. На ее вазе менады метались волнистым движением, их бешеному хороводу вторили их волосы и туники. Она любила, когда две волюты скрещивались, и из их встречи рождался цветок. Или когда волюта разворачивалась пучком листьев и стручков. Позднее, когда она отошла от эллинистики и посвятила себя полностью антропологии, это и стало ее специальностью. Тем не менее ее книга о спирали принесла ей первую академическую награду.

По страницам блокнота вились и змеились волосы богинь и бороды богов, складки одежд и щупальца осьминогов, крокусы, водоросли и волны. Она вспомнила, как рисовала их в музее на следующий после приезда день, незадолго до того, как, наконец, добралась до фаталь-

ной витрины, у которой ждало ее горькое разочарование. «Ее» вазы там не было. Она кое-как пробормотала свое отчаяние на современном греческом, приобретенном ценой пары-другой уроков, и смотритель, поругиваясь, но не слишком, отправился искать «куриоса», хранителя. Она приготовилась познакомиться с пожилым седовласым господином с плечами, усыпанными снежной перхотью, но он предстал перед ней в образе молодого человека, блондина, к тому же прекрасно изъясняющегося по-немецки. Звался он греческим именем Базилэ. Беспечно улыбаясь, он объяснил ей, что ваза, которую она искала, отдана на реставрацию. Но пусть она не беспокоится; он, разумеется, придумает, как ей ее показать.

Реставрационная мастерская открывалась не раньше полудня. Он пригласил ее пообедать, и она, не задумываясь, согласилась. Он был примерно ее возраста: около тридцати. Уселись за столик у окна, напротив музея. Посмеивались над сухим музейным фасадом, произведением соотечественника Мальвины, ничего не понимавшим в пластике и гибкости. Она поделилась с ним своими идеями насчет спирали. Поговорили о менадах. Она почувствовала вдруг, что нравится ему. К концу обеда, чтобы подкрепить один из аргументов, он пожал ей руку; она не воспротивилась. Пора было возвращаться в музей; они пересекли улицу. Она замедлила шаг, чтобы посмотреть на него сзади: он ей тоже нравился, его манера двигаться — как у молодого длинноногого зверя. Он обернулся и подставил локоть, она взяла его под руку.

Что-то в ней принимало его; ей это было в новинку. Разделение человечества на два рода мало что для нее значило. Она была частью университетского мира, в котором обитали не мужчины и женщины, а коллеги, принадлежавшие к некоему среднему роду. Она готовилась стать уважаемым «Доктором» и «Профессором», а не фрау-такой-то, чьей-то женой и чьей-то матерью, звеном в цепочке воспроизведений. Она училась, путешествовала налегке. Порой она наблюдала, как такой-то или такая-то вступали в брак или расторгали его, но её это касалось не более, чем подобные факты из жизни муравьев или лягушек. А этот молодой человек с княжеским именем ей почему-то нравился. Разумеется, он принадлежал к противоположному роду, но как будто ненамеренно, так же как она, лишь поверхностно, походила на женщину.

Наткнувшись на упрямо запертую дверь реставрационной мастерской, он разразился гневной филиппикой, призывая Зевесовы молнии на головы греческих сотрудников музея. В последнюю неделю перед великим постом жители, как всегда, покинули Афины. Он говорил о греках в третьем лице: «они». Но завтра реставраторы наверняка вернутся: завтра! В противном случае он обратится за ключом к самому господину директору; только на этой неделе его тоже нет в городе. Мальвина вдруг поняла, что сделала ошибку: ехать в Афины накануне поста было совершеннейшей глупостью. Но Базилэ успокоил ее: он все уладит, а если нет, то взломает этот проклятый замок. Она поверила ему и рассмеялась. Они вновь прошли музейной анфиладой и оказались на залитой солнцем площади. Теплый ветер дул в лицо. Он предложил ей показать Афины; она была согласна. Он поправил прядь, упавшую ей на лоб...

Спустя некоторое время Мальвина лежала, прижавшись к его молодому плечу, укрытая потертым одеялом. Это случилось с ней впервые. Она не знала, как это случилось. Действительно ли она этого хотела? Или лишь поддалась чужому желанию? Она чувствовала себя другой, вовсе не той, какой была прежде. В конце концов, она встала; ей все-таки надо было идти... но об этом не могло быть и речи. Весь тот вечер и всю ночь Базилэ не выпускал ее из объятий. Ушла она лишь под утро.

Шла одна по улице, огибающей Акрополь, время от времени поднимая глаза к святой горе, с которой Пречистая Богиня, несомая на плечах своих верных дорийцев, насмехалась над ней, запятнанной и оскверненной, но при этом ничуть не обескураженной. Карьера весталки оста-

лась позади, будущность менады рисовалась в тумане. А почему бы и нет! Там, в постели, после краткой схватки острой боли, она мало что почувствовала, но это ее не огорчало: Базилэ и она не походили на других мужчин и женщин. А на кого походили они? На лягушек? Или на муравьев? Зимний воздух проникал ей в легкие, как будто между городом и ею, между ней и городом не было разделяющей границы. Как будто и этого города, и этой жизни она была частью; связь между ними ткалась через плоть. Ей стало вдруг весело, закружилась голова. Что-то внутри нее радовалось, словно она никогда не умрет, словно жизнь — не прямая линия, идущая из начала в направлении конца, а бесконечная кривая, увлекающая за собой в глубинное пространство, наполненное биением, пульсацией и птичьим криком.

Ей захотелось встретиться с отцом, увидеть, похожа ли она на него. Она не знала его адреса, но редакция «Археологише цайтунг» располагалась неподалеку, на улице Эрентеос. Мальвина обогнула Фонарь Демосфена, прошла вдоль сквера и позвонила в дверь одноэтажного особняка. Открыла пожилая женщина с красными, как яблоки, щеками, которая, конечно, знала, где найти профессора В.; он ведь жил в этом самом доме, над редакцией, директором которой и являлся. А по какому собственно делу? И узнав, что Мальвина пришла повидаться с «отцом», немедленно и шумно поцеловала ее в лоб: сама она была профессору женой.

Она провела Мальвину в кабинет, где ее отец сидел среди своих книг. Красивое лицо, почти без морщин. Худой. Глаза большие. Длинные белые волосы по щекам, и шерстяная шапочка, скрывающая лысину. Да, такой отец ей нравился; встречи с ним стоило ждать. Он встал и протянул к ней руки: «Дочь, Мальвина». Ей не удалось произнести слово «отец». Слезы заблестели в глазах старика. Она смутилась. Голос женщины задрожал: они скоро будут ужинать, уже все готово, по-семейному конечно, вот только ждут сына, он должен вот-вот подойти. Отец и дочь улыбались, глядя друг на друга.

И тут вошел сын.

«Базилэ», — сказал старик. Мальвина обернулась. Улыбка застыла на его устах.

«Это твой брат, — радостно проговорил отец, — подойди, познакомься с братом».

«Мы уже знакомы», — сказала Мальвина.

Некоторое время спустя после ее возвращения в Берлин она получила письмо из Афин. В конверте была лишь одна фотография. Мальвина узнала фигурировавший на ней предмет: это была ее ваза, с оборотной стороны. Сторона эта была пустой: на ней ничего не было, никакого рисунка.

© Текст: Ольга Медведкова

Стихи о Греции

Александр Бараш *(Иерусалим)*,
Аркадий Драгомощенко *(+)*,
Дмитрий Быков *(Москва)*,
Катя Капович *(Кембридж)*,
Алексей Макушинский *(Висбаден)*,
Татьяна Вольтская *(С.-Петербург)*,
Ирина Карпинос *(Киев)*,
Андрей Сен-Сеньков *(Москва)*,
Хамдам Закиров *(Хельсинки)*,
Алексей Кубрик *(Москва)*,
Нина Косман *(Нью-Йорк)*,
Татьяна Бонч *(Сидней)*,
Елена Фанайлова,
Артур Гранд *(Москва)*,
Алексей Глуховский *(Баден-Баден)*

АЛЕКСАНДР БАРАШ

Род. в 1960 г. в Москве. Поэт, прозаик, эссеист. В 1980-е годы – редактор (совместно с Н. Байтовым) независимого литературного альманаха «Эпсилон-салон», куратор группы «Эпсилон» в клубе «Поэзия». Автор пяти книг стихотворений, последняя – «Образ жизни» (М.: Новое литературное обозрение, 2017), двух автобиографических романов (последний – «Свое время», М.: НЛО, 2014), двух книг переводов израильской поэзии (последняя – «Помнить – это разновидность надежды...» Избранные стихотворения / Йегуда Амихай; Перевод с иврита, сост., предисловие и комментарии Александра Бараша. – Москва: Книжники, 2019). Один из создателей и автор текстов московской рок-группы «Мегаполис» («Бедные люди», 1989, «Гроза в деревне», 1996; «Супертанго», 2010, и др.). Живет в Иерусалиме.

Из цикла «Стихи о Греции, или Оммаж Кавафису»:

Афины

Акрополь
Мы где-то внизу
На рыночной площади
В переулках своего сегодняшнего дня
Но либо видим либо знаем спиной
что там наверху но рядом
есть светящиеся развалины
нашего прошлого
придающие масштаб этому сегодняшнему
часу
будто море – пене отлива

Но как их понять отсюда?
Нам доступны только проекции
Лучшая модель античности –
«строгий» мраморный идеал:

вместо ярко-страстных
красно-синих цветов
подлинного прошлого
подлинной жизни –
роскошные
бескровные
слепки

Понять невозможно
Но можно ощутить -
масштаб приобретенной потери
глубину непонимания
покой предзакатного часа
ветер с моря

Дельфы

Это ущелье –
и сейчас
сообщение
об ужасе судьбы
Но оракул не очень нужен
И так все более-менее ясно
В глубине за изгибом долины
за воздушной ямой за полями садов
светящийся уголок морского залива –
этот выход всегда был рядом
в греческом мире
и остался с нами:
путешествие бесконечное любопытство
оно не может изменить судьбу
но оживляет ее -

* * *

Вот, Теофил,
наш город
с ясным акрополем,
сияющим охрой и багрянцем
на рыже-золотой, обожженной
солнцем горе,
над неподвижной зеленой бухтой, где
корабли со всех сторон мира стоят
у причала,
как сны у изголовья.

А вот, у общественного фонтана,
 играющего тенями, словно зеркало
 отражениями,
 место наших собраний, тут мы обсуждаем
 пути познания мира, и наше любопытство
 не знает границ, в пределах допущений,
 определяемых целесообразностью.
 И я тебе скажу, Теофил,
 а ты попытайся оспорить, но вряд ли тебе
 поможет
 твоя знаменитая школа сирийских жрецов,
 ведь это утверждение простое, как земля,
 и неоспоримое, как небо:
 есть только сила и красота,
 и охота за полнотой существования.
 Мы поклоняемся богам потому, что у них
 все получается лучше.
 Блеск и ужас наполняют
 наше святилище Аполлона,
 как попутный ветер — парус,
 кровь — руку гребца
 и слово — язык.

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО (1946–2012)

Публиковался в самиздате, был членом редколлегии самиздатского журнала «Часы» (Ленинград, 1974–1983). Преподавал в Петербургском, Калифорнийском (Сан-Диего), Нью-Йоркском (штата Нью-Йорк в Буффало) университетах. Вплоть до своей кончины вел семинар «Иные логики письма» на факультете свободных искусств и наук СПбГУ. Первый лауреат Премии Андрея Белого в области прозы (1978). В 2014 г. была учреждена поэтическая премия Аркадия Драгомощенко.

Ахилл у костра Патрокла

Пустое... Солнце уходит. Скоро с моря
 потянет
 и освежит глаза, как тряпкой в вине
 смоченной,

что с углём схожи или дымящимся мясом
 вепря.
 Помнишь? В одно мгновение, заведя дровцо
 за локоть,
 уже помраченной и мокрой медью
 вспарывать брюхо
 от самой глотки, где храп морозен,
 до паха в клещах впившихся.
 Запах крови. Он рос из хруста
 раздираемых ребер, греха не ведал,
 с пасленом мешаясь,
 с духом чобра. А сухость ела горло после
 долгого бега,
 и сухожилия ныли под плектром боли.
 И тише рокот пластался в плавниках
 отрогов.
 Пот катился по спинам тех, кто не так
 удачлив,
 вслед псам кто стлался, смыкаясь с гулом
 дубов,
 вскипающих идущей грозой.
 Гром заслышав, вырвать печень единым
 взмахом.
 Листвой, в горсть содранной, отереть грязь
 с бедер,
 колен, живота, сведенного судорогой
 снежной.
 Фтия милая, помнишь? –
 дороги, ремень заскорузлый сандалии,
 мох в муравьиных низинах.
 Да что же помнить то, чем ты стал
 на глазах моих,
 разъедаемых дымом? Жижа.
 Горючие хлопья сажи
 на жирных губах Гекаты.
 тяжелы герои богам, коротка забава их
 с ними,
 и, представь, никакой прохлады. Медлит
 винное море.
 Не шлет ветра нам.
 Развоплощения жар искусно помножен
 на огонь древесный,
 хотя продолжает он дело, которое
 как неделю уж длится,
 вонь исторгая такую, что твой вожатый,

должно быть, бабочку в кулаке сминая,
 другим кулаком зажимает нос.
 Да, надо бы раньше, не ждать погоды. Мух
 не ждать,
 трудолюбивейшей свиты:
 жрут терпеливо то, что осталось.
 Так свиной избегнув, станешь добычей
 другого отродья.
 Словом, беги, словно тогда за псами
 по склону,
 другого рода. Ниже.
 Упрощенный настолько,
 что корень стопы твоей не изранит. Так
 не затейлив,
 что вечность сквозь тебя протекает, хлещет,
 будто в дыру, а
 ты и не тонешь, прозрачней жеста -
 факела пламя на солнце легче заметить,
 нежели то, как рукою машешь — неслышимый,
 незримый.
 Кукла сражений странных, истекающих
 копотью.
 Метаморфоза, разомкнувшая усилие.
 Кремниевый зародыш звезды в корне дыма
 черной.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

*Род. в 1967 г. в Москве, писатель, поэт
 и публицист, литературный критик, радио-
 и телеведущий, журналист, преподаватель
 литературы. Биограф Бориса Пастернака,
 Булата Окуджавы, Максима Горького
 и Владимира Маяковского. Совместно
 с Михаилом Ефремовым регулярно издавал
 литературные видеовыпуски в рамках
 проектов «Гражданин поэт» и «Господин
 хороший».*

Новая Одиссея

Пока Астреев сын Борей мотал меня среди
 зыбей,
 Прислуга делалась грубей, жена седела,

Пока носился я по морю под названьем
 Эге-гей —
 И така тоже сложа руки не сидела.
 Богов безжалостных коря, мы обрывали
 якоря,
 В сознание путались моря, заря рдела,
 Дичают земли без царей, и, помолясь
 у алтарей,
 Она отправилась ко мне, а я к ней.
 Теперь мужайся и терпи, мой край,
 сорвавшийся с цепи,
 Мой остров, каменный и малогабаритный.
 Циклоп грозил тебе вдогон, швырял
 обломки листригон,
 Проплыл ты чудом между Сциллой
 и Харибдой,
 Мой лук согнули чужаки, мой луг
 скосили мужики.
 Служанки предали, и сын забыл вид мой,
 Потом, накушавшись мурен, решил поднять
 страну с колен,
 Потом, наслушавшись сирен, попал в плен.
 Когда окончится война, нельзя вернуться
 ни хрена.
 Жена и дочка вместо книг читают карту,
 И мать взамен веретена берет штурвал —
 удивлена.
 Не знаю, как там Менелай попал на Спарту,
 Не знаю, как насчет Микен,—
 ведь мы не видимся ни с кем,—
 Но мир, избавившись от схем, готов к старту.
 Под Троей сбились времена: стационарная
 страна
 И даже верная жена идет на.
 И вот нас носит по волне: то я к тебе, то ты
 ко мне,
 Невольник дембеля и труженица тыла;
 Твердела твердь, смердела смерть,
 не прекращалась круговерть,
 А нас по-прежнему друг к другу не прибило.
 Вот дым над отчею трубой, и море выглядит
 с тобой
 Обрывком ткани голубой с куском мыла,—
 И, проплутавши десять лет, ты вовсе
 смылишься на нет,

А там и след сотрется твой, и мой след.
 В погожий полдень иногда, когда спокойная
 вода
 Нам не препятствует сблизаться вдвое-второе,
 Я вижу домик и стада, мне очень
 хочется туда,
 Но что мне делать, господа, при новом
 строе?
 Седой, не нужный никому, в неузнаваемом
 дому,
 Я б позавидовал тому, кто пал в Трое.
 И нас разносит, как во сне, чтоб растворить
 в голубизне.
 Кричу: ты помнишь обо мне? Кричит: да.

КАТЯ КАПОВИЧ

*Русский и американский поэт, прозаик,
 редактор англоязычной антологии Fulcrum,
 автор девяти поэтических книг на русском,
 двух на английском языке и двух книг прозы.
 Лауреат национальной литературной
 премии Библиотеки Конгресса за книгу*

ТАТЬЯНА БОНЧ

*Филолог, переводчик, литературный критик,
 организатор культурных проектов. Автор
 учебного курса комбинаторной литературы
 (гуманитарный факультет МФТИ). Глава
 ассоциации «Антиподы. Русская литература
 в Австралии». Организатор австралийских
 фестивалей русской литературы
 «Антиподы» (Сидней, 2006, 2008, 2010–
 2011) и ряда культурных мероприятий. Ее
 визуальные работы экспонировались в России,
 Австралии и Венгрии. Живет в Сиднее.*

*английских стихов «Gogol in Rome», «Русской
 премии» (дважды, 2013 и 2015), книга
 «Cossacks and Bandits» вошла в шорт-лист
 Британской национальной премии Jerwood
 Aldeburgh Prize (2006). Живет в Кембридже
 (США).*

Греция

Т. Лившиц

Как четко рокируются фигуры
 и кровью маков обгарен пустырь...
 А что у греков? Синие лагуны.
 А что в Египте? Вековая пыль.

Но не погибла, слышишь, Византия,
 не умерла она, не умерла
 и это знают маки луговые
 затем так и цветут средь пустыря.

И если мертвые сказать могли бы,
 они бы подали из неба глас:
 все живы, живы, живы, живы,
 но свет наш слишком бел для ваших глаз.

Лабиринт Минотавра

АЛЕКСЕЙ МАКУШИНСКИЙ

Род. в 1960 г. в Москве. Поэт, прозаик, эссеист, историк литературы.

С 1992 года живет

в Германии. Доцент кафедры славистики университета города Майнца, член редколлегии журнала «Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte» и его русской сетевой версии «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Автор семи книг: романы, стихи, эссе, лауреат литературных премий, в частности, роман «Пароход в Аргентину» получил первый приз «Русской премии» (2014), был в шорт-листе премии «Большая книга».

In memoriam Inger Christensen.

2 января 2009

*abrikotræerne findes, abrikotræerne findes
Inger Christensen: alfabet*

Есть, как ты писала, абрикосы.
Абрикосы есть, на «а», в начале
алфавита, сотканые солнцем.
Также есть зима, есть снег, есть этот

день, такой невидящий и хмурый,
низкобровый, посленовогодний,
не проснувшийся. Он есть, тебя в нем
нет. И есть молчанье, есть молчанье.

Абрикосы есть на самом деле.
Стуски солнца, каждый есть, конечно,
средоточье собственной вселенной.

Солнце слов над северной страной,
над страной, над снежною страницей.
Все слова горят, следы сияют.

Солнце, ты писала, есть затем, чтоб
мы его любили. Так, любовь есть.
Если ж нет, должна быть. Страсть — должна
быть.

Только страстью держится все то, что
держится, слова в строке, на ветках
абрикосы (или апельсины —
на афинской улице, к примеру,
где-нибудь в районе Колонаки,
где Акрополь виден вдруг, в начале
алфавита, за углом, в проеме

между двух домов, двух строк, над белой
бездной города, застывшего от счастья).

Юг и Север сходятся, как жизнь и
смерть в стихах, безмерные пространства
открываются за каждым поворотом.

Нас же ледовитым океаном
окружают неслова, бессловный
холод проникает и гнездится
в сердце. И молчанье есть, молчанье
есть, оно огромно, день проходит,
день молчит за окнами, не видя
ни меня, ни крыш, ни снов, ни снега.

Как я знаю этот мир молчащий,
этот мир недвижимый, льдины, льдины,
этот жестяной беззвучный воздух.

Солнце слов над северной и южной
белоснежной мраморной страницей...

Не молчи, не бойся, страх не страшен
страсти и словам, противься смерти.

Абрикосы есть и апельсины
тоже есть, в Афинах я их видел,
там, где алфавит всегда — в начале,
сгустки солнца среди темных листьев.

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ

*Род. и живет в Санкт-Петербурге. Поэт,
эссеист, автор 11 сборников стихов. В 1990-
е годы выступала как критик и публицист,
вместе с Владимиром Аллоем и Самуилом
Лурье была соредактором петербургского
литературного журнала «Постскриптум».
Стихи переводились на английский,
немецкий, шведский, голландский, финский,
итальянский, литовский языки. Лауреат
Пушкинской стипендии (Германия, 1999),
премии журнала «Звезда» (2003)*

*и журнала «Интерпоэзия» (2016).
Победитель Волошинского конкурса (2018),
Всефосийского поэтического конкурса
«Заблудившийся трамвай» (2019). Работает
корреспондентом радио «Свобода/Свободная
Европа»*

Дискобол

1

Облако над горою — идея храма:
Ветер возвел, разрушил и был таков.
В лавочках мелких — горы цветного хлама,
Галька усеяна пятнами лежаков.

Жареной рыбой пропахшее побережье.
Северных елок темные терема
В памяти, выжженной солнцем, уже
не брезжат.
Дремлет мужик над пивом. И реже, реже
Смотрит на море маленький Телемак.

2

Белые стены, грубая штукатурка,
Одноэтажный каменный лабиринт —
Выше и выше. Сердце взлетает гулко.
Хочешь колечко с Герою? На, бери.

Это же мы стоим у ворот восточных.
Тронешь корону хитросплетенных кос —
Ветер
прощальный жест передразнит точно.
Тень от копья лежит на дороге — вкось.

3

Ногу поставь на камень и помолчи.
Все эти стены, ахейцы, щиты, троянцы,
С конской щетиной шлемы, шатры, мечи,
Амфоры, пеплосы — в нашей крови струятся.

Только скажи — *красиво* — и вот уже
Складки туник — короткой волной озноба,
Черные вазы, статуи в неглиже
Тихо всплывают со дна глазного.

4
 Боги обычно прячутся меж людьми —
 В потной толпе толкаясь, на рынке стоя.
 Хитрые греки завоевали мир
 Не мечом кровавым, а красотою.

Где Александр, Цезарь могучий где?
 Где Чингисхан и слава его? Взгляни-ка:
 Рыжая Афродита стоит в воде,
 А у причала — в платье летящем — Ника.

5
 Девочки улыбаются нам с тобой.
 С пирса ныряет в волну белобрысый викинг.
 За красотой всегда обнаружишь боль —
 Может, это насмешка, программный сбой,
 Может, так надо — но сердце-то
 не привыкнет.

Бицепсы гор набрякли, паром «Эол»
 Светится, будто праздник старорежимный.
 Опускает в море невидимый дискбол
 Красное солнце, спину согнув пружиной.

6
 Что же нас гонит за море — на фига,
 Видами из окна заполняя праздность,
 Мусором по переулку — листва, фольга —
 Виться, кидаться в воду, на гору лазать?

Что же нас гонит, ветер какой любви,
 Ненависти ли, гордости ли, восторга? —
 Небытие, пожалуй. Плыви-плыви,
 Мерно качаясь у берега — дынной коркой.

7
 Переселенье народов уже давно
 Тихо свершилось, не беженцами — ленивым
 Племенем посетителей казино,
 Пабов, отелей, музеев, ловцами снов,
 Шляющихся толпою по лавкам винным

И сувенирным. Планида всегда темнит,
 В путь посылая — туда, где пореже дождик.

Сколько ни делай фоток, турист — термит,
 Гложащий то, что слезою полил художник.

8
 Разноязыкая праздничная толпа
 Нас обтекает, будто не замечая,
 Будто мы — в землю вросшие два столпа —
 Не задевая ни взглядами, ни плечами.

Помнишь, когда увозила тебя ладья
 Через поток, которого горше нету,
 Тень моя прыгнула следом, ну а твоя —
 Рядом со мною осталась, как тень копья,
 Явственнее зимой и прозрачней — летом.

9
 Ужас небытия заставляет — быть.
 Гонится следом свора ночных чудовищ.
 Дальше, быстрее: остановился — сбит
 С ног, и тогда посмотри, чего ты стоишь —

Намертво в берег вцепляясь корнями слов,
 Не замолкая — только бы не сорваться.
 Ночью вода — как вечность. А чье весло
 Слышно — не сыщет Холмс и не спросит
 Ватсон.

10
 Не увидишь моря — лучше и не родись.
 Наши ворота — за мусорным синим баком,
 Между таверн «Элизий» и «Парадиз».
 Здесь хорошо лежащим в тени собакам,

И воробьям в оливе, и сгусткам роз.
 Что-то по-гречески мне говорит старуха
 С четками на руке. Телемак подрос.
 В море не глянет, пальцем не тронет лука.

11
 Отполированный взглядами Парфенон,
 В красной футболке бегущий
 внизу мальчишка,
 Мир с виноградом, дынями и вином,
 Но без тебя — и не мир почти что.

Разве что старый гимнасий на берегу
Тихой Эвбеи выглядит настоящим:
Я на этом камне представить тебя могу,
Мальчику в красном толкующего строку
Еврипида. И ветер вздыхает чаще.

12

Иглами кипарисов прошитый склон.
Облака завернувшаяся рубашка.
В зелени — обезглавленный ряд колонн.
Зной. Еврипид распахнут — но лень
врубаться.

Дом, ненадолго отданный на постой,
Гул вентилятора, тени чужого лета.
Сжатый пружиной мир шелестит листвой.
Солнечный диск, то красный, то золотой,
Гаснет в руке невидимого атлета.

2019

ИРИНА КАРПИНОС

*Род. и живет в Киеве. Окончила
Литературный институт им. Горького
в Москве. Поэт, прозаик, публицист.
Член Союза театральных деятелей
и Межрегионального союза писателей
Украины. Лауреат международных
литературных премий. Пишет на русском
языке. Автор девяти книг прозы
и поэзии. Публиковалась в литературно-
художественных журналах и альманахах:
«Радуга», «Нева», «Слово/Word»,
«Сталкер», «Юрьев день», «Соты» и др.,
а также в антологиях русской поэзии.*

Таврида

У войны — лицо Медеи,
Убивающей детей.
Устарели все идеи!
Для убийства нет идей.

У любви — лицо Мадонны.
Сын уснул под плеск волны...
И глаза её бездонны
И предвиденьем полны.

Отсечённая Таврида —
Как запястье без руки.
На безумную корриду
Смотрят в море маяки.

Ох, давно уже так остро
Не звучало слово «Крым»!
Древнегреческий мой остров,
Возвращённый в Третий Рим!

Но любовь не различает,
Кто тут пришлый, кто тут грек.
Всех качает, всех венчает,
Губит всех тавриды грех.

Запах йода вдоль долины...
Пинии в ночной росе...
У Марии Магдалины
Слёзы выплаканы все...

АНДРЕЙ СЕН-СЕНЬКОВ

*Род. в 1968 г. в Душанбе. Окончил
Ярославский медицинский институт.
С 2001 года живёт в Москве, работает
врачом. Стихи, короткая поэтическая
проза, визуальная поэзия публиковались
в антологиях и журналах. Автор
десяти стихотворных книг, сборника
детских сказок, поэтических переводов.
Вышла также книга стихов в переводе
на английский язык.*

12 дней Критского пения

...
цикада не поет
она воет
вопит от ужаса перед солнцем

ей жарко больно нестерпимо жёлто
ежедневные ожоги маленького тельца

представить себе
как выглядит лицо
этого несчастного насекомого
так же трудно
как представить себе
вкус слова *кофе* когда оно женского рода

...
цикада не поет
она по-женски воет в оливковой роще
среди других таких же
участниц конкурса красоты
не получивших на солнце первого места

представить себе
как выглядит лицо
этого кричащего насекомого
так же трудно
как представить себе
долгую счастливую жизнь
камешка в ботинке
его спокойную старость
и смерть в кругу
рассыпающейся между пальцами семьи

ХАМДАМ ЗАКИРОВ

*Русскоязычный поэт родом из Узбекистана.
Один из участников «ферганской
поэтической школы». Публиковался
в российских и зарубежных русскоязычных
изданиях. Переводы на более десяти языков,
в том числе книги стихов на эстонском,
финском, итальянском языках.
Последняя книга на русском языке вышла
в 2018-м: «Дословно» – М. НЛЮ, 2018 г.
С 2001 г. живет в Финляндии.*

Из цикла «Наброски для Кавафиса»:

Вестник

Мой род в местах, откуда родом я, велик
и благороден, и могуч.
Мой род в далекой Азии древнее
гор и, как сказала мне однажды прабабушка,
рек
(Окса, например, который знают все),
не раз менявших русла за века,
что род мой существует на земле, не ведая
измен и не
претерпевая изменений. Дед –
сподвижник Александра,
тоже македонянин, – заложивший
Александрию Дальнюю, один из первых
в Бактрии людей...
Я получил образование в Персеполе, затем
в Египте, и
у индийских магов при дворе Менандра
я обучался. Я знаком
с культурой и богами всех народов, которые
объединил
победоносный меч Двурогого. Так почему
вы усмехаетесь и тычете руками
на пыльный плащ мой, на мою одежду?
Почему
вниманье обратили на акцент, зовете
варваром? Неужто
рожденный в Аттике лишь может
быть настоящим эллином?
Будто здесь центр мироздания, пуп земли.
Не так, замечу, далеко не так
считают в Понте, Персии, Египте,
на Кавказе.
Я не скрываю своего происхождения. Никто
я здесь,
тем более, теперь, когда великая империя
погибла.
Мне стыдно среди вас – кто по рождению
в Греции, на отчей
земле – себя считают лучшими из лучших,
почти что олимпийцами,

в отличие от прочих провинциалов и тем паче полукровок,
считают богоравными себя, элитой нации,
ее столпом
и высшею прослойкой. Говоря иначе —
крайней плотью, хранящей чистоту
и идеалы. Но
любой кочевник арабийский, иудей
или дикарь с бескрайних
восточных или северо-восточных равнин,
что за пределами известной Ойкумены, где
орды дикие свои кривые сабли точат, вам
скажут как легко,
всего лишь одним махом, можно
изнеженный и утонченный излишек удалить.
Те орды, о которых только что сказал я,
поход свой уже начали на запад:
моя отчизна им сопротивлялась лишь семь
дней.
Уже им подчинились Парфия и Селевкиды.
И они
к мидийским приближаются границам. Это
я собственно и прибыл рассказать
прародине великой. И просить о помощи.
Но вы,
сдается мне, забыли,
как меч держать и строиться в порядок
боевой.
Теперь я понимаю, что наверняка
империя погибнет. Да, погибнет
великая цивилизация, и эллинам теперь
ничто уж не поможет, и эллинов теперь
ничто уж не спасет.

АЛЕКСЕЙ КУБРИК

*Род. в Москве в 1959 г. Закончил
Литинститут и магистратуру НИУ ВШЭ.
Читает спецкурсы по русской поэзии XX века
и ведёт творческие семинары в различных
учебных заведениях. Автор ряда публикаций
о поэзии русской эмиграции, а также
об Осипе Мандельштаме, Иване Бунине,
Николае Заболоцком и Арсении Тарковском.*

*Стихи и эссе печатались в журналах
и альманахах «Знамя», «Новый мир»,
«Огонёк», «Грани», «Октябрь», «Урал»,
«Литературное обозрение», «Новый берег»,
«Волга» и др. Работает преподавателем
литературы в Лицее НИУ ВШЭ.*

Мандельштам сидит у камина,
Одиссей стоит у окна.
И прошедшей страны не видно,
и грядущая не нужна.

Не просить, не бояться, не думать.
Глас пустыни стоит на посту,
и отходят зеркальные дюны,
как горбатые сны в пустоту.

Перевод дорогого слова.
Киммерийская пена у ног.
Ежедневно душа Иова
переходит любви порог
и считает свои святыни...

Вавилон построен давно.

Если смерть никого не обнимет —
Одиссей закроет окно.

НИНА КОСМАН

*Род. в Москве. Эмигрировала с семьей
в 1972 г. Закончила школу в Нью-Йорке
и Беннингтонский колледж в Вермонте.
Поэт, прозаик, драматург, художник,
переводчик. Сборник рассказов,
опубликованный в Нью-Йорке на английском,
был издан в Токио на японском. Публикации
на русском в журналах «Знамя», «Новый
берег», «Волга», «Дети Ра», «Крещатик»,
«Ното Legens», «Новый журнал»,
«Эмигрантская лира», «Среда», «Слово/
Word», «Двоеточие» и т.д. Английские стихи,
проза / переводы публиковались в США,*

© Фото: Александр Тягун-Рядно

Канаде, Испании, Голландии и Японии. Получила UNESCO/PEN Short Story Award в Лондоне за прозу на английском; NEA (National Endowment for the Arts fellowship) в 1999 за переводы стихов Марины Цветаевой. Написанные на английском пьесы ставились в театрах Нью-Йорка и Лондона. Составитель антологии «Gods and Mortals» (Oxford University Press, 2001). В американских издательствах были изданы две книги переводов стихов Марины Цветаевой. Изданы два сборника русских стихов («Перебои», Москва, 1990; «По правую руку сна», Филадельфия, 1998). Живет в Нью-Йорке.

* * *

«О возвращении и не мечтай,» сказала слепая пифия,
 расчесывая волдырь на ноге,
 «Не мечтай, говорю, ибо возвращения нет.»
 «Но зачем же тогда...?»
 «Зря ты деньги принёс, пастух.»
 «А куда же я...?»
 «Той Трои, в которой ты вырос, давно уже нет.»
 «А где же...?»
 «Нет её.»
 «Но была...?»
 «Ты слишком долго мечтал, пастух.»
 «Но ведь я...»
 «Ты — не он. Парис уже сто лет назад...»
 «Но я ...»
 «Ты — не он.»
 «Но все эти годы я шел к ней...»
 «Тебя боги обманом вели.»
 «Не боги...»
 «Тем более... Та, что вела — известная лгунья.»
 «Но я так верил ей...»
 «Зря.»
 «Куда ж мне теперь?»
 «Вот нить. Пока не порвётся, живи.»
 «Ведь ты знаешь. Скажи- когда.»
 «Не ведаю, когда порвётся.»
 «А если сам я её... вот как ты — свой волдырь?»
 «Сам не порвёшь. Хоть и тонкая, всё же жизнь.»

«Не нужна она мне...»
 «Вот мешок твой с деньгами... Парке отдай...»
 «Которой из трёх?»
 «Любой. Но и парки не рвут за деньги.
 Из-за тебя аж волдырь расчесала в кровь.
 Забирай свой мешок и беги,
 а нить намотай на палец.»

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

Троянской войны не будет.
 Парис держит Елену на вытянутых руках,
 показывая всему свету (трансляция),
 что люди как боги могут похитить Европу,
 да и кто нам судьбы? Менелай-каракатица?
 У кого нет золота, может идти в жопу.
 Андромаха режет салат, добавляет фету,
 Гектор смотрит: какая грация,
 Снимает с салата пробу.
 От войны спасает богатый ассортимент,
 амфоры вин, в баре Наполеон и узо,
 золотом Трои можно купить континент.
 Мраморная Афродита застыла с куском
 арбуза
 на изумрудном блюде.
 Будень день, будни дни – в Трое
 праздничные огни.
 Троянской войны не будет.

Менелай говорит: война неизбежна,
 остров святой Елены – остров раздора,
 не боги нам в помощь – мощи святых,
 мощь костей, излучающих чудеса,
 и Ахилл, скорый ударом под дых,
 спецназовец, олимпиец, хитер, как лиса,
 неуязвим, как надежда.
 Война неизбежна.

Зевс остается Зевсом, как его ни зови,
 Агамемнон припадает к священным могилам.
 Проклят род его за гордыню, не везет
 ни в любви,

ни в деньгах – ни обола не накопил он.
 Ненависть – наша сила, –
 подбадривает Менелай.
 Троя на расстоянии вытянутой руки
 Paris'a, в которой – золотой попугай
 болтает, как попки, пусть и искусственные,
 дураки:
 «Троянская война, не впускай конька,
 остров Елены Крым говорит Москва...».
 В темноте пугают щупальца языка,
 и как угли горят слова.
 «Недоразумение – против недо-,
 Гектор язвит. – Золото – наше кредо.
 Убейся, конница, неприступна стена».
 Попка всё медленнее:
 «Троянская война, Троянская война».
 2014

ЕЛЕНА ФАНАЙЛОВА

*Поэт, журналист, корреспондент московского
 бюро радио «Свобода». Автор шести
 книг стихов. Лауреат Премии Андрея
 Белого (1999), премии «Московский счёт»
 (2003), премии журнала «Знамя» (2008).
 Вышедшая в США книга Фанайловой «The
 Russian Version» (2009) в переводе Стефани
 Сандлер и Евгении Туровской получила
 премию Рочестерского университета
 как лучшая переводная книга года (2010).
 Стипендиат фонда Бродского (2013).*

#Троя-Лисистрата, хор и голос

Устроители Трои не думали
 о ее разрушителях.
 Города возводят ради Бога и мира.
 По городам Ахеи несут портреты
 победителей и потрошителей.

Тоже свои отъявленные герои.
 Как совершенна была Пальмира
 И очаровательны ныне
 Руины Рима,
 Как хороша Варшава и полностью
 Белоруссия
 Как хорошо обходиться без женского воя
 и других раздражителей
 И довоенный раздел Европы, и пепел
 Клааса, его перкуссия
 И дядька мой, радость моя по фамилии
 Авдеев
 Защищает с дивана ныне ворота Крыма
 Он же не думает, что кто-то там посреди
 злодеев,
 И пули обычно летают наших мимо.
 Он старик, и в его мозгу это допустимо.
 Как хорошо, что отец наш был слишком
 циничен
 Для него не было ни эллинов, ни иудеев
 И к пропаганде со старых времен устойчив
 Как мы устали, военные и мирные жители.
 Не тому нас учили наши родители,
 Конформисты мои с их заветами, тихую
 ласкою
 И звезда гламура Паулина Прохазкова,
 С их захватами мирного атома, инженеры-
 романтики
 С под-полой автоматами
 Не затем вы вязали на шее мне галстук,
 на косах бантики,
 Чтобы я работала на вражеский голос
 Америки
 И писала памфлеты и прочие злые лимерики
 Вы в последнем кошмаре того не видели
 Налобуйтесь уже, мертвецы, своей Боснией
 или Сирией
 Лугандонией в зоне нарушенного бессилия
 И безмолвия
 По-любому мой дом разрушен
 Он был в поле чудес и отсроченного безумия
 И его разорвала молния

А теперь, Дон Гуан, приходи на ужин
 Ожидаю тебя на сталинской клумбе я
 В полной стали и образе демоническом
 Но мне твой ответ неважен

АРТУР ГРАНД

Род. в 1982 г. в Москве. Окончил МГЮА, затем филфак МПГУ. Журналист, редактор. Пишет стихи, занимается поэтическим переводом с английского и французского языков (У. Оден, Л. Макнис, Карлос Уильямс, У. Шекспир, С. Малларме, Ш. Бодлер и др.). Увлекается литературой модерна, философией французских постмодернистов, культурами Древней Греции и Рима.

Поступок

Зияла темнота. Кругом, кругом.
 И мягкий запах бесконечной ночи
 устраивал его. Внизу, в долинах
 он знал, что этот запах сеет страх.
 Мир был проворно склеен. И тому
 он видел доказательство в кувшинах,
 что подносил компании застольной
 один красивый юноша. А ночь
 сползала с гор и спрашивала: «К ним
 ты будто бы подсесть совсем не хочешь?
 Куда ты смотришь? — там красивых ножек
 не разглядеть, возьмешь себе вина?»
 Он продолжал смотреть на горизонт
 (как если бы он был). Да, что он, правда,
 тут делает? Мир, собственно, придуман
 не им. Не пей, так пой — живи и все.

Зияла темнота. Кругом, кругом.
 Хмель вызвал сон. Лишь юный виночерпий
 и видел — кто-то бросился с вершины
 туда, где страх, держа в руках огонь.

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВСКИЙ

Род. в 1955 г., окончил факультет журналистики МГУ, работал на радио. С 2001 г. живёт в Баден-Бадене (Германия). Стихи пишет с юности, много лет занимался художественным переводом с немецкого, французского, сербского языков. Автор сборника стихотворных переводов «Слова» (Москва, 2013), а также поэтических книг «Лирика» (Нью-Йорк, 2015), «Вид из окна» (Москва, 2017), «Знаки времени» (Москва, 2018). Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира-2018» в Льеже и VI Международной поэтической премии «Образ» за 2018 год. Отец знаменитого писателя Дмитрия Глуховского.

Воспоминание о Корфу

рыбак перебирает сети
 печально
 словно струны арфы
 чтобы проснувшись
 на рассвете
 вдоль берега отправить
 вплавь их
 а уж наутро выпрядая
 из волн сверкающие нити
 улов из них высвобождает
 не торопясь без лишней прыти
 и долго взвесью ароматной
 висит по вечерам
 над Корфу
 сардинок запах сладковатый
 и запах греческого
 кофе.

© Фото: Виктор Ярошенко

Я.Э. Голосовкер. Лирика Эллады

Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

В 2004–2006 годах в издательстве Водолей Publishers (Томск–Москва) вышел трехтомник *Антологии античной лирики в русских переводах*, составленный Яковом Эммануиловичем Голосовкером. Два первых тома — *Лирика Эллады*; третий — *Лирика Рима*.

Настоящая заметка — отнюдь не рецензия; автор ее не имеет чести принадлежать к ученой когорте филологов-классиков; он лишь — внимательный читатель, как любил называть себя сам Яков Эммануилович, анализируя произведения близких ему писателей. Но он, автор, еще и свидетель, думаю, единственный из ныне живущих, драматической истории этой книги, вошедшей и в жизнь и в самую смерть ее составителя.

Сам термин «составитель» в данном случае никак не вмещает всего того, что было вложено в ее возникновение. Голосовкер, конечно, автор не всех переводов, но лишь некоторых, однако он в полном смысле родитель этого могучего трехтомника, зачавший и выносивший его в себе, промучившийся его родами десятки лет, но так и не увидевший рождения своего чада. Мне, давнему его другу, пришлось присутствовать при этих мучках, которые в какой-то слабой мере передавались и мне.

Голосовкер был хорошо знаком с моим отцом, в ту пору известным литературным кри-

тиком К.Л. Зелинским, и в один из его визитов в дом отца мы и познакомились, а затем, к удивлению моему, подружились. Якову Эммануиловичу, задыхавшемуся в одиночестве, с характером, в котором романтическая ирония сочеталась с неуживчивой жесткостью, а простор эллинского неба в душе с лагерным недоверием ко всем и подозрением всего на свете, было непросто обрести друзьями и тем более их удерживать. Но и ему, с его несгибаемой героичностью в античном духе, казавшемуся как-то нелепо прямым в обществе согнутых и согнувшихся, очень нужен был слушатель, даже если тому было лишь 18 лет. Люди постарше, осмотрительнее, прочно устроенные в карьерно-ученой жизни, если и дружили с ним, то осторожно, соблюдая дистанцию. Обо всем этом мне уже довелось писать в мемуарном очерке *«Между титаном и ветрем»*², здесь я коснусь лишь того, что относится к *Антологии*.

Сам он никогда не был в Греции. Но при этом, можно смело сказать, не покидал древней своей Эллады. Оттуда пошла его философия, получившая по названию главного труда его имя *Иммагинативный абсолюте*. Там была родина его души и культуры со всем сплетением многих знаний, образов и ассоциаций, там каким-то чудом еще сохранился тот воздух, которым он всю жизнь

дышал. «Для эллинов — не только для их мыслителей и художников, но и для целого народа, эстетика была *онтологией*, самым бытием, самым миром, самой первозданной необходимостью... Все эстетическое было для эллинов объективно существующим, реальностью, как дерево и вода, а не чем-то субъективным»³. Эта мысль легла в основу *Имагинативного Абсолюта*: творческая мощь художника или народа как целого создает свой мир поэзии, музыки или религии, вырастая из инстинкта воображения, когда воображаемое становится действительным, а бытие облекается в красоту богов, людей, гор и стихов. Там же, на ожившей, сотворенной заново эллинской родине, родилась и сама *Антология*, работа над которой заняла главные годы жизни Голосовкера. «Античность не была для меня дверью, замыкающей меня в мире классической филологии, — рассказывал он, — она всегда была для меня вернейшим путем для постижения самых сложных загадок жизни искусства и мысли... (Она) стала для меня не только колодецем, из которого я вытягивал мои ведра с живой водой, не только моим путем в литературу, но и предверием к моему последнему творческому синтезу»⁴. И если этим синтезом стал его *Имагинативный Абсолют*, в котором отвлеченные идеи автора оживают в образах греческих богов и титанов, то *Антология* была чем-то больше, чем путем к философии, это была его лаборатория или, по имени раннего стихотворного сборника Якова Эммануиловича, *Садом души моей*.

«Антология — книга для чтения. Антология — это цветник. Это сад для прогулок читателя. Так мыслила античность», — начинает он свое предисловие *О построении Антологии античной лирики*⁵. Он обустроивает или возводит свой сад, очень личный и вместе с тем вместивший в себя огромный пласт культуры, в котором лирическая поэзия Эллады вливается в пространство русской лирики. Поэзия, здесь собранная, простирается от сольной мелики (распеваемых стихов) Терпандра Лесбосского, Сафо и Алкея до эпохи Юстиниана в VI веке, т.е. на 14 веков без малого, в России же почти на два века. 2000

стихотворений, 135 поэтов (включая поэзию Рима), 84 переводчика. Там — «Сафо, Алкей, Стесииор, Алкман, Ивик, Эсхил, Софокл, Теогнид, Ион Хиосский... (здесь) — Батюшков, Пушкин, Фет, Мей, Мережковский, Вяч. Иванов, Ф. Ф. Зелинский, А. Пиотровский, Л. Блуменау, В. Нилендер, Ин. Анненский, В. Вересаев... наконец сам Голосовкер, собравший их всех в некоем звучащем, вечно дрящемся полуденном Эдеме, у врат которого он поставил стражу... На земле античности он, по сути, открыл особую страну русской поэзии»⁶.

Это страна, куда русские поэты входят со своими читателями. Что они искали и продолжают искать в этом лирическом саду? «Если собрать все оригинальные памятники русской классической поэзии, посвященные античному миру, в тематическом плане в одно целое, само собой получился бы ответ на вышеуказанные вопросы, и самым любопытным в этом ответе было бы признание, что русские поэты-реалисты воспринимали классику в аспекте высоко-романтического и в романтической классике превращали в «театр для людей» то, что античное мировоззрение рассматривало как «театр для богов»⁷. Это относится и к переводам и даже прежде всего к ним. Античная классика, опрокинутая в русскую, здесь рождается заново в том, что Голосовкер называет «романтизированной классикой». Он умеет ценить встречу настоящей поэзии с настоящей ученостью, столь необходимой при переводе эллинских поэтов. «Родная речь певцу земля родная. В ней предков неразменный клад лежит», — писал Вячеслав Иванов, сумевший поселить на родной земле греческих поэтов, несколько не потерявших своих неразменных богатств. В русской культуре с ее пушкинской всеоткрытостью, античная, эллинская, александрийская, римская земля была по-особому близкой, и эту русскую классическую родину открыл, собрал из сотен рассеянных, тщательно отобранных (ибо *Антология*, несмотря на свою полноту, не могла включить всего написанного в античном мире) стихотворений и фрагментов. Он открыл для нас, читателей, причем вполне

сознательно, античную родину русского стиха. И внушил нам и ностальгию по ней. Ибо на эту почву в России всегда будут возвращаться.

В 1960 году, когда мы познакомились и я впервые услышал об *Антологии*, история ее уходила уже далеко в прошлое, а настоящее было наполнено напряженнейшей борьбой за ее издание. Это слово не сходило с его уст. *Антология*, казалось, была тем самым садом, посаженным и ухоженным садовником, откуда хотели выгнать и отчасти выгнали его самого. Трудно сказать, сколько он посвятил времени этой работе; по-моему, она была с ним всегда. Еще в 1935 году в издательстве «Academia» вышел небольшой сборник переводов *Лирика древней Эллады в переводах русских поэтов*, в 1955 — другой: *Поэты-лирики Древней Эллады и Рима в переводах Я.Голосовкера*. А в перерыве было еще много чего; в 1936 году Голосовкер был арестован, более того, хуже того: все его написанные к тому времени труды сгорели, после каторги были восстановлены, а потом сгорели вновь. Но ирония судьбы: продлись его «вольная жизнь» на год-полтора, ему было бы не выйти из лагеря, и даже — как сотруднику издательства «Academia», которым руководил Л.Б. Каменев, возможно, было и не избежать расстрела. Отсидев лишь три года, Голосовкер вышел и постепенно вернулся в литературу, но вернулся именно как «античник», должность немного странная в советских 40-х годах, но по-своему уважаемая, помогшая ему в годы войны добиться права проживания в Москве, а в 1957 году ему, бездомному, даже получить однокомнатную квартиру на Университетском проспекте. В 1955 году у него вышли *Сказания о титанах*, которые были им как бы сотканы и частично просто придуманы из дошедших обрывков когда-то существовавших мифов; книга оказалась читаемой, имела успех и дополненная чудесным *Сказанием о кентавре Хироне* была еще переиздана в конце его жизни, в то время он работал над *Достоевским и Кантом*, книгой *Секрет автора* и другими, но основным его трудом было прежде всего составление *Антологии античной лирики*. Ан-

тология была, можно сказать, общественно признанной его работой, потому что писание *Имагинативного Абсолюта* и других философских книг было делом сугубо частным, не имевшим никаких шансов на публикацию, Голосовкер сам это знал, мучился этим, но надежд на издание при жизни главного своего труда не питал.

В конце 50-х годов работа над *Антологией* была закончена, хотя все последующие годы продолжалось доредактирование, досоставление, дорабатывание. Время, которое я застал, начало 60-х, было уже эпохой бесконечно томительного, изматывающего пробивания ее в печать. Видимым образом оно даже имело все шансы на успех, был заключен договор с Гослитиздатом, который относился к нему со всей серьезностью, посылал редактора на дом для совместной работы, более того, проект имел могущественных покровителей в лице академика А.И. Белецкого и самого писательского начальника Константина Федина. Противники публикации были не столь заметны, но их было больше, и они сидели на ключевых местах. Почему все же книга так и не вышла при жизни Якова Эммануловича? Историк Сигурд Оттович Шмидт, племянник Голосовкера, указывает несколько причин. Первая из них могла быть политической; среди своих участников *Антология* имела репрессированных переводчиков и переводчиков-эмигрантов, как Вячеслав Иванов, и эти две категории, особенно последняя, в тогдашнем мире относились к *неупоминавшимся, никогда не бывшим*. Вторая причина могла выглядеть даже академической; Голосовкер не считался с раз и навсегда установленной дисциплиной перевода, он был, по самохарактеристике Вяч. Иванова, «скворецник вольных граждан», творил собственные принципы, которые не всегда устраивали строгих классиков из Института мировой литературы. Третья причина могла быть и банально экономической: громадная *Антология* фактически отодвигала в сторону целый слой переводчиков, не всегда талантливых, кормившихся исключительно на античной ниве. И никогда бы она не вышла и потом, если бы С.О. Шмидт уже

к концу своей долгой жизни не нашел для нее издательства. Случилось это уже почти через 30 лет после кончины автора-составителя.

Но это была уже иная эпоха. Издание в 50-х или 60-х годах прошлого века стало бы каким-то, пусть камерным, но событием, интеллектуальным подарком. Тогда существовал неутоленный читательский голод по культурному *Знанию* вообще; книгу было бы невозможно достать, ею бы гордились, ставили на видное место, перепродавали на «черном рынке» по цене, в 5-7 раз превышающей магазинную, хотя тираж ее тогда был бы не менее восьми-десяти тысяч экземпляров. Впрочем, ее и сейчас достать трудно, но уже при тираже в 1000 экземпляров, ибо в наши дни другие издания отвлекают шум на себя, книжные события претерпели огромную инфляцию, а запросы читающей (все еще читающей) публики повернулись в другую сторону. Печатные издания лишились своего протяжного эха, которое было у них десятилетия назад, так что *Антология* вышла в свет в глухой тишине, окруженной шумом. Она разошлась скорее всего, среди филологов, немногих оставшихся любителей древней поэзии, когда и новейшую не очень-то читают, но в 60-х годах такие любители составляли особый и не совсем даже тонкий пласт интеллигенции или жаждущий ею стать. И вот тем неизданием они были, можно сказать, ограблены. Да только ли этим?

Однако главной жертвой того неиздания стал, конечно, сам Яков Эммануилович Голосовкер. Не в плане компенсации (его работа даже была оплачена), не в плане честолюбия (оно если было, то в другом, идейном, философском поле), не только под углом зрения человеческой неудачи... Нет, дело обстояло гораздо печальней; именно в годы повседневной борьбы за *Антологию* он заболел психически. Стучавшаяся головой о двери издательства рукопись вторглась в его болезнь, сцепилась с ней, оделась в ее симптомы, и было даже трудно различить (я, по крайней мере, сначала не мог), где шла речь о перипетиях несчастной книги, у которой всегда кто-то вста-

вал на пути, а где — просто уже о клинической мании преследования. Разумеется, болезнь потом выбралась из этого случайного облачения, поползла, побежала дальше своим крутым путем, еще и подгоняемая изнутри не только отбытым лагерным, но и всем вообще советским затравленным прошлым, и все же на первых ее этапах еще казалось, что речь шла лишь о борьбе за *Антологию*, той борьбе, которая иной раз поистине принимала форму греческой трагедии.

Яков Эммануилович Голосовкер умер в психбольнице в 77 лет, проведя в ней последние четыре года своей жизни (1963–1967). Мне — при редких посещениях — с тех пор не приходилось видеть кончины столь мучительной внутренне. «Моя мысль — только боль», — говорил кентавр Хирон. Мысль гасла, боль росла. Однако при всей несомненной болезни, в его долгом умирании было многое и от гибели великого трагического героя, отстаивающего священные права души философа, мыслящего по-своему, ученого-классика, поэта-романтика, никуда не вписавшегося чудака перед лицом презирающего, топчущего их мира. Если попробовать изобразить эти права в виде книг или хартий в его руках, то в одной из них должен был бы быть *Имагинативный Абсолют* (также вышедший относительно недавно)⁸, в другой — *Антология античной лирики в русских переводах*.

Примечания

- ¹ Я.Э. Голосовкер. Антология античной лирики в русских переводах. // Т. 1-2 Лирика Эллады. Изд. Водолей Publishers, 2004–2006.
- ² См.: Владимир Зелинский. Священное ремесло. Философские портреты. СПб, изд. «Алетейя», 2017.
- ³ Антология... Русские поэты и античный мир. С. 54.
- ⁴ Цит. по предисловию С.О. Шмидта, О Якове Голосовкере, Лирика Эллады. С.7.
- ⁵ Лирика Эллады // Т. 1. С. 21.
- ⁶ Священное ремесло. С. 385-386.
- ⁷ Там же. С. 51-52.
- ⁸ Яков Голосовкер, Избранное: Логика мифа. СПб, 2009.

© Текст: Владимир Зелинский

Кадры из фильмов:
«Грек Зорба» (1964), Реж. М. Калояннис;
«Реконструкция» (1970-е), Реж. Т. Ангелопулос;
«Клык» (2009), Реж. Й. Лантимос

МЕЖДУ АРХАИКОЙ И АВАНГАРДОМ

Когда произносятся слова «греческая кинематография», у разных людей возникают совершенно разные, часто противоположные по смыслу ассоциации. Первая, и самая распространенная, связана с фильмом режиссера Михалиса Какоянниса «Грек Зорба» (1964), широко прокатанным по всему миру и завоевавшим три «Оскара». В нем впервые прозвучала мелодия «сиртаки», написанная Микисом Теодоракисом: она оказалась настолько выразительной, что многие ошибочно считают ее «греческим народным танцем». На самом деле Какояннис, Теодоракис и хореограф Йоргос Провиас только использовали мотивы «хамалико» — старинного танца греческих воинов — с его сочетанием медленных и быстрых ритмов, но существенно преобразили первоисточник. Свою лепту внес и исполнитель роли Зорбы актер Энтони Куинн: во время съемок он сломал ногу и не мог подпрыгивать, и тогда придумал особый тип танцевальных движений со скользяще-тянущим шагом. Созданный же Куинном незабываемый образ харизматичного грека стал восприниматься во всем мире как национальный символ — хотя Зорбу сыграл вовсе не грек, а американец с индейско-мексиканскими и ирландскими корнями.

Еще на заре кинематографа (возникшего, как известно, во Франции) в Греции были свои «братья Люмьеры»: они жили в Македонии, еще оккупированной в ту пору турками, звали их Иоанн и Мильдиад Манаки. В 1905 году они сняли первый балканский кинофильм, а уже в 1920-е греческие киноленты, хоть и были консервативными по форме (в основном экранизации романов и исторические драмы), тем не менее отличались смелостью в другом отношении. Достаточно перечислить их названия: «Виллар в женских купальнях Фалирона», «Эрос и волны», «Дафнис и Хлоя» (именно в нем появилась обнаженная эротическая сцена, первая в европейском кино).

После Второй мировой, несмотря на террор гражданской войны, поражение левых сил и жесткую цензуру, греческая киноиндустрия выросла и окрепла, наступил коммерческий «золотой век». Ежегодно производилось по сто и более фильмов, многие собирали большую аудиторию. Греция — невероятно, но факт! — вышла на первое место в мире по количеству фильмов на душу населения. Однако подавляющая часть этих картин не попадала за границу, их стиль оставался провинциальным. А ведь в это самое время, в 1950-е и 1960-е,

у соседей-итальянцев на весь мир гремел нео-реализм, у французов — бурлила «новая волна», и даже в соседней Югославии в кинематографе возникло авангардное движение. О греческом кино как международно значимой национальной художественной школе в те годы всерьез не говорили.

Чаще всего греки попадали в фокус мирового внимания через своих эмигрантов, становившихся «агентами» национальной культуры. Так, классиком американского кино стал грек Элиа Казан, автор знаменитых фильмов «В порту», «К востоку от рая» и «Трамвай «Желание»». А другой американский режиссер, Жюль Дассен, женился на греческой актрисе Мелине Меркури (впоследствии она стала министром культуры Греции) и способствовал ее международной карьере. Творческой и коммерческой вершиной этого тандема прозвучала их романтическая комедия «Никогда в воскресенье» (1960). Другую гречанку, ставшую всемирной знаменитостью, звали Катина Паксино. Она была удостоена «Оскара» как лучшая актриса за роль второго плана в американском фильме «По ком звонит колокол» (1944), а потом снялась у Лукино Висконти в знаменитой картине «Рокко и его братья» (1960).

* * *

Когда власть в Греции захватили «черные полковники», возникло оппозиционное «новое греческое кино», важнейшей фигурой которого стал Тео Ангелопулос. Он прожил большую творческую жизнь, пройдя через все главные стадии европейской культуры — модернизм и культ авторского творчества, постмодернизм и возвращение к большой форме. Ангелопулос дебютировал в кино еще в конце 1960-х, а в 1970-е уже снял несколько фильмов («Реконструкция», «Комедианты», «Охотники»), сразу признанные современной классикой. Будучи интеллектуально изощренными по форме, эти фильмы в то же время были политически ангажированы, пронизаны левыми и антифашистскими идеями. В 1988 году Ангелопулос выпускает одну из лучших своих работ — «Пейзаж

в тумане» — и получает «Серебряного льва» на фестивале в Венеции. Десять лет спустя его же «Вечность и один день» выигрывает Каннский фестиваль, принеся создателю картины высшую награду — «Золотую пальмовую ветвь». Ангелопулос — «последний из могикан» бескомпромиссного кинематографа, который категорически отказывался заигрывать с публикой. Длинные планы, поэтические аллегории и метафорические сюжеты иногда создавали между зрителем и фильмом непреодолимый барьер, но в них же заключалось неповторимое очарование стиля Ангелопулоса, всегда узнаваемого с первых кадров. У него любили сниматься такие выдающиеся актеры, как Жанна Моро, Марчелло Мастоияни, Харви Кейтель. В его работах последнего периода, призванных возродить эпические формы, возникали глобальные картины мировой истории, в которую на равных правах была вписана и российская. Он был близок нашей культуре и художественно, и религиозно, и духовно.

Действие фильмов Ангелопулоса всегда связано с политическими реалиями, но в то же время происходит в пространстве мифа: его герои ассоциируются с Атридами (Пелоридами) или с Александром Великим, с античными воинами, вернувшимися из-под стен Трои. История и миф взаимодействуют в каждый момент времени; время же в фильмах режиссера замедленно, почти неподвижно — ибо вплетено в континуум вечности.

* * *

От Ангелопулоса тянется нить к новейшему греческому кино, о котором заговорили уже в XXI веке: в отличие от предыдущих «новых волн», оно получило неофициальное название «странная волна», или «абсурдистская волна». К началу 2010-х годов уже сформировалось представление о настоящем греческом кино-ренессансе, о появлении целой плеяды крупных режиссерских имен, снискавших международную славу. И первым среди них звучит имя Йоргоса Лантимоса. В 2009-м его фильм

«Клык» получил награду программы «Особый взгляд» на Каннском кинофестивале, а позднее был номинирован на «Оскара» в категории «лучший фильм на иностранном языке». Действие картины происходит на окраине города, в доме за высоким забором, где живут мать, отец и трое детей. Родители держат своих отпрысков вне всяких контактов с внешним «испорченным» миром, так что те думают, будто самолёты, пролетающие над ними, игрушечные. Их убеждают, что кошки — опасные звери, и учат имитировать собак. Нанятая приходящая охранница удовлетворяет сексуальные потребности сына. Закон здесь гласит: «Нельзя покинуть дом до тех пор, пока у тебя не выпадет клык».

С самого начала очевидно, что перед нами сатира и гротеск, но при этом Лантимос добивается удивительной реалистичности в описании своих героев. Так, отец внешне совсем не похож на деспота — такой себе заурядный представитель мидл-класса. Жена, как полагается, полностью находится у него в «добровольном» подчинении. Воля детей подавлена, и только в душе старшей дочери назревает протест, который выражается в экспрессивном, «бунтарском» танце на семейном празднике.

Председателем жюри «Особого взгляда» на том Каннском фестивале был итальянский режиссер Паоло Соррентино, который любит экстремальное кино и всяческих фриков. Прошло немного времени — и Лантимос едва ли не перецеголял Соррентино и по яркости художественной репутации, и по способности к эпатажу. Он и определил формулу современного греческого кино, резко отличную от той, что определяла его развитие раньше.

Из этой формулы напрочь изгнан доминировавший прежде «южный» мелодраматизм. Холодный, отчужденный стиль «странной волны» скорее напоминает «скандинавский», действие замкнуто в тесном пространстве и пронизано ощущением клаустрофобии. Но отчужденность не переходит в вялость формы, скрытые страсти создают кинематографический саспенс, а театральность и метафоричность конструкции

взывают к духу древнего мифа и греческой трагедии. О сжатой, словно пружина, энергии новых греческих кинорежиссеров говорят даже названия их картин — чаще всего короткие, словно бьющие наотмашь: «Клык», «Альпы», «Лобстер», «Шевалье», «Жалость»...

Еще до «Клыка» Лантимос снял два оригинальных фильма («Кинетта» и «Мой лучший друг»), а также участвовал в разработке драматургии церемонии открытия и закрытия летних Олимпийских игр 2004 года в Афинах. Вместе с режиссером Афиной Рахель Цангари он основал кинокомпанию «Хаос», ставшую художественной и производственной базой для новой плеяды греческих режиссеров под его лидерством.

«Альпы» (2011), следующая картина Лантимоса, — своего рода производственная кинодрама про некую фирму под названием «Альпы», больше напоминающую тоталитарную секту. Верховодит в ней brutальный негодяй, взявший себе псевдоним Монблан. Его подчиненные (закодированные альпийскими вершинами пониже) за определенную мзду берутся заменить собою для клиентов фирмы их умерших родственников. Некоторые так талантливо входят в роль, что полностью теряют индивидуальность: это и есть главная тема картины, озвученная бодрой песенкой и корпоративным моральным кодексом «Альп», который герои бубнят, словно заклинание.

* * *

Разного рода патриархальные и вырожденческие секты в эти годы наводняют греческий экран, создавая впечатление морального неблагополучия в стране, которая после вступления в Евросоюз внешне выглядела процветающей: строились дороги и стадионы, росла армия туристов, наполняющих курорты. Кинематограф, исследуя художественными средствами антропологию нации, раньше экономистов и политиков начал выявлять коррумпированную изнанку, разоблачать фальшь этого другого «процветания», чреватого жестоким кризисом.

Афина Рахель Цангари в 2010 году участвует в конкурсе Венецианского фестиваля с фильмом «Аттенберг»; играющая в нем главную роль Ариана Лабед получает награду «Кубок Вольпи» как лучшая актриса. Марина, двадцатитрехлетняя героиня этой ленты, живет с отцом-архитектором в промышленном городке на берегу моря. И здесь контакты с внешним миром сведены к минимуму. Происходит это по воле отца, который очень недоволен итогами XX века, а поскольку он неизлечимо болен, то намеревается устроить с этим веком ритуальное прощание. Марина черпает свои представления о жизни из сериала «Жизнь млекопитающих» Дэвида Аттенборо, они с отцом вполухотку-вполусерьез пародируют поведение горилл. Целоваться с мужчиной, который и станет ее первым, главную героиню учит единственная подруга. Фильм наполнен эротическими фантазмами и экстравагантностями, и в нем особенно ощутима связь с гротескным миром Лантимоса, который, кстати, сам играет кавалера Марины.

В фильме «Шевалье» (2015) Афина Рахель Цангари предлагает анализ сектанства с феминистских позиций, во многом становясь провозвестницей *female gaze* — ядовитого критического взгляда на «мужскую цивилизацию», воцарившегося во второй половине 2010-х годов. Она опять использует притчево-абсурдистскую конструкцию: запирает шестерых мужчин на роскошной яхте и заставляет их соревноваться в маскулинности. Причем состязания приобретают совсем уж нелепый характер (например, кто лучше чистит зубы?).

Еще один характерный образец новейшего греческого кинематографа — фильм «Жалость» (2018) Бабиса Макридиса. Его сценарий написан режиссером вместе с Эфтимисом Филиппоу, из-под чьего пера вышли «Клык», «Лобстер» и «Убийство священного оленя» Лантимоса. Безымянный герой «Жалости» — юрист, более похожий на робота, чем на человека (в его роли — виртуозный комик Яннис Дракопулос), автоматически выполняющий функции

заботливого отца и мужа. Его жена лежит в коме после аварии, и это время оказывается для героя самым счастливым: соседка приносит ему к завтраку свежее испеченные тортики, все вокруг, вплоть до работника химчистки, выражают самое сердечное сочувствие.

Ситуация меняется необратимо, едва лишь жена выходит из коматозного состояния: окружающие перестают жалеть и лелеять героя. А он, давно пребывающий в экзистенциальном тупике, не способен жить собственными эмоциями ввиду их фатального отсутствия. Резко меняется и поведение героя, и жанр фильма, который, в конце концов, превращается в кровавую драму. Этот гротеск, несомненно, являет собой метафорический образ современной Греции: поначалу страна вызывала сочувствие из-за своих экономических проблем, потом стала раздражать европейцев своей паразитической инфантильностью, а сама же приняла агрессивную позу обиженного ребенка.

* * *

Как всякая «новая волна», греческая, быстро попав в эпицентр мировой киномоды, оказалась изменчива и недолговечна. На Венецианском фестивале 2013 года две награды заработала картина «Госпожа Жестокость» — за режиссуру Александроса Авранаса и за актерскую работу Темиса Пану. Он играет пожилого главу семьи, который подрабатывает сутенером, сдавая в аренду своих дочерей и внуков в диапазоне от семи до тридцати пяти лет. После каждой такой «аренды» семья собирается за большим столом и поглощает хороший ужин: особенно тут ценят мороженое на десерт. Ритуалы в доме не меняются даже после того (это происходит в самом начале картины), как одна из девочек в свой одиннадцатый день рождения бросается с балкона. А когда (под аплодисменты зрительного зала!) долготерпеливая жена все же отправляет на тот свет мужа-монстра, двери квартиры снова, как в первом кадре, закрываются: теперь домашним тираном станет она — и все пойдет по-прежнему.

«Госпожа Жестокость» оказалась одной из самых успешных греческих картин, но в то же время она сигнализировала о том, что открытия новых радикальных режиссеров, поставленные на поток, превратились в предмет эксплуатации. Стало возникать ощущение, что «новый греческий стиль», который парадоксально сочетал смех и ужас, чувственность и «отмороженность», архаику и авангард, довольно быстро начал себя исчерпывать. Тем более что метафорика такого рода кино отступила перед реализмом экономической и политической ситуации в стране, оказавшейся на грани тотального краха.

* * *

Между тем Йоргос Лантимос прочно обосновывается на территории англоязычного кино и обзаводится самым что ни на есть звездным актерским составом. В его «Лобстере» (2015, приз жюри в Каннах) сыграли Колин Фаррелл и Рейчел Вайс, в «Убийстве священного оленя» (2017, приз за сценарий в Каннах) — тот же Фаррелл и Николь Кидман.

Сюжет «Лобстера» завязывается в доме под названием Отель, куда свозят одиноких людей, требуя от них в течение сорока пяти дней найти себе пару. Каждый член этого общества должен иметь постоянного (читай, сексуального и семейного) партнера. В противном случае человека превращают в животное — по его же выбору: от осла до попугая или лобстера. Затем его и выпускают в лес, или в море, где он становится объектом охоты. Декадентская сказка и сюрреалистическая сатира на современное общество, замаскированная под антиутопию.

Лантимос с самого начала тяготел к экзистенциальной притче, к замкнутой структуре, но за условностью и «сюром» отчетливо проглядывали реалии современной Греции. Выйдя за пределы чисто греческих тем, он подтверждает знак качества своей режиссуры, но полной органики материала и формы не достигает.

Кризис «переходного периода» у Лантимоса достиг своего пика на фильме «Убийство священного оленя». Герои этой картины — хи-

рург Стивен, работающий в престижном карди-центре, и его образцовая семья с двумя детьми-тинейджерами — оказываются во власти зловещих сил, олицетворяющих социальный и моральный реванш над властителями мира сего. Рок — неперенный спутник античной трагедии — является в образе настырного юноши по имени Мартин, явно имеющего на Стивена какое-то влияние или компромат. На протяжении фильма с Саспенс нарастает, доводя сюжет до кровавой кондиции.

Над фильмом витают тени «Ифигении в Авлиде» Еврипида и царя Агамемнона, приносящего дочь в сакральную жертву. Но что увлекают авторы из своего национального наследия? Трагедия в чистом виде лишь дважды в истории культуры выражала себя адекватно — во времена Античности и Возрождения. А XX столетие (идею «оптимистической трагедии» оставим в покое) на долгий обозримый срок превратило трагедию в трагифарс. «Убийство священного оленя» тоже имело шанс стать актуальным трагифарсом. Но этому помешало роковое для Лантимоса обстоятельство — перемена декораций.

В «Клык» и даже в более умозрительных «Альпах» режиссер все же отталкивался от реалий современной Греции — страны с великим прошлым, драматически переживающей свое периферийное положение в настоящем. Препарированные Лантимосом семейные и сектантские кланы представляли наглядными моделями архаичного общества с его застарелыми травмами и комплексами.

Перейдя в роли почетного гастарбайтера в англоязычное, квазиголливудское кино с большими бюджетами и мегазвездами, Лантимос по-прежнему использует арсенал знакомых средств и понятий. В Греции они органично растворены среди древних руин и оливковых рощ, и когда едешь в электричке, а она вдруг ломается и останавливается на станции «Метаморфоза» или «Метафора», ты почти уже не удивляешься. А вот когда юный посланник Рока у Лантимоса, истекая кровью в подвале благополучного

американского дома, называет себя «символом» и «метафорой», это немного озадачивает.

Лантимос — очень талантливый режиссер. Его опыт создания суггестивной психоделической атмосферы заслуживает профессионального исследования — хотя бы то, как он поддерживает саспенс с помощью музыкальных тем Шуберта и Губайдулиной. И все же, когда поклонники режиссера сравнивают «Убийство священного оленя» с шедеврами Кубрика и Триера, это уже явный перебор. Пытаясь укрепиться на чужой территории, балансируя между архаусным конструктом и амбициозным триллером, Лантимос скатывается в «пережаренный» китч.

Самым большим успехом Лантимоса на сегодняшний день стал исторический гротеск «Фаворитка» (2018). На главную роль режиссер пригласил Эмму Стоун, а на две другие, тоже, по сути, главные — Рейчел Вайс и Оливию Колман, уже задействованных в «Лобстере». Колман, в жизни вполне симпатичная женщина, влезла в шкуру уродливой, старообразной и похотливой британской королевы Анны. Красавица Вайс играет ее доверенное лицо — герцогиню Сару Мальборо, а Эмма Стоун — ее предприимчивую кузину, которая вытесняет прежнюю любимицу из постели королевы — но не из сердца. В круговороте придворных интриг попутно воздвигаются и рушатся карьеры, решаются вопросы военных стратегий и налоговой политики.

Лантимос по сути впервые уходит от излюбленного формата абстрактной притчи и впервые снимает костюмное кино о далекой эпохе — XVIII веке с его изощренными и не всегда галантными играми. Он населяет мир королевского дворца собаками, лошадьми, гусями, кроликами и человекоподобными монстрами в пышных париках. Во многом (в частности, в использовании минималистской музыки) он наследует Питеру Гринуэю (на его художественном пике) и Роману Поланскому периода «Макбета», как бы прошивая узор шекспировских страстей нитью черного юмора.

Как и каталонец Альберт Серра, другой выдающийся мастер исторических деконструкций, Лантимос акцентирует физиологическую составляющую: обитатели королевского двора блюют, мастурбируют и лижут интимные места власть имущих, материализуя метафору и превращая ее в болезненно актуальный реалистический образ. Помимо всего прочего «Фаворитка» — торжество костюма, цвета, декора и большого бюджета. Холодноватое торжество формы — как обычно у Лантимоса, но все же не такое отчужденное и замороженное, как в «Убийстве священного оленя». Оливия Колман за виртуозную роль в «Фаворитке» заслуженно удостоена «Оскара».

* * *

Обсуждая имидж греческого кино в международном масштабе, нельзя обойти вниманием творчество режиссера-ветерана Коста-Гавраса, француза греческого происхождения. В его активе такие знаменитые фильмы, как «Признание» (1970) — о коммунистическом терроре в Чехословакии и «Пропавший без вести» (1981) — о жертвах режима Пиночета. Коста-Гаврас — едва ли не единственный из режиссеров мира, кто обладает статуэтками «Оскара», берлинского «Золотого медведя» и каннской «Золотой пальмовой ветви», а также главным призом Венецианского фестиваля «Золотой лев» за выдающийся вклад в искусство кино.

Бежавший после войны из Греции вместе с родителями во Францию, где он выучился и сформировался, Коста-Гаврас посвятил свое кино борьбе человека с молохом тоталитарной власти. Первую славу принесла ему картина «Дзета» (1969) — экранизация одноименного романа Василиса Василикоса, появившаяся, когда Грецией правили «черные полковники». И все же действие того фильма было перенесено в неназванную средиземноморскую страну.

Спустя ровно пятьдесят лет Коста-Гаврас вновь обратился к судьбам своей исторической родины, которая пережила новую трагедию: катастрофически обнищала и едва не была

выброшена из еврозоны. «Взрослые в комнате» (2019) — его первый фильм, снятый (хотя бы частично) на греческом языке. В основе — документальная книга Яниса Варуфакиса, где сам он выступает главным действующим лицом, а события разыгрываются в течение первой половины 2015 года. Когда в январе на выборах победила левая партия «Сириза», Варуфакис, став министром финансов, принялся летать из Афин в Берлин, Лондон, Брюссель и Ригу, чтобы на встречах Еврокомиссии обсуждать варианты погашения греческого долга и вывода страны из тяжелейшего кризиса. А в июле того же года ушел в отставку, разойдясь во взглядах с премьером Алексисом Ципрасом.

Экранизировать такого рода нон-фикшн, где героями являются известные всему миру политики и экономисты — от Вольфганга Шойбле до Кристин Лагард и (пусть показанной не самым крупным планом) Ангелы Меркель, было бы гиблым делом, если бы за фильм не взялся Коста-Гаврас с его колоссальным опытом постановок в формате политического кино. Сцены заседаний, где половину времени занимают протокольные вопросы и обсуждаются различия между «корректировкой» и «поправкой», режиссер сумел наполнить напряжением, психологическими нюансами и, что особенно ценно, юмором.

Этот юмор нередко переходит в злой сарказм — оружие, которым в совершенстве владеет главный герой Янис в исполнении Христоса Лулиса. Такому яростному оратору и харизматику трудно противостоять, даже если вы не находитесь в инвалидной коляске, как главный антагонист героя — желчный Вольфганг Шойбле. Он и другие «взрослые в комнате» хотят воспитать, наказать, поставить в угол инфантильных греков, все еще пребывающих в «античном детстве человечества» и привыкших «слишком хорошо жить». Но симпатии автора фильма явно не на стороне разумных и хорошо организованных взрослых.

Варуфакис, как и Коста-Гаврас, отдал дань увлечению марксизмом, который в его версии

смешивается с новейшими антиглобалистскими экономическими теориями. Но, в сущности, его речи на саммитах мирового уровня, если абстрагироваться от искусной формы и стиля, немногим отличаются от суждений, которые можно услышать от самых простых людей в любой греческой таверне. С их точки зрения, главные враги греков — «Тройка» и мировой империализм, Меркель — это нынешний «Гитлер в юбке», а за спиной у этих злодеев стоит Америка. Но выразив «народные чаянья» в лицо зажавшейся Европе, Варуфакис выполнил свою историческую роль «последнего романтика» — неважно, была она искренней или талантливо разыгранной — и был выкинут из взрослой игры. А продолжал ее играть тоже не лишенный харизмы, но более прагматичный, даже циничный (как это изображено в фильме) Ципрас.

* * *

Вернемся из области кинематографической диаспоры на родину греческой киноиндустрии. Она вовсе неоднородна, и не надо представлять ее исключительно как вотчину «странной волны». Есть значительные фильмы, которые примыкают к ней, но непосредственно не влияют. Например, «Мальчик, который ел птичий корм» Эктораса Лигизоса (2012). Это настоящая греческая трагедия, снятая средствами современного кино. Образованный афинский юноша Йоргос наделен редчайшим голосом контртенора, его душа еще способна петь, когда он исполняет хорал Баха. Но молодой человек оказывается никому не нужен в обществе, пораженном депрессией. Он буквально умирает от голода, роется в мусорных баках в поисках пищи, но не бросает свое единственное близкое существо — канарейку, с которой делит птичью еду, рассыпанную в кормушке. Его последнее убежище, куда он прячет и клетку с любимой птичкой, — это свалка «античных» статуй, кладбище цивилизации и культуры.

В фильме есть весьма радикальные сцены: герой мастурбирует и эякулирует в реаль-

ном режиме перед камерой. При этом режиссер сохраняет чистую лирическую интонацию и нигде не впадает в социальную демагогию. Тем более ощутима горечь автора, его сочувствие молодому поколению греков, которые в результате кризиса оказались выброшенными из жизни и полностью маргинализованными.

Еще один неожиданный и крайне экстравагантный греческий фильм — «Сын Софии» — в 2017 году оказались Элина Псику. Одиннадцатилетний Миша приезжает в Афины к матери, которая покинула Россию нашла себе пожилого грека и хочет создать новую семью. Дело происходит накануне Олимпиады 2004 года: в сюжете даже обыгрывается советская олимпийская символика, а плюшевый олимпийский «мишка» рифмуется с именем главного героя. Неожиданно Миша попадает в атмосферу тоталитарного диктата, а новый «папа» на поверку оказывается монстром, ассоциирующимся с «черными полковниками» (типичная фобия греческого кино). Мальчик пытается вырваться из этой душной атмосферы, но альтернативой становится полукриминальный круг уличных гомосексуалистов.

* * *

Большинство вышеназванных фильмов не пользуются популярностью у греческой публики — из-за радикализма не только содержания, но прежде всего формы. И все же картины как бы промежуточные — между коммерческим и арт-кино. Греки устроены так, что используют любую возможность расслабиться. Солнце и море привлекают миллионы иностранцев, и местным жителям кажется, что и они могут присоединиться к их утехам. И вот на эту тему режиссер Аргирис Пападимитропулос снял фильм «Загар» (2016) — про врача-социопата, живущего без друзей, без увлечений, без секса. Он получает назначение на богом забытый греческий остров и проводит там унылую зиму, коченея от холода в жалкой комнатухе. Зато летом пляжи заполняют нудисты и прожигате-

ли жизни. Они вовлекают героя в вихрь вечеринок и любовных интриг, ломая ему профессиональную карьеру, но взамен освобождая от фобий и комплексов.

Когда смотришь это кино, где группа заезжих англичан предается всем грехам Содомы, можно подумать, что сценаристы, обуреваемые художественной фантазией, сгустили краски или просто работают на потребу публики. Но потом узнаешь о подвигах британских туристов на острове Корфу: Facebook летом 2017-го был заполнен снимками их пьяных оргий, кое-что попало и в прессу. С англичанами, кстати, вполне могут конкурировать немцы: они хоть и выступали в соцопросах за изгнание «ленивых греков» из еврозоны, но сами были не прочь оттянуться на сравнительно дешевых курортах этой прекрасной страны.

* * *

Конечно, в Греции снимаются и вполне традиционные фильмы — более или менее коммерческие, опирающиеся на легенды и апокрифы национальной культуры. На таких лентах специализируется, например, режиссер Яннис Смарагдис. В его послужном списке несколько байопиков: «Кавафис» (1996), «Эль Греко» (2007), «Казандзакис» (2017). А в 2012-м он выпустил картину, которая известна под названиями «Пираты Эгейского моря» и «Бог любит икру». В центре сюжета — греческий рыбак Иоаннис Варвакис, ставший сначала пиратом, потом — русским дворянином, приближенным к Екатерине Второй, и борцом за освобождение Греции от турецкого ига. Он же стал одним из самых богатых людей Европы, научившись добывать и экспортировать икру. Героя играет известный немецкий актер Себастьян Кох, Екатерину — Катрин Денёв, в фильме снялись и многие российские актеры.

В 1970 году под эгидой Министерства культуры был основан Греческий центр кино, который является основным продюсером национальных фильмов. В 1986-м создана организация «Ellas film», занятая международным продви-

жением греческих фильмов. Государство также поддерживает Международный кинофестиваль в Салониках, самый крупный на Балканах, который в этом году встречает свое 60-летие. Это — главное кинематографическое событие в Греции. В нем, как в самой панораме греческого кино, отражается борьба двух тенденций: между традицией, если не сказать — архаикой, и авангардом.

В последние годы в Салониках меняется характер конкурсной программы, хотя в ней по-прежнему участвуют первые и вторые работы молодых режиссеров со всего мира. В 2017-м кураторы построили этот конкурс на основе идей французского социального философа Симоны Вейль, изложенных в ее книге «Потребность в корнях». В 2018-м источником вдохновения кураторской работы стал эпизод из древнеримской истории, воспетый многими художниками разных эпох; самое знаменитое из этих полотен — хранящееся в Эрмитаже «Отцелюбие римлянки» Питера Пауля Рубенса — изображает старика Цимона, обреченного на голодную смерть в тюрьме, и его дочь Перо, которая из сострадания кормит его грудью.

Этот сюжет, который в наиболее благоприятные времена трактовался как образец дочерней преданности, в других контекстах приобретал иные смыслы. Так, художники барокко

вкладывали в него сексуальную аллегорию юности и старости, а в наши дни возникает неизбежная параллель с триумфами феминизма. Вот как формулирует свой тезис художественный директор фестиваля Орестис Андреакис: «Это не только акт семейной солидарности, но смелый политический жест, утверждающий новые отношения и культурные символы. Сегодня мы переосмысливаем эту историю в свете возросшей роли женщины, краха патриархата, гетеронормативности половых ролей и перформативности социального гендера».

В то же время фестиваль традиционно остается местом чествования национального кино, и тут неизбежен конфликт интересов. Будучи однажды членом жюри фестиваля в Салониках, я наблюдал эту коллизию на церемонии его закрытия. Сначала международное жюри наградило зарубежные фильмы, и аудитория нам вежливо похлопала. А потом перешли к дележу наград национального конкурса — и вот тут закипели подлинные греческие страсти. Зрители в зале разделились на две противоборствующие группы (у каждой в программе был свой фаворит) и бурно — то овацией, то свистом — реагировали на каждый вручаемый приз.

И это было лишним свидетельством того, что национальное кино, при всех его несовершенствах, ближе сердцу настоящего грека.

© Текст: Андрей Плахов

АНДРЕЙ ПЛАХОВ — киновед, кинокритик, кандидат искусствоведения, обозреватель газеты «Коммерсант», почетный президент международной ассоциации кинокритиков ФИПРЕССИ, программный директор и член жюри многих кинофестивалей. Автор более десяти книг о советском и современном мировом кинематографе. Лауреат многих премий, в том числе, приза кинопрессы лучшему киножурналисту года, неоднократный лауреат премии Гильдии киноведов и кинокритиков России, премии «Ника» «За вклад в кинематографические науки, критику и образование», также награжден французским орденом Искусств и литературы.

греческий театр

ТЕЛО КАК СКУЛЬПТУРНЫЙ ОБЪЕКТ, ДВИЖУЩИЙСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Величественная Греция, белоснежная Эллада! Да ничего подобного! Это, конечно же, немцы, в поисках своих индоевропейских, или арийских корней выдумали торжественность белокаменной скульптуры: на самом же деле она была крашеной, разноцветной, на манер раскрашенной деревянной скульптуры из восточноевропейских церквей...

Наталья ИСАЕВА

Вот и для меня Греция, даже Афины, — не столько величественный Акрополь (карабкаешься час по ступенькам вверх — после этого и небольшие, в общем, храмы развернутся мощными фасадами, вырастут на глазах колоннами...), сколько скрещения и вечный квест кривоватых улочек, панельные «южные» дома столицы и ослепительно-белые оштукатуренные мазанки островов... И вообще — скорее уж сами острова: и Гидра, и Эгина, но прежде всего вся цепочка Додеканес (Dodecanese), «дюжины» островов (которых на самом деле гораздо больше), начиная с Родоса. Вот — киньте в меня цветной камушек, гальку с островного пляжа, — но для меня Греция — это какая-то зыбкая связь с Востоком, с той же Турцией, которую греки дружно ненавидят...

Я очень ясно почувствовала это ещё десять лет назад, когда Анатолий Васильев взялся поставить «Медею» Еврипида для Hellenic festival в Эпидавре. При всем покровительстве афинской бюрократии, при том, что сценографом он расчётливо взял Дионисиоса Фотопулоса (Dionysios Fotopoulos) — безумно известного греческого художника, вальяжного и благополучного — тот работать и не собирался, да ещё летом! — но картиночки Васильева вполне одобрял, а инженерные проблемы предлагал согласовывать с технической командой Эпидавра. В результате половина идей так и не воплотилась, ослика на сцену вывести не дали, трактор тоже не выехал (при этом все ссылались на особо строгую инспекцию по национальным памятникам), но спектакль состоялся и вызвал ожидаемый скандал. Там-то я и увидела проходящий торжественной процессией оркестр «рембетики» — той самой восточной, разнузданной и жаркой песенной стихии маргиналов, во-

ров и подонков (поскреби только придонные слои гашишных подвалов Афин или Салоник, приморских городов вдоль побережья), что бежали после войн начала века из Османской империи... Фламенко или фаду, цыганские песенки или криминальный шансон, настоящий черномазый блюз — вот ближайшие культурные (расхристанные) родственники этих баллад, которые на деле сохраняют старые христианские византийские напевы, которые эти маргиналы семейственно сберегали в Турции и на Ближнем Востоке — и которые в самой Греции уже не сохранились. Консервативные зрители Эпидавра начинали свистеть, когда — обрамляя представление древней трагедии — вокруг в торжественном «парадосе» проходили музыканты в жилетках и фесках, в полосатых узеньких сутенерских костюмчиках, неистово наяривая на базуках и скрипочках, ударяя в барабаны. Молодой греческий композитор Такис Фараксис (Takis Faraksis) написал новые мелодии в той же, каждому здесь известной стилистике, ну а автором был тут сам Еврипид со своим рассказом о безумных страстях и чудовищных преступлениях...

Лучшее, что есть в Греции, — на этом стыке. Лучшее создано бродягами, воришками, путешественниками... В Афинах держи, конечно, ухо остро, поминутно хватаясь за свой карман, за сумочку, за рюкзачок. А вот на островах — где тоже, казалось бы, нескончаемый поток приезжих, — на берегу раскладывая свободно всю свою мелочь и дребедень недалеко от таверны; вылезешь из моря — подберёшь! Патмос, куда я приезжаю уже почти двадцать лет, с его красными железистыми гранитами, низкорослыми соснами и туями по горным склонам, с осликами и козами (ничего крупнее этой живности на вы-

женной солнцем земле просто не прокормить, даже им не хватает травы, и тогда зверей кормят грушами и помидорами)... Патмос, где жил Евангелист Иоанн, уже девяноста с лишним лет от роду сосланный в глушь, в пещеру, чтоб не мутил народ. А он и там бормотал, проговаривал невнятно последнее, страшные видения Апокалипсиса, которые только и успевал записывать послушник Прохор. И вот она, та пещера, с выдолбленной в камне нишей для головы, с опорой для руки, ежели тяжело подыматься: вмятины, ямки в граните словно выжжены последним, нечеловеческим светом и жаром. Однако же до них можно сейчас реально дотронуться, едва не задохнувшись от священного ужаса... И литургия там служитя неотменимо, каждый день, кроме Страстной Пятницы.

Приезжие-уезжие. Все те, кто очутился здесь и задержался хоть на время на скрещении дорог. Аргонавты, мореплаватели, монахи, рыбаки, коммивояжеры... Ну и те, кто мне дороже всего: театральные люди, тоже ведь — перекаати-поле! Васильев, показавший Еврипидову трагедию о колхидской царевне во всех древних амфитеатрах Эллады, — всюду, где только были разрешены театральные представления. И греческие режиссеры, деятели, мастера искусства, которым как-то не сидится в Афинах, так что они — по старой привычке — предпочитают скитаться, шляться по миру, всюду показывая своё умение... Константин Кавафис (Konstantinos Kavafis), живший в Греции и в Англии, но большую часть жизни отдавший египетской Александрии. И Теодор Курентзис (Theodor Kurrentzis), обратившийся в великого дирижера во многом благодаря русской музыкальной школе, очень театбральный, чрезвычайно пластичный, подающий оркестру тайные знаки всем телом, неожиданными движениями рук и губ, как бы шепчущий беззвучные заговоры своим музыкантам (а теперь вот ещё вдобавок сыгравший одну из главных ролей

в монументальном киношном проекте «Дау» у Ильи Хржановского). И Теодорос Терзопулос (Theodoros Terzopoulos), где только не ставивший и не преподававший театр за свою долгую жизнь (помню и его московских «Вакханок» на открытии «Электротетра» Бориса Юхананова, где декоративную, величественную даже в своём дионисийском безумии Агаву играла васильевская актриса с опытом «Илиады» — Алла Козакова). И нынешний скиталец, globe-trotter, хоть и предпочитающий работать с греческими актёрами и техниками — Димитрис Папаиоанну (Dimitris Papaioannou), хореограф и театбральный режиссёр, главное греческое открытие последнего десятилетия...

Впрочем, что я говорю! Широкая публика услышала это имя ещё в 2004 году, когда Папаиоанну неожиданно для всех был приглашён ставить церемонию открытия Олимпийских игр. Ну, там еще всё было довольно предсказуемо: с беломраморными статуями и монохромными настенными росписями, с критскими «бычьими» играми, постепенно переходящими в узнаваемые движения спортивных соревнований... А вот после пошли визуально, может быть, самые взрывные спектакли современного движенческого театра.

Я в Париже видела два последних: в прошлом году и этим летом, в июле. «Великий укротитель» («The Great Tamer»), который был сочинен в Афинах и впервые показан в Культурном центре Онассиса в мае 2017 года. Под сюрреалистически замедленный вальс Штрауса «Голубой Дунай» мы видим площадку, покрытую большими продолговатыми пластинами, похожими на разбросанную черепицу. Под ними, как в археологическом раскопе, как в старинном погребении, открываются разъятые части человеческих тел: да, те же самые скульптурные обломки, которые, однако же, продолжают шевелиться. Поэт Орфей, спускавшийся за Эвридикой, отчаявшийся

вывести ее из Аидова царства и отдавший своё тело на растерзание диким зверям? Останки воинов-гоплитов, павших на поле брани (в какой-то миг летят веером во все стороны золотые стрелы, и прямоугольники поднимаются как щиты, пытаюсь защитить павших)? Да нет, вот уже вся земля вздыбливается, как надувной батут, она растит на своих холмиках кустящиеся стебли растений, облезлыми клумбами едва прикрывающие могилы, где зарыты человеческие тела, и археологические памятники, и чудны́е артефакты... Где-то совсем рядом рыщет смерть, тот великий укротитель, что обещает покой. И только разъятые тела и осыпающиеся скелеты снова и снова поднимаются, чтобы найти минутное равновесие на шатком склоне (или же в тесных объятиях космонавта в надувном скафандре, которому ведь сверху отлично видна и земля, и то, что за ее пределами). Папаиоанну вообще-то получил первое образование как художник и сценограф, он сам придумывает большую часть декора и хитроумных механических приспособлений, дающих просто поразительные визуальные эффекты. Здесь, в постановке, есть прямые цитаты из Эль Греко и Магритта, но больше всего, наверное, запоминается отсылка к «Уроку анатомии доктора Тульпа» Рембрандта с его *umbra mortis* — «тенью смерти». Фигуры людей, одетых в чёрное, почти сливающиеся с чёрным фоном, — они склонились над обнаженным телом бедного воришки: его тоже готовят к разъятию, к расчленению на куски, но пока он, укрощенный, лежит бездыханной жертвой (для Димитриса Папаиоанну — в прямой трагедии Пьеты).

И наконец, последняя вещь, которую видела здесь в пространстве большого зала «Ля Виллетт» в этом году. Здесь часто показывает гастрольные спектакли парижский «Театр де ля Вилль», где пока что идёт долгий ремонт — но именно сюда и приезжала каждый год со своей труппой Пина Бауш вплоть до самой

своей смерти в 2009-м (она и умерла-то, поспешно, до срока вернувшись с последних парижских гастролей). И в первый раз за десять лет театр в Вуппертале пригласил стороннего постановщика — вместо того чтобы, и ранее, возобновлять прежние спектакли великой Пины.

Название было предложено приятелем Димитриса и консультантом многих его работ Ангелосом Мендесом (Angelos Mendes) уже после первых прогонов: «Seit Sie»/«Since She», то есть — «С тех пор как она». Воспоминание — трибьют Пине? Пожалуй... только Пине, усиленной и перекоруженной куда более мощными силовыми линиями... Пине, помноженной на Босха... Она, пожалуй, всегда искала какую-то легкость, простоту, человечью, трогательную неуклюжесть танца. А здесь те же вроде бы обычные, чуть неловкие человеческие фигуры деформируются, опять же разнимаются на куски и фрагменты, визуальнo расчленяются в пространстве... Полуголый человек, бредущий по земле, переступает словно бы на ходулях, а руки растянута в пространстве до полу, превращаясь в длинные обрубки, в палки, на которые он опирается... Совершенно невероятный дуэт Скотта Дженнинга (Scott Jennings) и Бреанны О'Мара (Breanna o'Mara), с выдвинутой на авансцену обнаженной мужской фигурой, что на разные лады играет отрезанной женской головой со свисающими вниз золотистыми длинными волосами. Всё тело актрисы остаётся невидимым, прячется в глубокой черноте фона (порой шерстка в паху мужчины превращается в эти золотые пряди, которые он держит между ног, порой же его голова меняется на чёрную голову быка-Минотавра, влюблённого в свою партнершу).

Скульптурные образы Папаиоанну отсылают не только к античности, но и к визуальным кодам византийских икон, когда головы

лась к звукам БИМовских станков и исполняла мануфактурную металлическую волю, ходила в тканях, рождавшихся из созданных тут машин. Потом наступил конец того света. Мануфактура ещё лет десять ткала-ткала механическую жизнь по инерции, но теряла социальный капитал. Старостильная работа не была нужна. Ткачиха вышла на пенсию. Люди принялись управлять машинами и остановили БИМ. Её внутренности развезли-распродали, она замолчала и теперь манчестерила в инстаграм-фото молодых туристов. Потрясала красотой своей заброшенности и постапокалиптичности, вдохновляла узкой улицей из двух высоких красных стен с навесным перешейком-переходом между ними. И молчала, оживляемая только лаем бездомных собак. По внешним её, административным фасадам открылись неясные конторы, маленькие склады, их работники приезжали-уезжали молча, звенели ключами от недорогих автомобилей и пластиковых офисных дверей, врезанных в красный кирпич. Потом, со временем, добавились голоса туристов и щелканье их фотоаппаратов.

Из БИМ не могли сделать бизнес-центр, как из «8-го марта», или креативный-кластер, как поступали с подобными ей, бывшими городскими матерями и тётками в Манчестере. Она была слишком крупная, значимая, большая, тяжелая, неподъемная для бюджета своего города, и для модного пространства в нём не набралось бы столько пьющих раф-кофе правнуков рабочих и ткачих. И вот сначала мануфактуру услышала бригада туристов, удивилась, позаглядывала в её выбитые глазницы. Потом её услышали военные из примыкающей к БИМу части, прошли в ржавую нутрь её тела и не обнаружили ничего. А между тем мануфактура звучала ранними утрами и поздними вечерами ровно так, как и в самые свои плодотворные кумачовые времена. Тк-тк-тк, тк-тк-тк или тантан-тан, кр-кр-кр. Словно БИМ воскресла и запустила свои станки-нервы. Владельцы дорогого ресторана неподалеку не выдержали, вызвали полицию. Те проверили, исходили с собаками

БИМ на предмет нелегальной фабрики, потом скрытой звуковоспроизводящей аудиоаппаратуры и не нашли ничего, кроме звонкой заброшенности. Весть о фабрике-призраке прозвучала в интернете, привлекла четыре десятка интересных туристов. Приезжала маленькая бригада звукорежиссеров и записала станки-привидения, их можно до сих пор послушать онлайн. Мир стал такой сложный, огромный, набитый странностями, что в городе и тем более за его пределами все скоро привыкли к БИМовской музыке и забыли про неё.

2.

Даже поток туристов ослаб по сравнению с дозвучающей историей: все те, которые очень хотели поехать в город, уже побывали тут, а у новых не накопилось ещё интереса. Вот только Ольга, наконец, решилась сесть в часовой поезд на Курском вокзале и проехать 4 часа, предварительно сняв квартиру на airbnb. Та светлела на фотографиях студии на десятом этаже нового, прямоугольного, элитного (как было сказано в описании) дома. Ольге особенно понравился кадр круглового плетёного кресла-качалки, позировавшего в солнечных лучах. Они лились из окна-стены. Современная семья кухни и кровати в одном пространстве, деловитость душевой кабины, эгоизм студии. Всё бело-салатовое, без третьего лишнего цвета, мягкое-обтекающее, современное, функционально красивое. Ольга любила путешествовать, но ненавидела резкостей, сюрпризов, непредвиденностей.

И знаменитого, единственного в стране конструктивистского железнодорожного вокзала не оказалось видно на месте, потому что его спрятали в реконструкцию. На огромном баннере-занавесе были напечатаны фотографии местных церквей, а не изображения самого вокзала. Ольге показалось это нелогичным, но она быстро решила, что памятников конструктивизма для её глаза ещё хватит. Что там Красный Ман-

честер, то ещё полчуда. Город представлял собою воплощенную пролетарскую утопию, сшитую из конструктивизма разной фантазийной силы. Почти каждое жилое/рабочее строение в центральных районах — от трансформаторной будки до оперы — памятник авангарда, прочла Ольга в фейсбуке своего знакомого историка. Автор писал, что город — просмотренная столица российского конструктивизма. Ольга кроме архитектуры нашла несколько для себя тем здешнего путешествия, но главным и самым громоздким делом её тут было отмечание собственного 35-летия. Пропуск, игнорирование его социальности, личный праздник, праздник-студия, без сюрпризов, неожиданностей, семейных застолий с пожеланиями перестать быть одной, одинокой и какой-то там ещё. Уже десять лет Ольга уезжала вот так куда-нибудь на свой день рождения, чтобы, с одной стороны, пропускать его, а с другой — придавать ему особенное значение.

И Ольга несла своё почти 35-летнее тело вместе с рюкзаком через рынок. Сокращала путь до съёмного жилья. Город утопал в мартовском грязном таянии и архипелагах-отходах. Старики и старухи торгаши сидели на низких своих рыбацких стульчиках среди куч мусора и не замечали их. Асфальт был призрачный, то появляющийся, то исчезающий, выеденный до земляных или луженных брешей на тротуарах и дорогах. Матери-ловкачки тягали тяжелые коляски с новым населением города по ненадежной поверхности. Дети постарше наступали на реальность родного города в высоких резиновых сапогах. Ну и что, ну и да, думала Ольга, утопия, да, заканчивается апокалипсисом, который может быть не обрывистым и мгновенным, а занудным и медлительным, пытающимся разобратся в самом себе.

Ольга нашла дом, он возвышался над городом приукрашенной, современной, нездешней многоэтажкой, смотрел на конструктивистские кварталы и частный сектор. Коды от калитки во двор, от подъездной двери, от специального ящичка, прикрепленного к сте-

не у квартиры, с ключом внутри, были высланы сообщением на ватсап заранее. В лифт к Ольге зашла женщина. Чтобы той хватило места, Ольга сняла рюкзак, прижала его на вытянутой руке к коленям и пододвинулась в стену. Ткнула в кнопку одиннадцать. Двери закрылись, и лифт поехал. Другая пассажирка не нажала никакой кнопки. Ольга не рассматривала людей в лифте, но тут пришлось, потому что женщина копала взглядом её лицо и болезненно улыбалась. Одета она была непонятно, странно и не по погоде легко. В высокие сапоги, над голенищами которых округлялись бледные коленки, платье в цветной пестрый повторяющийся узор и в белую косынку. Крупная, высокая, тяжелая, сильная, Ольгиного возраста или старше. С полузажившими, словно хроническими синяками на скуле, на шее, и у правого глаза. От женщины пахло потом. Поняв, что Ольга смотрит на неё, она прекратила улыбаться и серьёзно сказала: «Закончилась сила мечты!» Лифт добрался. Ольга осторожно обогнула попутчицу и выгрузилась на одиннадцатый этаж. «Сила мечты истощилась!» — повторила она в спину Ольге. Та нашла необходимую дверь, вытащила ключ из подвешенного рядом ящичка и подумала, что женщине, вероятно, нужна помощь, что нельзя так поступать, что надо вернуться поговорить, поискать в интернете местные какие-нибудь кризисные центры, социальные службы, просто дать денег. Вернулась к лифту, там никого не было, наверное, женщина уехала вниз, Ольга вызвала лифт, но тот никуда не уезжал, поэтому сразу раскрыл двери и показал ей пустое металлическое нутро. Выше этажей не было. Значит, попутчица спустилась по лестнице. Ольга почувствовала ленивую равнодушную усталость и вернулась к квартире.

Ольга не знала, что встретившаяся ей женщина заговаривала сегодня со стариком торговцем на рынке, наклонив к нему своё крупное, побитое лицо и наступая левым сапогом в мусорную кучу; с уткнувшейся в телефон девочкой-подростком, заглядывая в её отключенное от реальности лицо; с жилистым водителем

автобуса, задерживая пассажирскую очередь; с молодой матерью, выгуливающей ребенка на размороженной ещё детской площадке у Дома-корабля; со старухой в пахнущем газом подъезде Дома-коллектива, и ещё с двумя десятками разных-разных городских людей, объявляя им всем, что истощилась сила мечты.

Квартира была ровно как заявленная, выбеленная солнцем, удобная, современная, функциональная, плетеное кресло замерло тут, на месте. Ольга скормила ему рюкзак и подошла к окну-стене. Там город показывал свой туристический панорамный макет, протягивал на своей красной, невымытой грубой ладони весь бывше-утопический вид. По центру макета, на краю горизонта, за соляной из построек разных эпох и культур, лежало недышащее кирпичное тело БИМ, за ним вилась блестящая река, слева совсем рядом махал крыльями Дом-птица, дальше него, через квартал, плыл вдоль проспекта за сквером Дом-корабль, за ним, уже ближе к реке скрывался Дом-пуля; где-то ещё левее, уже за пределами панорамного окна, закручивался Дом-подкова. Строения-метафоры своими названиями наносили поэзию на карту города. Своей архитектурой, дополненной, как Ольга видела ещё в интернете на фотографиях, пластиковыми окнами, разноцветными безвкусными вывесками, бетонными лестницами магазинов и парикмахерских, а ещё разрушением и истощением — то есть настоящей жизнью, неблагополучием, просто временем — все ещё излучали страсть своих создателей, издавали вибрацию, которую Ольга чувствовала даже тут, на одиннадцатом этаже своего просмотрового пункта.

Ещё она видела, как привычно и равнодушно бегут мимо мировых чудес авангарда местные жители. Знакомый историк писал ещё в том своём посте, что почти все конструктивистские постройки, даже мэрия, буквально рассыпались, распадались на глазах, царапали глаз обшарпанными фасадами, но дома-метафоры выглядели лучше, моложе всех, словно сама идея держала их в форме, заставляла оставаться для вечности.

Историк рассказывал, как он подолгу торчал у каждой дома-метафоры, задрав восхищенно голову, и спешащие мимо горожане удивлялись ему, иногда косились на предмет его разглядывания, кто-то даже тоже останавливался, пытаюсь понять, чего он там рассматривает. Ольга понимала причины, осознавала, что любые здания, даже самые авангардные просто стоят, изнашиваясь, в эпицентре медленного апокалипсиса, а людям приходится в нём жить и растить детей.

Сегодня оставляло пару световых часов. Ольга решила подарить себе метафоры на день рождения, то есть завтра. А сейчас она выпила чаю, переоделась, вызвала убер и поехала на улицу Восьмого марта глядеть на сиреневый, компактный особняк десятых годов в стиле модерн. Он выглядел неплохо, был отреставрирован, покрашен, не утратил изящной лепнины, сидел посреди лысого сквера с стриженными травой и кустами. Здесь находилась обычная районная поликлиника, а когда-то была женская гимназия, где училась Анна Баркова, где она влюбилась в учительницу-немку и страивалась не оттого, что влюбилась в женщину, а оттого, что в немку (шла Первая мировая). В этой же гимназии сторожем служил барковский отец. Ольга пошкрябала ботинки о ковер-решетку, счищая грязь, которую она сумела нацеплять, пока шла от машины, толкнула деревянную, высоченно-тяжеленную дверь и зашла в поликлинику. На первом этаже никого и ничего не было, кроме помятых и блеклых информационных распечаток. Обычная для модерна крутая лестница вела на второй этаж, делая паузу на площадке с высоким вытянутым окном, заменённым на пластиковое. Все пространство — лестничный бокс и стены были обиты пластиковыми панелями. Это Ольге очень понравилось, так как это означало то, что прежде, может ещё прибарковское состояние стен сохранилось под покрытием. Особняк был идеальным пространством для мемориального литературного музея. Ольга представила экспозицию, посвященную родителям поэтки

здесь, на первом этаже, начинающейся от отца, от ниши слева, где наверняка и сидел сторож. Если не сохранились те стены, то можно покрасить их в светлый, поставить кресло сторожа, разместить по стенам перерисованные семейные фотографии, переписать крупно строчки из «Дневника внука подпольного человека», прикрепить баннер с фото Барковой по центру. По стене над лестницей сделать таймлайн барковской жизни, понятно и просто, куда дальше изломалась отсюда, из гимназии, жизнь. А наверху... Ольга занесла ногу на лестницу, но увидела у себя на ботинке непобедимую грязь и решила не подниматься, чтобы не пачкать ступени пациентам и докторам, а главное — не тратить своих придумок на пустые, нереализуемые фантазии. Она вышла из поликлиники, прошагала до моста, пересекла реку, поднялась наверх, мимо проплыли гирлянды заброшенных фабричных построек, за которыми возвышалась круглая желтая башня с красной верхушкой-звездой. Я всегда-всегда буду помнить, какая тут была страна и чем она закончилась. Всегда-всегда. Ольга зашла на площадь, плотно заставленную конструктивизмом, и недалеко от обшарпанной синей мэрии села ужинать в рекомендуемое на трип-эдвайзере кафе.

3.

Бр-бр, бр-бр. Фью-фифуфу. Тынь-тынь. Фью-фифуфу. Утром Ольгу будили поздравительные сообщения. Студия походила на пляж из-за захватившего её солнца, а ещё из-за кровати — широкой, удобной, ласковой и зыбкой как песок. В Москве Ольга снимала комнату в центре и спала на тоже очень удобной, но надувной и напольной кровати-матрасе. Она называла свои короткие и длинные поездки в города и страны, которые гораздо дешевле Москвы — командировки в улучшение качества жизни. Во время них можно было есть в дорогих ресторанах, лечить зубы в лучших клиниках, покупать дешево красивую и каче-

ственную одежду, а ещё брать ипотеку под 2%. Почему надо тогда жить в Москве, Ольга не знала, но всегда исправно возвращалась туда.

Она умылась, съела не осиленный вчера в ресторане пирог со шпинатом, разбавляя его растворённым три-в-одном кофе, и, дожевывая, подошла к окну. Поначалу — город панорамился, как и вчера: постройки разнообразных стилей и этажности, полоска реки наверху, по центру красная БИМ, тротуары и дороги, люди и машины. Но что-то было странное, неясное, плоское в этом пейзаже, словно не за что было ухватиться глазам, кроме мануфактуры на реке. Город не пульсировал более в некоторых своих точках, как делал это ещё вчера. Ольга присмотрелась, заметила вокруг Дома-корабля и ещё ближе вокруг Дома-птицы людские скопления, сходила за очками, вернулась, уткнулась в окно, пригляделась снова и бросилась одеваться.

Вся дорога к Дому-птице пролетела бегом за четыре минуты. Толпа, окружившая здание, состояла на восемьдесят процентов из подростков. Почти все они стояли на проспекте с одной или двумя поднятыми руками, молча и сосредоточенно снимали на телефоны, словно пытаясь этим ритуалом разогнать странность происходящего. Дом-птицу занимала гимназия общего типа, которая, как Ольга помнила, переехала сюда именно из барковского особняка, бывшей женской гимназии. Среди спокойных подростков попадались потерянные взрослые — учителя. У них в руках тоже часто были телефоны, только они не снимали, а звонили. Здание по всему периметру оцепили полицейские. Один из них устало-автоматически повторял в мегафон, чтобы гимназисты шли домой и не мешали проходу граждан. Гимназисты не двигались с места. Девушка с зелеными волосами спросила неясно кого, зачем так перестроили, когда и так было красиво. Некоторые прохожие останавливались, доставали телефоны и тоже принимались снимать или просто смотреть. Вместо Дома-птицы за решеткой-забором стояла П-образная блочная школа, очень новая, современная, гладкая, с огромными ок-

нами в пол, из серых, почти серебристых плит, с цветными оранжевыми ромбами и плоской-плоской крышей. На ней не находилось деревянной башни-обсерватории с бортами-крыльями, знаменитой, выдаваемой интернетом на каждой фотографии при любом упоминании города. Закончилась сила мечты. Сила мечты истощилась.

Грустное, настойчивое причитание позвякивало в толпе. Ольга аккуратно стала протискиваться к нему сквозь разноцветные рюкзаки и сумки. Маленькая, тонкая женщина с мятым, впалым лицом в кислотно-зелёной форме повторяла-повторяла, словно пела в большое красное полицейское лицо. Человек в другой форме молчал, он не мог уйти, так как составлял собой оцепление. Дворничиха всё продолжала песню, разбавляя её танцем — маханием рук вверх и вниз, вверх и вниз. Она всё кружила-кружила, а потом улетела к реке — повторяла печально женщина и махала тощей морщинистой рукой в сторону БИМа.

Ломающийся мальчиковый голос объявил где-то совсем рядом, что его фотку репостнул только что такой-то знаменитый блогер. Ольга постояла ещё недолго на месте и ощутила в подростковой взвеси движение. Человек пять детей отделились от толпы и стремительно направились в сторону центра. Они перекидывались между собой словом «корабль». Ольга двинулась вместе с ними. Прохожие на проспекте двигались просто и каждодневно, по своим делам. Подростки нарушали, сдвигали эту обычность. Не выпуская из рук телефонов, они разговаривались, раскричались, развивая и развивая скорость, Ольга не поспевала за ними. Вдруг они резко остановились и собрались вокруг телефона зеленоволосой девушки, как вокруг источника тепла или света. Ольга обогнала их и с энергией, заданной ими, быстро добралась до сквера.

Оцепления здесь не было, полицейские отдельными экземплярами терялись среди людей, которых толпилось огромное количество, разных возрастов и внешнего вида, многие

держали на руках и за руки детей. Некоторые были в куртках, брошенных прямо на халаты и спортивные костюмы. Вместо темно-красного, обтекаемого по торцам Дома-корабля вдоль сквера растянулась остроуголая, блочная, панельная десятиэтажка. Закончилась сила мечты. Сила мечты истощилась.

Панелька не выглядела старой или новой, но явно была обжитой. На окнах висели занавески, на балконах громоздилась обычная лишняя мебель и непотраченные стройматериалы, сохло белье, росли цветы. Женщина в пуховом платке, завернутом вокруг ситцевого халата, медленно курила на одной из лоджий, устало глядя на соседей и новый объект под окнами. Люди смотрели то на десятиэтажку, то на огромный деревянный корабль, пришвартованный рядом с детской площадкой. О белых парусах, с палубой светлого дерева, штурвалом, мачтами, трюмом, каютами. Он не пахнул свежим деревом, паруса заметно пожелтели от времени, краска облупилась, якорь лежал в ржавой сыпи, и во всём корабльном виде ощущалось, что он неоднократно спускался на воду. Корабль можно было принять за один из предметов детской площадки. По нему и лазили с восторгом дети и некоторые взрослые, пока другие настойчиво пытались согнать всех с палубы, крича, что это опасно. На корабль залезла поредевшая горстка подростков, с которыми Ольга шла от гимназии. Они принялись делать селфи и фото друг друга, изображая на корме позу из «Титаника». Девушка с зелёными волосами фотографировала корабль с асфальта. «Что же всё-таки это такое?» — снова спросила она непонятно кого. Ольга, потому что она и была непонятно кем, хотела ответить, но потом передумала. Зазвучал телефон, она взяла трубку, звонила бывшая коллега, почти подруга, она поздравляла Ольгу с днём рождения и наговаривала ей приятные вещи. Слушая и благодаря, Ольга вошла на палубу, как и многие, через скамейку, и села прямо на деревянном полу, шураясь от солнца. Осталось ещё посмотреть Дом-пулю, Дом-подкову, Дом-коллектив как минимум и сходить

в Музей текстиля, ну и в галерею, если успею, рассказывала Ольга поздравительнице.

По ясному нежно-голубому небу над ноявленной десятиэтажкой и над пришвартованным рядом кораблем парила по-нездешнему крупная серая птица с широкими серо-сизыми крыльями с красным отливом и мелким клювом. Она сделала круг над сквером, завернула к реке и пролетела над Домом-пулей, в котором раньше сидело КГБ, а теперь - МВД. Вытянутого вдоль проспекта огромного здания не было видно из-за реконструкторского баннера. Под ним тоже произошли изменения, которые сотрудники решили не раскрывать, а между тем овальное, белое, закругленное с одного торца строение сделалось узким, бетонно-стеклянным прямоугольником с пластиковыми наростами и стало выглядеть родственно со всеми новопостроенными административными объектами. Один из молодых сотрудников нашел сегодня утром пулю у обновленной проходной, старую, как он мог определить, из какого-то прошлого времени, и спрятал её в один из сейфов с вещдоками, решив не сообщать начальству. Ничего из дел, вещдоков и техники не пропало. Всё там

вовсе было по-прежнему, кроме архитектурной идеи. Дом-подкову, как потом можно было наблюдать на многочисленных изображениях в интернете, из полукруглого здания с несколькими квадратными башнями будто распрямили в вытянутую прямоугольную восьмиэтажку из светлого кирпича без каких-либо пристроек и надстроек. Закончилась сила мечты. Сила мечты истошилась. Внимательный дворник или любопытный ребёнок найдут когда-нибудь подкову, лежащую под дворовой лавкой.

Птица с серо-сизыми крыльями с красным отливом приземлилась на красную трубу БИ-Ма, колонной возвышающейся над городом. Тан-тан, тан-тан, тан-тан, тан-тан, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, кр-кр, ннннэээээ, тан-тан, тан-тан, тан-тан, кр-кр, кр-кр, кр-кр, ллллээээ, тан-тан, тан-тан... Или тк-тк-тк, тк-тк-тк, -тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк, тк-тк-тк. БИМ снова запела воспоминания о своей жизни, но уже не для того, чтобы привлечь внимание людей, а просто для собственного удовольствия. Ольга не успела сегодня сходить на мануфактуру и уехала семичасовой «Ласточкой» в Москву.

© Текст: Евгения Некрасова

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА — писательница, автор книг «Калечина-Малечина» и «Сестромам. О тех, кто будет маяться». Род. в 1985 г. в Астраханской области, выросла в Подмосковье. Живёт в Москве. Печаталась журналах «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Волга», «Искусство кино». Цикл прозы «Нечастливая Москва» (2017) стал финалистом премии «Лицей» (2017). Роман «Калечина-Малечина» (2018) вошел в шорт-листы национальных премий НОС (2018), «Национальный бестселлер» (2019), «Большая книга» (2019).

рассказы

Евгений БАБУШКИН

ГРУСТНЫЙ РУССКИЙ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Урок 1. Звуки

Главная наша буква — Ы. Звук у неё — будто ударили спящего. Уведите язык в гортань, растяните губы, очистите сердце, чтобы просто пусто бегало по кругу. Попробуйте: ы-ы-ы.

Диалог 1. Мытари

- Как вы, мытари?
- Вырвали зубы, промыли раны, смотрим больные сны.
- Молодцы!

Упражнение 1. Печаль

Повторяйте с печалью:

быть нить быть нить
быть нить быть нить

Урок 2. Ударение

Сначала нас бьют родители, потом мы детей, потом нас дети. Для облегчения души мы бьём слова. Все они у нас в следах от ударов.

Диалог 2. Мстители

- На, тварь.
- Получай, сука.
- Ты просто вымещаешь на мне все эти штуки из детства.
- Да.

Упражнение 2. Стыд

С лёгким стыдом откройте словарь. Выберите слово подлинней и ударьте. Пните популяризатора прямо в «а». Человеконенавистнику в «и». Светопреставление в «е».

Урок 3. Род

Наши слова — мужского, женского, среднего рода. Мужские слова тупые и грубые, часто пьющие. Женские — одинокие суки. Средние — например, колесо.

Диалог 3. Влюблённые

- Привет, Маша. Я потратил все наши деньги на пиво и жестокости.
- Привет, Миша. Я потратила на тебя всю жизнь.
- А я покатилося, у меня такие спицы.
- Просто заглохни, вещь. Просто закрой рот.

Упражнение 3. Неловкость

С чувством неловкости прочитайте эти плохие стихи вслух.

Решение. Сомнение. Окно.
 Дерьмо!
 Прохладно и довольно странно.
 Стекло разбито, тело безымянно.
 Тупое утро. Мокрое пятно.

Урок 4. Число

Чтобы было попроще, мы придумали множественное число. Например, одинокий пограничник мечтает о множестве пограничников рядом, чтобы можно было хотя бы выпить. Но это самообман: одна боль, одна шея, одна фуражка, один шлагбаум, одна дорога, одна страна.

Диалог 4. Сограждане

- Ваши документы.
- Вот.
- Круто. Теперь ты у меня спроси.
- Ваши документы.
- Вот.
- Кайф. Давай ещё раз.

Упражнение 4. Ярость

В ярости киньте в стену что-нибудь: например стакан. Проверьте, что получилось: например осколки. Подготовьте об этом доклад и расскажите его сами себе.

Урок 5. Время

У нас три времени: прошлое, настоящее, будущее. Прошлое тревожит, настоящее пугает, будущее ужасает.

Диалог 5. Родные

- Где ты был?
- Нигде.
- Как себя чувствуешь?
- Нормально.
- Кашу будешь?
- Можно.

Упражнение 5. Скука

Одoleвая скуку, опишите, как провели день. Просклоняйте по временам. Например: с утра сидел, тупил в экран, с утра сижу, туплю в экран, так до вечера и посижу.

Урок 6. Падеж

Звательный падеж отменили: некого звать. Осталось шесть: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. Чтобы запомнить, возьмите слова на те же буквы: Иисуса распяли, дали вина, толпа пьяна.

Диалог 6. Преступники

- Ты доиграешься, посадят.
- Кого?
- Ты зачем это сделал?

- Что?
- Я сейчас опять расплачусь.
- О ком?

Упражнение 6. Тоска

В тоске просклоняйте любую бессмыслицу: я, меня, мне, меня, мной, обо мне. Если есть кот или иной близкий, повторите упражнение: кот, кота и так далее. Убедитесь, что легче не стало. Продолжайте.

Урок 7. Главное

Главное нашим языком не выразить. Для главного у нас тихий смех, кривой кивок, тычок в грудь или сразу на колени. Друзья мычат, родители молчат, дети хнычут. А говорят

одни лишь неживые. Светофор. Терминал. Автомат.

Диалог 7. Неживые

- Вставьте купюру в купюроприёмник.
- Вот.
- Возьмите, пожалуйста, вашу квитанцию.
- Спасибо.
- Претензии по зачислению платежа без квитанции не принимаются.
- Хорошо.
- Вставьте купюру в купюроприёмник.

Упражнение 7. Любовь

Кажется, вы уже русский. Теперь обнимите кого-нибудь.

ВСТАЛ В ПЯТЬ, ПОШЁЛ РАБОТАТЬ

Воскресенье

Уволили, а всё равно встал в пять. Пошатался по тьме, лёг обратно. Надо было как-то жить. А как жить.

Обнял себя от ужаса, не помогло.

Посмотрел в окно. Посмотрел в другое.

- Свет, — сказал.

И настал одинокий день. Пустой, пустейший совершенно.

Понедельник

Любил порядок и чтобы всё по-честному. Избегал дождя и разговаривать. Слова и капли всё не вставали как надо.

Работал уборщиком, потом уборщиком, потом уборщиком, потом старшим уборщиком — руководителем бригады.

Что-то такое зачем-то нашли в бумагах, какую-то гнусь, какой-то лаз, и уволили из порядка в хаос легко и не заплатив.

Уравняло с дождем.

А вот и хорошо, что некуда идти. Сверху ливень без конца, снизу лужа без начала. Так всё бесформенно, что и незачем идти, и не надо.

Стоял и стоял у окна, ждал в этой жиже хоть кусочек твёрдого. И на секунду появилось небо.

Вторник

В холодильнике нашлась гнилая зелень и огурец. Зелень понюхал и выбросил, огурец разломил и съел.

Стал считать, сколько осталось денег, сколько можно на них купить огурцов и сколько нужно их в день, чтобы выжить.

Выжить не получалось.

А кто-то, подумал, ездит на море. Кто-то, подумал, ездит на светлые острова.

Среда

А раньше даже писал стихи. Не хотел убирать офисы, а хотел космонавтом, а лучше астрономом, чтобы самому никуда не летать, а смотреть на них в трубу. На самом деле там в трубе не видно никаких деталей, а всё такое же говно, но крупным планом.

Настала снова ночь, из тучи выпала луна и звезды. Когда-то выучил, чтоб веселить девчонок, всё небо наизусть, но всё, забыл. Вот разве что Медведица, вот звёзды с краешка ковша и до кончика ручки: Дубхе, Мерак, Фекда, Мегрец, Алиот, Мицар, Бенетнаш. В детстве верхом на Мицаре сидела совсем незаметная звёздочка, но то ли звёздочка пропала, то ли сам состарился. Не вспомнил имени — видимо, выдумал.

Четверг

Вымыл посуду. Вымыл полки. Вымыл пол. Постоял. Постоял. Постоял. Вышел. Или слишком рано, или слишком поздно. Нигде и никого.

Сквозь остатки дождя уже проступили дорожки. Постоял на углу. Посмотрел наверх, уви-

дел безымянную чёрную птицу. Птицы всегда одинаковые, как буквы. Посмотрел вниз, увидел жабу. Удивился. Давно — возможно, никогда — не видел жаб вживую.

Вернулся домой. Вымыл пол ещё раз.

Пятница

В офисе ждали мужчина и женщина. Мужчина блестел, будто его только сделали и забыли распаковать. Женщина была одета так хорошо, что казалась голой. Она пилила ногти, а мужчина ел из картонки что-то полезное, травы и семена, и задавал, жуя, вопросы.

— Претендуете на вакансию младшего менеджера по клинингу. Почему?

— Хочу порядок.

— Чем привлекла вакансия в нашей компании?

— Не понимаю вопроса.

Женщина хихикнула.

— Кем видите себя в нашей компании через десять лет?

— Через что?

— Десять лет.

— Не понимаю вопроса.

Женщина хихикнула. Мужчина вздохнул.

— Ладно. Берём. Свободны до послезавтра.

Пошёл домой, и снова было всё определённо, всё нормально, нет, не нормально — очень хорошо, всё — так! Сел на скамейку послушать мир, закрыл глаза, и под веками проступило то детское небо и та забытая звёздочка:

— Алькор!

И люди — заметил вдруг людей — обернулись на крик.

Суббота

Спал всю субботу. Думал: порядок! Написал стихи. Но, конечно, никому не показал.

И настал одинокий день.
Было так одиноко что
выходили в одном белье в одном носке
было так одиноко что
люди шли поперёк дорог
закрыв глаза.

Было так одиноко что
говорили с куском стекла в руке
говорили с куском света в руке
где ты господи
выходи на связь
это я человек у тебя в руке.

Я иду один
я иду один
я иона иуда и августин
я все те кто с тобой говорил в пути
выходи на связь
выходидиди.

А на небе вот
огоньки горят
это ты онлайн
сука ты онлайн
почему со мною не говорят
почему со мною не говорят.

Было так одиноко что они
так и шли себе продолжали ночь
продолжали ночь продолжали ночь
и настал одинокий день второй.

И сказал бог: да соберётся вода.
И стало так.
И стало так.

И надо как-то жить
в такие дни
а как жить
в такие дни.

Воскресенье

Встал в пять, пошёл работать.

САМЫЕ БОЛЬШИЕ СИСЬКИ В ГОРОДЕ

Тот, кто прячется в языке и в мясе, разделил нас на мужчин и женщин. Средняя школа сто одиннадцать, конец детства. Вчера все были одинаковые, ткни и плюнь, и жили на каникулах, не думая о телах. Но тут сентябрь, физра, спортзал, и у одной девчонки под футболкой что-то оказалось. Не грудь ещё, пустяк, но все заметили, все смотрели туда, на эту штуку. Потом у остальных тоже стало расти, но Дина Дорогина была предтечей. Я вспоминал её целую жизнь, а потом нашёл её, взрослую тётку, и вот сказка.

— Привет, Дорогина.

— Привет, Бабушкин. Ты как?

— Женат. Писатель. Ты?

— Привяжи себе два кирпича и попробуй уснуть.

— Что?

— Больно бегать. Больно прыгать. Невозможно спать. Лямки лифчика давят на лимфоузлы.

Год за годом грудь росла, у всех росла, а у Дорогиной быстрее. Девчонки в туалете ввали про любовь, курили над разбитым унитазом, хохотали по-взрослому. Но без неё. Она была другой породы. К тому же у неё любовь уже была, один перспективный мальчик увёл её

за гараж, разрисованный свастиками, потрогал под футболкой, кончил в землю и уехал с родителями качать газ куда-то невыносимо далеко.

— Писатель? Правда? Что пишешь?

— Тебя. Я давно собирался.

— Да. Ну слушай. На такое трудно найти одежду. В наших магазинах всё на пожилых ко ров. Чехлы для танка, прощай, молодость.

— Ещё.

— Смотрят в метро. Но это мелочь. Тут другое. Трудно... в пространстве.

— Внутренние ощущения от себя не совпадают с внешними?

— Хорошо сказал.

А я всегда хорошо говорил. Я уже в школе решил быть писателем. Но думал только о грудях. Мы были голодные и гнилые, нас мерила медсестра: рост, вес, клетка. Было важно, как экзамен. Даже парни надували грудь, хватались объёмом. Я шёл последним и подглядел в журнале, сколько там у девочек в сантиметрах. До сих пор помню те цифры. У Дорогиной уже тогда была трёхзначная.

— Вот ещё запиши: время. Мне хотелось маленькую, лёгкую, каменную, неподвижную грудь. Чтобы навсегда. Чтобы не предала, не изменилась. А моя сегодня ближе к земле, чем вчера. Время, Бабушкин. Время!

Что-то где-то с кем-то, бесплодные пьянки о жизни и много хреновой работы, и как-то разом пролетело много лет, и внезапно взрослая Дорогина встретила мальчика Даню, который был заика, потому что воевал. Они сели в кафе и каждый спрятался за пивом.

— Расскажи о войне.

— Там небо высокое. Говорят по-другому. Зима поздно. А ещё там везде конопля растёт. Мы там дули неделями. От этого з-з-забываешь слова. Вот я держу нож. И не п-помню, как называется.

— Ты убивал людей?

— И не помню, как называется. Однажды принесли парня без рук, без ног и без г-г-г-г.

— Можешь потрогать мои сиськи.

— Спасибо.

Тот, кто улыбается мёртвым и живым, придумал, что живые врозь несчастны, а мёртвым ок. Даня и Дина стали снимать квартиру. Даня был задуман шаром, раздобыл в тепле, глаза заплыли и сочились нежностью. На тысячи километров стояла весна, и однажды утром голая Дина глядела в зеркало на самые большие сиськи в городе.

— Давай взвесим их.

— Не надо. Я люблю тебя всю.

— Встану на весы, а их положу тебе на ладони. Потом встану на весы целиком. Потом вычтем.

— Н-н-не надо.

— Почему?

— Тебе трудно. Не смотрят в глаза. П-похотливо трогают в троллейбусе. Я правильно сказал? П-похотливо. Ты такая умная и грустная, а всем нужны только они.

— Дурак. Дурак ты с толстыми руками.

Тот, кто придумал кошачий нос и тёплое море, не придумывал кошелек и будильников. Я двоечник и немного знаю, но это знаю точно. Дорогину не брали на работу. Никуда не брали. Как тогда, в школе. Надевала некрасивое, тёмное, широкое, но что-то такое было даже в глазах, что женщины — отвергали, а женщины — везде.

Мальчик Даня пошёл в охранники, куда ему ещё с войны. Он смотрел, как люди входят, покупают и выходят. Выпив, кончал заикаться и начинал кричать, что убил одиннадцать человек, но мне потом Дорогина сказала, что одного на самом деле. Ещё он думал — кто-то ляпнул на войне — что всех спасёт любовь.

— Я л-л-л...

— Вот рюмка.

— Я люблю тебя, сука. Всю. До последнего куска. Я убью за тебя... и всё такое прочее.

Посередине фразы он протрезвел и испугался. А она заплакала от непонимания и набрала номер, в котором было семь единиц.

— Ты-то понял меня, Бабушкин?

— Наверно. Тот, кто назначил нас животными, распорядился, что мужчину едят целиком, а женщину подают кусками.

— Это в сказке. А в жизни?

— А в жизни я боялся выходить из дома, и целоваться, и танцевать. И отрастил себе вместо этого рассказы. А ты отрастила сиськи. И ты теперь они, ты в них, потому что все на них пялились.

— Ты тоже пялишься.

Семь единиц — это доставка девочек на дом. Так их называют — девочки, но чаще это тётки из окрестных городов, где трудно. Проституткой тоже трудно: страшная конкуренция и все одинаковые. Ну, так везде на свете. Но тут-то Дорогиной повезло, тут-то её проклятие стало фишкой. И если кто звонил и мялся — хочу, вы знаете, с огромными, ну это — звали её.

Дане она сказала, что менеджером в одном проекте. Он так и не догадался. Он не поэтому избил её, а без видимых причин. Не знаю, стало ли ему легче, но когда он шёл по лестнице с кровавыми кулаками, он напевал, точнее, мычал.

— Привет, Дорогина. Сказка почти закончена.

— Я думала, всё только начинается.

— Все так думают.

— А поймут, что это я?

— Нет. Я изменил имя. Тебя будут звать Дина Дорогина.

— Красиво!

— Да. У меня личный вопрос, не для сказки.

— Да?

— Ты всё время слегка улыбаешься. Тебе хорошо?

— Мне бывший парень выбил зуб и ещё меня мнут за деньги. Хорошо ли мне? Ну в общем да, нормально. Мог бы и убить. Могла бы и кассиршей.

— Спасибо. Прости, что всё так устроено, я бы устроил иначе.

— Ничего. Можешь потрогать мои сиськи.

— Спасибо.

В сказке я придумал, что Даня к ней вернулся, извинился, и заплакал, потому что вместе проще быть кусками.

А в жизни было так:

— Если что, — сказала она, — телефон знаешь.

Но я не позволю. Я не люблю большие.

© Текст: Евгений Бабушкин

ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН — прозаик и драматург. Родился в 1983 году в Ленинграде. Лауреат премии «Дебют» и премии Горчева. Печатался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Современная драматургия», «Сноб», Esquire. Автор книги «Библия бедных» (АСТ, 2017). Рассказы переведены на китайский, немецкий, финский и литовский языки.

Праздник

Марк МАРЧЕНКО

Меня остановили, как только я поднялся по эскалатору метро. Навстречу двинул сотрудник досмотра, а сбоку подкарауливал невысокий коренастый человечек в темной полицейской форме.

— Молодой человек, можно ваш чемоданчик?

Я оглянулся. Действительно, обращаться могли только ко мне. Утро, людей не много. А я что?

— Да, конечно, — киваю, аккуратно ставлю футляр на ленту, вижу, как он медленно скрывается в недрах рентгеновского аппарата.

Мы втроем внимательно наблюдаем за процессом. Оборачиваюсь к сотруднику полиции, который уже подкрался ко мне со спины. Неловко улыбаюсь, чувствуя, что уже провинился хотя бы в неумышленной краже его драгоценного времени. Смотрю на досмотрщика — тот морщится. Мой футляр на секунду появляется на ленте, а потом снова едет обратно.

Шумно вздыхаю, закладывая руки за спину, круговыми движениями разминаю плечи.

Как только футляр снова выглядывает, мое нетерпение меня выдает:

— Все в порядке?

Тут же понимаю, что, наверное, зря.

— Да, спасибо вам.

Предупреждая любые попытки мне помочь, скорее беру футляр в руки, киваю, разворачиваюсь.

Полицейский тут как тут, смотрит на меня искоса.

— Все нормально там?

Полагается улыбаться. Улыбаюсь. Вот, говорю, коллега ваш по метрополитену одобрил.

— А не возражаете, если я документики ваши проверю?

Только попробуй возразить — сразу начнешь возбуждать подозрительность. И простыми документиками уже не отделаешься, это любому известно.

— Да, конечно, сейчас.

Ставлю футляр на пол (аккуратно только!), лезу во внутренний карман пиджака.

— Водительские права подойдут?

— Ну давайте права, давайте, а паспорта нет?

— К сожалению. Не ношу с собой обычно, я местный, недалеко живу.

— Здесь живете? — он посмотрел на меня как-то пристально. — Недалеко?

Я не понял, зачем было за мной повторять и переспрашивать, но на всякий случай кивнул, протягивая карточку водительского удостоверения. Полицейский достал телефон, начал переписывать мое имя, фамилию, номер удостоверения.

— Подождите минутку. Не торопитесь?

Я пожал плечами. Если сказать, что тороплюсь, не будет ли это указывать на мое нежелание сотрудничать с городскими правоох-

ранительными органами? С другой стороны, нельзя же сказать, будто я не тороплюсь, ведь я совершенно очевидно куда-то направлялся, и меня там ждали к определенному времени.

Полицейский вполголоса протянул по слогам мое имя и фамилию, замер в ожидании обратной реакции из телефона.

Краем глаза замечаю, как мимо нас в сторону выхода проходит рослый панк в красных клетчатых штанах, ярко-зеленых мартинсах под цвет ирокеза, пирсингом в носу и торчащей из кармана горлышком вверх, заставшей лучшие годы советского рока непочатой бутылкой Капитана Моргана. Мой бывший досмотрщик будто бы улыбнулся и подмигнул панку, но тот не обратил на него внимание.

— Так, готово, — сказал мне полицейский, обратившись ко мне по имени-отчеству. — Можно вас попросить пройти со мной на пару минут, — он махнул рукой в сторону двери с наклеенной на нее надписью “ПОЛИЦИЯ” — синие буквы на белом фоне.

— А что такое? — позволил я себе удивиться.

— Да вы не переживайте, не переживайте, просто бумажку одну подписать надо будет, что вы ознакомлены, так сказать, с ситуацией. С документами вашими все в порядке.

Отрадно слышать, что с моими документами (больше не документиками) все в порядке. Как будто бы мне ничего не угрожало. Вообще я и рад бы сотрудничать с правоохранительными органами — в таком, знаете, положительном смысле этого слова, как это изображали в старых, еще советских детских книжках, где дядя-милиционер и непременно мальчик-пионер: один рассказывает о какой-то беде, которая приключилась неподалеку, другой тотчас же устремляется на выручку.

Мне иногда кажется (или я очень хочу в это верить?), что подобная коллаборация полиции и простых людей по-прежнему возможна.

Поэтому иду за полицейским.

Вхожу в каморку, рассчитывая внутри увидеть решетки и нары. Ожидания почти оправдываются — голые стены, кушетка с по-

рванным ковровином, обглоданный до костей стульчик с маленькой спинкой, длинный стол будто бы из дореволюционной операционной. На краю стола древний компьютер, за ним сидит еще один сотрудник. “Мой” полицейский подводит меня к столу, достает какую-то анкету и кладет передо мной ручку.

— Я могу сначала прочитать, о чем это? Как-то неожиданно...

— Конечно-конечно, да вы не волнуйтесь, — он разве что не похлопал меня по плечу. Подружески так, по-отечески. По-товарищески. — Присядьте.

— Нет-нет, спасибо, я постою, мне удобно.

Документ был поделен на две части: текст и поле для подписи внизу. Там значилось, что с текстом я ознакомлен и претензий предъявлять не буду, если вдруг решу, что на самом деле я с текстом не ознакомлен.

Читаю. Праздник? В городе, сейчас? Очевидно, я что-то упустил, потому что ни о каких праздниках в городе я раньше не слышал. Будто бы праздновать будут шумно, парад, фестиваль, песни и музыка — перекроют несколько проспектов в северной части центра города. Отдельно указана дата, место, а также приводятся горячие заверения в том, что власти праздник поддерживают и сделают все, чтобы горожане на него попали и повеселились на славу.

Почему бы и нет, почему бы и нет.

Я подписался внизу, ведь я теперь действительно был осведомлен, и действительно не имел никаких претензий. Полицейский, подглядывавший за процессом, улыбнулся.

— Отлично, благодарю вас за сотрудничество, — он пожал мне руку, и, угадав мой вопрос, вызвался проводить меня до дверей. — Это все, прекрасного вам дня!

Теперь было даже как-то неловко уходить, и по инерции захотелось еще чем-нибудь помочь товарищу полицейскому. Я, однако, сдержал благородный порыв, рассудив, что гражданский долг мой на этом выполнен.

Когда я поднялся наверх, меня окликнул другой полицейский: он, рослый и, с вашего

разрешения, довольно упитанный (не чета тому, что был внизу, одним словом), стоял, облокотившись на парапет и обозревая местность во круг.

— Ну что, отпустили?

— Да, — я махнул рукой так, словно это была сущая мелочь. А потом еще подумал: неужели он удивился? — А что это у вас тут строго все, вроде же праздник далеко отсюда?

Он продолжал смотреть куда-то вдаль.

— Да говорят, и сюда могут прийти.

— Понятно, — не хотелось подавать виду, будто мне непонятно. Да и не мое это больше дело — мне пора. — Ладно, всего доброго.

— Берегите себя.

Я перешел площадь, подошел к светофору. На той стороне перехода начиналась аллея, по которой обычно прогуливаются в сторону следующего ближайшего метро, или сидят на лавочках и читают, или просто пережидают приступ плохого настроения.

Но сейчас вход на аллею был перегорожен: металлические передвижные ограждения поперек, разукрашенные во все цвета радуги и усыпанные блестками и обрывками гирлянд, а прямо за ними стояли полицейские в карнавальных костюмах космонавтов — широкие плечи, реактивные ранцы за спиной, в руках шлемы с красивыми переливающимися на солнце визорами. Сходство было почти полное, но цветные ленточки, переброшенные через плечи, напоминали о том, что это всего лишь праздничная бутафория.

Я улыбнулся, перешел дорогу и направился к следующему перекрестку.

Наперерез мне двинул высокий человек в фуражке, форме хаки, с игрушечным автоматом томпсона на плече и с размалеванным ожерельем из костяшек пальцев и маленьких черепов (судя по размерам — домашних грызунов или мышей-полевков), вороньих перьев и перламутровых камешков.

При этом он был в форме и при погонах.

— Молодой человек, — окликнул он меня.

Я остановился, кивнул.

— Здравствуйте.

— Сержант Радостный. А вы не туда идете, вам по той дорожке и вверх по проспекту.

— Простите? А там, — я указал рукой в ту сторону, в которую я шел, — перекрыто?

— Нет, но вам же на праздник? На праздник вот по этой дороге.

— О, видимо, вышло недопонимание, — я миролюбиво развел руками, точнее, рукой. — Я не на праздник, мне нужно в другую сторону.

Лицо сержанта переменялось. Только что он радел о моих удобствах, что не так-то?

— Что значит — не на праздник? Вы что, не хотите идти и праздновать вместе со всеми?

— Не то, чтобы не хочу, просто мне нужно в другое место, — что-то подсказывало мне, что не нужно было останавливаться. Я же мог просто сказать “спасибо”, перейти дорогу в ту сторону, в которую он показывал, а потом, отойдя подальше, вернуться уже на нужную мне улицу. Не стал бы он меня преследовать, в самом деле.

— Как это — нужно? Сегодня день праздника.

— Да, я понимаю, — подтвердил я и, если честно, несколько растерялся. Так бывает, когда вы объясняете кому-то совершенно очевидную вещь, вас не понимают, и вот вы уже сами думаете, а не несете ли вы какую-то чушь. Все же я постарался взять себя в руки и еще раз повторить то же самое. — Но мне в другую сторону.

Сержант нахмурился, сдвинул игрушечный автомат вбок, затем, будто приняв наконец окончательное решение, отточенным движением извлек свое удостоверение и снова поднес правую руку к фуражке. Ожерелье из размалеванных костяшек при этом издало легкий бряцающий звук.

— Сержант Радостный, — он показал мне свою корочку, — ваши документы, пожалуйста.

Увидев мою нерешительность, тут же парировал:

— Отказываетесь предъявлять документы должностному лицу при исполнении?

— Нет-нет, что вы! Просто... мне показалось, ваша фамилия...

— Гражданин, ВАШИ ДОКУМЕНТЫ, пожалуйста. Или пройдемте со мной.

— Но в чем дело? Я уже показывал документы вашим коллегам, — я неопределенно махнул рукой куда-то вниз, имея в виду, конечно же, станцию метро. — С ними все в порядке, почему они вам понадобились?

— Ваши документы, — процедил военный, — или сейчас же пройдемте со мной в отделение.

Я похлопал по карманам пиджака, достал кошелек и указал на водительское удостоверение.

— Паспорт, пожалуйста, — ответил сержант, не отведя взгляд.

— У меня нет с собой паспорта, я живу недалеко, но есть права, вот они, — я протянул ему документ. Как будто моих предыдущих действий было недостаточно. Может быть, встать на колени? Упасть в ноги? Произнести покаянную молитву?

Военный будто прочитал мои мысли и оскорбился по ст. 148 УК РФ.

— Паспорт отсутствует, значит. Вынужден задержать вас для личного досмотра. Отказ повлечет за собой задержание в целях установления личности. Что у вас с собой?

Я вздохнул.

— Товарищ сержант, вот же мои права. Почему меня нужно досматривать? У меня ничего такого с собой нет. Это инструмент.

Послышались какие-то радостные возгласы. Видимо, народ начал собираться для шумной фестивальной процессии — кто-то пытался говорить в звукоусилительную аппаратуру, аппаратура, разумеется, капризничала (вражеские козни?), но люди и без нее явно прекрасно справлялись и перекрикивали друг друга.

— Досмотр. Предъявляйте.

Я присел, аккуратно положил футляр на брусчатку. Поморщился — все-таки грязно, а у меня дорогой инструмент.

— Это скрипка, товарищ сержант.

Товарищ сержант намека не понимать не захотел и продолжал ждать, пока я не открою футляр. Делать нечего, идти куда-то там на задержание мне было совершенно ни к чему.

Футляр открыт, в нем (о чудо!) действительно скрипка.

— Зачем вам это?

Прежде чем удивиться вопросу (я все равно не понимал, как нужно на него ответить), я старательно закрыл футляр на все защелки и поднялся, снова держа его в руках.

— Простите?

— Скрипка вам зачем? Вы хорошо меня слышите?

Было бы не просто плохо слышать более не радостного сержанта, потому что он уже просто кричал на меня.

— Я на ней играю.

— Сейчас вы где собрались на ней играть?

— Конкретно сегодня я буду играть на похоронах. Поэтому, как видите, я в черном.

Сержант округлил глаза.

— Какие похороны, вы в своем уме? Сегодня праздник!

Я растерял все слова.

— Но, простите, не я же решаю, когда и кого хоронят...

— Давайте-ка, пройдемте.

— Но в чем дело? Я не могу, мне нужно быть на похоронах! Без музыки они не начнут!

— Вот и я надеюсь, что не начнут. Не нужны нам тут никакие похороны.

С этими словами сержант снял с пояса наручники (я был уверен, что бутафорские — раскрашены в жутковатое сочетание ярко-красного и зеленого цветов), защелкнул один наручник у меня на правом запястье, другой — у себя на левом, и потянул меня за собой. Наручники действительно оказались из какой-то дешевой пластмассы — думаю, если дернуть посильнее, их можно легко сломать.

Вот только стоит ли?

Я зашагал за сержантом.

Пока мы шли (в участок? сразу в тесные лубянские застенки? меня казнят за то, что я собрался играть на похоронной процессии, в то время как, оказывается, все горожане обязаны чинным строем отправиться на празднование я даже не понимаю чего?), навстречу нам стали попа-

даться люди, которые направлялись на тот самый праздник. Одного за другим я провожал взглядом, насколько мне позволял обзор за широкой спиной сержанта, и так, элемент за элементом, постепенно складывалась картина того, как будет выглядеть вся процессия.

Мимо прошла размалеванная, полуголая пожилая женщина с перьями в волосах и в высоких ботфортах, выводок ребятишек, лет по десять-одиннадцать, в странного вида обтягивающих комбинезонах кислотных цветов, парочка в одноцветном пиджачном костюме, с той только разницей, что костюм был сверху, снизу были плавательные трусы, на голове — нырательные маски с трубками, а в руках — еще не зажженные фаеры, как у футбольных болельщиков.

Видел скинхэда в обнимку с молоденькой негритяжкой, видел опрятно одетого мужчину средних лет с туземным пирсингом из костей в носу и через всю губу (как он ест?), видел истошно верещавшего клоуна в огромных башмаках с настолько длинными носами, что ему приходилось идти задом наперед — задача, с которой он довольно ловко научился справляться.

Мы остановились перед мрачного (ну еще бы!) вида башней. Это разве Лубянка? Гладкая матово-серая поверхность стены уносилась вверх — я задрал голову, но верхушки ее так и не увидел. Только черными глазницами зияли вырубленные в стене окна-бойницы. Солдат, дернув меня за запястье, приблизился к массивной двери — та черная, как его душа, — и два раза ударил по ней кулаком.

Два раза глухо ухнуло.

Дверь приоткрылась, пространство внутри словно забрало в себя часть дневного света, а тень, которую отбрасывала башня, стала еще гуще и будто бы продвинулась в ту сторону, где собирались на праздник.

Сержант вошел в проход и потянул меня за собой. Дверь за нами так же беззвучно затворилась.

Когда глаза привыкли к сумраку, я охнул от удивления: мы вернулись в ту самую полицейскую каморку. Обшарпанная кушетка, ста-

рый стол, компьютер — а за ним еще один сотрудник. Он повернулся к нам — лицо его все в ярких красных и черных красках, глаза подвешены густой тушью, в зрачках — демонического вида линзы, а когда он улыбнулся, я увидел, что на зубах у него блестели набойки из перламутрового металла и драгоценных камней. Я шарахнулся в сторону, наручники сломались, я полетел на пол, все еще сжимая ручку футляра. — Так, без выкрутасов тут! — прикрикнул на меня сержант. — А ну встать!

Я поднялся на ноги.

— Скрипку свою мне отдал!

— Простите, но это мой инструмент. Похороны скоро начнутся, я не могу без него.

— Похороны мы отменяем, — хохотнул сержант, переглянувшись со своим коллегой. — Сегодня праздник!

— Похороны нельзя отменить, — спокойно проговорил я.

Сержант рассвирепел.

— Ах ты, сука, — я не успел, да и не собирался реагировать на быстрое движение его правой руки, вооруженной дубинкой — что я мог сделать? Удар пришелся мне прямо в челюсть, слева, — никаких шансов устоять. Я не успел даже закрыться. Меня сбilo с ног и ударило о стену сзади. Пальцы разжались, голова взорвалась, рот тут же залило кровью.

— Ну как, нравится?! — еще несколько раз он, наклонившись, ударил меня наотмашь дубинкой по плечу и по ребрам — я тут же перестал чувствовать левую половину тела. Все, что я мог сделать — упереться в правый бок, зажмурить глаза и попытаться прикрыть локтем разбитую голову. Тут же мне пришелся удар в локоть, левая рука начала неметь и бессильно опустилась.

— Нравится, музыкант?! — несколько раз он поддел меня мысом сапога в грудь — правда, я все равно уже ничего не чувствовал.

— Урод, — тяжело дыша, он отошел, облокотился на стол, бряцнул своим ожерельем из костяшек и бросил дубинку под ноги. — Похороны, мать его. В камеру его оттащите.

Я почувствовал, как меня схватили десятки маленьких, цепких рук и поволокли по полу, мимо стола, мимо двух стражей закона, дальше, дальше по коридору, все лицо у меня в крови, я видел только пол и жирную полоску крови, которую оставлял за собой.

Не знаю, сколько времени это длилось, но я все еще слышал голос сержанта, когда меня заволокли в камеру и закрыли дверь. Я провалился в небытие.

Ровно в назначенный час сержант услышал музыку.

Он оглянулся, посмотрел на напарника. Тот как будто бы тоже что-то услышал, отодвинул бокал с пивом, нахмурился.

— Это не с праздника.

— Похоже, что нет.

— Пойди, проверь. Вроде со стороны камеры.

Сержант встал и пошел по коридору вверх, туда, куда они бросили задержанного. Странно, но музыка становилась все громче: теперь он отчетливо слышал перезвон колоколов, плотный звук органа, затем вступили скрипки и виолончели, затянув... похоронный марш.

— Что за чертовщина! — пробормотал он, нервно оглядываясь по сторонам. Ударил литавры, сержант вздрогнул, но не остановился. Его взгляд скользнул по стенам, и — возможно ли это? — показалось, будто сверху вниз по ним расплзалась тонкая всеядная паутина трещин.

Сержант несколько раз ударил себя по щекам. Закрыл уши ладонями — ничего не помогало. Ускорил шаг.

Свет был тусклым, и сержант не сразу различил силуэт человека, который стоял спиной к решетке, глядя прямо на него. Дверь в камеру оказалась открытой, внутри — никого.

На человеке не было ни следа крови — он был чист. Более того, сержант был готов побиться об заклад, что он был облачен во все белое.

— Как ты сюда попал? Что происходит?

— Того, кого ты ищешь, здесь нет, — развел руками человек в белом.

Грянул хор, ему вторила мощная симфония. Казалось, похоронный марш постепенно превращался во что-то более воинственное и одновременно светлое и одухотворенное.

Теперь это можно было *почувствовать*, можно было догадаться... Сержант развернулся и побежал обратно. Боковым зрением он замечал, что стены, там, где были тонкие росчерки черных паутин, теперь покрывались молниями глубоких трещин. Снова ударили литавры, земля под ним пришла в движение, потолок начал осыпаться.

Когда сержант ворвался в комнату, его напарник по-прежнему сидел за столом. Сержант окликнул его. Тот поднял лицо, и лицо это оказалось его собственным.

Марш звучал все громче, оглашая победный приговор.

Бежать не было сил. Да и куда? Военный упал на колени, вскинул руки к небу, но было слишком поздно — свод башни рухнул.

Раздался крик, и свет погас.

15.09.2019

© Текст: Марк Марченко

МАРК МАРЧЕНКО получил первое высшее образование в Московском университете им. М. А. Шолохова на факультете «Европейские языки и культуры», где заинтересовался британской и ирландской литературой и начал пробовать свои силы в малой прозе. С 2017 года Марк является автором литературного блога «Вам, тещам». Сейчас Марк учится в магистратуре Эдинбургского университета по направлению «Средневековая литература и культура», пишет литературные эссе и прозу на русском и английском языках.

ПЕТЕР ХАНДКЕ: «Не судите меня строго, я человек драмы»

Нобелевский лауреат 2019 года

Владимир КОЛЯЗИН

Импресии на фоне споров о том, почему приемлем и неприемлем Хандке и не запоздала ли для Хандке «нобелевка», и на фоне воспоминаний о премьере одной из его последних пьес

В литературных кругах реноме двух великих австрийцев современности, вечных возмутителей спокойствия — Эльфриды Елинек и Петера Хандке — одинаково спорно, присуждение им Нобелевской премии в том и другом случае возбуждало оживленные дискуссии. Все это тем более подхлестывает интерес публики к обоим. Оба они не чужие на горизонте европейского пантеона искусства, но отчужденные уж точно — к ним трудно подступиться, принять их вечное бунтарство против нелюбимого, не оправдывающего надежд отечества и нравов нашего времени, нелегко расшифровывать их

письмо. Петербургский германист Александр Белобратов точно называет колючего Хандке «писателем не для читателя, ждущего веселья, развлечения», увлекающим нас в суровое и трудно обживаемое пространство размышлений о том, «возможна ли литература в этом пространстве, где всё уже сделано, всё уже существует». То же можно сказать и о театре, драматургии Хандке, которые начались с бунтарских экспериментов и по сей день будоражат разрушительной энергией своего языка.

Взлет Петера Хандке (р. 1942) необыкновенен — не успел в 1966 году появиться его пер-

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

вый роман «Шершни» («Hornisse»), как четыре года спустя газета «Die Zeit» пустила в мир первоапрельскую шутку: «В Граце основан Институт международных исследований творчества Петера Хандке». «Нежный битник с ненежной злинкой» (Хельмут Каразек) чуть ли не в одно мгновение становится «культово-языковым экземпляром, объектом диссертаций, молодым буржуазным классиком». Точнее всех сказал о нем драматург-абсурдист старшего поколения Хельмут Хайсенбюттель: «Он обобщает сознание поколения. Это и есть то, что сделало его знаменитым».

В протестные годы Хандке, ставший главным персонажем венского театрального акционизма, пионером уличного театра, автором дерзких манифестов, был особенно популярен в университетской и гимназической среде. Начинаящие леваки запоем читали его тексты, черпая из них, как писал журнал «Der Spiegel» в 1970 году, «авангардистское сознание». В своих произведениях этого времени он сделал предмет своего изображения прежде всего анализ языка массовой культуры, превращающего и извращающего сознание «природного человека». «Самооговор» (1966), «Пророчество» (1966), «Поношение публики» (1966), «Крики о помощи» (1967), «Каспар» (1968), «Опекун хочет быть опекаемым» (1969), «Поездка на Боденское озеро» (1970), «Неразумные вымирают» (1974)...

В мини-драме «Поношение публики» нашел отражение опыт столкновения Хандке с миром битников. Она и была посвящена Джону Леннону и франкфуртским актерам, отважившимся ее сыграть. Премьера состоялась в 1966 году в рамках первого фестиваля «Эксперимента» во Франкфурте-на-Майне (режиссер Клаус Пайман). Хандке сделал предметом дискуссии сам театр. Четыре актера, стоя у рампы, ожесточенно поносили буржуазную публику, постулируя тем самым представление реальной действительности. Как «бранную канонаду», швыряли они в зал оскорбления: «Мошенники», «Невежи», «Тупицы», «Асоциальные элемен-

ты». С точки зрения формы это был ритмизованный монтаж, составленный из крайних взаимоисключающих дефиниций театра, различных клишированных толкований театра и публики, облаченный в форму дискуссии. Целью драматурга было пересмотреть аппарат формальных приемов театра и превратить его самого в предмет изображения. Отрицая саму себя, сцена становилась новой действительностью. По окончании «поношения» зал аплодировал в течение получаса. Критика восприняла первую работу Хандке для театра как «молнию, которая непременно ударит по традиционной сцене». Хандке, можно сказать, задал тон мощному движению протеста и обновления в европейском театре.

«К театру у меня отвращение, — признавался драматург в одной из своих публикаций в журнале “Theater heute” в 1967 году. — ...Да, прежде чем я написал “Поношение публики”, у меня было к нему отвращение. И я попытался заменить эту антипатию чем-то разумным, словами, написав эту пьесу. Но от отвращения я не избавился. Теперь я понимаю, что тогда речь для меня шла не столько об избавлении от этого отвращения, сколько о возможном акустическом раздражителе, чередой произнесенных слов и предложений. Прежде всего речь шла о форме и ритме: я хотел испытать воздействие бит-музыки на меня — и это было для меня настоящим переворотом — сообщить этот импульс другим, создавая словами и предложениями структурно схожий эффект. Стало быть, в первую очередь я хотел делать театр... После премьеры моя антипатия к театру поменялась; если раньше, неосторожно сказал, театр действовал мне на нервы, то теперь я был уверен, что театром можно заниматься. Что-то случилось, было непосредственное воздействие и реакция и действие из противодействия, народ двигался, действовал, проявлял участие, ругался, обменивался мнениями, реагировал, пускай даже болезненно: но все же. Зритель. Он такой — он тут, если ему всыпать. Только способ бытия мне не нравился. Чувствовалось, что его спровоцировали на ругань, в то время

как должны были провоцировать думать. Вместо критической рефлексии провоцировали на провокацию. В устных высказываниях о пьесе обнаружилось в основном мышление штампами, ведь театр был в их жизни — нечто абсолютное, вещь в себе, нечто внеисторическое, нечто раз и навсегда дефинированное ... Только я начал интересоваться театром, как меня уже стали отталкивать от него каменные дефиниции, определяющие все, что не вписывается в дефиницию как не-театр или анти-театр. И я подумал, что должен заново дефинировать театр... И еще что беспокоило меня в театре и в разговоре о театре: эта «метафорика»... А мыслей и дискуссий о формах не хватает...»¹.

Право, не напоминает ли вам это манифест чеховского Пети Трофимова?

Все творчество раннего Хандке пронизывает модус отрицания. Все готовые объяснения жизни, навязанные ритуалы должны быть отвергнуты как ложь. Только так можно обрести смысл и конституировать личность. Как метко замечено одной из исследовательниц, «пьесы Хандке — это театр, разлагающий жизнь на простейшие формальные понятия и эту формализованную жизнь ниспровергающий. Для воплощения судьбы современного человека, по Хандке, не надо ни фабулы, ни конфликтов, ни образов — для нее довольно словесных стереотипов».

«Хандке стал, может быть, более важной фигурой в театре немецкоязычного пространства эпохи молодежного протеста, чем ее «коллективные представители» — пророки документальной драмы Вайс и Киппхардт или зачинатели неонатуралистической драмы Крётц, Шперр, Фассбиндер» — отмечала австрийская исследовательница Элизабет Гроссэггер.

В момент наивысшей активности левой оппозиции появилась наиболее тенденциозная и популярная драма Хандке «Каспар», которую в момент премьеры (на сцене «Театер ам Турм» и Городского театра в Оберхаузене 11 мая 1968 года) признали «пессимистичной и реакционной». Смысл ее раскрылся много

позже, когда основная проблематика пьесы — манипуляция человека языком — стала темой общеевропейских молодежных и театральных дискуссий.

Пьеса показывала «четыре фазы воссоздания» найденыша Каспара Хаузера, который «хотел бы стать таким, каким однажды стал другой» (это отнюдь не портрет исторического Каспара Хаузера, проведшего большую часть жизни в подземелье безо всякого общения с людьми и убитого неизвестным в 1833 году). Слова, формулы языка, понятия оказываются для героя драмы ловушкой, в которой он не может обрести себя. Дитя природы (прозванное «дитятей Европы») калечит язык, по выражению немецкого критика, «впитавший чужое омертвелое мышление, так же как штампы широко усвоенной идеологии». Согласно авторской ремарке, над сценой должен быть вмонтирован зеленый глазок, меняющейся яркостью свечения фиксирующий степень давления языка на человека. Каспары на сцене множатся... трое... четверо... пятеро. Хором скандируются «истины» («Все в порядке, уже потому, что я говорю: все в порядке»), каждая из которых «вызывала порыв к яростному опровержению». Как и актеры в «Поношении публики», Каспар бросал в зал свои последние слова: «Клячи и обезьяны, клячи и обезьяны!»

Молодая немецкая драма, подхватив импульс Хандке (критический анализ идиом обиходной речи), перешла к критике быта, бытовой погруженности обывателя, сосредоточив свое внимание на его «безъязыкости» (Франц Ксавер Крётц), усредненности, инертности, нежелании перемен и неспособности к ним. Хандке же продолжал совершенствовать *свой* язык.

Если ранние драмы австрийца-странника (в одном из музеев есть уже выставка-фотоописание всех мест странствий драматурга, ставших предметом его философско-поэтических исканий) строились на критике языка, то «Время, когда мы ничего друг о друге не знали» (1992, премьера на сцене Шаубюне ам Халлешен Уфер, режиссер Люк Бонди) построено на критике движения и тела. Эта пьеса-притча без диало-

гов, развернутая философски-хореографическая ремарка для драматических актеров была с энтузиазмом воспринята немецкой сценой; не было, кажется, ни одного крупного театра, который не отважился бы на экспериментальную постановку этого «организованного, мощного, патетически стилизованного хаоса» (Б. Зухер). Своей осколочной хореодрамой с бесконечным хождением персонажей по сцене, пересечением ее в разные стороны автор вознамерился охватить все уровни человеческого бытия. Густонаселенная, ни на секунду не пустующая сцена для Хандке — модель цивилизации, модель эволюции *homo sapiens*, всего разнообразия человеческих взаимоотношений, социума, в котором человеку суждено жить, любить, бороться, терпеть поражения, страдать, погибать. Ничто не пропущено в истории его жизни — ни щелканье каблуками, ни кокетство и любовная страсть, ни выхватывание ножа, ни боксирование с тенью, ни обмен взглядами с его сложной семиотикой.

Во вдохновенно выстроенном мире культурного диалога и экспансии естественно как появление просто человека, путешествующего с глобусом в вещмешке, хозяина площади, кельнера, роняющего из переполненного ведерка кусочка льда, так и Моисея, Авраама и Исака, Папагено, Пер Гюнта и Чаплина. Действие все более сгущается до философской фрески, выражающей ритм движения цивилизации.

Хаос мироздания, по Хандке, — самая совершенная общественная форма, иных уже нет. Человеческие отношения подчиняются законам, которые имеет право определять сам человек, а не какая-либо внешняя инстанция, способная ему что-либо навязать. Казалось бы, в мире зрелого Хандке насилию и нетерпимости места нет, реальный мир сознательно, в духе философского идеализма, вывернут наизнанку, чтобы продемонстрировать легкость свободного, целесообразного бытия. Однако со временем образы светлого круга все чаще сталкиваются с образами круга темного. Начинается соревнование культурного, демократического, библей-

ски возвышенного социума с социумом агрессивным, аморальным, низменно тоталитарным, утопии положительной с утопией негативной. Культурная традиция может быть легко поглощена действиями персонажей темного круга, беспричинно набрасывающихся друг на друга. Рядовой обыватель, вновь вослед Брехту и Вайсу предупреждает Хандке, может быть носителем тоталитарных отношений. Загадка в том, что его акции насилия чаще всего беспричинны. Человек, петляющий по лабиринту, и зрители, присоединяющиеся к процессии на сцене, становятся важнейшими философскими фигурами финала.

Оценить по достоинству драму «Невиновные, Я и Незнакомка на краю проселочной дороги» Петера Хандке (2016, премьера на сцене Венского Бургтеатра, режиссер Клаус Пайманн) невозможно, не проследив внимательно за метаморфозами драматурга. К концу XX века он перешел от «поругания обывателя» к «поэтическому пантеизму», желанию, вослед Чехову, понять «простых людей» — «невиновных, без злых намерений, замкнутых в своем кругу, не желающих знать, что есть другие, и не знающих, что они творят». Для понимания мотивов этических исканий драматурга-корифея важно процитировать еще одно место: «До какой же степени убит я ирреальностью в своей стране. Порой даже тишина не способна защитить меня от нее. Вместо того чтобы прийти в себя при виде убаюкивающей зелени, я впадаю в еще большую ирреальность. А я ведь так хотел обрести глубину в этой тиши... Тогда я спросил у оракула: «Что мне делать?», и из баюкающей зелени донеслось «Идти дальше!».

Зритель новой премьеры «Невиновных», среди которых был и автор этой статьи, вряд ли усомнится в ее достоинствах, принимая поэтическую исповедь писателя как есть, не сетуя на длинноты. Мы снова встречаемся с автором-путешественником, который на сей раз отправляется в странствие по лабиринтам собственной биографии и маленькой деревушки, связав-

шей его однажды прочной пуповиной с миром. На сей раз его *Я* разложено на повествующую и драматическую ипостаси, пытливо всматривающиеся друг в друга: оно то удаляется в прошлое, то возвращается в настоящее, прихватывая с собой спутников своей жизни, радетелей и мучеников родной деревни, среди них Вожака с женой и Незнакомкой, в дополнение к сему воздвигая фигуры аллегорические — Движителей слов обоего пола. Дальняя, витиеватая, с косогорами и равнинами, жизнью то на юру, то в горьком отшельничестве дорога бытия. А что Хандке законченный, вечный Агасфер-аутсайдер, известно.

Нам в России почти неизвестен такой театр упражняющегося в ритмах и смыслах языка, театр колдуна слов, — таковым является этот австриец, — наслаждаться мы им не умеем. Мысли о близком конце жестокого абсурдного мира, о «безъязыкости» человека, утратившего себя, перекрещиваются с тоской об утратах, воспоминаниями и заклинанием сна, которому бы продолжаться вечно. «Так я представлял себе конец света или его цель: совершенная тишина, в которой восстают лишь знаки текста., и все вместе, громким или тихим хором, их читают» (2007). Хандке теперь влечет «решительное бестемье», «известная страсть быть неясным», «скорее страсть к загуманиванию, чем к другой ясности, к не-, если не антидраматическому, а к эпическому» (2014). Станете возражать? Хандке: «Вам нужна «понятность»? Любой живой человек все еще понимает таинственное лучше всего».

Клаус Пайманн, ставящий Хандке в одиннадцатый раз, стремился передать суть мирозерцания постаревшего драматурга, смотрящего с опаской и негодованием на происходящее в мире — «дебри», в которых человека атаковали «демоны цивилизации» (из дневниковой записи драматурга). Размышления исполненного резиньяции героя-авторского Я (гибкий и подвижный как ртуть Кристоф Нель, актер Берлинского ансамбля) все время вертятся вокруг дороги в родную деревню, Гриффен, откуда он родом,

«улицы, ведущей на юг, в деревеньку с названием Руден... но действие пьесы происходит не в моей родной Коринтии... по этой дороге уже никто не ездит... там восседает сторож, это его царство... никто не должен вторгаться туда... невиновные идут оттуда. Они... невиновны... однако ж наложили кучу дерьма» (из интервью для журнала Бургтеатра).

Романтический чудака, герой Нель возвращается в мир своего детства, легко порхая по сцене, словно Гейне по Грацу, пытаюсь там найти укрытие от постылого современного мира; в дымке возникает нечто похожее на феллиниевские «Грустные воспоминания» — милые образы добропорядочных соседей, толстая женщина в красном, похожая на Градиску (художница по костюмам Маргит Коппердорфер). И вскоре обнаруживает там... порабощенную техникой деревенскую общину — вооруженная мобильниками, словно куча манекенов, она поднимается из-за горизонта. *Я* героя бесконечно одиноко, независимо от того, в какую сторону прошлого оно кидается. В настоящем исчез и язык детства, у бывших селян есть только язык толпы. Напрасно это клоунское *Я* объясняет избранную им роль, пытаюсь привлечь к себе внимание обрывками речи, пицалкой на губах. Станный человечек в белой рубашке с бабочкой, Нель находит шемающую графику танца по кругам сцены, то шатаюсь на ногах, то балансируя, наконец, стуча по-чаплински ножками по полу.

Странно, весело и печально нам из зала наблюдать это хождение героя в народ, так напоминающее наши русские народнические хождения. То он встречает восемь дервишей в белом, у которых вместо слов в горле сплошная каша, то своего, казалось бы, двойника, потерявшего веру и вернувшегося к простой жизни Вожака (Мартин Шваб), то милые сельчане вдруг объявляют его больным и опасным («идиот, который хочет тишины»), коллективом скандируют «Предатель!» и по-шутовски, отвесив издевательский поцелуй, распинают как Христа. Затем марионетки в белом устраивают задорную пляску вокруг него. Сатира на австрийскую

“Gemütlichkeit” (обывательский уют) переходит не в гротеск, а в бичевание юродствующего героя. Хождение в народ кончается для героя познанием «свободы рыбы в аквариуме», прощением с иллюзиями. Нель в истерике топтал кучу истлевших писем из прошлого, которыми усыпалась сцена, заклиная пепел; расправиться с прошлым ему могли помочь лишь жестокие ирония да сарказм: «ах, милые мои вы человеки!».

Эпопея австрийского «народника» на этом не кончается, во второй части спектакля стареющий герой продолжил свой эпический шаг в неостановимое время, решив вступить в диалог со своими «за сто лет ничуть не изменившимися» односельчанами. Напрасно пытается помочь ему здоровый, стойкий, жизнерадостный, умудренный сосед — Вожак (Мартин Шваб). Нель — новый мессия, решивший взять на себя роль спасителя, но толком не знающий, что же ему веского сказать этим обывателям «в день воскресения», при этом он бешено колотит себя руками по башке, все более превращаясь в юродивого. Вряд ли мы видели на западной сцене в последние годы такого героя и такую драму рассыпающегося социума, перекидывающую мостик от драмы социальных идей начала XIX века к веку тотального абсурда, когда спасение никому не по зубам, да и никого не интересует, и о протесте остается одно лишь жалкое воспоминание. Ни души рядом, только этот домик-пюпитр на куриной ножке. Кривляющемуся аутсайдеру достается лишь град оскорблений, листья с неба — воспоминание о прошлом, мечта стать птицей и воспарить над стоячим болотом бытия, да еще свидание (во сне ли, наяву ли?) с Незнакомкой (Регина Фрич), потерявшей на одной из дорог прошлого. «Незнакомка на краю проселочной дороги» действительно возникает в спектакле как тень, не успев материализоваться. Жизнь, признается герой, разделась на две части: на «когда она была» и на когда ее нет, в тоскливом сознании того, «чем была бы моя жизнь без тебя». Напрасно дрожащий как тростинка герой устремляет на нее свои взо-

ры («все бинокли») — она уходит под птичий крик с небес, как у Блока, не оглянувшись. Нель (Я) широким шагом шагает вслед за ней — в никуда. Нелю, как остроумно заметил критик газеты «Ви Вельт», удалось за короткое время покорить зал, сделать то, что Клаусу-Марию Брандауэру в «Лире» Петера Штайна не удается сделать и за шесть часов.

Разрушитель мещанского благополучия в «Поругании публики» (1966, Франкфурт-на-Майне), ныне режиссер присягает театру Хандке-поэта. И верно то, что писал «Шпигель»: «Каждый жест, каждый взгляд, каждое птичье перышко, падающее сверху на сцену, отточены и кричат: «Театр!» (28.2.2016):

В комическом финале после того, как герой задернул за собой легкий черный занавес и снова ернически распахнул его, Хандке его устами признается: «не судите меня строго, я не человек драмы». Нель, худосочный арлекин, дробно затопал ножками, на прощанье выдав еще и лепет неспособного написать драму. Но он нашептывал нам битых три часа поэзию бредущего по краю грустных воспоминаний Я. И мы нерасстанемся с етекучей тонкой струйкой.

Приложение

«ВРЕМЯ, КОГДА МЫ НИЧЕГО ДРУГ О ДРУГЕ НЕ ЗНАЛИ»

Фрагмент. Перевод Владимира Колязина

<...> Свободная площадь в ярком свете; точно волны прибой на крошечный островок, на нее время от времени накатывают волны шума.

Свист сурка, клекот орла.

Призрачно краткий стрекот цикады.

На небольшой телеге двое тащат колонну, положив ее наискосок.

Мужчина идет за женщиной, и тотчас же, как будто они успели за площадью быстро сделать круг, — женщина за мужчиной; она заступает ему дорогу, он хочет пройти мимо, она опять заступает ему дорогу, и когда он опять пытается с нею разминуться, вцепляется в его накидку, он вырывается и, полуголый, убегает прочь,

а женщина, не глядя, протягивает, так сказать, «материал» третьему, который только что откуда-то подошел, после чего новоприбывший большими шагами пускается вдогонку за первым, а за ним по пятам следует женщина, путь которой на полдороге пересекает небольшая группа бодрых пенсионеров-туристов.

Одиноким старик идет навстречу этой группе, тоже с палкой, с которой он ни с того ни с сего набрасывается на туристов, они, со своей стороны, тотчас отбиваются своими палками, из чего возникает фехтовальный поединок, продолжающийся, пока одиночка не обращает своих противников в бегство и в молчании продолжает свой путь.

Какое-то время кажется, будто через площадь идут только старцы, причем всегда одни и те же и в одном и том же направлении: появляясь на одной стороне, исчезая на другой, снова возникая на прежней, они выписывают свои вечные круги то как медленно подвигающаяся очередь, то как процессия вельмож в мантиях, то как сельские жители, навьюченные снопами, оплетенными бутылками с вином, гирляндами кукурузных початков в процессии по случаю праздника урожая, то как ветераны с соответствующими атрибутами, и наконец, просто как одинокие старики, каждый сам по себе, более или менее бойкие, опять-таки то обгоняя друг друга, то идя друг другу навстречу, один нет-нет да и отходит в сторону и, пока остальные продолжают ходить по кругу, плетется с краю, шаркая ногами, следующий отходит на другой край, стоит там с палкой, ища стену, карниз, для головы, для рук, для ног, потом начинает дрожать всем телом, но при этом с невозмутимым лицом, которое кажется еще спокойнее и бледнее, когда теперь в одном из переулков раздается детский крик, смолкает, вновь разносится по округе крик ужаса и беды, который заглушает даже начинающееся затем интенсивное хождение туда и обратно всевозможных прохожих, в 190-м числе небрежно воцарающейся на сцене киногруппы, которой на момент пересечения площади принадлежит весь городок вкупе с коренным населением и приезжими, хотя он явно не является местом съемки; и в этой суете, на заднем плане, у горизонта, сопровождаемое детским криком, трясется последнее, замыкающее процессию стариков, круглое, как луна, лицо, впрочем, так медленно, что в непрерывном тике ясно различим каждый отдельный, резкий подъем головы, адресованный тому, кто остался в толчее и, вероятно, наблюдал за ним, однако безуспешно (или это не те глаза, которые он искал).

К этому эпизоду тотчас примыкают несколько более коротких, в которых участвует только молодежь — она переходит площадь, огибает, пересекает ее вдоль и поперек; то одни лишь мужчины, то вдруг одни женщины.

Потом спешат, каждый своей дорогой, мужчина, переодетый женщиной, и женщина, переодетая мужчиной; на бегу они, одну за другой, теряют части своей одежды, подбирают их, бегут дальше.

Меж тем некто прошел мимо совсем молодым, а теперь возвращается обратно уже постаревшим, узнаваемый не по походке, а по лицу и волосам, и где-нибудь совсем в другом месте (ребенок давно уже успокоился) гуляют по свету тоже облаченные в восточные одежды двое юнцов, обнявшись по-братски, один из которых несет па согнутом крючком пальце большую рыбину, а тем временем где-то совсем в другом месте Эней несет на закорках через площадь своего седовласого отца, держа в руках свиток, который дымится и горит.

Пауза

Площадь, блистающая пустотой.

Привычно прогрохотал где-то позади одинокий мотоциклист, невидимый; после этого над сценой слышится треск пропеллера.

Затем снова шум проносится по кругу.

Снова по площади проходит Папагено, вместо костюма из перьев на нем костюм из бренчащих раковин, птичья клетка у него в руках пуста и настезь распахнута.

Непонятно кто, пряча руку под широко раздувшимся пальто, идет за ним, и Папагено все чаще и чаще оглядывается на него, а тот, другой, следует за ним прямо-таки по пятам, копируя каждый его поворот, каждый зигзаг.

Только когда он затем на ходу откусывает яблоко, а из-под пальто появляется пакет детских памперсов, человек в костюме из ракушек снова устремляет взор вперед и по пути как-то наигранно-беззаботно кружится вокруг своей оси.

И вот уже идущий следом догоняет его, связывает ему руки за спиной, ударяет его свертком по затылку, так что тот падает на землю и лежит неподвижно, а сам уходит, громко хрустя яблоком и размахивая пакетом с памперсами.

В то время как побитый, судорожно зажав клетку в руках, ползет за ним следом, на сцену выходит не-

кий странник, несущий на голове не что-нибудь, а дочиста отмытый дождями пень, корнями кверху, затем, оглянувшись вокруг, сбрасывает его наземь и садится как на табурет — корни вместо ножек.

Пока он разворачивает карту, через площадь внезапно пробегают несколько солдат, мгновение спустя они, уменьшившись числом, еще раз выбегают с той же самой стороны и мчатся мимо, а под конец превращаются в одного-единственного беженца, который, задыхаясь, вертя туда-сюда головой, вдруг раскидывает руки, будто добрался до места, не торопясь, присоединяется к сидящему на пне, обходит его кругом, поднятием руки приветствуя, так сказать, торжественное вступление двух следующих группок: одна тащит мимо бедуйнский шатер, другая везет на тачке вдребезги разбитый памятник; странник тем временем разулся и вытряхивает из ботинок камешки и песок, просеивая их сквозь пальцы.

Между тем снова появляется одна из женщин, беременная, с нагруженной доверху тележкой из супермаркета, в сопровождении мужчины; эта пара постепенно останавливается, выйдя на свет, и обнимается по всем правилам искусства — женщина одновременно еще и толкает тележку туда-сюда.

Они продолжают свой путь, женщина теперь несет на голове обвязанную белым платком корзину, мужчина везет тележку следом за ней, на некотором расстоянии; а тем временем через 192 сценическую площадку гордо шествует какой-то мужчина с разборной моделью на вытянутых руках: вместо уменьшенной модели пустой площади на сей раз это огромная, выше человеческого роста, модель классического лабиринта, и идущий пытается выписать ногами на площади его контуры.

В то время как он, как бы петляя по лабиринту, удаляется, уже выходит следующий, снова мужчина со скатанным в рулон ковром или дорожкой, которая, однако, развернувшись по диагонали через всю площадь, оказывается проселочной дорогой, с глинисто-желтыми колеями и полоской травы посередине; двое прибывших первыми, прежде чем снова сесть на свои места, не долго думая, спешат ему на помощь, под конец утрамбовав дорогу.

Принесший дорожку человек, сделав дело, усаживается на обочине, поодаль от двух других, в позе лотоса.

А мимо уже проходят первые путники — Авраам и Исаак, отец на шаг отстает от сына, которого держит одной рукой за плечо и подталкивает перед собой, другая рука держит за спиной жертвенный нож; за ними идут: неопределенная пара, которая внезапно преобразуется в царя и царицу, «старый ростовщик», который на короткий промежуток времени превращается в скачущего вприпрыжку; герой американского вестерна «Ровно в полдень», который, останавливаясь, превращается в костыляющего инвалида, в карманного воришку, в отбивающего ритм, дирижирующего в воздухе, трясущего головой, который внезапно превращается в размеренно-тихого писца, с помощью записной книжки, вынутой из-под мышки, а затем в волшебника, — спрятав блокнот, он незаметно достает шарик из горного хрусталя, на мгновение собирающий в пучок свет всей площади, — и сразу же сам все расколдовывает хлопком бумажного кулыка. <... >

Примечание

¹ *Peter Handke, Briefe über das Theater (1), in Theater heute 1967 Heft 2, 37.*

© Текст: Владимир Колязин

ВЛАДИМИР КОЛЯЗИН — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, театровед, германист, переводчик с немецкого (в его переводах выходили Э. Елинек, М. Фриш, Х. Мюллер и др.), автор многих научных статей и книг (последняя - «Петер Штайн. Судьба одного театра»), куратор выставок «Москва–Берлин» (1995–1996), «Мейерхольд и Германия» (2004), ряда культурных проектов Института им. Гёте в Москве, выступает с лекциями и докладами в университетах Германии, Австрии, Швейцарии.

Александр ГЕЛЬМАН

стихи

Александр Исаакович Гельман (род. в 1933 г.) — знаменитый драматург, публицист, общественный и политический деятель. В последние десять лет стал писать стихи, вышли уже три его поэтические книги, одна из них — переводе на французский. Сегодня Гельман — прежде всего — поэт. А за выдающийся вклад в театральное искусство в 2019 г. стал лауреатом премии «Золотая маска».

Я теперь в основном расположен
внутри себя —
обнаружил столько неизведанных мест,
тайн, зарытых в складках памяти загадок.
Но кому это нужно —
разбираться в себе до конца
перед самым концом,
присоединять
что-то к ничто?

* * *

Если что-то тянется долго,
даже если это война,
даже если это рабство, —
невозможно не привыкнуть.
Люди созданы Богом — привыкающими,
правители этим пользуются,
заставляют нас привыкать
к чему привыкать нельзя,
а не привыкать невозможно.
Они превратили ужас в привычку:
и для тех, кто его творит,
и для тех, кто его терпит.

* * *

Бог помогает слабым,
но любит сильных,
Бог ценит верных, преданных,
но любит грешных —
что это значит, о чем это говорит,
не знаю

* * *

О мой народ, русский мой народ,
мой, еврея, русский народ,
твой язык, буквы, звуки твоей речи
научили меня быть человеком —
распознавать, отличать,
идти навстречу, отворачиваться —
меня ты научил, себя не научил.
Веками жить
среди такого безмерного сочувствия
русского слова человеку,
а на флаге своем написать:
«жизнь — копейка».
Слова твоих великих учителей
все еще ждут,
все еще надеются,
плачут.

* * *

Тонкая политика для грубых целей —
какое упорство притворства!
Нынче в России искусство политики
превосходит искусство искусства,
народ-зритель околдован, ликует,
целует следы на снегу
от сапог властителей,
готов на все ради ничего.

* * *

Вот идет человек,
он ни разу в жизни не подумал о том,
о чем я думаю каждый день,
он всю жизнь всеми силами
стремился стать таким,
каким я пуще смерти боялся стать.
Господи, как Ты можешь
не мешать нам
до такой степени отличаться друг от друга,
что нам не жалко друг друга убивать?

* * *

Дайте свободу памяти,
распеленайте ее,
чтоб ей было наплевать на все,
кроме того, что она помнит.
Нет у нас другого защитника,
кроме свободной памяти,
которой наплевать на все,
кроме того, что она помнит.

* * *

«Всё больше» больше не будет.
«Всё меньше» пришло на царство,
но царствовать ему недолго,

император Капут
уже готовится выступить
в наши пределы.

* * *

Безгрешный поэт,
чтоб написать бессмертные стихи
придумывает себе грехи,
придумывает сражения, которые проиграл,
женщин, которые ему изменяли,
задает кощунственные вопросы:
«Может ли Бог, поскольку он может всё,
сотворить еще одного Бога?»
Он готов обрушить на мир новый потоп
ради трех гениальных строк.

* * *

Что произойдет с душой,
когда она освободится от моего тела:
Запоет? Заплачет? Расхохочется?

* * *

Я закрываю глаза, затыкаю уши —
успокойтесь, мои мысли, дети мои,
не толкайтесь, уступайте дорогу друг другу,
отвяжитесь, отключитесь
от этих безумных дней —
пусть хотя бы у меня в голове
установится мир и покой.
Слушай только меня,
моя голова!..

* * *

О, старость — молодость мудрости,
яркость последних мыслей,
не скованных страхом жизни.

Памяти Вячеслава Пьецуха

ad memoriam

ВИКТОР ЯРОШЕНКО

Уходят друзья, ровесники, поколение наше тает. Вот за Колей Климонтовичем, еще одним прекрасным писателем из той компании еще не сгоревшего Манежа, авторов «Октября», отправился Слава Пьецух. Он был с первого номера членом редколлегии журнала «Вестник Европы».

Он много написал, даже вышло «Собрание сочинений», что, по нынешним временам, событие нечастое. Не в беседе, не в споре за рюмкой, а именно в текстах своих он оказывался язвительным и изощренным полемистом, проникающим в ткань событий. Он был не «домашний философ», как кто-то его назвал, а именно писатель, ищущий «впотьмах» русской жизни смысла, света и надежды.

Вячеслав Пьецух с женой Ириной Ефимович-Пьецух.
© Фото: Лев Мелников

Пьецух предлагал как чтение, как сюжет, именно непрерывный процесс собственного думания — парадоксальный, нелогичный, но убедительный, как русская жизнь. Пройдет несколько лет, и, может быть, выяснится, что именно Пьецух своими книгами создавал самую адекватную картину нашего абсурдного бытования, бесконечного переходного периода из ниоткуда в никуда.

АНАТОЛИЙ КУРЧАТКИН

Его, кажется, всем было трудно называть полным именем. Слава и Слава, только так. В нем была некая несерьезность. Он словно бы все делал невзавраду. Говорил невзавраду. Писал невзавраду. Легкий, не грузящий читателя стиль, как бы такой трёп с ним: вот у меня тут такое, вот я тебе что об этом скажу, не знаю, как и относиться, смешно, да? — а вообще-то печально... Одну из первых его вещей помню — о своих взаимоотношениях с пишущей машинкой. Ну, что тут, казалось бы, напишешь? Долбишь по ней и долбишь, она ошибки делает, третий-четвертый экземпляры как следует не пробивает. А он целый рассказ об этом, и так хорошо, так увлекательно, читаешь — даже не понимаешь, почему читаешь, ведь ни о чем сущем, а интересно, оторваться не можешь!

У Славы был редкий, может быть, даже редчайший дар: устного рассказчика, способного устную манеру, живое собеседничество — даже, в известной мере, такой застольный трёп — превратить в феномен письменной речи. В этом и была его главная особенность, его неповторимая индивидуальность. Иногда это было глубоко, сущностно, пронзительно, иногда оставалось на уровне вот того застольного трёпа, но всегда, непременно, без исключения это было интересно и увлекательно, начал читать — не оторвешься. Не всякому читателю такая манера нравилась, но какой писатель нравится всем? Даже Пушкина с небес («солнце нашей поэзии») пытаются спустить, не говоря уже о Толстом и Достоевском.

Как это стало хорошим тоном в нашей литературе последние десятилетие-полтора — не замечать работы писателей, что старше пятидесяти, Славу в эти годы тоже не особо замечали. Ну, печатает что-то по журналам, ну, издал там книгу — не до него, некогда, да он что, жив еще?!

Вот и всё, умер. Прекрасный русский писатель. Своеобразный, сильный, неповторимый. Прощай, Слава! Я тебя любил, хотя, кажется, ни разу этого не сказал. А любил ли ты меня... это теперь уже не имеет значения.

ЕВГЕНИЙ ЕРМОЛИН

Вячеслав Пьецух: письма неизвестному читателю

Начнешь читать и зачитаешься. Проза Вячеслава Пьецуха обладает этим качеством: она засасывает в воронку своих смыслов, и уже ни о чем не бросишь, если начал следовать за автором по маршруту его замысловатых рассуждений.

Перво-наперво — неповторимая интонация, легко позволяющая угадать авторство. Диковинный, в самом деле, сплав: отчаянная искренность и простодушие — и непринужденный изыск, доходящий до весьма-таки замысловатого, рафинированного плетения словес; взвешенный тон, чуждый экстреме, восторгам и патетике, — и иронический, слегка даже скептический подход «без придыханья» ко всему на свете; смирение перед властью высших истин — и милосердное снисхождение к блуждающему в трех соснах человечеству.

Интонация эта, выработанная опытами жизни, бросает вызов банальному журнализму и фельетонистике, оккупировавшим литературную песочницу. И без ее, авторской интонации, сочувственной дегустации совершенно не понять, что за автор Вячеслав Пьецух и какое место он занимает в контексте актуальной словесности и культурной традиции.

А кто ее не слышит, тому, может статься, нужен вовсе не наш герой и не его проза.

Откуда родилась такая интонация, как сложилась она и возобладала в речевом послыле автора? Моя гипотеза: Вячеслав Пьецух в поиске адекватной формы художественного высказывания стал мало-помалу писать письма читателю. Да так и не может остановиться. Он философствует, не разделяя, как это в XX веке сплошь и рядом у нас случалось, писательство и философствование. То есть — возвращается к классической русской традиции, когда лучшие философы России были, как известно, и ее писателями, а Пушкин с Чаадаевым состояли в переписке. Причем образ не встает в дидактическую логику поучения или суждения о нравах, а становится средством, инструментом исследования, осмысления жизни в ее сути и приведения ее к некоей почти универсальной формуле. Так ему удобно. «Литература иначе не работает. Литература — это формулировка».

Пьецух — писатель редкостно центристский. Историософия, русская тема; человек, русский человек. Россия, русская культура, русская литература, русский писатель. Вот пространство его рефлексии.

Это труд, которому отданы годы. Он берет серьезные темы и работает над ними без устали, но и в охотку. Так что, какая, например, ни случись нечаянная катастрофа, читатель будущего, собирая прошлое России по частям, не пройдет мимо этих сочинений, и мы знаем почему. Да, потому, что сегодня редко кем (почти никем не) сказано так дельно и так по сути о русском человеке и вечной России, мало кто с таким умом и вкусом художественно оформил на рубеже XX–XXI веков наш замысловатый исторический момент, переведя его на язык авторских жанра и стиля.

Что есть русская история, взятая оптом? Сборник анекдотов. Что есть русский человек? Персонаж анекдота.

По крайней мере, такая догадка рождается, когда фиксируешь самобытно-анекдотическую основу чуть ли не всех его историй. «Вся наша российская жизнь есть ни мытье, ни катанье, а разве что именно унылый и фантастический

анекдот». Не типовое, а случайное. Улыбки и гримасы жизни. Эфемерная ткань событий. <...>

Удивленный юмор вперемешку со смирением дает в сумме эффект не сатиры, а скорее смеха сквозь слезы. «Но любовь к России объясняется тем, что мы-то ее любим, а она нас нет, а это любовь самая острая, самая злая, не проходящая никогда. Потому нам желательно жить в России, как рыбе желательно жить в воде».

Есть для писателя великая истина в пословице «Россия, что мать родная, какая есть, такая и слава богу».

Точно так же и человек как таковой у Пьецуха: любим не за что. Просто так. Писатель не умеет презирать или ненавидеть никакого героя. Терпимость и интерес к людям у него вырастают в иной масштаб — масштаб человеколюбия, всепонимания, сердечности. <...>

Выбор, который Пьецух раз и навсегда совершил, делает его заложником прекрасного прошлого. Отчаяние хорошо уравновешено; трагические разговоры переведены в план остуженного монолога, спокойного рассуждения; надрыв отсутствует в принципе. Зыбь и хаос жизни претворены в неизменно гладкий, ровный, отчетливый, щедрый на мотто «французский» слог. Непринужденная бодрость и регулярная веселость здесь явно доминируют. Перед нами здоровый, трезвый, светлый, позитивно настроенный человек, создавший надежные книги — не для того чтобы запугать, а для того, чтобы пролить свет в мрачные закоулки мира и души.

Наговорив эпохе и своим читателям кучу неприятных для их самолюбия вещей, сам Пьецух не теряет надежды. Нет, он не патологический бодрячок-оптимист. Но он верит в тайну, в замысловатые, непостижимые пути Провидения, в небесную высшую математику, в глубины человеческого сердца, иррационально отзывающегося на высокий зов, когда для того, кажется, нет никаких условий и предпосылок.

«Мы свидетели затуханий культуры, национальности, страны». Он, эпилог, может быть длинным или коротким, но качественно это — итоговые, последние страницы грандиозного

нарратива, за которыми что-то совсем иное, имеющее очень косвенное отношение к содержанию кончающейся истории.

Проза Пьецуха поэтому — сильное своей последовательностью, твердостью в заявлении нелестных истин финальное размышление о себе и о мире. Проза окончательного, последнего

опыта. Последнего — в центральном смысле — как итогового, взявшего у традиции все и осуществившего личный выбор самой главной сути. Это, если искать исторических аналогий, та самая эллинистическая оскомина, которая остается на зубах после того, как кончился античный виноград.

На обложке:

Никос Экономулос

Greece, Arahova
St George festival

*Господам авторам!
Пишите в «Вестник Европы»!
Ваши тексты
не потеряются в истории.*

